ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владимиръ Мономахъ.

1861

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Ноября 24 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

XXXV.

Прочитавши 11 псалóмъ.

Мій Бóже мúлий! я́къ то мáло
Святúхъ людéй на свíті стáло!..
Одúнъ на дрýгого кують
Кайдáни въ сéрці.... а словáми,
Медоточúвими устáми —
Цілýются, и чáсу ждуть,
Чи швúдко брáта въ домовúні
Зъ гостéй на цвúнтарь повезýть?...
А ти, о Гóсподи едúний,
Скуéшъ лукáвіі устá,
Язúкъ отóй велерічúвий,
Мовля́вший: »ми — не суетá,
И возвели́чимо на дúво —
И рóзумъ нашъ, и нашъ язúкъ....
Та й дé той Панъ, що намъ закáже
И дýмать тáкъ и говорúть?«
»Воскрéсну я!« той Панъ вамъ скáже:
Воскрéсну нúні, рáди іхъ,
Людéй закóванихъ моіхъ —
Убóгихъ нúщихъ... Возвели́чу
Малúхъ отúхъ рабóвъ похúлихъ!
Я на сторóжі коло іхъ
Постáвлю *слóво*.«
И понúче,
Неná́че стóптана трава́,
И дýмка ва́ша и слова́. —

Неná́че срібло кýте, бúте
И семикрáти перели́те
Огнéмъ въ горни́лі, — словеса́
Твоі, о Гóсподи, такúі.
Роскúнь же іхъ, твоі святúі,
По всій землі!.. И чудеса́мъ
Твоíмъ увíрують на свíті
Твоі малі убóгі дíти!

15 февраля 1859 р.

XXXVI.

Чи ви ще зійдетеся зно́ву,
Чи вже на-віки розійшли́сь,
И сло́во пра́вди и любо́ви
Въ степи́-верте́пи понесли́?
Нехай и та́къ!... не на́ша ма́ти,
А довело́ся поважа́ти.
То во́ля Го́спода!.. Годіть,
Смирітеся, молітесь Бо́гу
И зга́дуйте оди́нъ друго́го,
Свою́ Украі́ну любіть.
Любіть її, бо вре́мя лю́тe...
Въ оста́нню, тя́жкую мину́ту
За не́і Го́спода моліть!

1847 р.

XXXVII.

Надъ Дніпро́вою саго́ю
Стоіть я́воръ міжъ лозо́ю,
Міжъ лозо́ю зъ яли́ною,
Зъ черво́ною кали́ною.

Дніпро́ бе́регъ ри́е-ри́е,
Яворові ко́рінь ми́е;
Стоіть стари́й, похили́вся,
Мовъ коза́къ той зажури́вся, —

Що безъ до́лі, безъ роди́ни
Та безъ ві́рної дружи́ни,
Безъ дружи́ні и надії
Въ самоти́ні посивіе!

Явіръ ка́же: похило́ся,
Та въ Дніпро́ві скупа́юся;
Коза́къ ка́же: погуля́ю,
Та лю́бої пошука́ю.

А кали́на зъ яли́ною
Та гнучко́ю лози́ною,
Мовъ дівча́точка изъ га́ю
Вихожа́ючи, співа́ють, —

Повбірані, заквічані
Та зъ талано́мъ зару́чені,
Ду́мки-га́доньки не ма́ють —
Вьіо́тця-гну́тця та співа́ють...

24 іюня 1860 г.
СПБ.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

1) ДО Я. Г. КУХАРЕНКА (1).

ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ.

1 апреля 1854.

Я оце сижу та сидячи думаю: Господи, Господи, якъ то швидко ті літá минають! молодиі то ще такъ и сякъ, а що вже ті старі (погані літа!), то такъ и литять, неначе той шуліка за куркою... такъ вони за нашою мерзеною грішною душою.

Я оце сидячи лічу літа та долічуюсь до того року, якъ ми съ тобою вперше побачились. Угадай, чи багато я налічивъ іхъ, тихъ нікчемеииихъ, марнихъ літъ? трохи чи не буде чотирнадцять, коли не брешу. А якъ матимешъ часъ, то самъ здоровъ перелічи. Остатній листъ твій получивъ я року Божого 1846 *(7)*, въ Миргороді. И того жъ Божого року, написавши тобі листъ, и гарненько властними руками, у тімъ же богоспасаемомъ граді Миргороді, отдавши на почту, поіхавъ собі гарненько въ престольний градъ Москву. Отъ, не маючи гáдки, приіхавъ я у тую Москву, та й гуляю собі по улицяхъ, звичайне якъ чоловікъ иностранний; — розглядую собі то церкви то собори, тілько — глядь, — ажъ иде Чорноморець. Отъ, спинивши ёго, й питаю — чи давно съ Коша и чи далеко Господь несе? — »Съ Коша«, каже, »шоста, чи сёма, неділя, а гируемо ажъ у саму столицю Петербургъ.« — Отъ, я й питаю ёго про Шамрая — маляра, про

(1) Вся Украіна, разомъ зъ нами, подякуе високоповажному Я. Г. Кухаренкові и слáвному артúстові М. С. Щéпкину, що ласкаво згодúлись напечатать оці дорогі лúсти незабутнёго нашого *Кобзаря*, (іхъ ми списали, съ подлинниківъ, слово-въ-слово). — Просимо всіхъ, хто мае у себе листи Тараса Григоровича пойти въ слідъ за Я. Г. Кухаренкомъ и М. С. Щепкинимъ; бо лúсти Шевченка теперъ вже сталися власністю всеі рідноі землі, — всеі Славьянщини. *Ред*

Порохню, та й кажу ёму: — А що́ то тамъ поробля́е нашъ Кошови́й, Кухаре́нко? — »Який«, каже, »Кухаренко?« — Та Яцько, — кажу! — »Эге«, каже: »ёго на Зеленихъ Святкахъ поховали«. — Отъ тобі й на! — подумавъ я собі: — чи давно чоловікъ мені ра́дивъ, шобъ я бивъ лихомъ объ землю, якъ той швець мокрою халявою объ лаву... а ёго вже й поховали! Попрощавшися зъ Чорноморцемъ, зайшовъ у якусь стару-престару церковъ, одправивъ по твоій душі панахиду, та й пішовъ собі знову блукать, по закарлючистихъ улицяхъ московськихъ, ажъ до самого вечора. У вечері зайшовъ у тіатръ, та згадавъ твій *Чорноморський По́битъ* (1). Вийшовъ изъ тіатру, та цілісіньку нічъ не знавъ уже що́ съ собою й робить. Такъ мені тебе жаль стало!

Съ тиждень, чи й більшъ, блукавъ я після того по тій Москві, — тілько вже не лічивъ воронъ на Йвану великому, а все дивився по улицяхъ, чи не зостріну де́ хочъ поганенького Чорноморця, щобъ досконалне роспитать про тебе, друже мій единий! Бо мені все якось здавалось, що ти живий и здоровий (воно та́къ-таки и було собі, благодарить Господа милосердого), а Чорноморець той мерзенний, уповательно думаю собі, що ніхто инший, якъ самъ сатана (бодай вінъ здохъ!). Скинувши свою повшедну одежу (німецький куций жупанокъ), та надівъ чорноморську доста́тню одежу, щобъ почванитьця передъ московками підъ *Новинськимъ*, або на *Трубі*, або на *Козихі*. Та правда, въ Москві всюди есть де́ пощиголять, а особливе такому козакові якъ сатана.

Отъ я, управши въ Москві що́ мені тамъ треба було, вернувся знову въ Київъ и тілько-що ступивъ на Дніпровський бай-

(1) Такъ високоповажний *Яковъ Гарасимовичъ Кухаренко* назвавъ свою оперетту, зложену ще 1836 року, въ двохъ частяхъ. Зъ ёго ласки, *Чорноморський Побитъ* уже въ нашихъ рукахъ, и ми незабаромъ ёго напечатаемо. Тутъ показуетця:

Якъ бува́ло на Куба́ні,
Черво́ній відъ кро́ві;
Якъ тамъ ді́лось въ коза́стві
На Вкраїні но́вій;
Якъ тамъ сва́тались, жени́лись
На́ші Чорномо́рці,
Обселя́лись, воюва́ли
Й добува́лись въ Горцівъ

(*Зъ передмови до Ч. Побиту, Я. Г. Кухаренка*). *Ред.*

дакъ... такъ за мною таке трапилося, що противъ ночи не треба бъ було и розказувать, а то ще, прокляте, приснитця. Мене, по правді сказать, риштовали, та посадивши, зъ кімъ слідъ, на возокъ, привезли ажъ у самий Петербургъ. — — Черезъ півроку *(2 місяці)* вивели мене на світъ Божий, та зновъ посадили мене на чортопхайку та одвезли ажъ у Оренбургъ, а въ Оренбурсі и до пріёму не водивши, наділи на мене салдацьку (муни́цію), и такъ съ того часу, друже мій единий, я ставъ салдатомъ. Не зробивъ я и не думавъ я, отамане батьку мій, кому-небудь лихого, а терплю горе и Богъ ёго зна́ — за́ що? Така, мабуть, уже усімъ кобзарямъ погана доля, якъ и мені, недоте́пному, випала. Сёмий рікъ оце пішовъ зъ апреля *(зъ іюня)*, якъ я нужу світомъ въ Киргизькімъ, безводнімъ и безлюднімъ, степу́.

Вернувшися торікъ изъ Аральского моря въ Оренбургъ, та сидячи ввечері у одного земляка свого (мене, спасибі, земляки таки не цураютця), та сидячи перебіраю старий *Руський Инвалидъ*. Коли — зірку, — ажъ надрюковано, що такий-то Яцько Кухаренко назначаетця въ таке и таке військо Кошовимъ. Ну, такъ и есть, що то мені въ Москві зострівся ніхто другий, якъ самъ продівъ синъ, сатана! Та й справді, яка-таки недобра сила понесе Чорноморця въ Москву? Чого вінъ тамъ не бачивъ? Адже Чорноморці съ Коша прямують на столицю черезъ Курське, черезъ Орелъ, та на Смоленське, а не на Москву. Ажъ теперъ тілько догадався, що я хочъ и въ школі вчився, а самъ бачу що дурень. Та ще хто и одурівъ? Сатана, ледачий синъ, бодай ёму и въ пеклі добра не було!

Друга половина первого листу, особо послана.

10 апреля.

Христосъ воскресе! Друже мій единий!

Поки Христа дочитуютця, то я тимъ часомъ допишу оцей нікчемний листъ; та воно, по-правді сказавши, давно бъ его треба завершить, такъ шожъ ти маешъ робить? — ніколи, — та́къ ніколи, що за лежею нема коли и посидіть. Ти, я думаю, бачивъ коли-небудь Кавказькиі укріпленія, то, певне, бачивъ що́ тамъ и поробляе людъ хрещений? Отакъ достеменно и у насъ, въ Новопетровськімъ укріпленіі, а найпаче — зімою: лежемо собі цілісіньку зіму, та ждемо весни та пароходу изъ Астрахані. Цю

весну щось довгенько его нема, — чи не було тамъ у васъ зими лютої часомъ? у насъ, благодарить Бога, снігу и невидно було.

Вернімося трохи назадъ. Такъ отакъ-то, друже мій единий! прочитавши въ тімъ *Инвалиді*, що ти, благодарить Господа милосердого, живий и здоровий, я, трохи не рікъ, усе застругувавъ перо, шобъ написать до тебе листъ, а тимъ часомъ мене изъ Оренбурга вислали въ Новопетровське укріпленіе, а тутъ... думавъ я, думавъ, та й така зъ нудьги проклята думка напала: »Що́ я ему напишу? Може вінъ теперъ на своему Коші забувъ, якъ мене й зовуть... Та ні«, думаю: »не такий козакъ! хочъ вінъ теперъ, думаю, и кошовимъ, а все-таки повиненъ остатьця добримъ козакомъ.

16 апреля.

Завтра, слава Богу, одъ насъ пароходъ повезе почту, а коли-то вінъ привезе одъ тебе, друже мій единий, листъ, то вже цёго й самъ найстарший не скаже.

Згадуй мене инколи, друже мій! а якъ часъ матимишъ, то й напиши мені, якъ ти тамъ у тому *Азові* самъ пробуваешъ? Стара твоя — чи бгае ще, хочъ якъ-небудь, *метéлицю?* сини - соколи твої — дé вони теперъ повертаютця? Поцілуй іхъ, друже мій, за мене. Скажи імъ, що се, мовъ, васъ цілуе той старий дядько, що зъ вами цілувався колись у Царському Селі. Добре було бъ, якъ би згадали! Та ні, не згадають! Малі були, забули, — то імъ нагадай, коли самъ здоровъ, згадаешъ, якъ ми зъ Бориспольцемъ зъ вами попрощалися, не доізжаючи Александровського корпусу.

А я й досі співаю, та може и довго ще співатиму, зга́дуючи дочку твою невеличку:

Тече річка невеличка зъ вишневого саду;
Кличе козакъ дівчинноньку собі на пора́ду...

Поцілуй ії за мене, друже мій.

Чи ти надрукувавъ свій *Чорноморський Пóбитъ?* Якъ що надрукувавъ, то ласкавий будь — пришли и мені хочъ одинъ экземпляръ.

У Харьківъ, до Метлинського, може инколи пишешъ, — то кланяйся ёму, и скажи, що я ще, на лихо мені, живий и здоровий, — блукаю, мовъ, по степахъ Киргизькихъ, та иноді и ёго згадую за ёго *Думки та ще дé-що.*

Живи, здоровий друже мій единий! Писавъ би тобі багато ще дé-чого про свою погану неволю, та, бачишъ, ніколи. У другому листі все до крихти напишу.

Будь здоровий! Нехай тобі Господь на все добре помагае!

Незабувай сироту *Т. Шевченка.*

Якъ шо дійде цей листъ до твоіхъ рукъ, и ти, прочитавши ёго, самъ собі скажишъ: — дé жъ-то вінъ, той Тарасъ? написать би ёму... Якъ шо тобі така думка прийде, то пиши такъ: *его вблагородію, И. А. У—ву, черезъ городъ Астрахань, а зимою — черезъ Гурьевъ-городокъ.*

Ще ось-що. Якъ що ти надрюкувавъ свій *Чорноморський Побитъ*, то пришли мені одинъ экземпляръ ради святоі(*двохъ слівъ не можна прочитать*):» За це въ другому листі опишу свій поганий — — побитъ. Бувай здоровъ, мені й Богу милий, мій единий друже! Нехай съ тобою все добре діетця! Не забувай безталанного *Т. Шевченка.*

ДРУГИЙ ЛИСТЪ.

22 апрѣля 1857. Новопетровское укрѣпленіе.

Христосъ воскресе! Батьку Отамане Кошовий!

Якъ-разъ на Великдень привезла мені астраханьска почта твое дружнее ласкавее письмо и 25-рублевую писанку. Зробивъ ти мені свято, друже мій единий! Таке свято, таке велике свято! що я и на тімъ світі не забуду. Не видержавъ, голубе мій сизий: (та який би ёго вражий синъ и видержавъ?): упився, та такъ щиро упився твоімъ могоричемъ, що ажъ голомозину собі роскроівъ. Отъ-що зробивъ ти мені своею — не такъ писанкою, якъ братнімъ щиримъ словомъ!

Тілько-що схаменувся я одъ твого слова, и взявъ уже перо въ руку щобъ написать тобі — *спасибі*, ажъ приходить изъ Гурьева почта и привозить мені листи изъ самого Питера. Одинъ пише молодий козакъ, Маркевичъ *(Андр. Мик.)* съ товариствомъ, и шле мені на починокъ трохи грошинятъ. Пише, що молоде товариство въ столиці складчину для мене зробило.... Треба було бъ и въ другий разъ упитьця, але я якось видержавъ. Тілько (безъ сорома казка) тихенько заплакавъ.... Другий листъ, изъ столиці жъ пише мені Курінний, Лазаревскій *(М. М.)* и упевняе мене,

що не забаромъ мене випустять изъ цієї широкої хурдиги. Вінъ пише, що добрий царь нашъ уже давъ приказъ розбивать моі кайдани. И плачу, и молюся, и все таки не вірю. Десять літъ неволі, друже мій единий, знівечили, убили мою и віру и надію. А вони були колись чисті, непорочні, якъ те дитяточко, взятее одъ купелі, — чисті и крішкі, якъ той самоцвітъ-камень ошлифованний! Але чого не зробить *риторта химська*? Я трохи-трохи не здурівъ на сімъ тижні. Та й тиждень же удався! Не дармо я ёго виглядавъ десять літъ. *Десять* літъ! Друже мій единий! вимовить страшно... а витерпіть? И за́ що витерпіть? цуръ ему!... а то я справді одурію. Теперъ думаю ось-якъ зробить: якъ дасть Богъ, дождуся съ корпусного штабу одпуску, то думаю навпростець черезъ Астрахань ушкварить на Чорноморію. Я ще ії зроду не бачивъ: треба хочъ на старість подивитьця, що́ то таке та славна Чорноморія; а поки те буде, посилаю теперъ тобі, друже мій единий, свое поличче. Нема въ мене, брате, нічого більшъ теперъ. Якъ дасть Господь милосердний приіду самъ на Січъ, то, може, щé який небудь привезу тобі гостинець. Одного боюся, щобъ не потребовали мене часомъ въ Оренбургъ. А може, дасть Богъ, що й не потребують? На-чортового-батька я імъ теперъ здався!

Чи старший Щепкинъ ще живий? Отъ щира козацька душа, и молода, якъ у дитини. Чи не пишешъ ти ёму часомъ? якъ пишешъ, то цілуй ёго за мене. Яку вінъ тамъ тобі *Пу́стку* (1) читавъ? Я — поганий зъ мене батько — забувъ свою рідну дитину.

Прислави мені, изъ Питера, Курінний, Панько Кулішъ, книгу своєї роботи, названу *Записки о Южной Руси*, писану нашимъ язикомъ. Не знаю, чи дійшла до Чорноморіи ся дуже-розумна и щира книга? Якъ-що не дійшла, то випиши: не будешъ каятьця. Такої доброї книги на нашому язику ще не було дрюковано. Тутъ живо вилитий и кобзарь, и гетьманъ и запорожець, и гайдамака, и вся старожитна наша Україна, якъ на долоні показана. Кулішъ тутъ свого нічого не додававъ, а тілько записавъ те, що́ чувъ одъ слішихъ кобзарівъ, а тимъ самимъ и книга его вийшла добра, щира и розумна. Послави би я тобі, друже мій единий, свій экземпляръ, але я ще самъ добре не начитався. Мене, спасибі, люди добрі книгами не забуваютъ. Нема-нема — та й

(1) Напечатана у 1-ій книжці *Основи*. *Ред.*

пришле хто-небудь. А журнала уже десятий рікъ и въ очі не бачивъ, и не знаю, що́ тамъ и дiється, въ тій новій, чи современній, літературі. Самъ не написавъ нічого, (да й якъ ёго було писать?) а теперъ уже и Богъ ёго святий знае, чи й напишу що́-небудь путнє. Я ще не дуже зостарівся, — та знівічився, мій друже единий. А може, дасть Господь милосердний, ще одпочину, та на старість попробую писать прозу. Объ віршахъ уже нічого й думать.

Прощай, мій единий друже! Може дасть Богъ, що се літо побачимось; а поки те буде — цілую тебе якъ брата рідного. А ти поцілуй за мене свою стару и перецілуй своіхъ діточокъ, и не забувай искренняго твоего друга, кобзаря *Т. Шевченка*.

Умісне пишу тобі на одному листочку, шобъ було де поличче положить и шобъ конвертъ не дуже важивъ.

ТРЕТІЙ ЛИСТЪ.

3 іюня 1857.

Батьку Отамане Кошовий,
и друже мій единий!

Постри́гъ ти мене въ брихуни своімъ братерськимъ листомъ и своею щирою писанкою! Я писавъ тобі, друже мій единий, що вже не втну нічого віршами. Отъ же й збрихавъ, — збрихавъ и не схаминувся. Правда, и самъ думавъ, що я вже зледащівъ, захолонувъ въ неволі; ажъ бачу — ні! Нікому тілько було огню положить підъ мое, горемъ недобите, старе серце, а ти, друже мий, догадався — взявъ та й підкинувъ того святого огню. Спасибі тобі, друже мій единий! Довго я читавъ твій листъ, разівъ зъ десять, чи не більше. Дочитався до того, що въ мене не тілько очі — серце заплакало, мовъ та голодна дитина. А серце, сказано, не дитина; ёго галушкою не нагодуешъ. — Що́ тутъ на світі робить? — думаю собі, — та вставши раненько, помолився Богу, закачавъ рукава та й заходився коло оціеі *Москалевої Криниці* (1). Богъ помігъ, — то сякъ, то такъ — кончивъ. Мені и полегшало трохи. Не знаю тілько, чи подобаетця вона тобі, мій друже единий? Якъ-що подобаетця, то дай доброму писареві переписать и *Криницю* и *Ченьця* (2), и *Вечі́ръ* (3), та пошли старому Щеп-

(1) Напечатана въ 3-ій книжці *Основи*.
(2) Напечатаний въ 1-ій книжці *Основи*. *Ред.*
(3) Напечатаний въ *Руській Бесѣдѣ* 1859 року.

кину: нехай на старість читає та не забуває безталанного кобзаря, *Тараса Дармограя*. Я умісне приписавъ *Ченьця* и *Вечіръ*, шобъ ти порівнявъ ёго зъ *Криницею*, бо *Криниця*, бачъ, сёго́літня, а *Чернець* и *Вечіръ* — Богъ-зна колишні. Чи помолодшавъ я черезъ десять літъ въ неволі, чи постарішавъ, сердцемъ, — скажи мені, мій брате рідний?

Ще ось-що: чи продаються у васъ на Коші *биноклі*, або хочъ добрі окуляри? Якъ-що ні, то нічого и читать мое писаніе, бо я такъ надрюкувавъ, що й самъ ледве читаю. Правда, у тебе есть синій зъ молодими очами, — то нехай вони по-троху розбирають, а ти тілько слухай та критику клади, — більшъ нічо́го.

Не знаю, чи получивъ ти мое поличче, завернуте въ невеличку цидулку? Я тамъ писавъ, що не забаромъ вирвуся изъ цієї неволі и приіду до тебе въ гості. Але ще й досі нема нічого офіціального. И хто ёго знае, коли воно буде те — офіціальне? Може ще й зімувать останусь за сімъ скаженнимъ моремъ. Але ти все-таки напиши мені, чи будешъ ти се літо на Коші, чи, може, знову підешъ *вражого черкеса — — — по кручахъ ганяти?* Бо якъ дасть мені Богъ вирватьця літомъ, то до кого я приіду, якъ тебе не буде на Коші? А щобъ швидче твое письмо прийшло въ мої руки, то пиши отакъ на конверті: *въ г. Астрахань, г. смотрителю госпиталя, Хр — ру М — чу Е — ву съ передачею Н — ю Ефр — чу Б — ву. Въ Новопетровское укрѣпленіе.*

Думавъ я тобі послать свій экземпляръ *Записокъ о Южной Руси*, але и самъ ще добре не начитався тихъ *Записокъ*. Дуже добра книга. *Могила*, кажуть, видае зборникъ нашихъ пісень. Нехай ёму Богъ помогае.

Пиши мені швиденько, — не покидай мене, друже мій, брате мій единий. Цілую всімъ сердцемъ твою стару и твоіхъ діточокъ.

Пор — ні, Лит — му и Ш—аю и всёму товариству, на Коші и за Кошемъ, доброго здоровья!

ЧЕТВЕРТИЙ ЛИСТЪ.

15 августа 1857.

Батьку Отамане Кошовий и
друже мій единий!

Я свободенъ, я уже въ Астрахані! Вчора бачився съ тимъ Ел—вимъ, на имя которого просивъ я тебе пересилать мені письмо объ *Москалевій Криниці*. Письма твого нема, и я теперъ не

знаю, що й думать, — бо вона вже давно тобі послана, ще 5 іюня. Може тебе дома нема, або-що? Думавъ я, ідучи въ столицю, завернуть до васъ на Січъ, поцілувать тебе, твою стару й твоіхъ діточокъ. Але не такъ воно робитця, якъ намъ хочетця. Мені велено одправитьця прямо въ столицю, лихий его знае — для чого? И я теперъ изъ Астрахані попростую на параході ажъ до Нижнёго-Новгорода, а тамъ, черезъ Москву, въ столицю. Але чи швидко я туди прибуду — святий знае. Я, въ Москві, побачуся зъ старимъ Щепкинимъ, и дуже добре зробивъ би ти, друже мій единий, якъ би черезъ его, хочъ одну стрічечку; напиши тілько, чи живъ ти, чи здоровъ, и чи получивъ мою *Москалеву Криницю?* Мене вона торбуе. А въ столицю пиши до мене такъ: *Въ С.Петербургъ, его в — благородію, М. М. Лазаревскому. Въ Большой Морской, въ домъ графа Уварова.*

Не пишу тобі більше, бо нема чого й писать, та й параходъ, спасибі ёму, не дае. Завтра попливу вверхъ *по матушкі по Волгі*, а поки що, цілую тебе, твою стару и твоіхъ діточокъ. Не забувай мене, друже мій единий. *Т. Шевченко.*

Чи получивъ ти мое поличче?

ПЬЯТИЙ ЛИСТЪ.

(Безъ числа).

Батько Отамане Кошовий!

Письмо твое, одъ 7 августа того (1857) року, изъ Екатеринодара, получивъ я 10 февраля сёго (1858) року, ажъ у Нижнёму-Новгороді. Пошукало-таки воно мене немало часу, та спасибі, що хочъ коли-небудь, а все-таки найшло; а то вже я незнавъ, що и думать про тебе. Думавъ уже, нехай Богъ милуе, чи не занапастивъ ти де-небудь своеі доброі голови на тому продовому Кавказі. А теперъ, слава Богу, бачу, що ти живий и здоровий и зъ жінкою и зъ діточками своіми. Нехай іхъ Богъ ховае на многі літа! У мене була думка пробратьця до тебе на хутіръ,— та ба! такъ думкою и осталась. Одъ 16 мая до 2 августа не давали знать изъ корпуса въ укрепленіе о тій свободі.... — Мало — — — було десяти літъ... Кровъ холоне якъ згадаю...

3 августа, вирвався я изъ того — — укрепленія, и черезъ море, Волгою, прямувавъ на столицю. Я боявся застрять у тебе до осени. Въ Нижнёму, мене спинили: — — Отаке-то лихо! Помилували, та тілько до половини. Сівъ у цёму поганому Нижнёму, та

й досі сижу. Приїздивъ до мене на святки колядувать старий Щепкинъ, — спасибі ёму. Думаю оце поіхать до ёго підъ Москву, въ село Никольське, та може тамъ и до літа останусь; а літомъ якъщо не пустять у Питеръ, то чкурну въ Харьківъ, а зъ Харькова, якъ Богъ поможе, то и на Чорноморію. Я до неі коли-небудь а таки доберусь. до тіеі Чорноморіі.

Нема въ мене нічого такого доброго послать тобі прочитать съ товариствомъ. Хиба оцю *Долю*, *Музу* та *Славу* (1). Я оце недавно скомпоновавъ іхъ. Не знаю, якъ вони тобі подобаютця.

Скомпонувавъ ще я тутъ, зъ нудьги, одну штуку, поэму — *Неофіти*, нібі-то изъ Римськоі исторіі. Але вона ще не вироблена — тимъ и не посилаю. Якъ викончу, то пришлю. А покищо, оставайся здоровий, мій батьку-отамане, мій друже единий. Не покидай мене, сердешного сироту. *Т. Шевченко.*

Цілую твою стару пані и твоіхъ молодихъ діточокъ. Якъ будешъ писать, то пиши на имя М. С. Щепкина. Я маю до ёго іхать.

2) ДО М. С. ЩЕПКИНА.

I.

Нижній Новгородъ. Нолбря 12, 1857 г.

Друже мій давній, друже мій единий! изъ далекоі Киргизькоі пустині, изъ тяжкоі неволі вітавъ я тебе, мій голубе сизий, щирими сердечними поклонами. Не знаю тілько, чи доходили вони до тебе, до твого щирого великого серьця? Та що зъ того, хочъ и доходили? Якъби то намъ побачитьця, якъби то намъ хоть часиночку подивитьця одинъ на одного, хоть годиночку поговорить съ тобою, друже мій единий! Я оживъ би, я напоівъ би свое серце твоіми тихими речами, иначе живущою водою!

Теперъ я въ Нижнімъ Новігороді, на волі, — на такій волі, якъ собака на привьязі. — — Такъ щобъ подивитьця мені на тебе, великий мій друже, я сидячи отутъ, отъ-що выдумавъ: чи не найдетця коло Москви якого-небудь села, дачи, або хутора зъ добримъ чоловікомъ? Якъ що есть у тебе такий чоловьяга зъ теплою хатою, то напиши мені, батьку, брате мій рідний! а я и приіду хочъ на одинъ день, хочъ на одну годиночку. Зробімо такъ,

(1) *Доля и Муза* напечатані въ *Хаті*, П. А. Кулішá, а *Слава* и *Неофіти* нідé не були напечатані. *Ред.*

мій славний друже! а якого бъ я тобі гостинця привізъ якъ празднику! уже такъ-що гостинець! Порадься съ своімъ розумнимъ серцемъ, мій друже единий! Та якъ-що можна буде побачитьця намъ и поколядувать на сіхъ святкахъ укупі, то поколядуемъ. А до того року, Богъ знае — чи дождимося. Вибачъ мені, мое серце, за мою щирость, и якъ и щó придумаешъ, то напиши мені, а тимъ часомъ оставайся здоровий и веселий, и не забувай искренёго твого друга и поклонника *Т. Шевченка.*

Адресъ: Въ Нижній Новгородъ. Его Вблагородію, Павлу Абрамовичу *Овсянникову.*

Чи ни писавъ тобі чого-небудь про мене старий Кошовий изъ Чорноморіі — Яковъ Герасимовичъ Кухаренко? Я ёму ще зъ Новопетровського укрѣпленія пославъ де-що, и просивъ ёго, щобъ вінъ зъ тобою подѣлився, та й досі не маю одъ ёго ніякої чутки.

II.

3 декабря 1857 г.

Спасибі тобі, богумилий мій друже, за твоі сердечніі ласкавіі письма. Спасибі тобі за приглашеніе въ *село Никольское*, а тричі разомъ спасибі тобі за те, що ти хочешъ самъ приіхать въ Нижній. О, якъби ти добре зробивъ, якъби приіхавъ! тутъ би тебе, преславного, на рукахъ понесли твої безчисленніі поклонники. Щасливий ти, дуже щасливий, мій славний, мій великий друже! Всі тебе бачили, всі до единого руського чоловіка, всі тебе знають и съ любовью повторяють »твое обаятельное прославленное имя.«

Сёгодні бувъ у мене Вл. Ив. Даль; я показавъ ёму письмо твое. Зрадівъ старий, якъ прочитавъ, що ти хочешъ пріихать въ Нижній. Низенько кланяетця тобі Вл. Ив. и сердечно просить не перемінять доброго наміренія. На тімъ тижні почнутця тутъ дворянскі виборы, уже почали збіратьця повітові пани, то може бъ ти здумавъ показать себе імъ на тутешній сцені. Ото бъ порадувавъ ти іхъ хуторянські душі, а мою щиру, любящую тебе, душу перенісъ би на саме небо. На сей конецъ я бачився съ директоромъ Нижегородського театра, съ г. Варенцовимъ, питавъ ёго нащотъ условій, и вінъ сказавъ мені, що »согласится на условіе, какое ты ему предложишь.« Чудний би бувъ, якби и не согласився.

Добрий мій друже! питаешъ ти, чи багато у мене грошей? Дуже, дуже небагато, мій друже единий: нема дé взять. Заходився рисовать карандашемъ портрети, — такъ щóжъ? нарисовавъ три портрети, та й сижу склавши руки. Безъ столиці художникъ — риба безъ води. Погано, дуже мені погано у цімъ Нижнімъ. Графъ Ѳедоръ Петровичъ обіщае мені »вихлопотать позволеніе жить въ столицѣ.« О, якъби то ёму Богъ помігъ! »ожилабъ тогда моя душа одинокая при видѣ великихъ произведеній божественныхъ искуствъ!« А тимъ часомъ, а тимъ часомъ... якъ ти прійдешъ сюди та я подивлюся на тебе, подивлюся ниначе на всесвітнюю галерею, ниначе на всесвітній театръ, и забуду хоть на годину свое невсипуще горе.

Грошей у мене бъ стало, шобъ доіхать до Никольского и назадъ вернутьця, та не въ тімъ річъ. Не я одинъ прошу тебе приіхать сюди, а всі добрі и розумні люди просять тебе, — а іхъ тутъ таки чи-мало. Старий Улыбышевъ, той самий, що написавъ *біографію Бетіовена*, не пропускае ні одного спектакля: такъ щиро любить театръ; а якъ тебе побачить, — то вінъ, старий, якъ мала дитина заридае, — та чи вінъ одинъ?

Рішися, друже мій великий, на мою просьбу, и рішившись, напиши мені гарненько — коли бъ тебе ждать до себе. Я сёго дні жъ пишу и Кулішеві: може и вінъ заіде за тобою, та разомъ и прійдете, моі гості дорогіі. А якъ побачишъ мого давнёго друга, В. Н. Р—ну, то привітай іі одъ мене, мій друже единий, та въ письмі своімъ напиши іі адресъ. Прощай, мое серце! нехай тебе Богъ милуе и стереже на славу великого святого искуства. Не отрынь же просьби любящого тебе друга

Т. Шевченка.

Куліша не треба ждать: може вінъ и не поіде, а мені бъ зъ нимъ дуже-дуже треба було бъ побачитьця. Напиши, будь ласкавъ, и ти ёму: може, вінъ тебе, батька нашого, лучче послухае. Посоромитця не послухать.

Ще, якъ прійдешъ, то заразъ пришли почталіона на квартиру Овсянникова, щобъ тобі не торбуватьця на щотъ поміщенія.

Чи невзявъ би ти зъ собою рукопись *Москаля-Чарівника?* Тутъ есть прехороша дівчина и талановита артистка, Піунова. То може бъ ви чи не вшкварили бъ сёго Чарівника навдивовижу Нижегородськимъ людямъ?

Поцілуй старого Максимовича за мене, та чому вінъ не шле мені свое *слово о полку Игоревѣ?*

Ще одно PS. Понісъ бувъ уже я оце письмо на почту, та зострівся мені старий Улыбышевъ и просивъ написать одъ себе глубочайший поклонъ и просить тебе, шобъ ти приіхавъ просто до ёго на квартиру.

Москаль-Чарівникъ есть тутъ печатний. И П—ва сёгодні вчиться по-нашому говорить заходилась. Зраділо дівча — ажъ заплакало.

Ш.

Февраля 3, 1858 г.

Спасибі тобі, мій друже единий за письмо твое и 200 р. гріш-ми. Все це добро получивъ я одъ нашого доброго друга Н. Бр—на, который тебе щиро цілуе и посилае тобі зъ Олейниковымъ кожушокъ. Зноси на добре здоровье.

Не знаю, коли ми съ тобою побачимось. Бо не знаю, чи швидко Овсянниковъ вернетця до дому: я теперъ у ёго хазяіную, то мені конечно треба ёго дожидаться. А якъ-що вінъ тамъ довго забаритця, то я не втерплю: передамъ ёго господу Бр—ну, а самъ чкурну въ Никольське, а за день передъ-тимъ гарненько напишу тобі.

Обнимае и цілуе тебе тричі твоя и моя любая Тетяся. Воно, порадившись зъ своімъ батькомъ, посилае тобі свій репертуаръ и условія такого содержанія: 1500 р. въ годъ безъ бенефиса, а зъ бенефисомъ 1200 р. и на переіздъ до Харкова 200 р. А поіде воно въ Харьковъ зъ батькомъ, або зъ матірью. А тимъ часомъ — воно согласиться на твое условіе, яке ти скажешъ.

Во имя святого Бога и святого искуства, поможи ій, друже мій великій, вирватьця изъ сёго гнилого Нижнёго. Мені тутъ ажъ жаль дивитьця на неі. По поводу ій бенефіса, написавъ я невеличку статейку въ газету, котору посилаю тобі: прочитай, та прикинь свое до неі яке мудре слово, та оддай перепечатать въ *Московськихъ Вѣдомостяхъ*. Для нашої любої Тетясі се булобъ незгірше.

27 генваря поховали славного старого Улыбышева, и не найдетця нікого въ Нижнёму некрологъ ёму написать! Ще разъ гнилій Нижній Новгородъ.

Поцілуй за мене благородного Сергѣя Тимофеевича Аксакова,

и молодика Максимовича. Р—ну якъ побачишъ, то й ії привітай. А тебе цілуе М. А. Д—ва зъ своєю *чужою* дитиною. Цілуе Голыская, и тричі цілуе Піунова, а я и лікъ теряю.

До свиданія, мое серце, мій друже единий.

Щирий твій *Т. Шевченко.*

Чи робить тамъ що Катковъ зъ моєю повістю? Я вже другу часть кінчаю.

Чи прислав Кулішъ тобі моі *Неофити*?

Чомъ ти мені не написавъ адреса Сергѣя Тимофеевича?

IV.

Ноября 13 1858 г.

Друже мій единий!

Якъ той щирий вілъ запрягся я въ роботу, — сплю на этюдахъ: зъ натурного класса и не вихожу, — такъ ніколе! такъ ніколе! що якби не оце безгрішшя прокляте, то ніколи бъ було написать и тобі, мій друже единий, оціеі невеличкоі цидули. Будь ласкавъ, вирви ти у того К—ева якъ-небудь отi 100 карбованцівъ та пришли менi. Гугеноти ні-на-що послухать, — таке лихо! Запродавъ я бувъ свои сочиненія книгопродавцу Кожанчикову за 2000 карбованцівъ, (та вже така моя вдача), що я замісь грошей тілько облизався. Такій-то облизень и заставивъ мене поторбувать тебе оцією цидулою.

Посилаю тобі черезъ художника Раева одинъ экземпляръ моеі послідньої гравюри: не здивуй — яка вдалась. Чи не будешъ ти часомъ у графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, або умисне побувай у его, та подякуй ёму за мене: гравюра ся напечатана на его грошi, спасибі ёму! Поклонись В. Н. Р—ной, и привітай М. В. Максимовича. Сергѣя Тимофеевича тожъ. Стару свою, дітей и внучатъ тожъ. Бабста и Кетчера тожъ, и всіхъ кого побачишъ мною знаемихъ, тожъ.

Оставайся здоровъ, мій друже единий! Згадуй инколи тугого мовчана и искреннёго твого *Т. Шевченка.*

Адресуй: Въ С-Петербургъ, въ Большой Морской, домъ графа Уварова. Его в — благородію Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому.

Кланяютця тебѣ графъ и графиня Т — ые.

Дневникъ Т. Гр. Шевченка дальшъ печататиметця увъ XI-ій книжці.

ХІМЕРИ.

МИЦКЕВИЧОВА БАЛЛАДА: ROMANTYCZNOŚĆ.

Присвя́чена Олекса́ндрі Миха́йловні К.

Слу́хай, дівчи́но! — Не слу́ха. —
Въ твоїй хати́ні ні ду́ха!
Що́ коло се́бе хвата́ешъ?
Кого́ цілу́ешъ, вита́ешъ?
Уже́ жъ світъ бі́лий... — Не слу́ха.

То́, якъ уко́пана, ста́не,
Су́мно, поні́ро спогля́не,
То́ зновъ слёзами заллється,
То до кого́сь засмі́ється, —
Ли́чко весе́ле, румя́не.

»Гри́цю! кохання еди́не!
Се жъ ти уста́въ зъ домови́ни?
Ніччю!... Ступа́й же тихе́нько...
Въ ме́не не-рі́дная ненька...
Бу́де лиха́я годи́на...

»Хай собі чу́е и зна́е!
Тебе́ на світі нема́е!
Вчо́ра тебе́ похова́ли...
Що́ жъ мені су́мно такъ ста́ло?
Ні, я тебе́ не боюся...
Дай обійму, пригорну́ся...

Се жъ твоє ли́чко... и о́чі... и бро́ві...
Се́рденько, ви́мовъ хочъ сло́во!
Я — твоя́ вірна Катру́ся.

»Чомъ же ти до ме́не, Гри́цю, не озве́сся?
Яки́й ти холо́дний!... Дай нагрію ру́ки...
Отту́тъ іхъ нагрію коло мого́ се́рця....
Воно́ не прости́гло відъ тяжкі́ї му́ки.

»О, хо́лодно жъ, ма́буть, тамъ у те́мній я́мі!
Не вле́жавъ ти, Гри́цю, въ німі́й домови́ні...
Пійду́ я съ тобо́ю, — ля́жемо у па́рі!
Безъ те́бе для ме́не увесь світъ — пусти́ня.

»Тя́жко мині, Гри́цю, въ світі
Жи́ти зъ ворога́ми:
Вони́ мині дорека́ють
Моїми слёзами.

»Що́ поба́чу — не йму́ть віри;
Що́ скажу́ — смію́тця.
Занімі́ла бъ я на-віки, —
Самі ре́чі лля́тця

»Се́рденько коха́не!
Прийди́ въ день до ме́не:
Мо́же, переста́нуть
Смія́тися зъ ме́не.

»Мо́же, мині сни́тця...
Ні, до мого́ се́рця
Тебе́ пригорта́ю...
Бачъ, якъ воно́ бъе́тця!

Чого́ жъ ти зника́ешъ?
Чого́ ти боїсся?
Ище́ ра́но, се́рце,
Ище́ ра́но, Гри́цю!

»Бо́же! ку́ри вже співа́ють
И зоря́ въ вико́нці!...
Де жъ ти ді́лось-закоти́лось,
Ясне́ моє́ со́нце?

»Де ти зни́кнувъ? Покажи́ся,
Верни́сь на фили́ну,
И мене́ візьми́ зъ собо́ю
Въ те́мну домови́ну.«

Ота́къ бідола́шне дівча́ побива́лось,
Бігло за коха́нкомъ, слізми облива́лось.
Не плачъ ії ре́вний,
На крикъ побіде́нний,
Бага́то наро́ду въ ха́ту назбіга́лось.

»Чита́йте моли́тву!« проста́та гука́е:
»Се жъ душа́ Грицько́ва між на́ми лета́е!
Се жъ ії вбива́ють
Катру́сини слёзи,
Зъ ми́ру не пуска́ють
Ли́нути въ рай Бо́жий!«

Чу́ю я те сло́во,
И ни́щечкомъ пла́чу:
Я Гри́цеву ду́шу
Своїмъ се́рцемъ ба́чу.

Ажъ тутъ обізве́тця
Письмака́ъ до грома́ди:
»Незна́ть що́ горо́дять,
Незнать що́ прова́дять!

»Де ті въ ка́та ду́ші
Лета́ють по ха́ті?
То ви́гадки ба́бські,
Щобъ діте́й ляка́ти.

»Дівча́ божевільне
Химе́ри ганя́е,
А те́мна темно́та
Роти́ роззявля́е!«

—»Ні, пісьма́ку!« обізву́ся:
»Вона́ се́рцемъ чу́е,
А темно́та чу́до ба́чить,
Хочъ не розуму́е.

»Ти вели́кі ре́чі зна́ешъ,
Незна́ні для лю́ду;
А, не ма́вши ёго́ се́рця,
Не поба́чишъ чу́да.

»Ти у не́бо прозира́ешъ
И въ зе́млю глибо́ко;
А безъ се́рця въ чуже́ се́рце
Не загля́нешъ о́комъ.«

Ло́мусъ.

САМЪ СОБІ.

Заспіва́ю, спогада́ю
Літа́ молоди́і,
А въ тихъ літяхъ, Бо́жімъ ра́ю,
Наді́ї святи́і.

Заспіва́ю, спогада́ю
Вірную дружи́ну,
Обіллю́ німи́ми слізми
Нему́ домови́ну.

Заспіва́ю — хай дрима́е
Се́рце одино́ке,
А ти, ду́мо, злинь-розли́йся
Висо́ко-широ́ко.

Есть у світі пра́вда чи́ста,
И добро́, и во́ля, —
Иззива́й іхъ, моя́ ду́мо,
На рідне́е по́ле.

Степи́ мої широ́кні,
Цілино́ одвічня!
Хто зъо́ре васъ та засіе —
Сла́ва тому́ вічня!

Лани́ мої нео́рані,
Да́вні перело́ги!
До́ки по васъ блука́тимуть
Брати́ мої вбо́гі?

Вони́ о́рють васъ оча́ми,
Скоро́дять брова́ми,
Сіють ту́гу, поliва́ють
Дрібними слёза́ми.

Ой зроди́ жъ, вели́ка ту́го,
Ярую пшени́цю,
Збагати́ насу́шнимъ хлібомъ
Уби́гу Вдови́цю!

П. Кулішъ.

Седьмой куплетъ этого стихотворенія построенъ на слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

Ой го́ре го́ре, нещасли́ва до́ля!
Ви́орала Мару́сенька ми́слонькамп по́ле,
Чо́рними очи́ма та й заволочи́ла,
Дрібне́нькими слізонька́ми все по́ле змочи́ла.

ЛЮЛІ-ЛЮЛІ.

Хожу́-блужу́ по го́роду
Вели́кому, вели́кому.
Одкри́въ би я свое́ се́рце,
Та нікому, та нікому.

Цвіте́ воно́, якъ Бо́жій рай,
По́тай ми́ру, по́тай ми́ру;
Ні лю́бощамъ, ві ми́лощамъ
Не йме віри, не йме віри.

Ой се́рденько закри́тее,
Ти́хий ра́ю, ти́хий ра́ю!
Ніхто́ тебе́ не нівечить,
Бо не зна́е, бо не зна́е.

Цвіти́ жъ собі, живи́ собі
Само́тою, само́тою;
Втіша́й себе́ соло́дкою
Дрімо́тою, дрімо́тою.

А щобъ тебе́ лихі лю́де
Не вжахну́ли, не вжахну́ли,
Засни́, се́рце, довічнимъ сномъ...
Лю́лі-лю́лі, лю́лі-лю́лі!

П. Кулішъ.

СТАРЕЦЬ.

ДУМА.

Присвя́чена Наде́жді Олекса́ндровні Б.

Śpiewak, niestety! śpiewać nie mam komu.
Mickiewicz.

Брынь банду́ра, та й замо́вкне...
Чомъ же не зайгра́е?

Стоїть ста́рець підъ вікóнцемъ, —
Чóмъ же не співáє?

Ой ходúвъ би я по сéлахъ
Одъ хáти до хáти,
Ой співáвъ би на ввесь гóлосъ, —
Нікому співáти!

Якъ промóвлю *Христá-рáди*
(Великее слóво!),—
Скúба хліба въ хліборóба
Стáрцеві готóва.

Якъ спогля́не дóбре óко
На гóлову сúву,
Закликáютъ лю́де стáрця
У хáту щасли́ву.

»Сідáй, діду, стáрче Бóжий!
Підкріпúсь варéнимъ,
Вúпий чáрку, згадáй нáшихъ
Рóдичівъ помéрлихъ.«

Я сідáю, підкріпля́юсь
На життя́ злидéнне...
Ой я стáрець, — не старéче
Въ грýдяхъ сéрце въ мéне.

Помина́ю усіхъ мéртвихъ,
А по живúхъ плáчу,
Що нікóго я живóго
Міжъ мúромъ не бáчу.

Ні съ кімъ сісти потужúти
Въ пóлі на могúлі;
Ні съ кімъ пíснею збудúти
Літá молодúі.

Молодо́сте-одра́досте,
Во́ленько безъ кра́ю! (¹)
Кому́ про васъ на старе́чій
Банду́рі зайгра́ю?

Чиé се́рце стрепенéтця
Одъ сло́ва живо́го,
Що співа́въ я, вищува́въ я
Віку молодо́го?

Ой співа́въ я, віщува́въ я:
»За малу́ годи́ну
Оживи́ть живе́е сло́во
Рідну Украі́ну,

»И праправну́ки згада́ють
Праправу́рівъ ді́ло,
И промо́вить до нихъ въ по́лі
Усяка моги́ла!«

Ой співа́въ я: »Бу́де жи́ти
На́ше сло́во, бу́де!«
Чи живе́ жъ воно́ у те́бе,
Безтала́нний лю́де?

Не по се́лахъ прохожа́ю,
А по кладови́щахъ:
Спочива́е на́ше сло́во
Въ ни́хъ гробови́щахъ.

Похова́ли ми зъ ді́да́ми,
Сло́во, на́шу си́лу;

(¹) Изъ народной пѣсни:
Та літа́е оре́лъ, та літа́е си́зий
По висо́кій високо́сті:
Охъ и пла́че ко́закъ, та пла́че старе́нький,
А по своій молодо́сті:
»Охъ и молодо́сте-одрадо́сте,
На се́рденьку свою́ во́ля!....«

Гу́сто, гу́сто засади́ли
Ру́тою моги́лу.

Зеленіе, мовъ барвінокъ,
На моги́лі ру́та:
Що́ були́ ми, я́къ жили́ ми,
Якъ ги́бли — забу́то!

Ой замо́вкни, моя́ ко́бзо:
Нікому співа́ти!
Промовля́ю *Христа́-ра́ди*
Одъ ха́ти до ха́ти.

Густи́й мо́рокъ скрізь по ха́тахъ,
Густі́йший въ буди́нкахъ,
Що нема́ души́ живо́і
Въ се́страхъ-Украі́нкахъ;

Що поники́мъ, ва́лимъ се́рцемъ
Німо́ту кохаю́ть;
Покоха́вши, паненя́токъ,
Німчиківъ рожаю́ть.

Ой німу́ють по Вкраі́ні
Висо́кі пала́ти;
Густи́й мо́рокъ окрива́е
Пахарські ха́ти.

Бринь банду́ра, та й замо́вкне...
Мовъ пеке́льна си́ла
На живи́ні мої стру́ни
Ру́ку наложи́ла.

Наложи́ла вона́ ру́ку
На гаря́чу ду́шу...
Ой співа́въ би, віщува́въ би,
Та мовча́ти му́шу.

П. Кулішъ.

ДУНАЙСЬКА ДУМА.

ПЕРВА ПОЛОВИНА.

(1648—1654.)

Ти́хо Дуна́й, ти́хо
Несе́ чи́сту во́ду;
Задиви́лися дубро́ви
На свою́ уро́ду.

Ти́хо Дуна́й, ти́хо
Жо́вті піски ми́е.
Погля́ну я по берега́хъ —
Моє се́рце ни́е:

Де, Дуна́ю ба́тьку,
Твої рі́дні діти,
Що розійшли́сь-ростекли́ся
По Бо́жому світі.

Одні на Вкраїні,
Дру́гі въ Московщи́ні;
Спомина́ють тебе́, ба́тьку,
При лихій годи́ні.

»Неха́й спомина́ють
И въ пісня́хъ співа́ють,
И до ме́не доріженьку
Въ снегі́дді верста́ють.«

Верну́лись до те́бе
Зъ Украіни діти:
»Всю́ди, ба́тьку, одна́кова
Недо́ля на світі.

»Бу́демо, Дуна́ю,
Твою́ во́ду пи́ти,
А по то́бі, Украіно,
Се́рденькомъ тужи́ти.

»Бу́демо, Дуна́ю,
Твое́ жи́то жа́ти,
А про те́бе, безтала́нна,
У пісня́хъ співа́ти.«

I.

Була́ колись, ка́жуть,
Щасли́ва годи́на:
Якъ садъ рясни́й, процві́тала
Уся́ Украіна.

Ой хто жъ ти́і лю́де
Спасе́нні бува́ли,
Що въ красу́ ясну́, весе́лу
Її прибіра́ли?

Були́ то́ пано́ве
Вели́кого ро́ду —
Каштеля́ни та княжа́та,
Ду́ки, воево́ди.

Вони́ узгряни́ччя
Лю́домъ осади́ли,
Одъ Татарви́ безбо́жноі
Зе́млю захисти́ли.

Поря́докъ дава́ли
Города́мъ и се́ламъ..
Процві́тала Украіна,
Бага́та, весе́ла.

Погля́нуть пано́ве
Одъ кра́ю до кра́ю —
Золоті лани́ фили́ють
Та дубро́ви ма́ють.

Погля́нуть пано́ве
Зъ ясно́го буди́нку —
Слу́ги въ ба́рвахъ позлоти́стихъ
Гуля́ють по ри́нку.

Не маки́, не ро́жи
Въ саду́ процвіта́ють:
То́ па́нії та панянки
Шовка́ми ся́ють.

Хва́лятця пано́ве
Кіньми дорогими́,
Исповня́ють срібні ку́бки
Ви́нами ситними́.

Гука́ють гарма́ти
Підъ па́нські вива́ти;
Одъ гучни́хъ мазу́рокъ хо́дять
Хо́дуромъ пала́ти.

»Дивітесь«, мовля́ють,
»Молоди́і лю́де:
Ходіть на́шимъ па́нськимъ ро́бомъ,
То все гара́здъ бу́де.

»Дивітесь«, мовля́ють,
»И ви, малі діти:
Оце́ до́бра вамъ нау́ка,
Якъ у світі жи́ти:

»Въ по́лі се́рцемъ жва́вимъ
До бо́ю става́йте;

Дóма меди́, ви́на пи́йте,
Та й не проливáйте.

»Не жáлуйте, дíти,
Трýнку дорогóго,
Изъ двора́ не випускáйте
Тверéзимъ нікóго.

»Нехáй брáття шляхта
Вáшу лю́дськість знáють, [2]
Нехáй вáшу пáнську гóйность [3]
Всю́ди прославля́ють.

»Немáе на свíті
Крáщого клейнóду, [4]
Якъ пáнськее слáвне и́мя
Вели́кого ро́ду.

»Немáе для сéрця
Більшої утíхи,
Якъ пишáтись слáвнимъ ро́домъ
Во вíки и вíки!«

II.

Хто жъ то ти́ люде,
Що понýрі хóдять,
На висóкиі будúнки
И очéй не звóдять?

Хто жъ то ти́ лю́де,
Що зъ до́му втікáють,
Та крáщої собí до́лі
По степáхъ шукáють?

Що́ жъ то за бурлáки
Зъ до́вгими чубáми,

Що всю шля́хту, усіхъ ду́ківъ
Зову́ть ворога́ми? [5]

»То голо́та пъя́на,
Мужи́чиі діти,
Що не хо́чуть у вельмо́жнихъ
Ла́ски запобігти.

»То сіро́ма те́мна,
Ви́нники, дейне́ки; [6]
Прошпе́тившись утіка́ють
У степи́ дале́кі.

»То злодійство хи́же
Кри́ється відъ ка́ри.
За́вше по́вні того́ хло́пства
Ви́нниці й брова́ри.« [7]

Ш.

Обізве́тця хло́пство
Поза города́ми: [8]
»Ой чи до́вго бу́де шля́хта
Гордува́ти на́ми!«

Обізве́тця хло́пство
Ди́кими степа́ми:
»Ой чи до́вго владітиме
На́шими лана́ми!«

Обізве́тця хло́пство
Зъ Вели́кого Лу́гу:
»Ой вернімось, коза́ченьки,
Шля́хті на послу́гу!«

IV.

Верта́лось бурла́цтво
Шля́хті догожа́ти,
Пи́шнимъ за́мкамъ та буди́нкамъ
Краси́ додава́ти:

»Блиску́чі буди́нки,
Стіни малёва́ні!
Якъ ви га́рно сия́ете,
Окри́вшись дима́ми!

»Ой вихо́дте въ по́ле,
Вельмо́жне жолні́рство!
Бу́де вамъ вели́ка да́ка
За все добродійство:

»Що ви Украіну
Га́рно захисти́ли, [9]
И коза́цтва въ Чо́рне море
Гуля́ть не пусти́ли; [10]

Що ви Украіну
Якъ садъ искраси́ли,
И слёза́ми підда́ньскими
Всі тра́ви зроси́ли;

Що на́ша Вкраіна
Ста́ла шля́хті ра́емъ, [11]
А ми, її рі́дні дітн,
По степа́хъ блука́емъ.«

V.

Вибіга́ла шля́хта
Зъ блиску́чихъ буди́нківъ,

Манівця́ми утіка́ла
Въ По́льщу безъ пати́нківъ.

Облива́лась шля́хта
Дрібни́ми слёза́ми:
»До́бра на́ші, се́ла на́ші!
Що́-то бу́де зъ ва́ми? [12]

»Пре́дки на́ші сла́вні
Королямъ служи́ли,
И пусти́ні Украі́нські
Лю́домъ осади́ли. [13]

»Пре́дки на́ші сла́вні
Борони́ли во́лю,
И придба́ли бра́ттямъ шля́хті
Щасли́вую до́лю.

»Пре́дки на́ші сла́вні
Въ склепа́хъ спочива́ли,
А тепе́ръ іхъ гайдама́ки
Съ трунъ повиверта́ли!

П. Кулішъ.

Печатаніе другой половины откладывается на неопредѣленное время.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ »ДУНАЙСКОЙ ДУМѢ«.

1.—Стр. 26, ст. 2.

Ти́хо Дунай, ти́хо
Несе́ чи́сту во́ду;

Вода въ Дунаѣ очень мутна и становится, говорятъ, чище только осенью. Авторъ, дѣлая невѣрность, былъ ободренъ народною музою, которая подсказала ему эти стихи. Она воспѣваетъ тихое теченіе Дуная, тогда какъ онъ отличается своею быстротою и мѣстами имѣетъ опасные водовороты. Народная пѣсня начинается такъ:

Ти́хо, ти́хо, Дунай воду несе.

Есть прекрасная по складу пѣсня, въ которой говорится о мутности Дуная, но эта мутность приписывается причинѣ случайной:

Не журь мене, стара́ не́не,
Бо я журбу́ и самъ зна́ю:
До Дуна́ю прижжа́ю,
Съ кони́ченька не вставаю,
Въ пiхву ша́блю не хова́ю,
Все зъ Дуна́емъ розмовля́ю:
Чомъ ти, Дунай, ставъ такъ сму́тенъ,
Ставъ такъ смутенъ, калому́тенъ?
Що, Дуна́ю, тебе зби́ло:
Чи галочки́ чорнокри́лi,
Чи ко́ники воронí,
Чи козаки́ молоди́?
Ой чомъ кони гетьма́нськi
Не пьють води́ Дунайськой?
Ой не пьють, не спочива́ють,
Все на той бiкъ поглядаю́ть,
Де козаки́ кiньми гра́ють,
Шабельками повертаю́ть.

Впрочемъ, какъ бы ни былъ мутенъ Дунай въ натурѣ и въ этихъ безцѣнныхъ стихахъ народной пѣсни, онъ представляется совершенно чистымъ въ тихую погоду, когда въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются его прекрасныя рощи. Поэтому два слѣдующіе стиха:

Задивiлися дубро́ви
На свою уро́ду —

могутъ служить оправданіемъ стиху предъидущему.

2.—Стр. 29, ст. 7 и 8.

Нехай бра́тття шляхта
На́шу людскiсть зна́ють,

Людскость (ludzkość), т. е. обходительность съ людьми, радушіе въ гостепріимствѣ, играла важную роль въ быту польско-украинскихъ пановъ, но любезность ихъ простиралась только на сословіе благородныхъ.

3.—Стр. 29, ст. 9.

Нехáй вáшу пáньску гóйность.

Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ стихотвореніяхъ авторъ считаетъ достодолжнымъ вводить слова польскія въ стихи, которые онъ вкладываетъ въ уста шляхтѣ. Хоть у него изображается собственно шляхта украинская, но она, бесѣдуя даже на своемъ родномъ языкѣ (который вообще презирала, яко языкъ хлопскій), употребляла слова своихъ руководителей въ аристократизмѣ—пановъ польскихъ. *Гойность* значитъ собственно — щедрость.

4.—Стр. 29, ст. 12.

Крáщого клéйноду,

Клéйнодъ — драгоцѣнность, знакъ фамильнаго отличія въ гербѣ, знакъ власти, какъ-напримѣръ: булава, бунчукъ, печать.

5.—Стр. 30, ст. 2.

Що всю шляхту, усíхъ дукíвъ
Зовуть ворогáми?

Сохранился съ напѣвомъ, въ видѣ стона, слѣдующій отрывочекъ какой-то позабытой пѣсни, напечатанный въ *Южнорусскихъ народныхъ Пѣсняхъ* Метлинскаго:

Та все пани, та все дýки...
Позаíдали пáші лани, луги й лýки.

6.—Стр. 30, ст. 8.

Вúнники, двíнéки;

Дейпеками назывались бездомные козаки, народъ бѣдовый, отчаянный. По лѣтописи, всего больше они дѣйствовали, въ качествѣ партизановъ, во времена Выговщины. Слово *двíнéка* ошибочно объясняютъ словомъ *денéжки* (словомъ несуществующимъ въ устахъ народа: есть слово *дéлки*). Одна пѣсня начинается такъ:

Ти, козáче Запорóзький, дейнéко,
Не завóдь лівчини вíдъ матýсі далéко.
Дівчúна въ матýсі — якъ утя надъ водóю,
А заведéшъ ії — вонá бýде сиротóю.

Скитальческій бытъ дейнеки выражается и въ слѣдующей пѣснѣ:

Гóре менí на чужúні,
Що не вкýпі брати мої:
Одúнъ въ Січі отáманомъ,
Другúй въ степý ватáжкою,
Трéтій дíйно-дейнéченько.
Понадъ Дністрóмъ дíйно хóдить,
Дéвятеро конéй вóдить,
На десятíмъ поíжжає,
Дністрá брáтомъ називáє:
»Дністре брáте, побратáймось,

Скажи́ річку Савра́нську
И прикме́ту коза́цькую.«
— »Вго́ру, дійно-дейне́ченько!
Тамъ річенька Савра́нська
И прикме́та коза́цькая.«

7.—Стр. 30, ст. 14.

За́вше но́вні того́ хло́пства
Ви́нниці й бровари.

За́вше—всегда. Должно-быть, въ старину чернорабочіе наемники при винокурняхъ и пивоварняхъ, а также при зажиточныхъ домахъ состояли изъ бездомныхъ бурлакъ, которыхъ легко было склонить на всякое отчаянное предпріятіе. Въ думѣ объ Иванѣ Коновченкѣ полковникъ Филоненко вызываетъ ихъ на военные подвиги такимъ образомъ:

Ви, гру́бники, ви, ла́зники,
Ви, брова́рники, ви, ви́нники!
Годі вамъ по винницяхъ горі́лоцъ кури́ти,
По брова́рняхъ пивъ вари́ти,
По ла́зняхъ ла́зень топи́ти,
По гру́бахъ, по пе́чахъ спа́ти,
Товсти́мъ ви́домъ мухъ голува́ти,
Спи́ною са́жи витира́ти:
Ходіте зъ на́ми на долину Черке́нь погуля́ти!

Не надо забывать также, что, въ извѣстные моменты Украинской исторіи, винниками, броварниками, будниками, грубниками, лазниками бывали Украинцы и по-неволѣ. Это обстоятельство возбуждало въ нихъ особенную готовность искать счастья въ войнѣ, противъ кого бы ни была она. Въ *Лѣтописи Самовидца*, въ исчисленіи причинъ войны Хмельницкаго, говорится, между прочимъ, о козакахъ: »...тогда бо оныхъ, не хотячихъ, чего не звыкли были панщины робити, на службу замковую обернено, которыхъ зъ листами и въ городѣ до хандожанія коней старостовъ держали, въ дворахъ грубу, т. е. печи, палити, псовъ хандожити, дворѣ змѣтати и до иншихъ неизносныхъ лѣтъ приставляли.«

8.—Стр. 30, ст. 16.

Поза города́ми:

Населенная часть Украины называлась *Городами*, или собственно *Украі́ною*. Открытыя степи, доступныя только людямъ кочующимъ и вооруженнымъ, назывались *Полями* или *Ди́кимъ По́лемъ*, а не то—*Степами*. Послѣднее названіе сохранилось до конца украинскаго козачества, т. е. до Уманской трагедіи и раззоренія Запорожской Сѣчи, въ слѣдующей козацкой импровизаціи:

Степи́-поля́,
Степи-поля́,
Роскішъ моя!
Годі мені по васъ гуля́ти,
Ляхівъ, Жидівъ розбива́ти!

9.—Стр. 31, ст. 14.

Що ви Україну
Гарно захистили,

Какъ бы ни была велика оказанная намъ услуга, она можетъ быть уничтожена злоупотребленіями эгоизма. Притомъ же паны украинно-польскіе, приводя Украину въ возможно-цвѣтущее состояніе, заботились вовсе не о благоденствіи наибольшей массы ея обитателей. А старанія ихъ о ея безопасности были велики. Это, между прочимъ, видно изъ современныхъ брошюръ. Въ одной изъ нихъ (Polska Nizna albo Osada Polska etc. przez X. Piotra Grabowskiego, 1596) говорится, между прочимъ: Tatarowie ludzie Pogańscy, barbari niepotężni, do boiu goli, tak często a gęsto krainy nasze pustoszą——krainy nasze pograniczne, obfitoscią ziemie obiecaney podobne, w pustynią bydlęcą obracaią——Robotnikow naszych, ktorzy na nasz chleb robią, tych ledwo nie każdy rok po kilkudziesiąt tysięcy wymuią. A co nazalosnieysza, często się trafia, iż nierowno mnieysza liczba Pohancow, więtszą liczbę dusz Chrzescianskich braciey naszey, sromotnie w niewolą wieczną zabieraią — — Moskwa, acz barbari, illiberi, bez animuszu, bez serca ślacheckiego, a ci iednak o Tatary swoie, co im szkodnieyszy byli postarali się — — y teraz tuszą sobie, ze nic nie mieszkaiąc y Perekopskich dziesięcinnikow naszych, co v nas dziesięcinę wybieraią, opanuią, y iuż kilka zamkow nad nimi posadowili — — Заботясь о заведеніи на Украинѣ вооруженныхъ шляхетскихъ поселеній, этотъ добродушный политикъ XVI вѣка говоритъ: Mym zdaniem lepszy będzie brat moy Rycerz cwiczony, ktory mi w potrzebie na nieprzyaciela mego vprzeymie pomoze, na tym chlebie ktorybym ia miał cudzodziemcom dać, za dziecinne abo raczey niewiesciusze ich chwasty, aniż przednieysze Tureckie y Włoskie iedwabie, niż Wina Medyolańskie, niż sobole y marmurki Moskiewskie, niż aromata Indiyskie, y inne takie chwasty rycerstwu nieprzystoyne a zgoła szkodliwe.

Сообщаю еще нѣсколько выписокъ, характеризующихъ тотъ вѣкъ, въ который начались польско-украинскія войны.

....Część ich (панскихъ доходовъ) Turczynowi na kobierce, safiany, iedwabie, ec. Część Niemcom, Włochom też na iedwabie, sukna, płotna drogie, na wina y aromata rozmaite ec. Część Moskwie na futra, a ieszcze często tak niebacznie y szalenie, iż na wagę położywszy futro z złotem, ktore za nie daią, dziesięckroć, a pod czas złoto więcey będzie ważyło, niż futro. — — v nas iuż to w obyczay weszło, że skoro kto maiętnostki iakiey nabędzie, iuż musi rad nie rad koszto wieść, a ieśliż cudzodziemcom pieniędzmi nie ściele, za grubiana, niepolita y nie dworzanina go maią, a nawet y wyśmieią go.

Продавая плѣнниковъ, набранныхъ въ Украинѣ, Татары за pospolitego robotnika czterdzieści, pięćdziesiąt czerwonych złotych biorą, a za osobliwego iakiego vdatnego młodzienca y sto czerwonych złotych.

— — Tym się y Kozacka dzika drużyna, do sprawy, porządku y posłuszenstwa przywiedzie, y zabieży się tym trwogam y niebespiecznościam, ktore z kozackiego swowolenstwa na PP. przychodzą, y inszym ieszcze więtszym, ktore z tegoż swowolenstwa z czasem vrość mogą, abowiem wiele ich, co by się do kozakow vdać mieli, nawet y ci sami co w kozackiey drużynie będą, do rycerstwa się tego vdadzą, gdzie sławą swą y dusznym zbawieniem swym y z pewnym opatrzeniem swym, z małżonkami y dziatkami swymi vczciwie przed Panem Bogiem y ludźmi żyć będą mogli, daleko przystoyniey niż v ko-

zakow, zaczym kozakom drużyny y mocy nie będzie dostawało, ze się ni ocz kusić nie będą mogli, y owszem sami kozacy w to się Rycerstwo zacne, sprawne, y W. K. M. posłuszne przeformuią.

Это замѣчательная черта старопольской исторіи, что козаками дѣлались не мужики собственно и не Украинцы собственно. Аристократизмъ польскихъ пановъ, возвышенный почти до олигархическаго монархизма (если такъ можно выразиться) и освящаемый ученіемъ тогдашней Церкви, породилъ въ самомъ нѣдрѣ польскаго государственнаго общества множество реакціонеровъ, которые, увлекаясь, какъ вообще бываетъ въ исторіи, собственными интересами, вмѣстѣ съ тѣмъ готовили неизбѣжное разрушеніе стараго порядка вещей. Приведу изъ рукописей С.-Петербургской публичной библіотеки интересную выписку о томъ, что *козачество*, подъ инымъ названіемъ, являлось иногда, независимо отъ украинскихъ волненій, вовсе не въ украинской части Польскаго государства. Въ рукописи Л. F. отд. IV, № 99-й, подъ заглавіемъ: Stanisława Lubinskiego Listy królewskie do roznych, 1600, на листкахъ 42—48, читаемъ слѣдующее: »...wiele a pewnie większa część ukrzywdzonych odchodzi od nayprzednieyszego tego Seimowi powagi sprawiedliwosci throna besz sprawiedliwosci. Trzeba na to nowego sposobu (это — Instructia na seim walny koronny) — — aby domowy rząd y pokoy pospolity władza zwierchnosci swey w iednakiei się trzymała klubie, ale przemaga prywatna swawola, bo się to iusz zagęściło, ze prawo pospolite znieważaiąc każdy gwałtem swego dochodzi, privatni osoby Woysko zebrac, ludzi cudzoziemskich nawiesc, chorągwie roscągnąc, bitwe ieden z drugim wstępnym boiem zwiesc. Państwa postronne naiachac, pokoi zerwac, a mimo to wszystko, choc Pan napomina zakaznie, zwierchnosc znieważyc, nic to v nas. — — V nas, zal się Boze, do tego przyszło, ze kto ieno tylko moze, do gwałtu się vciekа, gromada, zwody, Woyska sądy obsadzaią, naiacha ieden drugiego, iuz to rzecz zwyczayna, własnie iakoby zwierchnosci, iakoby Pana, iakoby prawa w Polsce nie było. Zguba to Rptey, iawny vpadek wolnosci, ktorą takowa Anarchia wyniszcza. Nie dawnosc to w Polsce nastało, ale prętko, strzez Boze, wzruszeniem wnętrznego pokoiu, vciskiem ludzi vbogich, contemptem prawa, znieważeniem vrządow wyroscie y zgubic moze, iesli się wczas temu nie zabiezy. Trzeba na to ostrzego prawa, bo dawno iuz tak stępiały, ze się ich ten tylko boi, kto nie ma moczy, a komuz trudno, gdy się odważy, a zwłosca przi tak rospuszczony y smiały swei wolei? Patrzaliśmy w tym roku na Woyska, od prywatnych zebrane, doznało Xięstwo Mazowieckie y Prussy, a pewnie samo W. K. Litewskie niezmiernych od nich ciężarow, łupestwa, gwałtow y mordow. — — Nowe czasy, nowe obyczaie praw nowych potrzebuią. — — I tec są choroby nasze, to nas, z nas samych pochodząc, gubi. — — Далѣе (на оборотѣ 58 листа, въ Vniwersalie przeciw swowolnikom, 1615, kwietnia 28, изъ Варшавы) король пишетъ: — — w tych dniach kupa znaczna ludzi z przeszłey Confederatiej mimo obowiązek (po wzięciu dostatecznej zapłaty) na się dany swowolskie horągwie roku przeszłego podniesli, szkody wielkie w Koronie y W. K. Lit. a mordy, pozogi, łupiestwa w Księstwie Pruskim poczynieli, znowu teraz w takoweyze na łupy y mordy odważney gromadzie do Korony weszli, aby się na wszelaką potęgę, z mieisca do mieisca się pomykaiąc, sposobiwszy swemu złemu przedsięwzięciu, z ktorym na zgubę oyczyny odważyli się, dosyc uczynili. Въ заключеніе, король проситъ воеводу кіевскаго и гетмана короннаго гасить этотъ *огонь*, въ такихъ же выраженіяхъ, какія потомъ употреблялись въ воззваніяхъ

противъ Хмельницкаго. Кто читалъ Pamiętniki Paska, достойные прилежнаго изученія, тотъ вспомнитъ выраженіе одного пана о безпорядкахъ, происходившихъ передъ глазами гетмана и подскарбія литовскаго, Гонсѣвскаго, въ 1662 году: tu u nas sprawa kozacka. (Pam. Paska, изд. 1860, стр. 162). Поразителенъ отвѣтъ Крымскаго хана на просьбу пановъ принять участіе въ ихъ междоусобной войнѣ (1663): ....oznajmił (ханъ), że tego nie uczyni, obiecując to nagrodzić na inną usługę, ale nie na tę wojnę, gdzie brat na brata szablę dobywa. (Тамъ же, 173).

10.—Стр. 31, ст. 16.

И козáчтво въ Чóрне мóре
Гуллять не пустили.

Въ наше время почти всѣ соглашаются, что относительно козацкихъ набѣговъ на Татаръ и Турокъ Польское правительство поступало благоразумно. Событія, однакожъ, противорѣчатъ этому мнѣнію, и въ XVII вѣкѣ были между Поляками люди, стоявшіе за козаковъ. Въ одной изъ рукописей С.-Петербургской публичной библіотеки (Л: F, отд. XVII, № 33, стр. 107—112) авторъ нашелъ слѣдующій интересный документъ.

Sententia o uspokoieniu Woyska Zaporoskiego jednego slachcica Polskiego.

Wiadoma iest rzecz kazdemu, ze crescentibus w Vkrainie coloniis crescit Woysko Zaporoskie, ktore przy Czerkasach tylko koczowało, a więcey nie bywało go, tylko dwa tysiąca; ztąd y Moskwe, ktora po dzis dzien Kozakow Czyrkasami zowie, naiezdzali, y w polu chodząc z Tatarami vstawicznie vganiali się, z Dniepru na Czarne Morze wodą wpadali, tandem longe.... (*) zasiedli włosci, z ktorych coraz większe pomnozenie Kozacy wzieli, iako tedy, nonnisi sublata causa tollitur effectus, tak ktoby chciał extropare Kozakow, musiałby reuocare ad sua principia, to iest z włosci tamecznych vczynic pustynią, dla kąkolstwa ac pszenice et propter spina scindere rosas, znowszy ztamtąd swoie włosci, musiała by Rzeczposp. cierpiec koczowiska Tatarskie na tych mieyscach. Dla tego y dla woyny Tureckiey, na ktorą y wodą y lądem są potrzebne Kozacy, i nie resolwowała się Rzeczposp. y resolwowac się nie moze na takowe extrema, srodkow zas y sposobow roznych kosztowała na zatrzymanie ich w lepszym porządku, ale im ostrzey z nimi postępowano, tym fortius oni z tego wyłamywali się. Ztąd tak często ponosi niewczasy Rzeczpos. y częste a krwawe z nimi odprawowac musi woyny. Jakoby tedy consulere temu y iescze skutecznieyszych poszukac sposobow w tak ciężkim teraznieyszym Oyczyzny razie, co rozum y experientia optimi consiliary suadent nobis, tegobym ia iescze sprobowac zyczył. Nie vleczy nikt choroby, poko iey non penetrat causam et radicem, tot sentiendum. W tey sprawie, chcąc szkodliwe skutki zniesc rozruchow Kozackich, potrzeba indagare, cognoscere et tollere causas, ktore byto miały byc causae causantes paroxysmy na Rzeczpos. insolentyą Kozacką. Ia cztery bydz znayduie: pierwsza—zabranie pola y morza; druga—urzędow Vkrainnych z nimi zwada; trzecia około podawania y starszyzney confusio; czwarta—pura malitia. Quod primum, Ko-

(*) Списано мною съ весьма нечеткаго почерка, и нѣкоторыя слова остались непрочитанными, или подъ сомнѣніемъ.

zacy szablą zyc nawczyli się, pola y morza pilnuiąc, iakoby tedy alienam kazano im imbuere naturam, gdy im kazano poniechac tego. Cierpieli poki mogli, ciągnela przecie zawsze natura iako wilka do lasa, y tak długo ten wrzod zbierał się, az się spukł. Quibus causis constituetur Civitas, iisdem retinetur. Aze nie ta była Constitutia Woyska Zaporoskiego, (żeby) zyc bez pola y morza, dla tego tesz w tym porządku zatrzymac się nie mogli tak długo y nie mogą, przenieslismy niewczas Turkow y Tatarow na nas samych y oyczyzne naszą. Zabronilismy lasu, zdobyczy—szukaią iey y nasz; do nasz tesz Orde na pomoc biorą sobie, z ktorą przedtym w polu o grunty Rzeczyposp. zawsze się vganiali. A do tego otia dant vitia: zolnierz patriae suae, gdy mu służby nie stanie, albo iey w cudzey ziemi szuka, albo seditiosus doma bywa, czego tot exempla mamy Czesarczykow, Lisowczykow et id. genus. Ta tedy iest prima causa et praesentis calamitatis Rzeczyposp. y zawsze tumultus kozackich dawnych zabaw y zdobyczy zabroniente cum otio vitioso złączona: sequitur conclusio: albo tollere causas, albo causas pati. Quod secundam causam, ita est demonstrativa et palpabilis, ze przedtym bywały z occaziey contentionis Vkrainnych Podstaroscich Woyny y teraznieysza, y ztądze origo Kmeyskiey Woyny y potym na Starcu skonczoney. A co Oicowskich zdobyczy jedna beczka fantow zabitych wzięta kozakowi od jednego Vkrainnego Podstaroscigo, dla ktorey sto beczek krwie slacheckiey wylewało się y magna pars Vkrainy zniesiona, y inszey woyny taka przyczyna, me tacente liquet. Jakosz temu zabiezec probowała Rzeczposp. roznych sposobow, dawała y Pulkownikow slachte, formowała skutecne spawiedliwosci między Kozakami a Vrzędami Vkrainnymi, nic to nie pomogło: vis tollere effectum, extingue causam, iakosz to roznmiec tak: albo Kozakow przeniesc, albo z nich vrzędnikow wyniesc; i aze Kozakow przeniesc od Dniepru, szlakow y od Zaporoza—y niepodobna, y non expedit Rzeczyposp. to sequitur, ze owych od nich (seruatos seruam) potrzeba wyniesc y tak się sprawic, iako z powietrzem. Maią li po włosciach..... swoim zapowietrzac Kozacy totam plebem, maią li zwady czynic Podstarosciowe Rzeczyposp. wszystkiey z Kozakami, satis est odważywszy particulam dobr Rzeczyposp. tanqm peste infectos, zawrzec w niey y z nimi wyprowadzic zwad wszystkich occasie y ich extropare radicem. Prodibunt.... ex imaginatione et apprehentione futuri..... periculi contrarie omnes huic remedia. Lecz futuris periculis, iesliby iakie miały emanere, futurum tempus prouidet consilia; nos praesens curamus malum, ktorego zbyc nie mozemy gruntownie, tylko sublata causa. Quod tertiam causam, ta zwykła bywac z zamieszania się między sobą Kozakow, gdy im kommissarze KJM. podawali Hetmanow, a im się nie podobał Hetman, a wnet albo zabiią, albo topią. O co się potym bierze Rzeczposp, y ztąd woyny bywaią, gdy tedy z podawania tego Starszego Hetmana korzyści niemasz Rzeczyposp. tylko zwada. Y tę causam ampulare: niech sobie y obieraią, y zabiiaią; nie wdawac się w to, ktorego obiorą sobie..... tego im stwierdzac. Mogą się kiedy między sobą zamieszac około tego sami y dac occasią, ad melius esse, ze lepiey ich rozwadzac o to będzie, nizeli się wadzic. Quod quartam causam, ze pod czas bez wszelkiey occasiey tumultuią się ex pura malitia, iako był Nalewayko, a takze Kosinski y Podkowa. Ta iuz excluditur bo taki to tu moze powstac, iako y powstali z iakiego kolwiek kraiu, a nie z woyska Zaporoskiego, ale tesz takiego, iako odkrytego rozboynika, iuris nullum praetextum habentem, y postrzedz łatwiey y segregare et in herba reprimere, a do tego trzy occasie zniowszy tumultow y seditiey Kozackich, tak

wyprozniwszy ab omni infectione corpus na to iedno accedans łatwiey miec ono, iako te wszystkie occasie maią swoie praetexty, tak pura malitia y rzadko się przydac y sama siebie zawstydzyc y długo trwac nie moze y zgoła samaby siebie arguere musiała. To tak deducowawszy, ze gdy Kozacy nie będą otiosae, nie będą tesz vitiosae, y gxy będą zdobydz y pozywienie mieli wolne tam, gdzie miewali, v nasz iey szukac nie będą y gdy będą, w polu zawsze wadzili się z Tatarami, straszna y szkodliwa liga mieysca nie będzie miała, y gdy będą sami in oc . . . . . tesz tych, z ktorymi się wadzywali, mieszkali, okaziey do Rzeczyposp. miec nie będą, chyba się sami z sobą wadzic zechcą; a gdy będą sami sobie obierali Starszyzne, choc ich topic i zabiiac będą, my się z nimi o to wadzic nie będziemy. Przychodzi rzecz do takiey conclusii, ze iesli non fallit ratio his sublatis, ktore widomie causant seditie y tumulty Kozackie, następnie reuolutio spokoynego zatrzymania woyska Zaporoskiego y zawziętey iadowitey hostilitatis vsmierzenia y ligi szkodliwey z ordą restrictia. Ale zostaią eesze obiectiones, ktore by mogły contra primum remedium formowac się et contra secundum, contra tertium, ze wolnosc kozacza zachodzi z Turczynem pacta. Contra secundum, ze zawsze Kozakow samych . . . . może miec w sobie iakie potomne periculum, te to resolucre velim. Naprzod tedy, ze pacta z Turczynem zachodzimy: nie pisalibysmy w Commissiey ani w ordinacicy pola y morza facultatem Kozakow, ale tak tylko, ze przy dawnych wolnosciach zachowuiemy. A skoro Kozakom ipso facto wolno morze z Turczynem zas rzecz taką sama sacra veritas firmat: trzymaliśmy kozakow w kawecanie cum tanta sanguinis profusione, a to morze twoie czarne wolno było od naiazdow. Zatrzymywalibysmy y do konca, lecz Tatarowie twoi, nie kontentowawszy się tym, ze, na kazdy rok łamiąc pacta, Panstwa koronne naiezdzali, złączywszy się y spiknąwszy się zdradziecko z Kozakami, fortece, ktora bronila do morza, przeieli y Hetmanow z woyskiem znieśli y poszedszy in visceras regni, ferro et igne pustoszyli ią. Żądamy, vczyn nam y sobie spawiedliwosc z Tatarow a bydz ostrozny od Kozakow, bo my pacta z tobą trzymamy, ale za poznoszeniem fortec przez spolną rękę Tatarow y Kozakow, zatrzymac Kozakow nie mozemy; albo tedy pokaray orde y tak wez w klube Tatarow, iakoby y my do pierwszego porządku rzeczy przywiesc mogli, albo ci swawolne ac utrinque, byle woyska się nasze nie mieszały; naszych pact niech nie naruszaią, a zas Porta Otomanska niechay od Kozakow miast swoich na morzu broni, a my Tatarow bronic się będziemy Albo to przyimie Cesarz, albo nie Jesli przyimie, posadziwszy kwarciane woysko v Braclawia y przyczyniwszy go za to, cosmy Kodak opatrzywac y Tatarom vpominki dawac mieli, Czarny szlak tak potężnie, iak iuz nastąpiła potęga Kozacka, zawarszy, z Kozakami zostanie Rzeczposp. bezpieczna. Jesli tesz nie przyimie Turecza Porta takiego pactu, przy niey, nie przy nas foedi fragium; a kiedy przydzie naycięsza, ktokolwiek ma rozum, sentiet ze lepiey woyną Turecką, niżeli bellum intestinum pati, z ktorego generatio Poganska nostra corruptio widoma pochodzi. Są tego nulla rationes. Ja tylko dam cztery: na woyne Turecką wszyscy Chrzescianie dopomodz mogą; na domową nikt nie pomoże, owszem niektorzy—strzez Boze—do ruiny naszey przyczyn'c by się chcieli. Woyną Turecką retunditur liga; z Ordą kozacką bello intestino firmatur et nostrum robur firmatur. Ratio woyny Tureckiey—sedes Wołoskiey Ziemi, a Oyczyzny całosc; intestino bello sama w sobie ruina widoma. Ratio, iesli wolowac lepiey coniuncta manu Christiana z nieprzyiacielem Krzyża Swiętego, niżeli z samym sobą lepiey cum ari Monar-

cha, nizeli z własnymi chłopi, lepiey in pari ale w Martis o panstwa, anizeli z Kozakami o ich siermięgie, a o swoie Panstwo; lepiey umrzec in sacro bello z Turkami, nizeli nikczemnie od chłopa. Albo niebo pokoy nam przywrocic chce y pryimie Porta Turecka pactum, albo woyne gotuie, ktorą iesli ma dopuscic Pan Bog, o imie Jesusa Christusa Pana naszego vmierac y niebo sobie zasługowac, anizeli w krwawym domowym potopie nikczemnie ginąc volemy. Co iusz do drugiey obiectiey, ze to periculosum bydz moze dac samym Kozakom particulum fundi, wspomnało się wyzey, iz praesens malum gorsze iest nizeli futurum, bo de futuris contingentibus non datur scientia; moze tak bydz, iako sobie imaginuiemy, moze nie bydz; to zas malum, ktore iusz nas praemit de facto, curandum, a do tego cokolwiek rozumiemy bydz co in passo periculi obwarowac commissią y iuramentami ut fidem Reipub. niewchodzenie w conspiratio z postronnymi, nieprzechodzenie cyrkulu zamierzonego, nieprzyimowanie poddanych, niewychodzenie na wlosc, stanowienie woyska liczby pewne na kazdą potrzebę Rptey et reliqua. Na ostatek rerum .... albo iesli to pomiesza, albo w swey klubie zostanie. Jesli się pomiesza, redibit ad Rempublicam totam, awteraznieyszym czasie, ze się Rpte wydzwignąc moze vel hoc beneficio plautibili populi, dosyc z nas będzie iesli tesz ta constitutia będzie durabilis, a Oyczyzna w pokoiu. To iest voti nostri caput y oto Pana Boga wszyscy prosimy. Accedant allius ... ingeniae et propinent Oyczyznie qui salubris et conducibilis; mihi satis est. Ode mnie Oyczyznie .... co ex magistra rerum widziec moglem y tak concluduie: Niech Kozacy, iak byli, tak będą, gdzie chodzili, tam chodzą, co czynili, to czynią; niech in uno rotulo zawarci zostaną et ex ead. particula danych sobie włosci płacą sami sobie, a Rptey sublata occasione wszelkiey zwady służą; niech z Tatarami wadzą się, nie brataią, a Oyczyzna niech ma z nich y JKMPN Mciwy poddanych y sług, a nie nieprzyiaciol.

Янъ Рудавскій также полагаетъ, что, еслибы не препятствовали козакамъ воевать съ невѣрными, то не было бы бунтовъ козацкихъ. Jedyna to taiemnica do zatrzymania w przyiazni i posluszenstwie lud ruski do buntu pochopny, a na wszelkie przedsięwzięcia zuchwały. Hist. Polska, I, 9.

11.—Стр. 31, ст. 21 и 22.

Що наша Вкраіна
Стала шляхті раемъ,

Замѣчаніе инженера XVII вѣка, Боплана, что паны въ Украинѣ блаженствуютъ, какъ въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ чистилищѣ, извѣстно каждому. Оно потверждается и другими печатными документами; а то вотъ выписка изъ рукописной записки о Польшѣ итальянца Петра Дуодо (1598 г.), добытой для автора, въ Венеціи, П. Я. Макаровымъ: Quando alla trattation dei popoli la nobilta universalmente è in tanta licentia per la suprema autorità ch'ella ha nell diete, che non ha ne legge ni ordini che la ritengono. Il popolo minuto et specialmente i contadini sono talmente tirannizzati dai nobili che a pena possono dire haver libero l'habito che portono; et sopra gli altri quei della Littuania, i quali benchè raccolgono abondantamente, tuttavia non gliene resta per poter nudrirse et de lore familie, et questi ancora si possono dire ancora felici chi arrivono a poter vivere, in confronto di quelli

chi habitano vicino dei Turchi et dei Tartari. (Relatione di Polonia del clarissimo Pietro Duodo. nel 1598.) (*) Скарга, въ одной изъ сеймовыхъ рѣчей, упрекаетъ пановъ такъ: Dotknąćby i onego złego prawa, którem kmiecie i wolne ludki Polaki i wierne Chrześciany poddane ubogie niewolnikami czynią, jakoby *mancipia* kupieni abo na wojnie sprawiedliwej poimani byli i czynią z niemi drudzy co chcą na maiętności i na zdrowiu i gardle, żadnej im obrony i forum żadnego o krzywdy ich — drugdy nieznośne — nie daiąc i na nich *supremum Dominium* (на которе сѣ самы wzdrygamy) stawiąc, etc. etc. (Kazania Sejmowe, str. 95—97).

12.—Стр. 32, ст. 3—6.

Облива́лось па́нство
Дрібними слёзами:
»До́бра на́ші, се́ла на́ші!
Що-то буде зъ вами?«

Этими стихами авторъ желалъ напомнить читателямъ слѣдующее простодушно-вѣрное замѣчаніе лѣтописца Грабянки о панахъ украинскихъ, основанное, конечно, на той истинѣ, что, гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше: »Въ тихъ часѣхъ Іеремѣй Вишневецкій, послишавши зъ Лубень, зъ войскомъ своимъ и зъ всѣмъ дворомъ, заплакавши по маетностяхъ, до Полщи рушилъ.« (Стр. 31—32). Коронный хорунжій Александръ Конецпольскій писалъ въ своемъ универсалѣ 1648 года, 31 мая: »...когда всѣ мы проливаемъ слезы (wszystkim nam łachrymis prosequentibus), потерявъ всякую надежду,—эти вѣроломные... ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ объ убійствахъ, пожарахъ, опустошеніяхъ и истребленіяхъ.« (*Памятн. Кіевск. Комм.*) II, отд. 3-й, стр. 44. Тамъ же, на стр. 31, см. сѣтованія Адама Киселя о потерѣ ста тысячъ злотыхъ годового доходу на лѣвой сторонѣ Днѣпра. У него оставалось еще, по его словамъ, отъ десяти до двадцати тысячъ злотыхъ годового доходу, но онъ, какъ истинный панъ, восклицаетъ: »Мы будемъ нищими, подобно нашей лифляндской братіи!«

13. — Стр. 32, ст. 7 и 10.

Пре́дки на́ші сла́вні
Королямъ служи́ли,
И пустині Украі́нські
Людомъ осадили..

Честь и слава имъ за это, а всѣ-таки не слѣдуетъ ломать стульевъ, хоть Александръ Македонскій и великій человѣкъ. Но, оставляя Гоголя съ его безсмертными насмѣшками, примѣнимыми не къ однимъ Русскимъ, обратимся къ документамъ, которые для автора—а можетъ быть и для его читателей—интереснѣе его стиховъ. Украинскія пустыни отдава́лись королями во владѣніе панамъ съ условіемъ населить ихъ, жить въ нихъ лично и, въ военное время, защищать ихъ отъ непріателей. Такъ Владиславъ Ягелло пожаловалъ на По-

(*) Эта выписка сообщена авторомъ Н. И. Костомарову для пораженія кого-то изъ рыцарей Польской старины и, вѣроятно, употреблена имъ въ дѣло; но—repetitio est mater studiorum.

дольи (Украина у насъ вездѣ, гдѣ аборигены говорятъ по-украински) Томку изъ Коморникъ село Соколъ. Fia tamen, сказано въ жалованной грамотѣ 1406 года) quod in terra Podoliae, propter defectum hominum, residentiam faciat personalem, et ad singulas expeditiones nobis cum una lancea et duobus sagittariis idem Thomco et ejus successores obsequi tenebuntur et servire, sic etiamcum expeditiones domesticas, utpote circa defentiones terrae cum omnibus hominibus nobis et nostris successoribus venire sint astricti, et dationes, contributiones, laboresque, quibus cunque nominibus vocitentur, quae antecessoribus nostris ducibus, et principibus Podoliae, et possessoribus ipsius solvi solitae fuerant Nobis per kmethones et incolas praedictae villae efficaciter persolvan, tur. (*Zrzódla do Dz. Polsk. wyd. prz. Mich. Grabowskiego i Al. Przezdzieckiego*, I. 134.) Что паны обращали въ населенныя мѣста именно *пустыни*, это видно, между прочимъ, изъ грамоты Витольда, жалованный въ 1383 году. Тамъ сказано:... ведомо чинимъ — — аже есмо допустили садити село Княжую Луку на сырому кореню у Подольской земли, у Каменецкомъ повѣтѣ, межи реками Морашками, до берега Морашки Сенковской, зъ лѣсомъ, што зовутъ Стрыіовъ Рогъ и Куликовыми лѣски, аже потоля, гдѣ упадаетъ Морашка Сенковская у Мурахву Великую, Василеву Корачевскому, слузѣ нашому... (Тамъ же, стр. 144).

ВУСИ.

Пантелеймону Александровичу Кулішу.

Літъ сорокъ назадъ, а може й більшъ, вибрали мене въ засідателі. Замолоду служивъ я въ военній, въ кавалерії ще, такъ знаете, не хотілось мині зробитьця тимъ крюкомъ. Ну, дворянство стало прохать, »послужи,« каже, »громади, годі тобі сливи сушить, та солить, та паливать.» Сміютця, бачите, бо я зъ Опошні; а тутъ ще жінка присікалась: »лучче,« каже, »служить, чимъ байдики бить, та зъ Марьею Уласовною въ марияша грать!« (Була у насъ сусідка така, знаете, якъ співають: *иду собі, підскакую*...) Нічого було робить, — отъ я й згодився.

Черезъ неділь дві, прислали мині повістку, що губернаторъ утвердивъ вибори, и щобъ я *неукоснительно, зъ полученія сего, прибувъ въ г. Полтаву, для принесенія достодолжной присяги.*« Винняла жінка зъ скрині мій милиційний козакинъ; що порвалось — позашивала, та швиденько й випроводила, и зъ Марьею Уласовною не дала попрощатьця; и въ голову вона собі не клала, яке лихо мене тамъ стерегло...

Въ неділю, після служби, присягали, и зъ собору прямісенько поіхали до нашого председателя *учинить явку*. А председателемъ тоді бувъ той... що прозвали: »велике діло—опеньки:« нехочу ёго й згадувать, бо вмеръ,—цуръ ёму, щобъ ще й не вилаявъ! Приіздимо, ввійшли въ передню, на двеяхъ стоіть лакей въ каптані, въ німецькихъ галаньцяхъ, не зъ нашихъ, — зъ председателемъ зъ Москви приіхавъ.

»А що,« питаемъ: »чи приймá?«

»Никаксъ нётсъ,« каже: »его превосходітельство не изво-

ляться принимать, неугодно ли вамъ росписáться.« И покáзуе пáльцемъ на книгу, що лежúть на столі въ зелéнихъ палятýркахъ.

Глянули ми одúнъ на дрýгого, здвигнýли плечáми, та й стоімó якъ вкóпані: не знáемо, щó и робúть. Тоді не булó ще у насъ того звичáю, що якъ розвóзять ту *визúту*, та приіде мéнший до стáршого, то не дає билéтика, а тільки розпúсуетця.

»Чтó жъ, господá,« кáже лакéй, »ротú пороззявлáли, извóльте записываться.«

»На-біса жъ?« питáемъ.

»Такъ угóдно,« кáже, »его превосходительству.«

Стали совітоватьця, щó воно́ за нечúста мáти ся книга; одúнъ кáже: »се, може, той альбóмъ, що на пáмьять вірші пúшуть, та пробúті стріл**а**́ми серця́ малю́ють;« дрýгий кáже: »мóже схотілось предсідáтелю побáчить, якúй у когó пóчеркъ.« А лакéй такъ надъ душéю й стоіть: »пишіть та й пишіть!« Отъ Кирúло Опýфріевичъ Пищи́-Мýха, якъ грамотніший міжъ нáми, й кáже: »мóже вінъ дýма, що ми й писáть не вміемо?« — взявъ перó, трóшки подýмавъ, та й начеркáвъ:

»При сей вѣрной оказіи, спѣшу выразить душевное мое прискорбіе и сердечное сокрушеніе, что по непредвидимымъ обстоятельствамъ лишонъ щастя, лично засвидѣтельствовать мое глубочайшее уваженіе и преданность, съ которыми почтеннѣйше честь имѣю пребыть Вашего Превосходительства, всепокорнѣйшій....« та й закрути́въ. . (Дé бъ—то ёму́ не написáть: самъ тéрся по тихъ Петенбýргахъ!).

Дає пірó,—такъ всі одъ нёго, якъ одъ чóрта, жахáютця. Одúнъ дрýгого штовхá: »бери́ ти!« »ні, ти бери́!« Дáлі до мéне: »починáй,« кáжуть: »якъ тобі не вигадать? ти жъ на всю Опóшню брехýнъ!« Взявъ я те прокля́те пірó, дýмаю: що бъ мині написáть ёму́ на пáмьять? Встромлю въ чорни́лицю, налáгожусь писáть, и знай стромля́ю: нічóго въ гóлову не лізе! А тутъ ще кругóмъ обступи́ли, дивлятця, а лакéй трóхи въ потúлицю не штовхá. Примірявсь, примірявсь, а дáлі й дýмаю: вінъ дýже ласúй до дівчáтъ, нехáй же посміетця,» — взявъ та й надрочúвъ:

»И вчóра галушкú и сёгодня галушкú:
»Прийдú, прийдú, сéрденько, на білі подушкú;
»И учóра кулішъ и сёгóдні кулішъ:
»Прийдú, прийдú, сéрденько, мою́ дýшу потішъ.

Підписа́вся, та ще й закарлю́гу загну́въ, якъ хвістъ у хорта́. Тутъ вже за мно́ю и дру́ті почали́, хто написа́въ:

»Спро́бовать пера́ й черни́ла,
»Що́ въ ёму́ за си́ла:
»Такъ перо́ пи́ше,
»Якъ му́ха ди́ше.«

Хто розма́зався тимъ »глубочайшимъ,« а покійникъ Назаръ Семеновичъ Тупу́–Тупу́–Табуне́ць Була́ненький, *при сей вьрной оказіи*, ще й жа́лобу на свого́ сусіда написавъ, що ззівъ у ёго »многопло́дного« индика. Отта́къ запи́суемось, а дия́вольский лакёй а́жъ мо́рду на бікъ гне та рего́четця.

»Не скажетъ вамъ,« ка́же, »его превосходительство за это писанье спасиба!«

»А що́жъ?« ка́жу: »якъ вміли, такъ и написа́ли; ёму́ жъ схоті́лось на́шого писа́нія, — неха́й и чита́е по суботахъ.«

Після сёго, розъіхались гарне́нько по кватирахъ и ні га́дки собі. Ажъ у ве́чері, принісъ до ме́не пала́тский сто́рожъ бума́гу. »Прочита́йте,« ка́же »и роспишітця.« »Що́ за вра́жа ма́ти,« ду́маю, яку́ мо́ду ви́гадали! такъ ба́чите воно́ й лего́нько роспи́суватьця! Прочита́въ, — тільки й напи́сано:

»Его превосходительство, господинъ статскій совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, предлагаетъ Г.г. членамъ всенепремѣнно явиться къ нему завтрашняго числа въ десять часовъ пополунощи.«

»Се, ду́маю собі, на заку́ску приглаша́,« — та взявъ и роспи́сався: »бу́ду; хліба й со́ли не ура́юсь.« Хто ёго́ въ—біса й сподіва́всь, яка́ тамъ хлібъ-сіль бу́де!

На дру́гий де́нь, якъ разъ въ де́сять часівъ, зібра́лись ми до председа́теля. Хо́димо по за́лі; вже й одина́дцять проку́кало, — ні самъ не вихо́дить, ні заку́ски неприготовля́ють, а вже пора́ бъ и червяка́ заморить. Отта́къ додержавъ насъ до двана́дцятого ча́су; ма́лі лізе зъ кабине́та, въ мунди́рі, въ бі́лихъ штаняхъ, щось на ши́ї теліпа́ется, ще й пе́рстінь на па́лець настроми́въ. Тілько ви́ткнувсь зъ дверёй, такъ за́разъ на ме́не й ви́тріщивсь, посатанівъ, ажъ зъ ви́ду зблідъ. Тутъ ёму́ кла́няютця; хто бубони́ть: *»честь имѣю явиться,«* а вінъ, ні на ко́го не гля́нувши, прямісінько до ме́не, — якъ кри́кне:

— »Къ кому́ вы явились?«

Дивлю́сь на ёго, чи не здурі́въ, ду́маю: чого́ се вінъ такъ гри́ма? а вінъ въ-дру́ге ще ду́жче:

— »Я васъ спрашиваю, къ кому вы явились?«

— »Къ вамъ,« кажу́.

— »А я кто такой?« пита́ и самъ чо́ртомъ на ме́не дивитця.

— »Хведоръ Ива́новичъ,« кажу́.

— »Не Ѳе́доръ Ивановичъ, а ваше превосходительство,« знов затріща́въ:—господинъ предсѣдатель, вашъ начальникъ, милостивый государь мой!« ажъ запінився зъ се́рця.

Тю на твого́ ба́тька! ду́маю собі: чи ти скази́вся, чи натрі́скався кукульва́ну?... а вінъ скільки гло́тки своє́ співа́: »къ кому вы явились?«

— »Къ вашему превосходительству,« кажу́: неха́й, ду́маю, по твоёму бу́де.

— »А ка́къ вы явились?« знов репету́е:—отвѣ́чайте, милостивый госу́дарь мой! Какъ вы явились?«

Що́ за на́пасть така́? незна́ю, що́ ёму́ й каза́ть.

— »Съ достодолжнымъ уваженіемъ,« кажу́.

— »Развѣ въ такомъ видѣ, кричи́ть,—являются къ начальству съ достодолжнымъ уваженіемъ? Посмотрите вы на себя!«

Огля́нувсь я на се́бе, *все обстоіть благополучно:* меда́лі ви́сять, черво́ний по́ясъ и шабло́ка бі́ля бо́ку. Да́лі оберну́вся до това́ришівъ та й питаю:

— Чи не зна́ете хочъ ви, чого́ одъ ме́не тре́ба ёго́ превосходительству, господину предсѣдателю, нашему начальнику?«

Якъ розсе́рдитця жъ, такъ Бо́же мій милостивий! підска́куе, якъ зінське щеня́, и при́ска — нена́че сукно́ мо́чить!

— »Вы милостивый государь мой, репетуе,—не имѣете должной атенціи къ начальству, не исполняете установленныхъ формъ, нарушаете государственныя узаконенія, я васъ въ двадцать четыре часа предамъ суду!«

— »Якъ бу́де за що́,« кажу́, »то мо́жна й за́разъ преда́ть суду́... Позво́льте, кажу́, крутну́вши вуса,—и мині васъ спроси́ть: чого́ вамъ одъ ме́не треба? хиба́, кажу́, дворя́нство на те мене́ ви́брало, щобъ на ме́не кричали, якъ на лакея́?!« Та се ка́жучи, ще й ша́белькою сту́кнувъ. Доса́дно жъ, ій–Бо́гу, ста́ло! що́ за

чо́ртова ма́ти, ду́маю: прили́пъ до ме́не, якъ ше́вська смола́ до чо́бота. Такъ куди́! *пі́пъ своє́, а чортъ свое!*

— Молчать! кричи́ть: — вы еще осмѣливаетесь разсуждать! Посмотрите въ зеркало, въ какомъ видѣ вы явились къ начальнику!

Підві́въ мене́ до дзе́ркала; дивлю́сь: козаки́нъ мій защіпнутий на всі гаплики, меда́лі ви́сять, и про́чее де́ розірва́лось — позашива́но; *все обстоіть благополучно...*

— Что́, пита́, видите?«

«Нічогісінько,—кажу́,—не ба́чу, чого́ вамъ одъ ме́не схотілось!

— Ка́къ — чего! зновъ закрича́въ:—на какомъ основаніи вы осмѣлились явиться ко мнѣ въ усахъ? Вы теперь состоите въ гражданской службѣ, а потому право ношенія усовъ на васъ не распространяется.

— Зъ сёго бъ и почали́, кажу:—якъ не роспространяетця, то й ви́голюсь. Нічого було́ й крича́ть, якъ на живі́тъ: се бъ, кажу́,—и губернаторъ и самъ министръ такъ гло́тки не дравъ!«

— Прошу не разсуждать,—ка́же,—а исполнять, что́ вамъ приказываютъ; чтобы сего же дня выбрили усы, а не то — я васъ подъ арештъ посажу!

Далі ві́звірившись на про́чихъ и ка́же: »Я васъ призвалъ, милостивые государи, чтобы выразить вамъ крайнее мое неудовольствіе за то неуваженіе и непростительную дерзость, которую вы учинили вчерашняго числа вашимъ неумѣстнымъ поступкомъ!«

— Позвольте узнать, ваше превосходительство,—почавъ Пищи́–Муха, — въ чемъ заключается неумѣстный нашъ поступокъ, учиненный вчерашняго числа, изъ котораго можно бы усмотрѣть неуваженіе къ вашему превосходительству и непростительную съ нашей стороны дерзость?

— Ка́къ—изъ котораго? кри́кнувъ:—а какъ вы могли позволить себѣ писать въ визитной книгѣ такую дичь: и галушки́ и кулі́ші, и жалобы записывать, словно на почтовой станціи,—когда вамъ слѣдовало только записать ваши фамиліи... Это просто бунтъ противъ правительства!.....

— На́ши именные списки,—зновъ почавъ Пищи́–Му́ха (а вінъ вже такій бувъ, що хочъ кому́ но́са втре), доставлены уже вашему превосходительству; слѣдовательно мы никакъ не могли предполагать, чтобы вамъ предстояла надобность въ нашихъ фамиліяхъ,

а полагали, что ваше превосходительство интересовались болѣе на щотъ нашихъ почерковъ и словосочиненія, а потому каждый изъ-среды насъ, по мѣрѣ силъ своихъ, потщился выразить свои чувства и мысли, никакъ не предполагая, чтобы ваше превосходительство...

— Ну, довольно довольно!« (допікъ-такій ёго Пищій-Мýха!)—ви, ка́же,—якъ маятникъ въ часахъ: торкнй васъ разъ, то ви дéсять разъ завиля́ете. Теперь, г.спода.« каже, повертаючись на всі сто́рони,—извольте отправляться; на первый разъ я васъ прощаю, но въ другой—будьте осторожны: я не люблю шутить! А вы, милостивый государь,« ка́же, гля́нувши на мéне,—»чтобы сію минуту обрились! понимаете?

— Якъ не поня́ть, кажý:—у мéне е дурень, що сли́ви стереже́, — такъ и той васъ пóйме.«

На се хотівъ бувъ вінъ обізватьця, та попирхну́всь, скорішъ въ кабине́тъ и зачинйвсь: обри́дло вже й ёму гри́мать, прúскать и підска́кувать. Ста́ли й ми виходить, похваля́емъ ту гаспедьску за́куску, а секретарь нашъ, Ѳома Петровичъ, де́ не взя́вся, до мéне й собі:

— Якъ мóжна, ка́же, — въ граждáнській — вýси носить!«

— Та хочъ ви мовчіть, кажý: — чортъ ба́тька зна зъ чóго таку́ ку́ру підняли! Не то вýси, — и борода́ ділу не поміха!«

— А въ визи́тній книжці и на объявúтельному листý,« ка́же: — щó ви написа́ли?«

— Поцілýйте менé сёгодні, кажý, — а я васъ за́втра!«

Не ставъ зъ нимъ и розговóрювать и безъ ёго гірко на душі, такъ досада и розбіра́, такъ и повертá назáдъ, щобъ хочъ ви́лаять и́родового сина. Скільки на свíті живý, а ніхто́ на мéне не кричáвъ, ні съ кимъ не ля́явсь,—тільки де-коли зъ жінкою;—а тутъ и не встерíгсь, відкіля́ та й сва́рка ви́рвалась, бодáй ёму до смéрти такъ пúскакувать та прúскать! Прийшóвъ на квартúру, за́разъ доста́въ зъ шкатýлки бри́тву, нами́лився, черкъ, въ дру́ге... такъ мої вýси, не на́че скóшена трава́, и впа́ли на рушни́къ. Якъ гля́нувъ же я на сéбе въ дзéркало, такъ ба́течки!... ажъ злякáвсь, самъ себé не пізна́въ, чортъ-ба́тька-зна на ко́го й похóжий, и ротъ кривúй, и щóки позападáли, и нісъ похню́пився: зовсíмъ не я, а нíмець Адамъ Ивановичъ Фрикъ, що въ Кременчýку шлéнку розбíра́е!... щобъ мині до за́втрёго не дожúть, коли́ брешý! Въ пéрший разъ, якъ живý на свíті, довело́сь мині зголи́ть вýси; лýччебъ

було́ и не дожи́ть до сёго ли́ха! Якъ би́ знавъ, що зроблю́сь таки́мъ паску́днимъ, то Богъ мéне побúй, колúбъ збривъ, хочбú не то що підъ судъ, — хочби жúли зъ мéне тяглú! И кому́ зъ тóго прибуло́, що я безъ вýсівъ?... кому́ воní мішáли: чи їсти, чи пúти, чи, якъ кáжуть, вірою и прáвдою служúти?... Якъ я тепéрички до жінки вернýся? Якъ я глúну въ вічі Мáрьі Улáсовні?... Згадáвъ я й лíта моі молодúі: не одна́, було́, глúнувши на моі вýси, збирáла гýбки на обброчку, не одна́ и цілувáла и милувáла іхъ!..... Отáкъ журю́ся, а слёзи капъ-капъ!.... Здаéтця, и за стáршимъ синомъ такъ не вбивався, якъ помéръ!... Мій Бóже мúлий! подýмавъ, удáривши себé въ грýди: зá що ти менé такъ лю́то покарáвъ?...

Нічого було робúть більшъ въ Полтáві, бо въ дóлжность вéлено вступáть тільки черезъ тúждень, отъ я й поіхавъ до-дóму. То було́ якъ ідешъ, то знай гукáешъ на кучера: »торкáй, хлóпче, торкáй,« а тепéрички сижý собі, схилúвши гóлову, ненáче менé на шибеницю везýть: пáри зъ рóта не пущý, хибá якъ швúдко побіжúть, то озвéся: »не жени́ кóней,—потóмишъ!«—Такъ вже наровлю́, щобъ мині у ночі приіхать, бо жінка тоді була́ не порóжня, то, дýмаю собі, якъ глúне рáзомъ на мéне, та злякáетця, то ще (нехáй вінъ скáзитця) приведé Адáма Ивáновича Фрика. Підъіжжáю до свогó двóру, ужé зовсімъ смéркалось, и въ будúнку не світитця, вилáжу зъ брúчки, а тутъ якъ загáвкають на мéне собáки! »тю, дурні,« кажý, »хазяíна не пізнáли!« Хотівъ бувъ погладúть, такъ бісові собáки глúнули на мéне, та въ-рóстичъ. Війшóвъ тихéнько въ сіни... такъ якóсь чýдно, мáтері ёго́ бісъ, бýдьто й не я,—здаéтця й хáта не моя́, ійже Бóгу прáвда!... Отóжъ, кажý, якъ загáвкали собáки, жінка й прокúнулась; чуе — хтось війшóвъ.

— Хто тамъ?« питá.

— Се я,« кажý.

— На кóгожъ тамъ собáли гáвкали?«

— Не знáю.«

— Та йди́ жъ, — крáдесся!«

А въ мéне такúй звичáй бувъ, що, було́, якъ приіду до дóму, то зáразъ, хочъ и вночі, всіхъ розбýркаю: зъ дітьми граю́сь, зъ жінкою цілýюсь, бабýсю Орúшку, що за дітьми пригля́дує, зачіпаю; а тепéрички якъ тать, мовъ той злодíй, крáдусь,—не знáю, на якý й ступúть. Підійшóвъ до кровáті, а жінка протя́гує до мéне рýки цілувáтьця. Поцілувáлись, а вонá:

— Хто́ се?« та мене́ рукою́ по губа́хъ... Якъ наро́бить ре́петy: »Ой ли́шечко! Зло́дій!... Ори́шко, вогню́, вогню́!«

Я ії уговорюю,—такъ куди́! не слу́ха: и рука́ми й нога́ми відъ ме́не.

— Не підступа́й!« кричи́ть,—не підступа́й!«

Всіхъ дітей́ переполо́шила, та вже Ори́шка прибігла зъ свічкою. Ви́тріщились на ме́не, ди́вляться... здає́ться й я, такъ не я жъ: нема́ ву́сівъ!

— Що́ се зъ тобо́ю ста́лось?« пита́ жінка:—чи ти живи́й, чи мертвий?!» а сама́ ажъ пополотніла,—тру́ситця, непа́че тря́сця ії трясе́.

— Тимъ то й моє́ ли́хо,« кажу́, — що живи́й!«

— Що́ зъ соббю́ зроби́въ?« пита, — оглашенний!«

— Се жъ, кажу́,—да́ка тобі: тепе́рішньки вже не бу́ду ба́йдики бить, та зъ Ма́рьею Ула́совною въ марьяша грать!

— На́ що жъ ти ву́си збривъ?« пита́.

— Тепе́ръ состою́ въ грамада́нській,» кажу́,—якъ и мині казали:— а потому́ пра́во ноше́нія усовъ на ме́не не роспространяється.«

— Чи вінъ пья́ний, чи здурівъ?« ка́же жінка, гля́нувши на Ори́шку; та якъ заголо́сить, якъ вда́рить себе́ въ гру́ди, а за не́ю дітвора́ й Ори́шка; а бісови соба́ки почу́ли,—ну й собі: и виють и скі́глять, такъ-що Бо́же мій милости́вий, такий гвалтъ підняли, хочъ зъ хати,—та що зъ хати!—зъ села́ тіка́й... про́сто кіне́ць світа наступа́е.

Оттако́ъ цілісеньку нічку ря́мали, и я зъ ними: сижу́ та пла́чу. До крові гу́би собі подра́нявъ: хо́чу, зна́ете, вусъ крутну́ть, хапъ за гу́бу,—нема́ нічо́го, и вдряшу́...

На другій день, така́ напа́ла на ме́не пудьга́, хочъ кріз зе́млю провали́тьця. Що́ кому́ не ска́жешъ, ніхто́ мене́ не слу́ха: діти одъ ме́не одверта́ються, жінка хліпа, ні о́дна дворова́ соба́ка, ма́тері іхъ бісъ, до рукъ не йде. Ду́маю собі—що́ мині на світі робить?... А тутъ ста́ли сусіди навідуватьця и Ма́рья Ула́совна прийшла́, а я одъ ніхъ ховаюсь, та лице́ закрива́ю, непа́че, — ка́зна-що́ таке́.... Ій же Бо́гу пра́вда! На тре́тій де́нь зо всімъ таки́ осла́бъ, е́ле дишу: гру́ди мині зало́жило, живі́тъ підвело́, (за три дни шматка́ хліба въ ро́ті не було́), не зна́ю вже, чи голова́ въ ме́не на плечахъ, чи мо́же кавуно́ъ. Жінка вбива́ється,

дiти пищя́ть! Зовсiмъ такий нала́годився вмира́ти, хочъ за попо́мъ посила́ть!...

Колй, на моє́ ща́стя,—такъ вже Богъ милосе́рдний не схотівъ посиротйть моїхъ дiточо́къ,—приїзди́ть Григо́рій Григо́ровичъ Заха́рченко, оттой, мо́же чу́ли, що й въ чо́рта ви́гравъ би тяжбу́,—такъ, кажу́, приїзди́ть; якъ гля́нувъ на мене́—и назадъ одступи́въ.

— Що́ се зъ тобо́ю, братіку?« пита́.

— Пропада́ю,« кажу́:—се моя́ за мно́ю прійшла!«

— Та не бреши́,« ка́же,—тебе́ ще й полiцiомъ не добъє́шъ. Тiльки,—ка́же прига́ядуючись,—ду́же знаку́дливъ: чого́ се?«

— Хиба́ вамъ повила́зило?« кажу́.

— Ву́си збривъ?

— Эге́!

— На-бiса?« пита́.

— Нечи́ста ма́ти въ граждáньску понесла́, — такъ тепе́рички право пошенія усовъ на ме́не не розпространя́ється.«

— Хто се тобi ви́гадавъ?

— Его́ пре.....те́е, кажу́,—щобъ ёму́ добра́ не було́!«

— Брехáли ёго́ ба́тька сини́, та й вiнъ зъ ни́ми,« ка́же:—тижъ зъ мундúромъ въ остáвцi?«

— Такъ що́?

— Такъ колй мундúръ на тобi, ка́же, спасибi ёму,—такъ и ву́си при тобi!...

— Iй Богу?

— Поба́чишъ,« ка́же:—я тобi й ука́зъ дамъ.«

— Ба́тьку мiй рiдний,« кажу́:—на свiтъ ти мене́ народúвъ!« Якъ ско́чу зъ крова́ті,—ну ёго́ обнiма́ть та цiлювать, а вiнъ мене́ пиха́е.

— Ну тебе́ къ бiсу,« ка́же:—якъ шпильками шпигаешъ!« Ба́чите, одрослú тро́шки ву́си, такъ щiтйна й колéтця.

Тепе́речки, спасибi iмъ, попасила́ли тихъ *то́лівъ*: що́ тре́ба, хочъ не ско́ро, а нала́паешъ, а тодi — скорíшъ скарбъ изна́йдешъ, якъ чого́ тобi тре́ба. Не у всякíмъ повiтi були́ таки́ й люде, якъ сей—що розка́зую—Заха́рченко: шука́ють, було́, шукають, та й плю́нуть... Таке́ лихо було́, не повiрите: колй ска́жуть, що пра́во пошенія—не то ву́сівъ—головú на твоїхъ плечáхъ—не роспространя́ється, то не турбу́йсь шука́ть,—чи воно́ пра́вда, чи брехня́, стинáй голову, та такъ и ходú... Щобъ я пропа́въ, колй не пра́вда!

Ну, якъ почу́въ я одъ Заха́рченка про той ука́зъ, то де́ въ ме́-

не й сила та взяла́сь! повеселівъ, якъ на свiтъ народи́вся. За́разъ жiнка поставила́ намъ заку́ску, ви́пили по ча́рцi, по дру́гiй, старої, бути́лки зо́ дві, сливья́нки, а тимъ ча́сомъ запрягли́ мині бри́чку, та скiлько ви́дно—й заторохтівъ съ Захар'енкомъ. Доро́гою, щобъ мене́ не поба́чили, обвяза́вся платко́мъ, тiльки о́чi й блища́ть. Хто не стрiнется, пізна́ мене́ по ко́нiяхъ, и пита́: »чого́ се ти обвяза́вся?« —Бишиха,« кажу́, »народи́лась.« Приiхавъ до Захар'енка. Якъ давъ вiнъ мині той ука́зъ, то пена́че рiдного ба́тька поба́чивъ!.. Ну, тепе́рички, ду́маю, ва́ше пре... те́е... чий чортъ бу́де ста́рший!

Верну́вся до-до́му и два мiсяцi ви́сидівъ въ карантину́, по́ки ву́си не повiдроста́ли такъ, що вже й жiнка зо мно́ю цiлу́ється, и лю́де слу́хають, и соба́ки на мене́ не га́вкають. Вже й зъ Ма́рьею Ула́совною въ марьяша́ грає́мось, а тутъ така́ пiдняла́сь перепи́ска! зъ Полта́ви повістка за повісткою: »неукоснительно, съ полученія сего, имѣете яви́ться.« А я iмъ въ одвiтъ: »по случаю приключившейся внезапно болѣзни!« Ще зъ мiсяць пiдожда́въ, такъ якъ вже ста́ли закру́чуватьця, и поiхавъ въ Полта́ву.

Тiльки приiхавъ, за́разъ натя́гъ на себе козаки́нъ, причепи́въ шаблю́ку и пiшо́въ въ пала́ту, се бъ то *вчини́ть явку*. Вхо́жу въ присутвiе... якъ гля́не на ме́не г. предсiда́тель, такъ ёго́ й зжолобило, ажъ носомъ закрути́въ.

— Что́ это, милостивий государь мой,« крикнувъ, — вы уклоняетесь одъ служби, и вторично осмѣливаетесь явиться ко мнѣ въ усахъ!«

— »Се,« кажу́,—ще не ву́си, а уси́шки, а отъ якъ ви́ростуть, то бу́дуть уси́ща!« А самъ держусь за той указъ, якъ сліпи́й за поводача́.

И!.. якъ закричи́ть, та пiдско́че, та присне: »я васъ, милостивий государь мой, въ двадцать четыре часа...«

— Не гарячiтця,« кажу́:—кровъ спо́ртите, а ось подивiтця!« Та тиць ёму́ въ ру́ки ука́зъ. Диви́сь, ду́маю, хочъ повила́зять.

Прочита́въ, — я́кось чу́дно лу́па очи́ма, гу́би дрижять...

— Ѳо... Ѳома Пе... Петровичъ!—ка́же, запина́ючись:—что́ это такое?

Хома́ наста́вивъ о́ко:

— Высочайший,« ка́же.

— Безъ васъ,зна́ю, ка́же предсiда́тель,—а распространяется ли право ношенія усовъ?«

Хома́ круть-верть, сюди́–туди, нічого робя́ть.

— Роспространя́ється,« ка́же.

Това́рищі ди́вляться на ме́не, перелика́лись, ду́мають собі: бу́де мині ха́лепа! А я дивлю́сь на супроти́вниківъ, такъ іхъ очи́ма й імъ, та ву́си кручу́. Предсідатель гля́нувъ на секретаря́, повертілись вдвохъ сюди́–туди́, та й посіда́ли тихе́нько; ні о́динъ и па́ри зъ ро́та не пусти́въ. Що́, ду́маю собі, пійма́ли о́близня?...

Такъ оттака́–то чудасія була́ зъ моіми ву́сами! Яко́й не той ука́зъ, то мо́же бъ довело́сь и ду́теля ззісти! Зга́дуючи про́шле, не разъ ду́мавъ: пра́ву лю́ди ка́жуть, що за Бо́гомъ молі́тва, а за царе́мъ слу́жба ніко́ли не пропада́е. За пятнадцятилітню безпороч́ну ві́служившъ-таки́ собі те, що тепе́рички ніяке превосходи́тельство на сві́ті не обри́е мині ву́сівъ,—отъ що́!...

Олекса Стороженко.

1861 г.
С. Жемчужное.

ВЕСНЯНКИ.

I.

Сіло сонце за горою,
Місячéнько сходить,
А мій милий на вулицю
Співать не виходить.

Вийди, вийди, мій голубе,
Вкупі заспіваемъ
Надъ річкою – Коломакомъ
Въ зелен му гаю.

Вийди, вийди, мое серце,
На тиху розмову,
Коли хочешъ мене бачить
Веселу й здорову.

Вийди, вийди, козаченьку,
У вечіръ пізненько,
Пригорну тебе до серця
Щиро и близенько.

Вийди, вийди, лебедику,
Поки світить зóря,
Не завдавай молодому
Ти серденьку горя.

II.

Пішовъ козакъ у лісóчокъ
Калини ламáти,
Зустрівъ дівку – чорнобривку —
И ставъ переймáти.

»Дівчинонько, моя люба,
»Стривай.... поговóримъ;
»Нехáй же я придивлюся
»Та на твої брови.

»Дівчинонько, мое серце,
»Постій — пожартýю;
»Дай-подивлюсь тобі въ очі,
»Стиха поцілую.

»Дівчинонько, моя пташко,
«Ходімъ въ мою хату;
»Я посіявъ грядкú – квіткú...
»Будемъ вкупі рвати.

— »Ой не гараздъ, козáченьку,
»Ой не гараздъ робишъ,
»Що ти мене молодéньку
»Та изъ ума зводишъ.

»Ой не гарáздъ дівчинонькy
»Въ лісу переймати:
»Треба перше до матінки
»Сватівъ засилати.

В. Куликъ.

С. Нижні Млини, коло Полтави.
Весною, року 1861.

ВЕСЕ́ЛА УДОВА́.

Сва́тавъ мене́ двічі панъ
Воéнний-вельмóжний;
Сватавъ мене й хліборóбъ —
Чоловікъ замóжний;
А я собі удова́
Та й тимъ не журю́ся,

Поки ли́чко червоніе
Зо всёго сміюся.
Якъ схо́чу я погуляти —
Зняла́сь, одягла́ся,
Коло мене — и музи́ка
Де́ не узяла́ся;
И підківки відска́кують
Зъ чобіто́къ відъ таньцівъ...
Вийшла зъ ха́ти у-ве́чирі,
Вернулася вранці;
Коза́ченьки чорноу́сі
Зо мною жартую́ть,
А дівчата зави́дливі
Мині ворогу́ють;
Коза́ченьки коло мене
Округи́ захо́дять, —
У госпо́ду, на розмо́ву
До мене прихо́дять;
Чи заболить голівонька,
Зану́дить серде́нько —
Розважають — заглядають
Въ очи́ці пильне́нько.
Одинъ ліки мині ра́дить,
Дру́гий відмовля́е,
Третій сяде коло мене
Ру́ченьки згорта́е;
Поди́вится, приди́вится —
Таку річъ заводить,
Що щастливший — якъ зо мною
Слово проговорить.
Пожалку́ешъ, пожарту́ешъ
Та просто імъ въ вічі:
»Не годи́тця, коза́ченьки,
»Кохатися двічі!
»На́ що мині вінчатися,
»Та губи́ти долю?
»Буду собі удово́ю
»Пильнува́ти волю...

»Після шлюбу—не до танцівъ!
»Якъ дітки маленьки —
»Той істоньки, той питоньки
»Попросять у неньки.

В. Куликъ.

С. Нижні Млини.
16 квітня 1861 р.

НБУ

ХАТНЄ ЛИХО.

I.

На все село́ була́ въ насъ колись Параска Духанівна: весе́ла, мото́рна; бро́ві се́рпикомъ, повновида, кра́ска зъ лица́ якъ не присне. А жартовлива жъ! Оце́ було́ сидимо... въ одну́ ха́ту насъ, дівчатъ натиритця, було́, якъ ра́ківъ у я́тіръ, на по́прядки,—отъ и Духанівна мі́жъ на́ми пряде́; и не згле́димось, коли́ вона́ й ви́нирнула: вскочила въ сіни, сороч́ку висмикала изза запащи́ни, щобъ слободні́йше було́, вскочить у ха́ту, візьметця въ боки—гопъ—гопъ! и пішла гупотіть и всякі ка́верзи вироблювать. Що було сміху́! А то́ ще було до ії ввяжетця нашъ Андрій, старий мірошникъ, трохи вки́нувши. »Ій Бо́гу«, ка́же, »Параско, ти пійдешъ за мого́ Петруся́: въ ме́не млини́, въ ме́не камені... Хочъ що-дня їжъ паляни́ці й книші. Гай кругомъ вели́кий. А по́ля—скільки очи́ма закинешъ: усе́ вамъ поки́ну«. А въ ёго нічо́го не було́,—тільки вітрякъ, да й то па́нський, а вінъ мірошникомъ. Отъ, Параска постерігши ёго й почне́ передъ дівча́тами похвалятись: »Що въ мого́ Петруся́ добра́! млини́, камені; жита́ які, гречки́! и о́комъ не згле́дишъ; зе́лено, да кра́сно; живи́ собі да мяки́ паляни́ці їжъ. А оде́жи, оде́жи въ мого́ Петруся́! жупанівъ, кужухівъ,—ажъ мі́ль їсть! Пійду за ёго. Сёгодні си́ву ша́пку на бакри́нь зве́рне, помолодику́е; на за́втра чо́рну смушёву; а ще жъ то якъ дру́жка квітку нашие́! А чоботи юхто́ві, но́ві, жупа́нъ си́ній, поясъ каламайко́вий, стёпжку зъ сороч́ки черво́ну випустить,—усе́ село́ заломи́ть. Пійду́, пійду́ за Петруся́!«

Оттаке́ було́ коверзу́е Духа́нка, похожа́ючи по ха́ті, да ще й рукою́ підопре́тця да й вигу́турює; да ще нібі й загада́етця. Сміху́

було́! И старі на печі, во́вну скубучи́, кіхкають; а вона́ й не всміхнетця, мовъ сама́ собі въ ха́ті. Да й зновъ почне́: «Засі́ки по́вні гре́чки, овса́! а свине́й, а корівъ!»

А въ ёго таке́ убо́жество! тілько одна́ свитя́на на пле́чахъ. Да почне́ було́ прибіра́тись, мовъ до вінця́, уквітча́етця; якъ ні́чимъ, то хочъ гильечка́ нала́мле зъ сухи́хъ гвозди́кивъ, або кали́ною вбере́тця да тоді й гука́е на насъ, щобъ ми весільнихъ пісень співа́ли. Ми було́ ча́сто й одгуля́емъ весілле, и хлібъ баби́ замість корова́ю поділять: са́ кого́ було́ не підведе! Що то́ була́ за дівчина! зайде въ ха́ту, то мовъ зоря́ зоря́е. Перестуне́ть черезъ порігъ—уже́ й сміхъ. Та скóра жъ, та хистка́ якъ та ла́ствка. Куди́ вбіжи́ть на годи́ну — хвіть-хвіть, — уже́ боржій и съ хати. »Да гуля́й«, ка́жуть: »чого́ поспіша́есся?« — »Гуля́ла бъ, да хліба не бра́ла, а ви не дасте́.» Да вже тілько запащи́ни кіне́ць поба́чишь,—уже́ й зни́кла. А хто нагодитця въ ха́ту на по́лудень, чи що́:» хлібъ да сіль!» — вона́ вже й одрізала: «Імо́, та свій, а ти въ порóга постій».

А то́ разъ вона́ спорядя́лась йти храмова́ти до тітки, въ друге село́. По́ки дійшла вона́ до того́ села́, то трёхъ собі женихівъ здобула́. Оце́ зайде въ яку́ ха́ту по дорозі одпочи́ти, (люде все знакомі),—отъ, привіта́ютця; хазяйський па́рубокъ, те́, да се́, по слову перемо́вились; а по́слі й ка́же:—Чи пійдешъ?«—»Пійду́, сва́тай.« Або́ подру́га, що вкупі зъ нею зажинала: »Отъ якъ би мій братъ тебе́ взявъ за се́бе: якъ би ми га́рно пожили! «—»Цуръ ёму́, некъ ёму́! геть ёго сюди! Неха́й сватівъ шле́—пійду́». Така мордована! По́ки дійшла́ до тітки, такъ и тре́тю собі па́ру споружи́ла. Оди́нъ инде въ не́ї й питае: «Що жъ тобі, Пара́сочко, подарува́ти? «— «Корко́ві черевики́!» ка́же.

II.

На дру́гий день верну́лась на́ша Пара́ся съ храмова́нія до госпо́ди. Ра́да ма́ти що дочка́ верну́лась: ій той день за два дні зда́вся. Ажъ щось дзеле́нь-дзелень, да підъ двіръ. «Що се таке? чи не прі́ставъ іде?» каже ма́ти. «Ворота одчиняютця у нашъ двіръ; тройка ко́ней и іхъ че́тверо сиди́ть на во́зі, мовъ щось не про́сте... Ой огради́ жъ насъ кре́стная си́ла! Чого́ ёго́ до насъ несе?»

Парáска ви́глянула да ажъ зблíдла:

— Матінко! се жъ Ларіёненко зъ старостáми. Я за ёго не пíйду́, не пíйду́.

— Ти жъ по чóму се знáешъ, моя́ дóнечко? Дай, Бóже, часъ дóбрий! Благослови́ Госпóдь: се хочъ кому́ пáра.

— Не пíйду, не люблю! хочъ живу́ въ зéмлю положíть!

А тутъ старости́ съ хлíбомъ, зъ сíллю на порíгъ и Ларіёненко зъ корковúми черевúками пíдъ плечéмъ. Самъ такúй одягнúй; сúній жупáнъ на ёму ажъ вилúскуетця, на всíхъ смушéві шапкú,—багатúрь! Два дядькú старíі старостáми. Привітáли, якъ повóдитця, мáтіръ.

— Сідáйте, люде добрі.

— Нехáй же зъ сёго чáсу все дóбре у васъ садовúтця.

И питаютъ: — Чи отдастé, чи нехáй ще підростé?

А мáти кáже:

— Вúпийте по чáрці... Сватъ не сватъ, а дóбрі лю́де.

До Парáски, а вонá давáй одкидáтись, да й заховáлась у запíчокъ. А Ларіёненко ій за рукáвъ: «Ти жъ казáла, щобъ приздúли, ти менí сорóму паробúла! Я зъ гóрода старостівъ напросúвъ, и коня трéтёго пíдпрягти вúпросивъ. Тепéръ менé парубóцтво очúма бýде низáть и вдовшъ и впóперекъ; просвíтку менí не буде. За мéне ні однá дівка тепéръ не пíде!

А дядькú нíчóго не сказáли; не вúпили могорúчу; — за небóжа, за свій хлíбъ—да й пíшли съ хáти не попрощáвшись.

Дé-які ще збірáлись іхати до ій съ хлíбомъ зъ сíлью, да прочýли одъ людéй, якъ вертáлись зъ гарбузóмъ, да й остерегліся: поклáли шапкú.

III.

Пóслі сёго вонá дóвго подівовáла. Дóвго обіхóдили ій парубкú. Ажъ ужé на двадцúтому гóду дождáлась пáри,—дожартувáлась до своги́ лúха. Прикáщицький синъ за сéбе ій взяв̀ъ; и хороший и замóжний, и вонú давнéнько накидáли óкомъ одно́ на днóго; вінъ замовлúвъ йноді й словомъ, да тíлько Парáска про себé сé держáла, бо й не сподівáлась: багатúрь, да й на вóлю ёго за бáткову прáцю вúпустили панú. Ще жъ и те ій трóхи зупинúло, що вінъ сердúтого бáтька синъ, та й самъ мýсить бýти сердúтий. «Не йди, Парасю,» рáдять було ій

дівча́та: недогóдишъ багатирéві». А вінъ до неї вже й при лю́дяхъ, якъ гóлубъ коло голу́бки буркóче. Вона й байду́же на людські рéчі, одкри́ла ёму́ ду́шу: каза́ла, що іногді було́ наси́лу зупиня́е своє́ се́рце, якъ ёго́ де забáчить, щобъ не ки́нутись до ёго. Люблячись вони́ собі й побра́лись, на ди́во лю́дямъ и, здава́лось, на вічну утíху ма́тері.

Га́рно ззіла, га́рно й сходи́ла Пара́ска. Було́ піде до це́ркви, да вбере́тця у ёго́ ма́тері ку́нтушъ зъ срібними у́сами, въ старосвíтський очíпокъ парче́вий, — намíтка ажъ за колíна, — увíйде въ це́ркву, почне́ свíчку ста́вить, покло́ни покладáти, — лю́де очéй не зво́дять. Прехоро́ша була́! По це́ркві тíлько цокъ-цокъ підківками: мовъ гетьма́нського ро́ду; а у íї тíлько дíдъ бувъ духо́вного званія, — того́ й вона́ прозива́лась Духáнкою, або Духанівною.

IV.

Не до́вго жъ вона́ попиша́лася! такъ, годóчокъ або́ зо два. За га́рного, ка́жуть, пойди́, га́рне й ли́хо бу́де. Правду люде казали, що сердитий буде Петро́, якъ и ёго ба́тько-прикащикъ. Разъ вінъ приíхавъ зъ лу́гу; вона́ ёго́ й не спод'ва́лась. Увíйшовъ у сíни, а вона́ зо мно́ю да зъ сусíдою стоíть, бала́кае. Таки́ щось здае́тця прова́дила своє́, якъ и дівкою була. А вінъ не сказа́въ íй ні здоро́ва була́, пíчого, да зъ се́рцемъ до не́ї: »А дитíну поки́нула!» (уже въ іхъ и дити́нка найшла́ся). Зна́ете, при лю́дяхъ, не поздоро́вкався, да бу́цімъ то вже íй дитина не така́ мила́ якъ и ёму́: ура́зивъ íї зараз о́мъ двíчі въ се́рце. Вона́ такъ и згоріла, да ка́же: «Воно́ гуля́е; я ёго́ на полу́ по́ясомъ припья́ла».

И пíшла́ слíдо́мъ за Петро́мъ, на́че не своíми.

Хáту непричи́нену покинули. Я й у́хо приложи́ла; се́рце въ ме́не тíлько тёхъ-тёхъ!

Постанови́ла вона́ обíдать на стíлъ, да вже я́кось безъ привíту, íй и въ ду́шу не йде: сло́во не такъ-то мо́вится. А чува́ть було́ по людяхъ, що вони́ живуть собі мовъ ри́ба зъ водо́ю; тíльки я щось помíча́ла, та мовча́ла. Се впе́рше чу́ла такі незва́жені рéчі.

Вона́ вже до ёго и те́ и се́, да ба! сама себе́ не розва́жить.

Вінъ, тро́хи одíйшо́вши, примíтивъ вели́кий смýтокъ на виду́ въ Пара́ски, да й спита́въ — такъ щире́нько:

— Чомъ се ти не ісй, Парáсочко? хиба пообідала?

— Ні.

Сказать би пообідала: лúшенько жъ, якъ же ёго́ обманúти?

— Чомъ же се?

— Такъ.

— Чого́ жъ се? чи не зобідивъ тебе́ хто, Парáсочко?

— Ні.... такъ.

Жаль ій зробúлось ёго́; жаль сказáти, що ти́ мене, Микóлочку, улýчивъ якъ стрілóю зъ лýка,—бо вінъ на нéї яснéнько такъ зглянувъ: а все такúй въ серці щемúть. У насъ не такъ и бійкою, якъ слóвомъ діймéмъ. Иногді трапля́лось, що вінъ ій дýже налáе, хочъ и безъ людéй; дакъ послі якъ одійде, пéститъ булó ій всякъ: и голýбка мóя вірная и ожúнко пóвная и перепілко моя утішная: наче ёму́ рідна́ мáти на́ ухо шепче. А якъ колú загорúтця, то й хáта малá. Булó вúплачетця Парáска у комóрі, вúплачетця дóбре, а одъ людей въ тайні хоронúла, що щимúть сéрденько: пощимúть, да й забýла Парáска. Любо зновъ у іхъ и хóроше у осéлі, мовъ соловéйки щебéчуть! Парáска зновъ весéла и гомонлúва и привітна́: й радіе дитúні и чоловікові. Тілько вже що дальшъ, то вінъ ій то тимъ, то сімъ та й шпигне́, а якъ колú, то й при людяхъ. Пóслі вже не скóро, не скóро, списáла вона́ мені якъ на долóні своє́ житте, а то все булó одмовля́ется. Чи за дитúну, чи за стрáву, чи за хлібъ, що здаéтця ёму́ не вдавсь, да й захóдитця; такъ що вже у Парáски й ноги трýсятця. И вжé нема́ въ ёго ніжного слóва до нéї: старáется вона́ якъ мóга; дýмае: «Що́ це я така́ плóха зробúлась! не тільки чоловікъ булó похваля́ется людямъ мнóю, а й сусіде, спасúбі імъ, мене́ не обхóдили добрúмъ слóвомъ... Якúхъ буханцівъ, книшівъ булó удамъ! поздорóвъ Богъ мою́ матýсю, що всёго́ навчúла на про слýчай сварлúвої свекрýхи; а вінъ такúй усé сінъ да сінъ!»

V.

— Охъ, мені ля́шечко, ка́же, убігши разъ до мéне въ хáту Парáска. Рука́ въ мéне боля́ть чогóсь. Учúній, сестрúце, будь ля́ско, паляніці на зáвтра.

А вона́ вже собі й вірн не доймáе: ій здаéтця, що вони вже іхъ не такъ постановля́е. Щожъ? и мої не вподóбавъ.

Жу́ритця Пара́ска по-тро́шку: приміла́ъ ду́шу туди́ вдихну́ла, щобъ тільки ёму́ поноровґ було́: ні!... Терпи́ть вона́. Защими́ть тро́шки, да й забу́де. Тільки оце було́ ду́мае: «Сёгодні мій Мико́ликъ такій сердйтішенький, ніжъ учо́ра. Що тамъ ёму́ е́? хто ёго́ такъ дратуе́? Я, здаётця, нічо́го ёму́ не заподіяла и милійший вінъ мені, ніжъ свїтъ Бо́жий.» Да погля́не на свою́ дитйну да ще й поцілуе: воно́ на ёго́, ба́чте, скйнулось.

А вінъ не зна́е ій ду́мокъ такйхъ щйрихъ про ёго́, да й гримне́ (було́, все те мені пороска́зуе): «У хáті въ тéбе, Пара́ско, якъ у сажу́; ко́мінъ закурівъ, якъ у вйшниці.« —»Да сёгодні жъ субóта, а я позавчо́ра іхъ змива́ла... Пійдешъ пообідавши наглядáти, якъ сіно скидáтимуть, я й помію и ко́мінъ помáжу ра́зомъ.« А вінъ за ша́пку да й лясь дверйма.

Я й ста́ла постерега́ти: якъ вінъ изъ ха́ти, то я й до не́ї. Бо́же мій! стоїть Пара́ска середъ ха́ти, ні жи́ва ні мéртва: »Гóсподи! чи лю́бить мене Мико́ла?« ка́же: »чи такъ же годйться грймати! Я жъ ёго́ не зобідила ні чимъ, а коли́ хотілось ёму́, щобъ я за́разъ помíла, дакъ хиба́ жъ я коли́ ёго́ не послу́хала? Чого́ ёму́ бажа́лось? Я бъ усю́ нічеиьку спáти не лягла́, да все бъ ёму́ вробйла, чого́ ёму́ схотілось. Коли́ жъ ёго́ хто дрýгий зобідивъ,—чимъ же я вúнна? Що жъ вінъ на мене́ пеню́ зливае?« Да вже й старе́ на ду́шу спилю́: «А чи можна жъ таки́ при лю́дяхъ не поздоро́вкаться? Чого́жъ се такъ вінъ до мéне? хиба́ ёму́ вдивовúжу, що ко́мінъ чóрний, якъ ёго́ тру́сять? Хиба́ жъ вінъ не ба́чивъ, що лáвку позавчо́ра змивáла и тепéръ хочъ би такъ и къ Велúкодню зостáлись, то.. ніхто́ бъ и не примітивъ, що й не мíти. Чого́ жъ ёму́? А вінъ же мені такúй лю́бий, якъ и підъ вінцéмъ бувъ, або́ ще й кра́щий. Дитйно моя́, чого́ жъ твій та́то мене́ півечить? хиба́ жъ я не твоя́ ма́ти? го́ренько жъ мое, лúшенько жъ мені!»

Да такъ почала́ ніби тро́хи й марúти. Почала́ я до не́ї пригля́датйсь. Гово́рить, було́, гово́рить, да й загада́етця. А дівкою су́му тому́, я ду́маю, не пяла́ й вірн, що й е́. Було́ ій якъ воро́жку підсилáли до люде́й, щобъ одводúла ту́гу одъ се́рця. Такъ и зніме́ я́сними очúма, щúрими речáми.

VI.

Я ій разъ поспитала на самоті: «У тéбе есть щось важке́ на се́рці? Скажи мені.« — »Тепéръ,« каже, »пістъ, дакъ чого́ жъ

химороди́ гна́ти!« А бува́ло и въ мясни́ці поспита́ю: »Нічъ,« ка́же, »не доспа́ла: хтось на дити́ну нагля́нувъ«, да ще й спля́юне. Така́ була!

И за нимъ тоді ста́ли ми примі́чати, що сміхъ зъ ёго́ устъ испа́въ. А тутъ ще підско́чила пригода. Ходивъ по боло́ту та, втомившись, на купахъ у очере́ті й засну́въ, дакъ ёму́ щось и ста́лось; почáвъ кво́литись, що въ боку́ боли́ть. Съ того́ ча́су ставъ ще сердитійший. Уже було́ хочъ и зъ людьми́, то не здéржитця. Що́ ні зро́бить було́ Пара́ска—усé не гара́здъ у ёго. Съ чужими ще постереже́тця, бо ті ёму́ не спу́стять, а ій догани́е така́ъ-що!..

Разъ було́ яке́сь вели́ке свя́то. Такій со́няшний день! Парубки, дівча́та й молоди́ці и старі де-які зійшли́сь за воро́та коло па́нського двора́; посіли на колодка́хъ; и я сиділа. Біжить Пара́ска изъ коро́мисломъ широ́кимъ дворо́мъ підъ воро́та до коло́дязя, така що куди́ вамъ! Свя́то, ба́чте: парче́вий очіпокъ, якъ квітка на голові маня́чить; пла́хта на ій—павли́нове пі́ро; вишива́ні рукавча́та ма́ють; намітку вже зняла́ прийшо́вши зъ церкви. Ви́тягла води́,—ми съ колодо́къ гука́емъ на ёі, щобъ насъ напоіла: вона́ передала́ намъ відро черезъ перела́зъ, щобъ не вихо́дить у очіпку міжъ люде. Ми ій кличемо, щобъ вихо́дила до насъ гуля́ти.

— До́бре, каже: — якъ дити́на проки́нетця, то прійду, а то само́го—якъ ёго́ ки́дати? Мико́ли нема́ до́ма.

А тутъ и Мико́ла, легки́й на вспо́минъ, иде́, за по́водъ коня ведучи́ зъ гу́щі, напроти́ насъ, узе́нькою доріжкою зъ га́ю: чого́сь іздивъ на місто. Поздоро́вкавсь и съ празникомъ, а тоді до Пара́ски: «Чого́ розбала́каласъ... тамъ мо́же дити́на зайшла́сь?»

Ще жъ вона́ не всніла зійти́ зъ перела́зу, захили́тись одъ люде́й; а вінъ ля́сь пу́гою зза́ду по доро́зі якъ на ота́ру; а вона́ ажъ спітикну́лась, моя́ голу́бка, да, забу́вши відро́ й коро́месло, зъ одни́мъ відро́мъ до до́му побігла.

И не вихо́дила на колодки́. Лю́де почали́ бубоніти: »Такъ–то!« ка́жуть: »увірва́лась ни́тка Пара́сці! Отъ тобі й кохáна па́ра!« Старі хита́ли голова́ми, молоді сти́хли, дівча́та нозажу́рёвались; тільки гай шумівъ, пташки щебета́ли.

VII.

Прибігла Параска зъ одни́мъ відро́мъ до до́му, — тілько на дні зоста́лось: всю ви́хлюпала. Поста́вила середъ ха́ти, ки́нулась не до дити́ни, а въ комо́ру, излила́ всю зе́млю гіркими; билась, якъ объ доро́гу го́рлиця. »Хай би хто дру́гий, да не ти́, Мико́лочку, наглуми́вся надо мно́ю! да ще й пере́дъ людьми́! И тебе́ и мене́ осу́дять, моє́ серце. Чи я жъ сподіва́лась, що хочъ одна́ рі́сочка, одна́ слёзи́ночка ви́котится чере́зъ те́бе? Я ду́мала, що й одъ люде́й за те́бе захилю́ся, мій сизий го́рле!«

Я поба́чила, що вона́ ажъ спотикну́лась,—посе́діла ще кри́шечку, а да́лі й пішла́ собі сти́ха мовъ у гаі, а тамъ по-за дворо́мъ, да й до ії въ комо́ру. Вінъ ти́мъ-ча́сомъ коня́ припина́въ у стійла да сіно закладавъ. Дити́на кричи́ть у колиски, а вона́ собі по комо́рі убива́ється да прикла́дае. И мене́ не ба́чить, и дити́ни не чу́е. »До кого́ жъ мені прихили́тись?« ка́же. »Кому́ жъ мені тепе́рь всю пра́вду одкри́ти? Се́рце жъ моє́ не приго́рнетця до те́бе, Мико́лочку, бо́чі не згля́нутця.« Да такъ зблідла бідола́шня, подала́сь! а побачивши мене́, уже́ й не хова́лась. »Лу́чче бъ вінъ мені«, ка́же, »го́лову одтя́въ, або́ утопи́въ, ніжъ на ме́не ру́ку зня́въ...« У насъ, ба́чте, до́ма безъ люде́й хочъ вя́зи зверни́. Жінка—якъ та голу́бка: хочъ и тя́жко нару́гу терпіти, а на самоті все знесе́ одъ лю́бого чоловіка, покірна бу́де; а при лю́дяхъ—и не посвари́сь!...

Три дні оче́й не пока́зувала лю́дямъ Пара́ска. Ви́стереже мене́ коло́ двере́й, махне́ мені ведро́мъ, я й догада́юсь: побіжу́, води́ ій унесу́. Пара́ска рідше до це́ркви ста́ла ходи́ти и га́рно убира́тись: що въ свя́то, ту и въ бу́ддень оде́жину но́сить, або́ що́ въ бу́ддень, то й въ свя́то. А вінъ ій докоря́е: «Коміръ до сорбчки не до-ладу́ пришила́...« Ну, чи ёму́ жъ те зна́ти? и те́ не такъ, и се́ не такъ; те не присо́лене, те пересо́лене — Господи! Да недо́вго ду́мавши, и за юпчи́ну насми́че и межи́ плечи стусоне́. »И не такъ повива́ешъ дити́ну, и ви́соко въ го́лови, и вервёчками дуже розма́хуешъ.« Одштовхне́ одъ колиски, да самъ и коли́ше: »Не вмі́ешъ! не хочешъ!«

VIII.

Що́ вона́ попопла́кала, що́ попорва́лась такъ годівъ зо три́ або й съ чоти́рі! Кра́ску зъ лица́ зовсімъ звела́. Було ще на зорю́

не здійметця, вона́ съ коро́мисломъ бі́жить за водо́ю, щобъ людей ме́ньше зустрінути, а послі цілий день не ви́лізе. Отъ же, було́ й плаче и тужить, и нарекае на до́лю, а ма́тері ні въ світі́ не пожалі́етця. Оце́ було́ коли́ й ма́ти нагоди́тця въ таке́ время, — що жъ? де́ ті й слёзи подінутця! такъ и проглине́,—а ні рісочки, и така́ собі́ весели́нька, мовъ и нічо́го. Звісно, жаліе ма́тіръ. А и́ногді вінъ ій и бо́ки набье́ такъ, що вона́ бі́жить одъ ёго о́слінъ, и не постерега́ючись уже́, чи зостріне кого́, чи ні. Бі́льшъ було́ на те пла́четця, що зъ до́му го́ре й радість трёба вино́сить, въ лю́дяхъ вилива́ти. Весе́лее дівова́нне зни́кло якъ сонъ: не пізна́ти було́ тіе́і Пара́ски, що було́ своімъ Петрусе́мъ хва́литця. Було́ прийде міжъ лю́де на одну́ годи́ну, сумна́, на́че зъ мо́гилокъ, або́ що. Очі́покъ на ій підсу́нутий уго́ру; воло́ссе по ши́і висить; сподни́ця така́ якъ ганчі́рка, а корсе́тъ нови́й галаджо́вий... Зовсімъ ій знівечивъ. Хто ій не зна́въ, що-то була́ спе́ршу за молоди́ця, той велича́въ ій придурковатою. «Нечума́зна», ка́жуть–було про не́і, «не хазяйка и зовсімъ не приязна́. Чи таку́ бъ жінку тре́ба було́ бра́ть прика́щенькому си́нові?» Таке́ то слі́пі лю́де прова́дили, а ій го́ре взіло... світъ ій не зми́лився. Спа́ла зъ лица́ дівоцька краса́, якъ изъ трави́ роса́. Бі́льшъ того́ було́ що мовчи́ть; и дити́на уже ій не втіша́ла.

Терпіла, терпіла Пара́ска, пла́кала, пла́кала, а вписля́ — наче щось собі надумала: слізъ не ста́ло, сама́ зробилась ні весе́ла, ни скушна́, да мовъ ій тро́хи съ се́рця спа́ло; говорливіша ста́ла и очі якимсь огне́мъ чудни́мъ загорілись. А Мико́ла кво́литця да й кво́литця, а серди́тий, — то ще бі́льшъ упада́е на силі; наси́лу було́ гово́рить, а далі кри́кне на жінку, да й засто́гне. Таке́ ли́хо! Пройшло́ ще ро́ківъ зо́ два,—поховала Пара́ска и чоловіка й дити́ну ма́ло не заразо́мъ. И такъ здаетця спокійне́нька собі ста́ла: дві чи три неділі и слёзи на ій не бачили; а послі все було́ тихе́нько пла́че, все пла́че. Станешъ було́ ій разважа́ти,—вона́ й ні–чо́го,—слухае́, на́че й не жу́рится,—тільки було́ й скаже тобі: «Э, се́стро! за га́рного пійди, га́рне й ли́хо буде», да такъ же то промо́вить тее гірке́ слово, мовъ усі бо́лі ій разомъ у се́рці обізву́тця. Отта́къ-то Пара́счина краса́ й здоро́вьечко сплило́ и нікому на сімъ світі не знадоби́лось. Иноді сама́ було́ до ме́не обізветця: «Боже мій, Боже!» ска́же було́: «якъ мій вікъ молодій сплинъ! Ні сла́ви, ні вжи́тку. Якъ би ли́шенько скоїлось одъ люде́й, а въ

госпо́ді любо й ти́хо, то й жалю́ бъ не. було́. А то́—ха́тнє лихо—гі́рше ли́хо». Да й замо́вкне.

Ли́хо було́ ій, да й ёму́ жъ не було́ добра́, ди́влячись на ій смутокъ. Вінъ и самъ нуди́въ світо́мъ; та́нувъ, та́нувъ, — мо́вчки и вмеръ.

IX.

Пла́че було́ мо́вчки Пара́ска по ёму́, по дити́ні и по своіхъ молодихъ лі́тяхъ, по своій красі дівочій, по своёму се́рденьку весе́лому, щасли́вому; все плаче! Де въ ій й слёзи бра́лись! Ажъ страшна ста́ла съ плачу́. Отъ ма́ти ій перебра́лась до не́ї. Бо зъ ій добра́ уже́ не було́: коро́ву подої́ть—ми́мо, хлібъ росчи́нить,—стільки наведе́, що черезъ ве́рхъ діжи́ йде́; вона́ не ба́чить, їй байду́же! Пічъ топи́ти—вона́ й ві́никъ и дни́ще и кача́лку замі́сть поліна въ пічь. Ли́шенько жъ на́ше несподіване й негада́нне! Уже́ й ма́ти, гляду́чи на не́ї, крів'а́вими слізьми схо́дила. Поста́ріла, зогну́лась, головою́ хита́ти почала́. Иногді було́ й не пла́че, а тільки на Пара́ску вка́же мо́вчки, да за своє́ се́рдце обо́ма рука́ми вхо́питця.

Съ того́ жалю́ стара́ незаба́ромъ и ви́простала місце на сімъ світі. Неха́й ца́рствуе! А я вже до Пара́ски перебра́лась зъ своєю семье́ю, ми́ жъ изъ є́ю й дівова́ли. Пара́ска журі́лась тимъ же ходомъ, якъ и изъ є́ю й жа́лю ій більше не прибуло́, а тільки робилась зо дня́ на день яко́юсь чудне́нькою, — хай Богъ милосе́рдний нікого́ не довóдить! Не ста́ла зовсімъ нічого ти́мити. Ще на сімъ світі вона одділи́лась одъ живихъ. Світъ для не́ї затми́вся. Сиди́ть собі похнюпившись, го́лову внизъ,—на полу́, або́ на долівці, но́ги й ру́ки проста́гши вподо́вшъ,—и не поворухне́тця. Ви́худала, якъ мо́щі. Ча́сто було́ лю́де ди́вляться на не́ї, хита́ють головою́ й ка́жуть: »До пори́ се́рденько, злиня́ли — опа́ли твої квітки́! прибило́ тебе́ моро́зомъ!« Да оце́ ій и бухáнчикъ унесу́ть, а хто полоте́нка на стано́къ, а хто на рукáва. Хто якъ спомігся (все пере́дъ ёго́ душе́ю бу́де): даю́ть, да все зъ тако́ю ува́гою, чи кли́шикъ, чи паляни́чку: підійде́ якъ до свято́ї, поло́жить пере́дъ не́ю, якъ пере́дъ своєю душе́ю, укло́нитця ти́хо й ни́зько зъ почо́томъ и пійде собі нічого не мо́вивши, на́че приложи́лось. Було́ по суботамъ дівча́та молоді́ї чергою́ хо́дять, нава́рять ма́тлю, голову ій зми́ють, сороч́ку чи́сту надінуть, приберу́ть ій. Діти було́

ій кытóкъ, ягідъ понапóсять. Бóже, якъ коло нéї! А якъ хто, то й сплакнé гляді́чи на нéї. Усé Бóжа вóля! Що бъ то, як би оттакóго да не було на свíті! а все гáрно да тúхо, да щобъ убóгихъ не булó, а все багáті! то й Бога бъ забýли!... А другі́ стáнуть, перехрéстятця, молúтву сотворять и подумають, щобъ іхъ такъ Госпóдь не наказáвъ, згадáе де про що, носумýе да й одпýстить, колú на к го сварúвся.

А вонá собі булá тúха, тúха якъ весінній вітерéць. Оцé якъ нікóго немá въ хáті, то вонá й голосніше розмовляе. Отъ разъ булó лю́де порóсходились, (се булó такъ у жнивá, здаéтця, чи въ косовúцю); я дóма булá, трéба булó дé-що пошúти.

Я собí шúю мóвчки, а вонá сидúть, простя́гши рýки й ноги. Очíпокъ зовсíмъ звúсъ на óчі: волóссе посíялось по шúї. У хáті тúхо; ій и здалóсь, що вонá въ хáті сама одна, да й почалá бубонíти, не підіймáючи голови; а я й духъ притаíла.

«Щó сé я?» кáже: «сижý якъ вьяле зíлле́ поникла! душá моя́ мовъ одлетíла, сéрце моé вщýхло... Охъ!» да й здúхнýла, моя́ голýбка. Да й изновъ почала: «Головá моя́ важкá,—тéмно; ніякá дýмка не засяе! я мовъ во снí сижý.» Росцíпила рýки, и трóхи пáльцями повелá себé по видý. «Чи дóвго менí ще вікъ свій коротáти?» да знóвъ и вмóвкла. А я, мáтінко, и не дúшу: тільки слёзи свої зупиня́ю. Бóже! якъ то вонá своé гóренько чýе. А передъ людьми тíлько чудне́нькою деревúною здаéтця. Прислухáюсь,—вонá знóвъ: «Чогó менí світомъ нудúти? харчýють, зодягáють, незобіжда́ють. Чи я сижý на лáві, чи середъ хáти, — всяке менé обíйде, тихе́нько перестýпить». Да й головóю скивнýла, — спасúбі бъ то, чи щó? Да й здрігнýла: (щось нáче зашелестíло). «Чогó менí ще?» кáже помóвчавши. «Уже жъ не болітиме! усé похована́ла, усé перебулá. О-о-о-ó! якъ же запекло́ коло сéрця!». Ухопúлась обомá рукáми, голову одки́нула, óчі заплю́щила: «Згадáла, згадáла», кáже, «усíхъ васъ рáзомъ згадáла! О-о-о!» застогнáла наче крізь сонъ. А головá ни́кне на бікъ, ни́кне, а я ні зъ мíсця, не зорвýсь, нáче прикипíла. «Щось менí світъ мінитця!» кáже, да руки впередъ протя́гує и нáче кого́ гóрне до сéбе. А послí—бебéхъ! До ії... не жúва. Я до сусіди. Сáме кóпи привезлú въ двíръ: поклúкала чоловíківъ, підняли́, положúли ії на пíлъ: дíти збíглись, полякáлись; приложúла я рýку до ії сéрця, ще трóшечки маéтця; до рóта дзéр-

кало приложи́ла—запотіло. Свічку воскову́ засвіти́ли, запричасти́ли її. Такъ вона́ ще три дні проле́жала мо́вчки, тільки — води́ці мої́ Явдо́шка ло́жечкою у ротъ впуска́ла. А послі, якъ буйни́і гра́дини, три слёзи ви́котилось, и не стало ду́ху. Поховали́ її га́рно — не такъ якъ сиро́ту́. Всімъ вона́ була́ на́че ро́дичка. Зібра́лось люде́й, якъ на весілле, — прикла́дувались до її старе́ й мале́...

А. Нечуй-вітеръ..

ПОЛТАВЩИНА.

(Изъ записной книжки 1856 года).

I.

Зеленая Балка.

....Далеко въ небѣ кричали журавли, летали и жужжали басомъ жуки; на селѣ слышались пѣсни, свистъ, ауканье и гуканіе; не было шагу безъ звука.

Насталъ второй день Свѣтлаго праздника. Я уже нѣсколько дней въ селѣ Кублівкѣ, и все время гуляю, вдыхая въ себя весенній воздухъ.... У пруда, я сѣлъ на изогнутомъ деревѣ. Прудъ былъ покрытъ сильною зыбью и всплескивали небольшія волны. Подъ солнцемъ блескъ воды — невыносимый; двѣ–три пары дикихъ утокъ плавали по пруду; вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ. Вдали кричалъ удодъ, начинали свистать соловьи. Дѣвчата, убранныя длинными лентами, которыми игралъ вѣтеръ, — въ шитыхъ рубахахъ, въ яркихъ *запаскахъ*, — плавно шли и пѣли *веснянки*, оглашая село отъ конца до конца. У шинка были устроены качели; оттуда доносились вскрикиванья подгулявшихъ и звуки скрипки...

Изо дня въ день жара томила всѣхъ; зелень распускалась туго, хлѣба пропадали; все жаждало дождя, — и вотъ, къ общей радости, нашла туча. Двери и окна въ помѣщичьемъ домѣ затворились; блеснула молнія, загремѣлъ громъ, и дождь ливмя облилъ землю. Туча пронеслась; проглянуло солнце, но скоро опять набѣгала туча за тучей, и дождь лилъ какъ изъ ведра...

Вечернее солнце освѣтило разорванныя облака; въ одномъ мѣстѣ проглянуло небо своей покойной голубизной и въ немъ блеснула звѣз-

дочка. Воздухъ былъ тихъ и влаженъ, чистъ и упоителенъ. Соловьи свистали; зацвѣла черемуха; вода на прудѣ стояла зеркаломъ; два нырка, плавая, вели за собой струю; лягушки пѣли въ два напѣва; съ молодой зелени падали и хлопали о листья капли дождя; вдали загоралась молнія....

Стемнѣло.... Кой-когда прожужжитъ ночной жукъ, неловко сталкиваясь съ чѣмъ попало; вскрикнетъ въ берегахъ проснувшаяся утка; а пѣсни селянъ разливаются въ воздухѣ. Дівчата протягивали концы, наробки имъ подтягивали. Когда накрапывалъ дождь, прерывались пѣсни селянъ; только возлѣ господской кухни слышались звонъ балалайки, вскрикиванье и хохотъ дворовыхъ. Едва переставалъ дождь—и снова на селѣ затягивались пѣсни.

Блаженное время! Все, что было тогда кругомъ меня,—жило во мнѣ полною жизнью. Доставало созвучья на все; все восторгало душу; пѣснями я заслушивался, упивался ими. Утро, вечеръ, дождь, мятель,—все наполняло грудь волненіемъ, которое вырывалось пѣсней, и я пѣлъ. пѣлъ громко и цѣлый день... Въ ту пору, войска тянулись съ одного конца Россіи на другой. На утренней зарѣ, меня разбудила непривычная селу военная тревога. Я отворилъ окно; пахнуло свѣжестью, востокъ загоралъ; сѣрая нижегородская дружина шла садомъ; близь дома она свернула вспорону и пошла большою дорогой, затянувъ: »*Ахъ! да не одна то во полѣ дороженька пролегала!*« Долго я слушалъ эту пѣсню, ловя ея уносящіеся, замирающіе вдали звуки.

Мы сидѣли съ дівчатами вокругъ умирающей ихъ подруги и сегодня простились съ нею. Она жила съ управляющимъ—нѣмцемъ; родила; дитя умерло, она грустила, сохла, и вотъ мы ее схоронили.... Бѣдная Марьяна! Еще такъ недавно я съ тебя рисовалъ, еще такъ недавно и такъ твердо ты, слушаясь своего сердца, полная рѣшимости, шла навстрѣчу незаслуженному позору. — Это была уже вторая жертва нѣмца. Годъ тому назадъ такъ же умерла Маринка (*).

Жизнь ваша, бѣдныя созданья, самая грустная повѣсть. Отправляетесь вы со свѣту одна за другой съ тѣми дѣтьми, которыя были

(*) Разсказъ о смерти Маринки помѣщенъ мною во II томѣ »Записокъ о Южной Руси,« П. А. Кулиша.

плодомъ вашей довѣрчивой души и—забывается ваше имя... а управляющій—нѣмецъ пщетъ уже новую любовницу, спокойный и безнаказанный...

Я отправился въ село; зашелъ въ *клуню* и встрѣтилъ тамъ одну глубокую старуху; дѣтки играли подлѣ. Мнѣ послали *рядно*—и вотъ бесѣда:

— Скільки тобі годъ, бабу́сю?

— А Бо́ (Богъ) ёго́ зна.

— Бабу́сю, а бабу́сю! (*) що́, дідъ той, що живе́ недале́ко одъ Явдо́шки коло проу́лка, Арапъ той,—старійшій відъ те́бе?

Старуха оставила пряжу и смотрѣла на меня.

— Арапъ!?. вінъ бувъ ще мальчишкой, хло́пцемъ, якъ я була́ жінкою.

— Скільки жъ тобі годъ?

— А отъ що.... я вамъ скажу́ прйказкою... Я пішла́ заміжъ двадцятй-двохъ годъ... Чоловікъ старій якъ уме́ръ, то пінъ каза́въ, що ёму́ було́ девьяносто годъ безъ трёхъ; а женйвсь вінъ двадцятй семй годъ... а живу́ я безъ чоловіка, ба́чте, якъ вінъ уме́ръ,—пройшло́ вже де́сять годъ безъ одного.

Она продолжала прясть; дочь ея, уже не молодая, сидѣла подлѣ и тоже пряла; ребенокъ возился около меня, другія дѣти играли у входа, на солнцѣ. Звали бабусю Тетя́ною; она еще была въ разсудкѣ и даже охотно пѣла пѣсни, старческимъ дрожащимъ голосомъ....

Ой иду́ть дівочкй,
Да якъ паняночки,
Ой усі въ вінóчкахъ —
А на молодій да на Мару́сеньці
И вінóчка нема́.
— Ой молода́я да Мару́сенько!
Де́ вінóчокъ ділá?
— Ой я вчóра та й звéчора
Пьяне́нька була́,

(*) Старуха была глуха.

И склони́ла та голо́воньку, —
Да й загуби́ла... —
Ой узяли́ да й молоду́ Мару́сю
За-пі́дъ бі́ли бо́ки:
Да й уки́нули да молоду́ Мару́сю
У Дуна́й глибо́кий....
— Оце́ тобі, да Марусенько́,
За хоро́шу вро́ду —
Пла́вай же ти по ти́хімъ Дуна́ю
Да пий холо́дну во́ду.

(Вона́ струі́ла байстря́, що привела́; а й вивели дівки́ та й вки́нули въ Дунай глибо́кий... объяснила мнѣ старуха).

Какая сила и сжатость языка въ этой драмѣ! Сколько достоинства въ народной поэзіи!—нѣтъ лишняго слова, какъ и въ пѣніи нѣтъ лишней ноты. Стариной вѣетъ отъ этой пѣсни.—Дунай,—чрезвычайное уваженіе къ дѣвственности,—немилосердная строгость. Теперь, правда, не кидаютъ такой дівчины ни въ Сулу, ни въ Дніпро́, но во многихъ мѣстахъ, если дівчина окажется, во время свадьбы, нецѣломудренной, надѣваютъ отцу и матери хомутъ (и жлу́кто) на шею, водятъ ихъ по деревнѣ, припѣвая срамныя пѣсни, и вымазываютъ ихъ хату грязью. Въ Черниговской губерніи, *плащова́тые* цыганы (т. е. носящіе родъ плащей, и перекочевывающіе съ шатрами, а не тѣ, что́ носятъ сельскую одежду и живутъ въ хатахъ) разсказывали мнѣ, что у нихъ, когда дѣвушка выходитъ замужъ нечестно, то жгутъ колеса у воза ея родителей и, тоже съ хомутомъ на шеѣ, водятъ по шатрамъ, бранясь и насмѣхаясь. У Мордвы и Чувашей сохранилась подобная же строгость. Этотъ обычай сдерживаетъ отъ соблазна, но его гнѣтъ часто бываетъ причиной убіенія незаконорожденныхъ.

Дочь старухи Тетя́ны спѣла пѣсню очень-хорошую и по словамъ и по грустному напѣву. Въ ней обозначились характеры мужской и женскій, каждый сохраняя свойственный ему оттѣнокъ. Наущаемый навѣтами матери, мужъ убилъ жену свою; онъ не боится суда и расправы, не бѣжитъ скрыться по совѣту матери, а вполнѣ раскаивается передъ своею совѣстью и громадою, хочетъ похоронить жену съ честью, совершить надъ душой ея поминки, готовъ дать и коня, и сѣдло, шитое золотомъ, тому, кто разбудитъ убитую.

Ма́ти сы́на да при лю́дяхъ би́ла;
На самоті сы́на научи́ла: (*)
Да поідь, сыну, у Прилу́ку до то́ргу,
Да купи́, сы́ну, дротяни́й вiжки —
Да звяжи́ су́ці ще й ру́чки и нiжки;
Купи́, сы́ну, дротяну́ нага́йку
Да бий ми́лу зъ вiчора до ра́нку.
У пiвночі комо́ра звени́ла,
А и къ свiту вже ми́ла не жи́ва...
Лежи́ть ми́ла якъ ожи́на сы́ня,
Стоiть ми́лий да якъ папiръ бiлий...
— А що бу́демъ, матiнко, робити, —
Уби́въ жiнку,—ні съ кимъ менi жити!..
— Запряга́й, сы́ночку, бiлую коби́лу,
Да iдь, сы́ну, въ чужу́ю краiну.
— Тре́ба, ма́ти, попа́мъ сказа́ти,
Тре́ба ii тiло й похова́ти,
Тре́ба, ма́ти, громаду збiра́ти,
Тре́ба ii ду́шу помина́ти.
Колиб'ъ я знавъ, хто ми́лу розбу́дить,
Давъ би ёму́ коня́ вороно́го
И сiдéльце изъ злота само́го,
И нага́йку, якъ чо́рную га́лку,
И попру́гу зъ велúкого ту́гу...
Колиб'ъ бувъ ма́тері не слу́хавъ...

Пѣвицѣ помнилось, что пѣснѣ не конецъ, да она его не знала. Пришла другая женщина и присѣла возлѣ насъ; одно дитя сосало ея грудь, другое она обняла, и въ такомъ положеніи спѣла слѣдующую пѣсню:

Приня́въ чорне́ць Кузе́мочку за рiдну дити́ну,
Да ii оженúвъ на чужiй сторонi.
Поiхавъ Кузе́мка у млини́ молоти,
Да ii заiхавъ до те́стя у го́сті.

(*) По другому варіанту:

Ма́ти сы́на насильно женúла;
На пiдпитку невiстку судúла. *Ред.*

Якъ сівъ Кузе́мка мо́веньку мо́вити,
А Мила́шка изъ Ода́ркою соки́ри гостри́ти.
Ой сівъ Кузе́мочка вечеро́ю ужива́ти,
А Мила́шка изъ Ода́ркою въ вікно́ виглада́ти.
Да поідьмо, Кузе́мочку, съ ха́ти,
Да поідьмо въ чи́сте по́ле гуля́ти;
Ой сядь же ти, Кузе́мочко, отту́тъ пі́дъ верб'о́ю,
А ми поідемо да́лі на розмо́ву.
Сіла Мила́шка Кузе́мочці ськати,
А Ода́рка изъ соки́рою шию рубати...
У на́шої у Мила́шечки въ підпи́лькахъ мере́жка:
Куди́ везли́ та Кузе́мочку — крива́вая сте́жка.
У на́шої у Ода́рки на засті́бці стрічка,
Куди́ везли́ та Кузе́мочку — да крива́вая річка.
— Прода́вай, мій тату́сенько, воли́ та корови́,
Визволя́й насъ изъ невоі́!
Ой продава́й, мій тату́сенько, воли́ та телички,
Визволя́й насъ изъ темни́чки. —
»Прода́въ я, мої до́нечки, воли́ та корови́,
Та не ви́зволю изъ невоі́лі...
Оце́ тобі, да Ода́рочко, за твою розмо́ву
Сиди́ въ піску́, да їжъ тузку́, да пий холо́дную во́ду.

— Вони́ ёго́ уби́ли за те́е, що він'ъ осо́хъ ра́зомъ любивъ (объяснила пѣвицы).

Я отправился на край села, гдѣ стояла одинокая хатка; плетни вокругъ нея были ветхи; на дворѣ пусто; мужское хозяйство было запущено. Близъ хаты былъ яръ: — здѣсь я любилъ сидѣть незамѣченный никѣмъ и вслушиваться въ бесконечно-грустное задушевное пѣнье молодой женщины. Почти всегда она была одна дома, и работала. Теперь она укачивала ребенка, пряла и пѣла. Веретено гудѣло и наводило неизразимую тоску. Несчастная женщина поетъ, а веретено однообразно стонетъ; прервется стонъ на минуту, и снова вторитъ грустной пѣснѣ. Пѣлась знакомая мнѣ пѣсня:

Да зачу́ла стара́ ма́ти,
Да по тімъ бо́ці сто́я...
»Ой не плачь, доню, не журі́ся,
Бо така́ твоя́ до́ля;

Ой полюбíла пройди–свíта,
Да при мíсяцю стóя.«
— Не я ёго́ полюбíла,
Полюбíла моя́ мáти:
Ой повелíла менí мáти
Білі рушничкí дагáти...
Чи я въ тéбе, моя́ мáти,
Да хлíбъ–сíль переíла,
Що ти менé, моя́ мáти,
За бурлáку затопíла?
Затопíла голóвоньку
У чужóю сторóноньку,
У чужóю сторóноньку
Въ безóдное мóре!..
Ой звяжи́ менí, мáти,
Да китáйкою óчі:
Ой веди́ — топи́ до рíченьки
У темнéнькій нóчи;
Да пристромí менé, мáти,
Щобъ я не зринáла,
Ой щобъ я сёго́ гóря
До–вíку не знáла.

Я оставлялъ занятья и слушалъ пѣсни своихъ подругъ–дѣвáтъ, которыя въ сосѣдней комнатѣ сидѣли за работой въ пяльцахъ, вышивая панскія юбки, воротнички, платки и прочія тряпки. *Петрівки* смѣнялись другими, и часто пѣли мои, въ то время, любимыя пѣсни. Я никогда не имѣлъ исключительно избранныхъ, любимыхъ пѣсенъ; нравилась болѣе та или другая пѣсня смотря по расположенію духа. Хоръ дѣвчатъ былъ прелестенъ; мотивъ несся и въ него вливались всѣ маленькія отступленія каждой изъ пѣвицъ. Каждая пѣла по–своему, по собственному вкусу, по сердечному влеченію. На время смолкала одна, прервавшая работой, но скоро снова подхватывала пѣсню или на той нотѣ, гдѣ пришлось, или догоняла подругъ, вышѣвая всѣ пропущенные ею стихи. Хоръ былъ неподражáемый. Одѣ и тѣ же дѣвчáта не всегда одинаково пѣли одну и ту же пѣсню. Какая разница съ хорами ученыхъ пѣвицъ, которыя поютъ стройно, ровно—словно маршируютъ! Дѣвчáта поютъ потому-что поется. Пѣсня выбирается общимъ располо-

женіемъ духа; тогда—какъ въ ученомъ хорѣ поютъ съ мыслью, что ихъ слушаютъ и чтобъ ихъ слушали. Тутъ хоръ случайный; одни голоса схожіе, другихъ не достаетъ; но отъ этого именно пѣсня получаетъ характеръ правды, жизнь, свѣжесть и прелесть, тогда—какъ тамъ всё подобрано, выравнено, выправлено. Въ этихъ непріятныхъ хорахъ проявился противохудожественный духъ формалистики и солдатчины. Дивоцкій наивный хоръ поетъ и вѣритъ въ пѣсню, въ ней живетъ всѣмъ существомъ; а ученые хоры поются, чтобъ щегольнуть, и рѣдко проникнуты содержаніемъ. Моя нелюбовь къ хорамъ подобнаго рода относится не только къ тѣмъ пѣсельникамъ, которые потѣшаютъ публику на островахъ, минеральныхъ водахъ и театральныхъ подмосткахъ; но и къ насильственно—составленнымъ пѣвчимъ при панскихъ дворахъ, къ цыганамъ, которымъ такъ рукоплещетъ Москва и Петербургъ, и которые такъ блѣдны и непріятны, когда вспомнишь разгульныя вольныя пѣсни кочевыхъ цыганскихъ таборовъ. Подобные хоры лишены сердечнаго увлеченія и представляютъ собою жалкое перерожденіе народной музыки. Восхищаться можетъ этими хорами только наше общество, оторванное отъ народа и представляющее собою такую же жалкую его пародію, какъ и пѣсни, которыми потѣшается. Глядя на наше общество, узнаешъ иногда стихіи того народа, изъ котораго оно вышло, — но переродившіяся, изуродованныя, часто смѣшныя, часто отвратительныя и лицемѣрныя. Члены его стоятъ особнякомъ равно чуждые народу и цивилизаціи, потому-что образованіе понято ими ложно; правильное развитіе уяснило бы имъ, что стремленіе, цѣль цивилизаціи состоитъ въ томъ, чтобы слить въ одно всю разнородную массу элементовъ, изъ которыхъ сложился весь народъ, и продолжать общее движеніе впередъ цѣльной, мощной массой.

То же бездушіе въ пѣніи парадныхъ пѣвчихъ и на клиросахъ модныхъ монастырей: — отъ ихъ аккордовъ, ихъ выученныхъ соло и въ концѣ пѣнья густо—пущенной октавы — такъ и пахнетъ духами. Не такъ пѣли первобытные монастыри, когда соединяла братію искренняя вѣра. Тогда не спѣвались передъ службой, чтобъ хвастнуть стройно—пошлымъ пѣньемъ à l'italien, а пѣли свободно душевныя молитвы; хоръ прерывался хоромъ; пока одни клали земные поклоны, другіе пѣли. У. ары въ доску, или звонъ колокола, сливались въ общую гармонію, и имѣли свое осмысленное значеніе. Хоры первобытныхъ христіанъ не пѣли подъ камертонъ; разладъ въ ихъ пѣніи имѣлъ свою гар-

монію; хоръ селянъ не поетъ подъ взмахъ капельмейстера; пѣсня его раздается сама–собой, и въ его вольныхъ переливахъ, въ его нестройности именно та вѣрная себѣ, упоительная гармонія, которую я слушаю и не наслушаюсь. Такихъ наивныхъ вольныхъ хоровъ положить на ноты нельзя; ноты передаютъ мертво; онѣ не въ состояніи передать физіономію и игру пѣсни. У меня записана звукъ въ звукъ игра бандуриста, но когда мнѣ разыгрывали эти ноты, то рѣдко кто мнѣ могъ напомнить его игру, и я съ досадой слушалъ, какъ игра была точна, вѣрна, безъ фальши, — но въ то же время — мертва, лишена смысла и духовности. У бандуриста жилъ каждый звукъ; онъ собирался съ пѣньемъ, отыскивалъ мотивъ и настраивалъ самого–себя, тогда–какъ по нотамъ мнѣ бренчали отрывисто и безсмысленно. Я уже и не вспоминаю о тѣхъ аккомпаниментахъ, которые придѣланы въ изданіяхъ народныхъ пѣсенъ: они рѣшительно оскорбляютъ и вкусъ и ухо.

II.

Лебединецъ. — Кобзарь Остапъ.

Я ѣхалъ къ Гр. П. Галагану на освященіе *Будинка*. Сельская дорога вела по житáмъ и гречкáмъ; пестрѣли васи́льки и макъ; на толóкѣ паслись мериносы; изъ *будянка*, который лѣсомъ укрывалъ степь, вылетали голуби; наконецъ—черезъ массивные ворота, я въѣхалъ въ чистый и обширный дворъ. Съ-боку стояла бѣленькая хатина, смѣясь на солнцѣ, а прямо передъ глазами былъ домъ съ навѣсами, крылечками, подпорами и прúсьбой кругомъ всего дома; высокая соломенная крыша укрывала его, а за нимъ возносились пирамидальныя тополи и рисовались густыя купы деревъ. Вербы свѣсили свои нѣжныя вѣтви къ крышѣ и окнамъ. Съ другой стороны дома садъ съ темными аллеями подходилъ къ самому *поддашью* (комната безъ наружной стѣны, которая (стѣна) вставляется только зимою) и аллеи его на полверсты тянулись и пересѣкались одна другой; то липовая вся въ цвѣту, то изъ орѣшника, то кленовая, то черемховая, то березовая, то вся изъ акацій. Плодовыя деревья, кусты ягодъ, гряды земляники раскинулись по всему саду, окаймленному колючимъ терномъ. Послѣ молебна, обѣдни и освященія этого дома (*будинка*), мы обѣдали на старый ладъ, запивали наливками и вен-

герскимъ изъ дѣдовскаго запаса. Всѣ радостно привѣтствовали это старосвѣтское, вновь рожденное дитя. Будинокъ смотрѣлъ такъ уютно, такъ привѣтливо; своею физіономіею онъ переносилъ насъ въ жизнь давно прошедшую, и невольно порождалъ во многихъ присутствовавшихъ желаніе сдѣлать и у себя такой же. Зачѣмъ *такой* же? Гр. П. Галаганъ попытался, и очень удачно, воскресить прошлое; всякою мелочью въ домѣ онъ хотѣлъ напомнить намъ жизнь дѣдовъ и прадѣдовъ; это очень похвально,—шагъ все-таки сдѣланъ, но подражаніе, всегда насъ преслѣдующее, явилось и тутъ. Почему бы не сдѣлать шагъ впередъ и не идти далѣе, чѣмъ могли наши предки?

Когда я заговорилъ о томъ, что слѣдуетъ строиться по остаткамъ старины, по вкусу и потребностямъ народа; то немногіе меня понимали, не многіе мнѣ сочувствовали, всѣ почти считали эту мысль за увлеченіе, за дѣло невозможное; но вскорѣ, подъ моимъ надзоромъ и съ моею помощью, сообразаясь съ народнымъ вкусомъ и остатками старины, начерченъ былъ планъ каменнаго малороссійскаго дома архитекторомъ И. В. Штромомъ. Я подарилъ планъ графу А. П. де-Б-ну. Мнѣ хотѣлось, посредствомъ этой попытки, устранить тотъ англійскій котеджъ, который онъ думалъ строить. Удалось ли мнѣ — не знаю.

Мы всѣ ясно видимъ безтолковость нынѣшнихъ домовъ и ихъ разладицу съ жизнью; никто однакожъ не хочетъ изучать настоящихъ требованій, и, основываясь на этомъ изученіи, сдѣлать попытку собственной народной архитектуры. Напрасно думаютъ, что это такъ трудно, что это доступно только генію:—тутъ создавать нѣчего, все уже давно существуетъ;—нужно только внимательное розысканіе и любовь къ дѣлу. Стиль—не прихоть онъ рожденъ климатомъ, мѣстными потребностями, вкусомъ, который, въ свою очередь, образовался подъ вліяніемъ исторіи. Сообразивъ требованія и условія страны, и обобщивъ ихъ, мы получимъ стиль. Все, что происходитъ не отъ этихъ требованій, — противъ мѣстныхъ условій — непростительная ошибка,—и въ архитектурѣ влечетъ за собой лишнія хлопоты и лишнія траты. Каждый народъ имѣетъ свой вкусъ, свои потребности,— дайте только имъ возможность проявляться, а не подавляйте ихъ.

Чтобы понять народный вкусъ и изучать его, надо обратиться не къ тѣмъ храмамъ и зданіямъ, которые строились иноземными выходцами (они непремѣнно внесли туда свой элементъ,) а къ тѣмъ, которые строились самимъ народомъ. Источникъ народнаго вкуса—его

быть: его-то и должно изучать, вмѣстѣ съ обычаями, обрядами, пѣснями и даже складомъ народной рѣчи. Тогда бездѣлицы, мимо которыхъ проходили прежде, не замѣчая, теперь привлекутъ вниманіе и получатъ для насъ цѣну. Тогда мы увидимъ народную своеобразность, которая откроетъ намъ глаза на новое дѣло народной архитектуры. Пора, наконецъ, выступить впередъ и предъявить свои права въ этомъ искусствѣ. Пора кончить съ чужеземщиной, почти не имѣющей для насъ смысла. Это не бредъ,—это твердая вѣра въ благое начинаніе и уваженіе къ личности народа. Глядя на *хату*, ясно видишь вездѣ мысль и удовлетвореніе извѣстной потребности. Всѣ въ хатѣ утверждено здравымъ разсудкомъ; а мы пренебрегаемъ и не замѣчаемъ этихъ проявленій народнаго разума—по той причинѣ, по которой донынѣ не обращали вниманія на самый народъ. Могутъ возразить, что, съ развитіемъ народа явятся въ немъ и другія потребности. Да, правда: цивилизація мѣняетъ все,—частью измѣнитъ и климатъ, проведетъ сообщенія и уничтожитъ разстоянія,—степи засѣетъ лѣсомъ, доставитъ камень въ черноземную полосу, деревянныя подпоры и балки можетъ замѣнить желѣзными и т. д. Но цивилизація не можетъ уничтожить климатическихъ и мѣстныхъ условій вполнѣ; а они—то и составляютъ законъ народной архитектуры; правда также и то, что истинная образованность дорожитъ личнымъ развитіемъ народа, уважаетъ его особенности и сберегаетъ ихъ. Поэтому нечего опасаться, что наши труды безполезны; обратимъ все вниманіе на разработку своей народности, и этимъ послужимъ человѣчеству, въ его общемъ развитіи. Другая жизнь и другіе народы намъ менѣе знакомы, и дѣятельность ихъ намъ менѣе свойственна. Кто, не укрѣпленный этимъ взглядомъ, начнетъ строить, то сейчасъ же воспитаніе его,—его иностранныя, стѣснительныя для него же привычки,—проглянутъ изъ каждаго окна, изъ каждой части его зданія; это зданіе будетъ жалкимъ трудомъ и непростительною потерею денегъ безъ мысли. Такъ чужеземщина вездѣ втирается къ намъ и насилуетъ насъ; а мы не имѣемъ ни сознанія, ни твердости освободиться изъ-подъ уродующаго насъ гнета.

Для уясненія народнаго вкуса въ постройкѣ, слѣдуетъ собирать и приводить къ одному знаменателю все, что только можно захватить изъ народной жизни. Образцомъ для общихъ формъ дома должна служить хата, въ ней есть всѣ данныя, во всей ихъ чистотѣ, старосвѣтскіе же *будинки* и *каменицы* должны разсматриваться съ ог-

лядкой, потому что и туда внесена порча. Для архитектурныхъ украшеній слѣдуетъ изучать рѣзьбу: на карнизахъ, окнахъ, дверяхъ, *сволокахъ*, *млинахъ* и *вытрякахъ*, *воротахъ*, *коморахъ*, поднорахъ, ярмахъ и чумацкихъ *мажахъ*, корóмыслахъ, прачахъ, скамьяхъ, столахъ, солонкахъ, божницахъ, *полицяхъ*, рѣчныхъ *дубахъ* (судахъ); шитье рубахъ, *рушниковъ*, *хустокъ*; рисунки: *плахтъ*, *крашанокъ*, *писанокъ*... и этихъ матеріаловъ безъ конца. Обо всемъ этомъ стóитъ подумать, этимъ стóитъ заняться... Но вернемся къ празднику.

Съ *рундука* (крыльца) бросали пряники, дарили шапки, платки; народъ только-что пообѣдалъ,—начались пляски, танцы; пьяные упали гдѣ кто былъ, ловко раскинувшись. Я сидѣлъ на *присьбѣ*, съ своимъ старымъ другомъ *Остапомъ* (*); надъ нами было рѣзное дубовое окно.

— Подивúсь, Остапе,—рукóю облáпай,—якъ гáрно рiзано вiкнó.. Я взялъ его руку и приложилъ къ рѣзьбѣ.

— Такъ щóжъ! нá що менi дивúться? ще панí бýдуть лáятьця. Щó менi дивúться?.. Та воно гáрно!.. Колú бъ булó гáрно й на тiмъ свiтi...

Мнѣ была отведена чистая хата. Утромъ, меня разбудилъ шорохъ у дверей: Остапъ ощупывалъ входъ. Онъ вошелъ съ банду́рою подъ полой и сѣлъ возлѣ моей постели; женщина, которая его привела и съ которой живетъ онъ, стала у дверей и, подпершись щеку рукой, слушала умильно нашу бесѣду.

Бесѣда была коротка; она скоро перешла на думы и пѣсни. Очень жалѣю, что не могу привесть тутъ голосъ думы, которую, въ этотъ разъ, пропѣлъ мнѣ Остапъ; но сохраняю ее со всѣми остановками (которыя я обозначаю посредствомъ точекъ), такъ ясно передающими состояніе духа пѣвца и глубоко-трогательный смыслъ думы (**).

Ой у недiлю та бáрзо рáно–пораненько,
Ой то не въ усi дзвóни дзвонúли,

(*) Портретъ бандуриста *Остапа Вересая* находится въ числѣ рисунковъ (именно XIII-й) *Живописной Украины*. Біографическія свѣдѣнія объ немъ помѣщены въ августовской книжкѣ *Основы*.

(**) Я записывалъ обыкновенно слово-въ-слово, буква въ букву, не дозволяя себѣ никакихъ поправокъ, и потому читатель не рѣдко встрѣтитъ въ пѣсняхъ ошибки противъ выговора и языка; но самыя ошибки весьма важны въ этнографическомъ отношеніи. *Л. Ж.*

Якъ у крáйнёму дóмі отéць и мáти гомоніли,
У чужý сторóну сúна випровожáли:
«Ой идú жъ ти, сúну, между лю́де,
Бо тамъ тобі лýчче бýде!»
— Якъ то менí, мáти, не хотілося
У чужій стороні пробувáти;
Бýдуть менé *прошéнiемъ* называ́ти.
До тóсестрá стáрша коня́ ведé;
Сестрá середýльша збрýю несé;
Наймéнша сестрá брáта випровожáе,
Словáми промовляе,
Гірко слезáми ридáе...
«Братíку мій мúлий,
Якъ голýбонько сúвий!
Відкíля тебé, братíку, въ гóсті виглядáти?
Чи зъ бýйного вóю,
Чи зъ чúстого пóля,
Чи зъ слáвного лю́ду Запорóжжя?»
— Ой не виглядáй менé, сéстро,
Ні зъ бýйного вóю,
А ні зъ чúстого пóлю,
Ні зъ слáвного лю́ду Запорóжжя.
Возьмú, сéстро, жóвтого пíску,
Посíй на білому кáменю,
Устáвай раненько,
Да поливáй пісóкъ частéнько
Ранніми, вечíрніми зорáми —
Усé своíми дрíбними слезáми..
То якъ бýдуть, сéстро, о Пéтру ріки замерзáти,
А объ Роздві калúна у лýзі білимъ цвíтомъ процвітáти,
Объ Васúлю я́годи зрожáти,
Жóвтий пісóкъ на кáмені схожáти,
Сúнімъ цвíтомъ процвітáти,
Хрещáтимъ барвінкомъ кáмень устілáти:
Дакъ тоді я бýду, сéстро, до васъ у гóсті прибувáти.

Остапъ остановился и сказалъ:

(*Се, бачте, вінъ гарну казку казавъ; а вона ему й о* [illegible] *дъча*)

«Якова́ я, бра́тіку, у світі ста́ла,
Що я сёго́ одъ стари́хъ люде́й не чува́ла,
Щобъ о Пе́тру — ріки замерза́ли,
А объ Різдві — кали́на у лу́зі процвіта́ла,
А объ Васи́лю — я́годи зроста́ли,
И щобъ жо́втий пісо́къ
На ка́мені схожа́въ,
Сйнимъ цвітомъ процвітавъ,
Хреща́тимъ барвінкомъ ка́мень устіла́въ
Щобъ–то тоді братъ до сестри́ у го́сті прибува́въ».

. . . . . .

. . . . . .

(Остапъ прервалъ пѣнье и игралъ въ раздумьи на бандурѣ).

— А ще́ жъ бо ти, се́стро, бо сёго й не догада́ешся?
Уже́ о Пе́тру, се́стро, рікáмъ не замерза́ти,
Кали́ні у лу́зі объ Роздві — не процвіта́ти,
А объ Васи́лю — я́годъ не зрожа́ти,
И жо́втому піску́ на камені не схожа́ти
Хреща́тимъ барвінкомъ ка́мень не устіла́ти...
До тако́ъ–то мені, се́стро, у ва́шему до́мі го́стемъ не бува́ти...

Онъ снова игралъ безъ пѣнья довольно продолжительно. Въ думѣ ясно выражались суровость и гнетъ отца, покорность жены его, которая не отвѣчаетъ сыну изъ боязни, и грусть сестеръ, безмолвно снаряжающихъ брата въ путь. Только юность, забывъ все, даетъ волю своему чувству... Еслибы не было тутъ повтореній, еслибы.разсказъ развивался далѣе, я былъ бы не удовлетворенъ. Мнѣ не хотѣлось еще перейти къ другимъ чувствамъ, къ другимъ впечатлѣніямъ. Эти повторенія удерживали вниманіе на главномъ предметѣ и давали время вполнѣ углубиться въ сцену разставанья. Бандуристъ былъ переполненъ чувствомъ; онъ прервалъ пѣнье, продолжая играть въ тѣхъ же мотивахъ и подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Эти, то переливающіеся, то прерываемые звуки металлическихъ струнъ сильно дѣйствовали на сердце, мысль глубже вникала въ думу, и живая картина носилась передъ глазами.

Остапъ продолжалъ:

. . . . . .

Ой то до́бре, бра́тіку, зна́ти (?) у се́бе ма́ти,

И у чужій сторонѣ, у дорогíхъ кармазúнахъ похождáти.
То бýдуть тéбе дóбрі лю́де знáти,
Бýдуть у тéбе кýми й побратúми...

. . . . . .

А якъ пришúбе́, тебе́, брáтіку, на чужій сторонѣ
Злáя годúна,
Лихáя хуртовúна,
Тоді одречéтця одъ тéбе усяка назвáна родúна.

. . . . . .

Тутъ Остапъ заигралъ проворно и чуть не рвалъ струны...

. . . . . .

И кýми й побратúми,
И товáришъ вірне́нький...

. . . . . .

Начавъ нѣсколько тихо, онъ игралъ уже громче и громче, — и запѣлъ:

Якъ то трýдно рúбі на суходóлі,
Звіру, птúці, безъ пóля и безъ дібрóви,
До такъ-то трýдно на чужій сторонѣ пробувати—
Безъ рóду и безъ сердéшної родúни.

. . . . . .

Якъ-то трýдно изъ сирóї землі білий камéнь изняти,
То такъ-то тяжко-вáжко у чужій сторóні
Безъ рóду, безъ сердéшної родúноньки поміráти...

Тутъ Остапъ забылся и игралъ долго, долго. Быть-можетъ, онъ вспомнилъ собственную жизнь, — вспомнилъ, какъ его выгналъ зять, вмѣстѣ съ его же дочерью, изъ его же хаты, и какъ придется ему умирать на чужой землѣ, *безъ сердéшної родúноньки*. Онъ игралъ грустно, разрывалъ душу на части. Наконецъ, запѣлъ припѣвъ, обыкновенно заканчивающій думы:

Услúши, Гóсподи, у прóсьбахъ и у молитвáхъ:
Лю́ду цáрському (*)

(*) Въ старину пѣли:

Люду гетьманському,
Народу християнському.

Но съ перемѣной правленія, народъ замѣнилъ это, для него уже отжившее, выраженіе близкимъ и понятнымъ. *Л. Ж.*

И наро́ду христия́нському.
И усімъ го́ловамъ слуха́щимъ —
На мно́гі лі́та,
До конця́ ві́ка,
На мно́гі лі́та
До конця́ ві́ка...

Женщина, которая все время стояла у окна, по окончаніи пѣнія отошла къ двери и плакала. На нѣсколько минутъ наступило въ хатѣ молчаніе; только было слышно ея всхлипываніе. Поговоривъ со мной немного, Остапъ снова запѣлъ въ ладъ съ ощущеніями, вызванными прежней думой:

Ой го́ре, горе на сімъ світі жи́ти!
Боро́нь, Бо́же, сме́рти, бу́деть Богъ суди́ти. 2.
Якъ чоловікъ здоро́въ, до усі́къ ёго́ коха́е,
А при лихій годи́ні, ёго́ й рідъ пура́е. 2.
Що при до́брій годи́ні — куми́ й побрати́ми,
А при лихій годи́ні — нема́ й роди́ни. 2.
А ма́ти старая зъ жа́лю умира́ла...
Діти жъ моі, діти, я васъ годува́ла! 2.
А якъ то трудно а ка́мень жува́ти,
А ще гі́рше дітей годува́ти. 2.
А діти на те́е—нітъ-ні ма́ло не доба́ють,
Да ще гі́рше отця́ й ма́тку слова́ми огорча́ють. 2.
Коли́бъ то ми ма́ли у не́бі пробува́ти,
Було бъ же намъ отця́ й ма́тки да й не огорча́ти. 2.
Коли́ бъ же могли́ ми у небі прожива́ти,
Було́ бъ же намъ отця́ й ма́тки да й не зневажа́ти. 2.
Кого́ жъ то Богъ любить, того́ й награжда́е,
А за отця́ й ма́тку Синъ Бо́жий кара́е!.. 2.
Ой Ісу́се мій, 'Су́се крижова́ний!
Утіша́й и поми́луй наро́дъ правосла́вний!
Ой Ісу́се мій, Ісу́се Назаре́йський!
Утіша́й и поми́луй уве́сь міръ христия́нський.

. . . . . .

Поигравъ еще немного, Остапъ остановился, опи́стилъ руки, вздохнулъ и сказалъ: «Честь Богу и хвала!.. Ся пісенька до ліри сла́вна. Боро́нь Бо́же, яка́ га́рна!»

— Остапе, давно́ вже́, підъ Полта́вою, дідъ співа́въ мені на сей гласъ пісню про смерть. Вона́ почина́лась та́къ:

Ой уже смерть до воріть прихо́дить: —
Ой не хо́четця уме́рать мені:
Дiти мої, да просіте ви ії,
Що́ бъ мене́ младо́го не взяла́ собі?

Чувъ ти сю пісню?

— Ні, не зна́ю... ні, не чувъ.

— Жаль, а га́рна пісня. Дідъ мені співа́въ, співа́въ та й запла́кавъ.

Остапъ захохоталъ.

— Що́ жъ, *він*ъ запла́кавъ, а не запла́кали *лю́де*?!.. ха, ха, ха!..

— Чи давно́ вже ти ослiпъ, Оста́пе?

— Мені було́ годъ чотирі.—Коли́бъ я ослiпъ більшимъ, тоді бъ я знавъ, що́ таке́ со́нце та ого́нь, та й яке́ воно́ — кра́сне або́ жовте; ато́ я нічо́го не зна́ю. Се, ба́чте, мені роска́зують оте́ць та ма́ти, що такъ було́: (лiтъ де́сять якъ умеръ оте́ць, а ма́ти пятна́дцять — я іхъ й похова́въ у Калюжи́цяхъ)... Обучи́вся я въ Лохвицькімъ уїзді, у старика́, грать и співа́ть, да й вінъ вже вмеръ. У мене́ є́ дочка́, — тамъ же, у Калю́жицяхъ. Я до є́ї зя́тя—приймака́ приня́въ, та вінъ ставъ мене́ зневажа́ть, худи́ми слова́ми называ́ть; та, напослiдокъ, и сказа́въ дочці, щобъ вона́ мені не дава́ла й iсти, и що коли́ вона́ бу́де йти до ба́тька, то вінъ iй го́лову одрубає. Такъ я жа́лувавсь Димитрію Ивановичу, да.. Богъ iмъ судья́! поки́нувъ іхъ, да й пішо́въ блуди́ть, та сюди́ й зайшо́въ жить. Дай, Го́споди, ща́стя пана́мъ, що ми́лують... Якби́ я бувъ роботя́щий, то зять би мене́ уважа́въ...

— Що́ жъ, ти нiко́ли не ба́чишъ ні зя́тя, ні дочки́?

— Ні.

И онъ заигралъ:

Коти́лися вози́ зъ гори́,
На доли́ні ста́ли,
Люби́лися, коха́лися,
Да вже й переста́ли...

Потомъ переставъ играть и сидѣлъ, сложа руки.

— Оста́пе, чи було́ бъ лу́чше, коли́бъ ти бувъ видющий? Мені

здаётця, що такъ лучче. Теперъ ти вільний, а тоді зароблявъ би грóші панáмъ, абó ходивъ би що-дня на панщину.

— Вамъ здаётця, що нáша жисть лýчча?.. ні.. нáша жúсть, тéмнихъ людéй, погáна; дорóжше очéй немá въ світі нічóго... Куди пройти трéба, то наймú,—проси, щобъ провели, куди трéба. У хáті хóлодно: — другі що бáчять, вонú підуть въ лісъ, нарýбають та й тóплять; а менí не мóжна такъ: тягáйся по світу въ митіль, въ морóзъ, зароби грóші, та наймú нáймита, щобъ дровъ нарубáвъ да привізъ, та затопúвъ пічъ,—якъ у пáна; а тамъ знóву роби, щобъ топúть.—Хазяйнъ, бáчте, наймáвъ грать на весілля, — я імъ постáвивъ на 20 кошéкъ горілки, а вонú пропилú ще й мою грéчку.

— А дé твій поводúрь, Остáпе?

— Та вінъ теперъ упúвся, та лежúть якъ мéртвий.

— Якъ!... вінъ же ще малéнький?

— Воно не дýже малé; се не той вже поводúрь, що ви знáете: той утікъ; вінъ лінúвий, нічóго не хóче робúть, ні грать, ні співáть; звісне діло, — я его удáривъ, для его жъ пóльзи, а вінъ и втікъ до бáтька та до мáтері; вонú его бáлують. *Гарна мазана паляниця, а не дитина.*

Остáпъ, желáя подтвердить свои слова и сильнѣе закрѣпить ихъ въ моей вѣрѣ, сказалъ:

— Усé такъ булó, якъ кажý. Колú я брешý, то бáчте — я не бáчу, то колúбъ ще я й онімівъ! Отъ щó!...

— Трéба тобí навчáть другóго хлощя...

— А якъ же! Трéба іхъ навчáть. Усé жъ вонú кускóмъ хліба розживýтця. Я, слáва Бóгу, хочъ погáно, та граю на бандýрці, а якъ не вмівъ би, то пропáвъ; хоть візьмú та въ водý и лізь. Воно дóбре, що даю́ть научáть съ молóдства, отъ я—щó почýю рáзівъ зó два, то вже й заспіваю. Пісня хорóша, якъ гласъ хорóший; якъ-нóки я бувъ молóдшимъ, то бувъ у мéне гласъ—такъ — такъ! А теперъ не то,—літа прохóдять, не такъ співаю, зубівъ немá.

Его сожительница, стоя у дверей, разхваливала поведеніе своего Остапа; она между-прочимъ говорила: отъ у мéне въ хáті двое синівъ слúшихъ, да якъ вінъ стáне молúться у вéчері за людéй, що емý даю́ть мúлостину, — то якъ почнé молитця та поминáть, такъ моі діти плачуть, и я плáчу... А люди рéмствують!

Остапъ сидѣлъ, сильно задумавшись, перебирая на бандурѣ пѣсню за пѣсней. Суровое его лицо выражало много мысли. И вотъ онъ

запѣлъ стиха. Входя все болѣе и болѣе въ смыслъ пѣсни,—съ каждымъ стихомъ онъ воодушевлялся, и спѣлъ превосходно мою, всегда любимую пѣсню, которую я только отъ него и слышалъ: «Нема въ свiтi правди!» Тѣ стихи, которые Остапъ повторялъ, я отмѣчаю; тамъ, гдѣ онъ прерывалъ пѣнье и только игралъ, я ставлю точки:

Нема въ свiтi правди! правди не зiйськати!
Уже тепе́ръ пра́вда ста́ла въ непра́вдi жи́ти.
Уже́ тепе́ръ пра́вда у панiвъ въ темни́цi!
А щи́ра непра́вда съ пана́ми въ свiтли́цi. 2.
Уже́ тепе́ръ пра́вда у панiвъ у поро́га!
А щи́ра непра́вда—сиди́ть конець сто́ла.
Уже́ тепе́ръ пра́вда у панiвъ пiдъ ноги́!
А щи́ра непра́вда сиди́ть изъ пана́ми.
Уже́ тепе́ръ пра́вду ноги́ топта́ють!
А щи́ру непра́вду ме́домъ—вино́мъ напова́ють.
Уе́ тепе́ръ пра́вда у панiвъ у до́лi!
А щи́ра непра́вда въ до́брiй волi.

(*У неї гроші є, такъ її й воля*, объяснилъ Остапъ).

Уже́ тепе́ръ пра́вда, правда умира́е!...
А щи́ра непра́вда—весь свiтъ пожира́е!...
Уже́ тепе́ръ пра́вда, пра́вда вже поме́рла!...
А щи́ра непра́вда—уве́сь свiтъ поже́рла!... 2

. . . . . .

Нема́ въ свiтi пра́вди! пра́вди не зiйськати!...
Тiльки въ свiтi пра́вди—лкъ оте́цъ, рiдная ма́ти. 2.
Були́ колись дiтки,—ста́ли сирiтки,
Не ма́ють воны́ по́мiчi сэбi нi вiдки.
Пла́чуть воны́, пла́чуть, не мо́жуть пробу́ти,
Своє́i рiдноi ма́ти не мо́жуть забу́ти.
Де́жъ то ii взя́ти? Ii увидiти?!..
Ii ни купи́ти, а ни заслужи́ти!
Весь свiтъ исходи́ти—пра́вди не зойщи́ти!...

. . . . . .

Ой о́рлице–ма́ти!... Де́жъ нам тебе́ взя́ти?...
Тебе́ ни купи́ти, а ни заслужи́ти,
Весь свiтъ исходи́ти—пра́вди не зойщи́ти!!...

. . . . . .

Хотя́ бъ то ми мали а́нгельскіі кри́ли,
То ми бъ полетіли, тебе́ увиділи!
Бо вже́ коне́ць віку уже́ приближи́вся...
Хочъ рідного бра́та тепе́ръ стережи́ся. 2.
Изъ нимъ въ су́ду ста́ти, пра́вди не зійська́ти!
Тільки сріблом, зла́томъ панівъ насища́ти.... 2.

. . . . . .

Кото́рий би могъ чоловікъ а ще пра́вду сполня́ти,
До да́сть ёму́ Го́сподь зъ небесо́въ що день благода́ти.
Бо самъ Го́сподь свяги́й—пра́вда, соміря́ непра́вду,
Сокруши́ть гординю, вознесе́ть свяги́ню,
Отнині до віку, отни́ні до віку!

Остапъ и самъ любилъ эту пѣсню; пропѣвъ ее, онъ говорилъ: «якъ у ярмарку ста́нешъ ій співа́ть, то пани́ й одойду́ть... вони́ ій не лю́блять!... теперъ більшъ брехне́ю живу́ть!... тепе́ръ же воно́ и пра́вда е!... Ба́чте, мене́ побили *титарь* (церковный староста) та ку́черъ... да панамъ набрехали и мене́ жъ зробили винова́тимъ... Бу́де Богъ суди́ти... Объ сій пра́вді, якъ хи́дишъ по селу́ та заспіваешъ, то мно́го людей пла́чуть. Тепе́ръ такъ ста́ло, що братъ бра́та ненави́дить... Усе́ хо́че, щобъ ему́ було́, а потому́ не було́... Ти, ка́же, моло́тишъ, — ти, ка́же, ба́чишъ (*).. Ахъ Бо́же мій, Бо́же мій!...

Тутъ Остапъ засмѣялся и заигралъ на бандурѣ... Кончилъ и громко вздохнулъ: охъ!

Пѣсня о правдѣ и неправдѣ, была нѣкогда сообщена мною П. А. Кулишу, которымъ и помѣщена въ *Записках о Южной Руси*; но мнѣ кажется, что, передавая ее здѣсь съ остановками и повтореніями бандуриста, я передаю ее осязательнѣе.

Не много погодя, Остапъ снова взялъ въ руки бандуру и снова началъ:

Пресвятая Діво-ма́ти, помо́шнице на́ша!
Помагай намъ, нещасли́вимъ, когда ми́лость твоя́. 2.

(*) Остапъ, для молотьбы, нанималъ наймита, *какъ панъ*, по его выраженію; но дѣло работника, кромѣ молотьбы, состояло еще и въ томъ, чтобы подкладывать снопы подъ цѣпъ Остапа, который тоже молотилъ. Вслѣдствіе этого и былъ на селѣ слухъ, будто бы Остапъ—зрячій. *Л. Ж.*

Ти бо еси́ перворо́дна; бо Ти пе́рва й зачата́;
Передъ а́нгела ажъ до не́ба Ти одъ по́ла взята́.
И въ Бо́га созда́на, грішнимъ помага́ти,
Бо Ти мо́жешъ Хри́ста й Бо́га за миръ убага́ти
Убага́й, Царице, у престо́лахъ Его́,
Созда́тиля не́ба й зе́млі у Сі́на Твоего.
Алилу́йя, алилуйя, сла́ва тобі, Бо́же;
Не забу́дь насъ, Влади́чице Марія Госпо́же!
—Не́ забу́ду, всігда́ бу́ду ще й до Сі́на моли́ти;
А тілько ви переста́ньте Го́спода гнівити.
Не забу́ду, всігда́ бу́ду ще й до́ Сі́на блага́ти,
А тілько жъ ви переста́ньте гріхівъ достава́ти.
Бу́де и́мя Госпо́днее вся преблагословенна
И во віки вико́въ, амінь, уся́ превознопе́нна.

Затѣмъ, пѣсни, уже не божественныя, стройно, мягко лились у него съ бандуры, а голова его все еще была серьезна и задумчива; но вдругъ онъ дернулъ рукой струны и на секунду остановился. Снова машинально заигралъ, игралъ долго; лицо его стало проясняться; онъ улыбнулся, бросилъ игру и вздохнулъ.

Я ему началъ читать *Україну*, П. А. Кулиша. Останъ обрадовался, услыхавъ, что основатель Запорожской Сѣчи былъ тоже Останъ. Очень ему нравились походы козацкіе, нравилось то, что шли на войну по своей волѣ. Когда я кончилъ чтеніе, Останъ вздохнулъ и сказалъ: «До́бре було́! чому́ тепе́ръ нема́?»

Далѣе я ему прочелъ думу про смерть козака-бандуриста, гдѣ такъ картинно изображена смерть кобзаря въ степи, послѣ сраженія, и прощаніе его съ своей бандурой. Останъ заплакалъ, ощупалъ бандуру, и сказалъ: «Коли́ бъ не розби́лась!... Кого́ и́ноді розвеселя́шъ, кого́ засму́тишъ... Хоть жінка: пішла́, и нема́ ії! А банду́ру візьмешъ підъ по́лу; куди́ ни підешъ,—такъ банду́ра дасть гро́ші... Якъ же ії не жа́лко?... Кому́ ти доста́несся?...

И снова заигралъ мою, тогда любимую, пѣсню:

Скажи́, скажи́, се́рце, пра́вду —
Нехай же я буду зна́ти:
Чи зъ вели́кою мині ра́дістю
Та до те́бе прибува́ти....

И продолжалъ играть далѣе безъ пѣнія...

— «Мóжна ще жалібнійше заспівáть»...

И чудесно спѣвъ эту жу пѣсню, онъ вдругъ заигралъ веселаго козачка. Потомъ:

Добри́ вечіръ, дівчино, чи ти спишъ, чи ти спишъ?
Ой дай мені паляни́цю, або́ книшъ, або́ книшъ.
. . . . . .
. . . . . .
Ой дівчино, дівчино, відчини́, відчини́:
Сама́ собі кри́вдоньки не вчи́ни, не вчини́.
—Не бу́ду я, каза́ченьку, одчиня́ть, одчиня́ть
Бо ти бу́дешъ, се́рденько, почува́ть, почува́ть. 2.
Ой не бу́ду, дівчино, не бу́ду, не буду́:
Заспівають півники,—я й піду, я й піду...
Ой изійшóвъ місяць и зоря́, и зоря:
«Бува́й, бувай, дівчино, здорова, здоро́ва!...
Далѣе Остапъ только игралъ.

Въ слѣдующей книжкѣ я сообщу ноты одной думы, которая находится между собранными мною пѣснями. Долго не могли попасть на фортепіано въ тонъ бандуры; Остапъ нѣсколько разъ повторялъ намъ мотивъ; наконецъ, видя, что я не довольствуюсь приблизительной съ него копіей, остановился, и велѣлъ намъ взять нѣсколько отдѣльныхъ нотъ. Когда это было исполнено, онъ настроилъ свою бандуру въ одинъ съ нами тонъ, и до–тѣхъ–поръ не бралъ слѣдующей ноты, пока мы совершенно–вѣрно не передавали ее на фортепіано и не записали; тогда онъ заставлялъ насъ играть и самъ игралъ на бандурѣ. Провѣривъ подобнымъ образомъ и не найдя уже болѣе ошибки, Остапъ остался нами доволенъ.

Остапъ особенно хорошо пѣлъ эту думу, когда вспоминалъ свое семейство, и всегда прерывалъ эту думу плачемъ. Онъ, сколько я замѣтилъ, избѣгалъ случая пѣть ее при другихъ.

Кстати разскажу, какъ бандуристъ учитъ пѣть и играть *поводиря*. Я самъ узналъ на собственномъ опытѣ пріемы этого ученія, взявъ урока два у Остапа на *лиру* (бандура казалась мнѣ слишкомъ мудреною). Бандуристъ сажаетъ рядомъ съ собой ученика, даетъ ему въ руки лиру, кладетъ ее какъ удобнѣе для игры и устанавливаетъ

руки ученика на мѣсто. Затѣмъ, бандуристъ своей лѣвой рукой беретъ его лѣвую же руку, и обнявъ ученика черезъ спину, накладываетъ свою правую на его правую руку, такъ, чтобы каждый изъ его пальцевъ приходился на соотвѣтствующемъ пальцѣ ученика. Установившись такимъ образомъ, начинаетъ своей лѣвой рукой вертѣть лѣвую руку ученика, а правой перебираетъ съ нимъ вмѣстѣ клавиши. Это продолжаетъ учитель до-тѣхъ-поръ, пока наловчитъ и разомнетъ пальцы ученика; послѣ того, онъ заставляетъ его—самого играть ту же самую пѣсню, приказывая ему со всѣмъ вниманіемъ прислушиваться къ игрѣ учителя, (который въ то время беретъ такой же инструментъ и играетъ туже пѣсню).

Я часто видѣлся съ Остапомъ; бесѣда съ нимъ доставляла мнѣ полное удовольствіе...

Какъ часто, Остапъ, я тебя вспоминаю,—какъ часто душа моя ищетъ бесѣды съ тобой, и какая грусть овладѣваетъ мною при мысли, что я далекъ отъ тебя и не скоро уже услышу звуки твоей чу́дной бандуры!

Когда стемнѣло и началъ выплывать красноватый мѣсяцъ, я оставилъ будинокъ Гр. П. Галагана и всѣхъ добрыхъ знакомыхъ; народъ, еще хмѣльной послѣ праздника, бродилъ партіями и пѣлъ; я сѣлъ въ экипажъ и отправился обратно въ свое пристанище.

Дороги, проторенныя селянами, насъ не сбивали съ пути и мы ѣхали по степи — какъ съ компасомъ. Вотъ и знакомая крутая гора, по которой я прошелся пѣшкомъ; потомъ брелъ въ вербовой аллеѣ по гати. Вѣяло свѣжестью утра; свѣтъ мѣсяца пришелъ въ уровень съ свѣтомъ начинающагося дня; настали утреннія сумерки. Я подъѣзжалъ къ хутору. Крыши хатъ, верхушки садовъ и лѣсовъ окрасились восходящимъ солнцемъ; запѣли пѣтухи; зарумянилось небо. Люди еще спали. Я прошелъ подъ навѣсъ коморы, и на мѣшкахъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Л. Жемчужниковъ.

ПРАВДА ПОЛЯКАМЪ О РУСИ.

(По поводу новой статьи въ Revue Contemporaine).

Дóбре речéшъ, та въ громáду не берýть.
Народная пословица.

Въ началѣ нынѣшняго года намъ пришлось опровергать недобросовѣстныя выходки Revue Contemporaine, писанныя подъ вліяніемъ узкаго польскаго патріотизма, который имѣетъ въ виду не современныя потребности и дѣйствительно-осуществимыя надежды своей націи, а утѣшается мечтами о возвращеніи былаго, въ настоящее время невозвратимаго, потому что сдѣлалось анахронизмомъ, несообразнымъ съ современными понятіями о народныхъ правахъ. Въ октябрьской книжкѣ того же журнала нынѣшняго года напечатана однимъ Полякомъ статья (lettre d'un Polonais) подъ названіемъ: «La vérité sur l'esprit russe». Она направлена противъ всѣхъ Русскихъ, которые осмѣлились бы заявлять, что во всякое время, во всякомъ случаѣ, при всякомъ возможномъ измѣненіи обстоятельствъ, управляющихъ судьбами Русской Земли, притязанія Поляковъ на принадлежность имъ юго-западныхъ русскихъ областей, возбудятъ негодованіе и противодѣйствіе всего русскаго народа. То же, какъ и прежде, наглое извращеніе исторической истины, тѣ же іезуитскія увертки, умышленное невѣдѣніе общензвѣстныхъ событій, насильственныя сближенія и распространенія; тѣ же, однимъ словомъ, замашки безсильной злобы, пустаго хвастовства и суетнаго высокомѣрія. Мы никакъ не хотимъ считать такихъ произведеній голосомъ всей вообще польской націи, какъ нѣкоторые у насъ позволяютъ себѣ смотрѣть на нихъ; мы почитаемъ ихъ дѣломъ партіи, для которой истина не имѣетъ святости, дѣломъ тѣхъ, которыхъ узкому разсудку кажется возможнымъ дать выигрышъ своимъ политическимъ видамъ,

посредствомъ напущенія тумана въ Европѣ, мало знакомой съ частностями исторіи славянскаго сѣвера. Ихъ надежды напрасны, потому что опираются на лжи, *а брехнею*—говоритъ наша пословица—*свѣтъ прійдешъ—та назадъ не вернесся.*»

Мы не станемъ шагъ за шагомъ опровергать эту статью, ибо авторъ не знаетъ, или притворяется, что не знаетъ азбуки—русской и своей, польской—исторіи. Мы укажемъ только на особенно-разительныя выходки единственно для того, чтобы наши земляки знали, какую паутину плетутъ для нихъ эти *паны-ляхи*, которые либо насъ считаютъ невѣждами и простаками, способными попасть въ нее, либо сами такъ невѣжественны и простоваты, что эта искусственно-сплетенная паутина имъ кажется чѣмъ-то крѣпкимъ.

Ссылаясь на какихъ-то премудрыхъ своихъ историковъ, доказавшихъ, между прочимъ, не-славянизмъ Москалей (ктожъ это? ужь не Мицкевичъ ли—такой же плохой историкъ, какъ великій поэтъ), авторъ *Письма* увѣряетъ, что между названіемъ Русскіе и Русины (les Russes et les Ruthènes, en polonais Roussini)—большая разница, и что имя Русиновъ издревле служило названіемъ народа, находившагося подъ властію Поляковъ, и всегда добровольно стремившагося къ слитію съ польскимъ; Москвитянъ онъ признаетъ народомъ другаго—отличнаго—племени, враждебнымъ Русинамъ; говоритъ, что отъ Московитянъ Пясты и Ягеллоны защищали Русиновъ оружіемъ, и что эти Московитяне, назвавшись русскими, навязали Русинамъ свою вѣру, языкъ и національность (*).

Авторъ съ умысломъ не обозначаетъ положительно, къ какому времени относится такое положеніе дѣла, но упоминовеніе о Пястахъ и Ягеллонахъ даетъ намъ право видѣть, что все это признается суще-

(*) Vous trouverez partout le mot ***Ruthènes*** (en polonais ***Russini***), employé pour désigner une nationalité alliée et soumise à la Pologne, vivant de la même vie et cherchant à se confondre avec elle, et vous ne trouverez nulle part les mots de ***Russes*** et de ***Russie***. Y a-t-il, oui ou non, une distinction entre ce qui a toujours existé et ce qui est complètement inconnu? Il y avait bien des ***Moscovites***,—les chroniques en parlent souvent,—mais comme d'une race à part et toujours ennemie. L'élément Slave était encore dans toute sa virginité. Qui eût songé à l'époque, où régnaient chez nous les Piasts et les Jagellons, à défendre les Ruthènes autrement, que par les armes contre les empiétements de leurs voisins les Moscovites et il ne serait venu à l'idée de personne qu'un jour viendrait où ces mêmes Moscovites s'appelleraient ***Russes***, pour imposer à des ***Ruthènes*** leur foi, leur langue et leur nationalité.

ствующимъ съ древнихъ временъ до половины XVI в., когда прекратился домъ Ягеллоновъ. Здѣсь все ложно. Пясты не могли защищать Русиновъ отъ Московитянъ, потому что при Пястахъ имени Москвитянъ не было и быть не могло. Слово *Московія* образовалось тогда, когда московское великое княжество покорило восточныя и сѣверныя русскія земли и составило единодержавное государство. Никакія хроники того времени не упоминаютъ о Москвитянахъ и не могли упоминать о томъ, чего на свѣтѣ не было. Если что въ тѣ времена было *совершенно неизвѣстно* (complétement inconnu), такъ это имя Московитянъ.

Но полюбуемся нашимъ *сочинителемъ*.

«Русь всегда была и теперь остается родовымъ именемъ для областей, которыя отъ Карпатскихъ горъ простираются на сѣверо-западъ до Днѣпра и Двины и даже за Двину. Была Русь Бѣлая, Русь Червоная, Русь Малая. Обитатели этихъ областей назывались *Русины*, по-латинѣ изъ этого слова сдѣлалось *Рутены*. Но это не имѣетъ ничего общаго со словомъ *Россія* новаго изобрѣтенія. Первый Петръ Великій окрестилъ Москвитянъ именемъ Русскихъ. Прежде того Москвитяне были Московитянами и не помышляли быть чѣмъ-нибудь другимъ. Екатеринѣ II принадлежитъ заслуга, что она увидала всю пользу, какую можно извлечь изъ этой подмѣны. Она схватилась за эту идею; благодаря же друзьямъ ея энциклопедистамъ, стало возможно ввести слово *Россія* (Russie) во французскій языкъ и чрезъ то сдѣлать употребительнымъ. Они съ такимъ усердіемъ повели свое дѣло, что успѣхъ превзошелъ собственныя ихъ ожиданія. Слово пошло въ обращеніе съ варіантомъ—*всероссійскимъ*. Вотъ точная истина. Слово это, какъ видите, родилось съ первыми притязаніями и съ нимъ распространилось. Оно осталось въ дипломатическомъ словарѣ, какъ пронія надъ исторіей (*), какъ вызовъ на брань къ потомству.«

(*) *Rus* (lisez *Rous*) a toujours été et est encore le nom générique des provinces, que des monts Carpathes s'étendent vers le nord—est jusqu'au Dnieper et la Dwina et même au delà (*т. е., на сколько нужно автору, для своихъ видовъ, растянуть или укоротить эту границу*). Il y avait une Rus Blanche, une Rus Rouge et une Petite Rus. Les habitants de ces provinces s'appelaient et s'appèllent encore *Roussini*, dont on a fait jadis le mot latin *Ruthèni*. Mais cela n'a rien de commun avec le mot *Rossya* (Russie), de facture toute moderne. C'est Pierre le Grand le premier, qui baptisa les Moscovites du nom des *Russes*. Avant lui les Moscovites n'étaient que des Moscovites et ne songeaient

Авторъ знаетъ нѣсколько *Русей*, но очевидно игнорируетъ Великую Русь... не можетъ же быть, чтобы онъ ея не зналъ. Что́ не Петръ выдумалъ имя Россіи, пусть заглянетъ этотъ авторъ въ безчисленное множество предъидущихъ актовъ, гдѣ найдетъ титулъ царей—при Алексѣѣ Михайловичѣ, послѣ присоединенія Малороссіи: *всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи*, а прежде: *всея Россіи*; въ болѣе древнія времена *всея Русіи*: такъ именно писалъ еще въ XIV в. князь Симеонъ Ивановичъ. Имя Руси еще въ XI и XII в. употреблялось въ двухъ значеніяхъ: въ тѣсномъ для кіевской земли, въ обширномъ для всего материка, состоявшаго въ одной удѣльной федераціи, подъ управленіемъ князей Рюрикова дома. Въ этомъ смыслѣ нашъ первоначальный лѣтописецъ, перечисляя славянскіе народы, живущіе на этомъ материкѣ, говоритъ *се токмо словенескъ языкъ въ Руси*. Слова *Русь, Русскіе*, въ этомъ обширномъ значеніи для всѣхъ жителей славянской Россіи, употреблялись всегда и внутри Русской Земли, и внѣ ея иностранцами, когда дѣло шло о внѣшнихъ сношеніяхъ. Такъ, нѣмецкіе лѣтописцы, говоря о войнахъ Ордена и Шведовъ съ Новгородцами и Псковитянами, называютъ ихъ Русскими. Говоря о томъ, что, въ исходѣ XIII столѣтія, ханъ Батый сдѣлалъ князя Ярослава старѣйшимъ между князьями, лѣтописецъ выражается такъ: И рекъ ему: *Ярославе, буди ты старьй всѣмъ княземъ въ русскомъ языцѣ* (Лавр. Лѣт., 201). Очевидно, здѣсь русскимъ языкомъ лѣтописецъ называетъ совокупность племенъ, составлявшихъ нѣчто цѣлое, подъ общимъ именемъ Руси, Русскихъ, и въ этомъ числѣ восточную, т. е. великую Русь, гдѣ княжилъ Ярославъ. Въ XIV вѣкѣ, когда начала Москва брать первенство надъ удѣлами, восточная Русь, по отношенію къ иноплеменникамъ, называлась Русскою Землею. Когда Мамай собирался идти на Димитрія, онъ, по извѣстію лѣтописца, говорилъ: *пойдемъ на русскаго князя и на русскую землю* (Воскр. ст. 34), а не на *московскаго* князя и

pas à être autre chose. L'impératrice Catherine eût le mérite de voir tout le darti, qu'on pouvait tirer de cette substitution. Elle s'empara de l'idée, elle la développa. Ses amis les encyclopédistes furent chargés d'introduire le mot de Russie dans la langue française afin d'en saisir l'opinion. Et comme ils n'avaient rien à lui refuser, ils le firent de si bonne grâce, que le succès dépassa leur attente. Le mot fût mis en circulation avec le variant *de toutes les Russies*. Voila l'exacte vérité. Le mot, comme on le voit, est né avec les premières prétentions et il s'est étendu avec elles. Il est resté dans le vocabulaire diplomatique comme une ironie à l'histoire et un défi à la postérité.

не на *московскую* землю. Точно также, при описаніи нашествія Тохтамыша на Москву говорится: *злое пришествіе на русскую землю* (Воскр. 42), а не на *московскую*. Не станемъ нагромождать другихъ подобныхъ указаній: и этого довольно, чтобы видѣть, какъ ложно мнѣніе, будто Петръ (а иные говорятъ даже—Екатерина) навязали Москвитянамъ имя *Русскихъ*. Имя—*московская земля* имѣло значеніе, по отношенію къ сосѣдямъ, такъ же Русскимъ, какъ и въ московскомъ государствѣ, а въ послѣдующее время, означало русское государство, имѣвшее столицу въ Москвѣ, въ отличіе отъ другаго русскаго государства — литовскаго великаго княжества. Слово *Москвитяне* было совершенно неизвѣстно у насъ; нѣсколько сходное съ нимъ было названіе *Москвичи*, но оно означало жителей города Москвы—и въ самомъ обширномъ смыслѣ—ея земли, ея пригороды, но никогда не имя великорусскаго народа. Никто бы не назвалъ Суздальцевъ, Владимірцевъ, Нижегородцевъ—Москвичами, но всѣ равно звались Русскими. Очень характеристично высказалось значеніе русскаго и московскаго государства въ смутную эпоху: тогда московское государство отличалось отъ великороссійской державы. Первое было видъ, часть послѣдняго, что, напримѣръ, видно изъ такихъ выраженій: *Великія Россійскія державы Московскаго государства*. (Акт. Арх. Э. N 256, 262). Тогда существовало понятіе о новгородскомъ государствѣ (Акт. Арх. Э. N 268 318), о казанскомъ государствѣ (328); съ московскимъ вмѣстѣ они составляли одно россійское государство (269) или россійскую державу. Царь потому и назывался царемъ всея Руси, а не московскимъ, что дѣйствительно управлялъ не одною московскою землею, но и другими. Уже владѣя, напримѣръ, Владиміромъ или Бѣжецкомъ или Бѣлозерскомъ, онъ не былъ московскимъ государемъ, а русскимъ.

Обращаясь къ церковной сторонѣ прошедшей русской жизни, авторъ говоритъ:

«Вы знаете, что съ XVI вѣка русская или, скорѣе, московская церковь возъимѣла поползновеніе къ независимости. Это поползновеніе возрастало мало-по-малу, и вы теперь уже совершенно оторвались отъ восточной церкви... Если для насъ, католиковъ, греческій обрядъ не болѣе какъ расколъ, вы, говоря исторически—протестанты раскола, вы—малый расколъ въ большомъ. Что же значитъ это имя православія, которымъ вы рисуетесь, при всякомъ случаѣ, и въ чемъ его значеніе? Западные протестанты (надобно отдать имъ справедливость) никогда не

претендовали на званіе православныхъ: откуда же такія притязанія у восточныхъ протестантовъ (*)?«

Этотъ странный для насъ, русскихъ взглядъ, поясняется нѣсколько, если примемъ во вниманіе, что авторъ—католикъ и смотритъ на нашу церковь подъ угломъ римско-католическаго воззрѣнія. Для паписта все, что вышло изъ подъ власти папы есть не только расколъ, секта, но даже какъ-бы недостойно называться истиннымъ христіанствомъ. Единство іерархіи считается на равной степени съ единствомъ догматики. Авторъ воображаетъ, что тотъ же духъ, тѣ же основанія и въ восточной церкви,—что не желая подчиняться папѣ, она имѣетъ своего папу и этого папу авторъ видитъ, кажется, въ константинопольскомъ патріархѣ. Зная, что великорусская церковь находилась отъ него въ зависимости, а въ концѣ XVI вѣка вышла изъ подъ этой зависимости и получила своего патріарха, но не зная и, можетъ быть (судя вообще по тону всей статьи), игнорируя обстоятельства, сопровождавшія это событіе, авторъ представляетъ его въ такомъ видѣ, будто бы великорусская церковь, по неудовольствію, оторвалась отъ патріаршей зависимости и поставила себя въ положеніе, подобное протестантскому. Но восточная церковь никогда не признавала такого видимаго главы, или единаго начальника, какого признаетъ у себя западная. Патріархи: Константинопольскій, Антіохійскій, Александрійскій и Іерусалимскій считались равными между собой, каждый въ своей части, а отношенія и предѣлы ихъ управленія установлялись соборами; іерархическія положенія не имѣли абсолютной важности догмата и, смотря по потребностямъ, границы ихъ могли измѣняться съ общаго согласія. Единство церкви этимъ не нарушалось. Такимъ-образомъ, въ концѣ XVI вѣка, по общему согласію всѣхъ патріарховъ, великорусская церковь, входившая прежде въ константинопольскую діэцезію, получила самостоятельное управленіе; въ Москвѣ

(*) Vous savez, que dès XVI siècle l'Eglise russe, ou plutôt l'Eglise moscovite eut des velléités d'indépendance. Ces velléités grandirent petit à petit et aujourd'hui vous êtes complétement détachés de l'Eglise d'Orient.—Si pour nous, catholiques, le rit grec n'est qu'un schisme, vous n'êtes, historiquement parlant, que les protestants de schisme, le petit schisme dans le grand. Or que vient faire ce mot d'orthodoxie, dont vous faites parade à tout propos et quelle peut être sa signification? Les protestants d'Occident (c'est une justice à leur rendre) n'ont jamais prétendu être orthodoxes; d'où vient cette prétention aux protestants d'Orient?

учреждено патріаршество и патріархъ признанъ равнымъ прочимъ четыремъ вселенскимъ патріархамъ. Съ тѣхъ поръ, имѣя свое-управленіе, независимое отъ вселенскихъ патріарховъ, великорусская церковь сохраняла строгое и полное единство съ восточною: важныя дѣла рѣшались по совѣту съ восточными патріархами, самая тѣсная нравственная связь неослабно поддерживалась съ христіанскимъ востокомъ. Замѣна званія патріарха, коллективнымъ учрежденіемъ Сунода, совершилась при Петрѣ Великомъ, съ согласія восточной церкви. Сунодъ признанъ восточными патріархами какъ бы однимъ лицомъ, братомъ патріарховъ. До сихъ поръ, не только въ догматахъ и въ законоположеніи, но и въ церковномъ чинѣ богослуженія, церковь русская не допускала существенныхъ перемѣнъ, которыя бы не признавались восточною и считались ей противными. Церковь русская не протестовала никогда ни противъ чего, что принимала восточная, какъ равно и восточная не выражала неодобренія чего-нибудь такого, что вводила русская церковь. Полнѣйшее согласіе и единство съ христіанскимъ востокомъ ненарушимо существуетъ у насъ до-сихъ-поръ; Русскій на востокѣ молится въ церкви точно такъ же, какъ и въ своей на Руси; пріѣзжающіе къ намъ съ востока вступаютъ въ наши храмы съ одинакимъ благоговѣніемъ и ничѣмъ не соблазняются. То, что говоритъ польскій авторъ—есть совершенная ложь—и если это не слѣдствіе умышленной злонамѣренности, если въ самомъ дѣлѣ авторъ думаетъ такъ, какъ говоритъ, то нельзя не удивляться той изумительной наглости, съ какою онъ, круглый невѣжда въ общеизвѣстныхъ данныхъ исторіи, (каковы сущность восточной церкви и отличіе ея отъ западной), рѣшился выступить въ печать и взять на себя роль объяснителя важныхъ историческихъ вопросовъ, имѣющихъ великое современное значеніе.

До-сихъ-поръ мы приводили мѣста, касающіяся болѣе Великой Руси; теперь взглянемъ, что говоритъ авторъ, собственно о Южнорусской народности.

«Національность Русиновъ, также какъ и ихъ языкъ, и теперь тѣ же, чѣмъ были прежде: безъ особности, безъ опредѣлительнаго характера въ исторіи. Она никогда не будетъ ничѣмъ другимъ, какъ только чертою (примѣтою) соединенія: это поле битвы между двумя соперничествующими національностями, для которыхъ она служитъ, такъ-сказать, переходною ступенью. Ея прошедшее, ея стремленія и преданія—

все склоняетъ ее къ Польшѣ и отлучаетъ отъ московскаго элемента, который она всегда отъ себя отбивала и отвергала (*).»

Далѣе, авторъ говоритъ о нашемъ языкѣ:

«*Русинскій* языкъ отличается отъ русскаго, также какъ и національность. Этотъ языкъ скорѣе нарѣчіе и почти непонятенъ для Русскихъ; по своему славянскому происхожденію, онъ имѣетъ всѣ особенности нарѣчія польскаго. Греческая азбука, введенная вначалѣ, скоро была замѣнена Кирилловскими буквами, которыя окончательно и усвоились. Письменный языкъ, такимъ-образомъ составленный, оставался въ употребленіи въ оффиціальныхъ актахъ до конца XVI вѣка и служилъ даже для дипломовъ нашихъ королей, когда они назначались для русскихъ провинцій. Признаки его встрѣчаются въ нѣкоторыхъ печатныхъ библіяхъ и лѣтописяхъ этой эпохи. Въ началѣ XVII вѣка, латынь замѣнила почти повсюду, въ публичныхъ актахъ, русинскій языкъ и, такимъ-образомъ, онъ потерялъ ту малую долю своей оригинальности, которая у него оставалась. Онъ еще болѣе слился съ польскимъ и сдѣлался, такъ-сказать, *перевертью*, различною, смотря по провинціямъ. Этотъ характеръ его сохранился до нашихъ дней, не смотря на вторженіе московскаго элемента» (**).

Билиберда о языкѣ показываетъ въ авторѣ такого же круглаго

(*) La nationalité Ruthène ainsi que la langue est encore aujourd'hui ce qu'elle était jadis—sans individualité, sans caractère tranché dans l'histoire. Elle ne sera jamais qu'un trait d'union, ou un champ de bataille entre deux nationalités rivalles, auxquelles elle sert pour ainsi dire de transition. Mais son passé, ses tendances, ses traditions, tout la porte vers la Pologne et la sépare de l'élément moscovite, qu'elle a toujours combattu et repoussé.

(**) La langue Ruthène diffère tout autant du Russe que la nationalité. Cette langue, qui est plutôt un dialècte, est à peu près inintelligible à des Russes et par son origine slave elle a tous les caractères d'un idiome Polonais. L'alphabet grec, introduit dans l'origine, fût peu de temps après remplacé par les lettres Cyrilliques, qui furent adoptées difinitivement. La langue écrite ainsi faite resta en usage dans les actes officiels jusqu'à la fin du XVI siècle et fû même employée dans les diplômes de nos rois, destinés aux provinces Ruthènes. On peut aussi la voir imprimée dans quelques bibles et chroniques de cette époque. Au commencement du XVII siècle, le latin remplaça presque partout, dans les actes publics, la langue Ruthène, qui perdit dès lors le peu qui lui restait de son originalité. Elle se confondit encore davantage avec le polonais et devint, pour ainsi dire, un patois, variant selon les provinces. Ce caractère s'est conservé jusqu'a nos jours, malgré l'invasion de l'élément moskovite.

невѣжду въ азбукѣ славянскаго языкознанія, какимъ онъ оказался въ вопросахъ церковной исторіи. Толкуя о языкѣ, онъ смѣшиваетъ три нарѣчія въ одно: славяно-церковное, западно-русское книжное и народное южно-русское. Очевидно, что такое произвольное смѣшеніе повело къ представленіямъ, которыя, по ихъ крайней нелѣпости, опровергать нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что нельзя и понять, къ которому изъ нарѣчій можно отнести то, что говоритъ авторъ, признавая существованіе только одного. Языкъ славяно-церковный былъ книжнымъ и письменнымъ языкомъ со времени введенія христіанства, но съ XV вѣка началъ брать верхъ въ письменности языкъ западно-русскій; въ него входили формы и славяно-церковнаго, и польскаго, и народнаго. Славяно-церковный языкъ не исчезалъ и послѣ; оставаясь неизмѣнно языкомъ богослуженія, онъ иногда имѣлъ по разнымъ предметамъ и сочинителей, предпочитавшихъ его западно-русскому, который вообще былъ въ ходу. Западно-русскій языкъ исчезъ, мало-по-малу замѣняясь польскимъ и образовавшимся уже книжнымъ великорусскимъ; народное нарѣчіе долго оставалось за предѣлами письменности и только, такъ сказать, ненарокомъ, вторгалось въ письменный языкъ, а между тѣмъ подвергалось, незамѣтно для письма и, слѣдовательно, неуловимо для исторіи, вѣковымъ измѣненіямъ, сообразно съ обстоятельствами, дѣйствовавшими на судьбу народа. Не прежде, какъ наступила всеобщая потребность въ образованномъ мірѣ приблизиться къ живому народному образу выраженія, и оно вступило въ область письменности. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, исторія языка нашей Южной Руси. О греческой азбукѣ, замѣненной кирилловскими буквами, мы знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ. Что касается до относительной близости къ польскому и великорусскому, то славяно-церковный и народный языки ближе къ послѣднему, чѣмъ къ первому. Сходство народнаго языка нашего съ польскимъ выражается нѣкоторыми словами и оборотами: изъ нихъ, одни, быть-можетъ, дѣйствительно заимствованы изъ польскаго, по взаимодѣйствію народовъ, соединенныхъ нѣкогда одной политической связью; другіе же, хотя сходные съ польскими, въ то же время встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Русской Земли, неподвергавшихся польскому вліянію и особенно въ сѣверной Руси, древней Новгородской землѣ, гдѣ, вмѣстѣ со сходствомъ выговора, служатъ съ одной стороны свидѣтельствомъ о древнемъ ближайшемъ этнографическомъ родствѣ между собою южной Руси и славянскихъ поселенцевъ на сѣверѣ, образовавшихъ республику Великаго Новгорода, а съ другой

доказываютъ, что въ южно-русскомъ языкѣ многое, что съ перваго взгляда можно почесть слѣдствіемъ вліянія польскаго, въ самомъ дѣлѣ есть собственное древнее достояніе. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать южно-русскій языкъ нарѣчіемъ польскаго уже и потому, что первый не терпитъ признаковъ, составляющихъ наглядное отличіе польскаго говора отъ русскихъ нарѣчій вообще, какъ напр. носовыхъ звуковъ, стеченія согласныхъ, смягченія шипящими и свистящими и т. п.

Имѣетъ-ли южно-русская національность *особность и опредѣлительный характеръ въ исторіи*, мы предоставляемъ судить каждому, кто сколько-нибудь знаетъ нашу исторію. Положеніе автора, будто прошедшее южно-русскаго народа, его стремленія и преданія склоняютъ его на сторону Польши и отвращаютъ отъ элемента великорусскаго, иначе называемаго московскимъ, не выдерживаетъ критики, и противорѣчитъ всему историческому ходу прошедшей жизни. Часть южно-русскаго народа въ концѣ XIV ст. была покорена оружіемъ Польшѣ, а не добровольно съ ней соединилась. Другая, въ соединеніи съ в. кн. литовскимъ составляла государство русское, какъ по характеру, такъ и по массѣ народонаселенія, и хотя въ XV вѣкѣ и въ первой половинѣ XVI, на польскій престолъ выбирались великіе князья литовскіе, но это отнюдь не давало русско-литовскому государству видъ присоединенія къ Польшѣ. Дѣйствительное соединеніе совершилось уже въ 1569 г. на Люблинскомъ сеймѣ. Съ русской стороны дѣйствующимъ классомъ народа, рѣшившимъ судьбу своего края, было одно дворянство. Уже въ XV в., князья литовскіе, будучи королями польскими, расположили высшій классъ дружелюбно къ польскому порядку, раздавая ему выгодныя привиллегіи, которыми прежде пользовался высшій классъ въ Польшѣ. Когда наконецъ дошло дѣло до рѣшительнаго акта, по которому западно-русскій край долженъ былъ составить навсегда съ Польшею одно политическое тѣло, въ дворянствѣ проб дились національныя опасенія. Онѣ были заглушены не иначе какъ съ увѣренностію Русскихъ въ продолженіи своего особнаго политическаго существованія. Но въ то же время, когда вел. княжество литовское соединялось съ Польшею на федеративныхъ началахъ связи двухъ самобытныхъ государствъ, Южная Русь присоединена къ Польшѣ, какъ провинція. Въ этомъ дѣлѣ со стороны Южной Руси участвовало одно дворянство, да и то не все: и въ дворянскомъ сословіи отзывались противудѣйствіе и ропотъ. Народъ осужденъ былъ на совершенное безмолвіе. Его участь рѣшали на вѣчныя

времена, не спросившись у него, потому—что государственныя понятія не признавали за нимъ права сказать свое мнѣніе. Скоро, однако, народъ заявилъ свой голосъ и протестъ: безграмотный, неученый, онъ заявилъ его не на бумагѣ, а на дѣлѣ. Около двадцати лѣтъ предъ началомъ XVII в., уже встрѣчаются въ польскихъ конституціяхъ извѣстія о замѣчательномъ появленіи вооруженныхъ шаекъ изъ простонародья, нападавшихъ на шляхетскіе дворы и замки. Вражда народа къ дворянству и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Польшѣ разросталась; и ея проявленія дѣлались шире и грознѣе по мѣрѣ того, какъ это дворянство, безъ спроса у народа отдавшее Южную Русь Польшѣ, стало принимать въ себя польскіе элементы и терять народность своихъ предковъ. Церковная унія и покушенія католичества на свободу древней отеческой вѣры еще болѣе раздражили народъ и даровали его противодѣйствію священное знамя религіи. Корпорація козаковъ стала зерномъ народной оппозиціи. Эта корпорація стремилась разшириться и захватить въ себя народныя силы. Польское правительство старалось удержать ее въ тѣсныхъ предѣлахъ немногочисленной пограничной стражи. Мятежи слѣдовали за мятежами. Косинскій, Наливайко, Жмайло, Павлюкъ, Остраницъ — оканчивали свои попытки неудачно, но несмотря на то, дѣло шло прогрессивно; съ каждымъ новымъ мятежемъ козацкимъ участіе народа становилось шире и знаменательнѣе; казалось, самыя несчастія возбуждали и поддерживали народныя силы,—и когда народное негодованіе созрѣло, весь народъ громаднымъ пластомъ поднялся, на всемъ протяженіи соединеннаго съ Польшею русскаго края. Это было выразительное заявленіе народной воли по вопросу о Люблинской Уніи, когда народа не спрашивали, и гдѣ не думали не гадали, что онъ на нее отвѣтитъ черезъ 80 лѣтъ. Окончательною функціею этого народнаго отзыва было соединеніе съ Великороссіею. Въ то время это было событіе всенародное, дѣло массы; Хмельницкій угадалъ ея побужденія. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что, послѣ Хмельницкаго, когда передовые люди, путаясь въ политическихъ комбинаціяхъ надъ неяснымъ и неопредѣленнымъ положеніемъ своего отечества, задумали—было соединяться съ Польшею, на федеративныхъ началахъ особности Южной Руси, масса не пошла за ними, покарала ихъ и заявила себя въ пользу московскаго государя. Неумѣнье московской политики утратило то, что само собою ей отдавалось въ руки: западная часть Южной Руси по Днѣпръ была уступлена Польшѣ. Народъ энергически противодѣйство-

валъ насильственному андрусовскому договору и, послѣ тяжелой, но безуспѣшной борьбы, Южная Русь досталась снова Польшѣ, но неначе какъ почти безлюдною. Остатки прежняго населенія современемъ разрослись, страна облюднѣла, дѣдовскія воспоминанія передавались отъ родителей къ дѣтямъ, тлѣли какъ искры подъ пепломъ въ сердцѣ народа, всегда готовыя вспыхнуть прежнимъ пожаромъ, когда случай представится. И этотъ случай пришелъ: *Коліивщина* напомнила Полякамъ, что въ южно-русскомъ народѣ, повидимому порабощенномъ, забитомъ, безропотно покорномъ своей участи—еще можетъ проявиться прежняя саможизненность. По присоединеніи къ Россіи, совершившемся въ концѣ XVIII в., южно-русскій народъ остался надолго подъ властію польскихъ помѣщиковъ, и, правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное сохраненіе своей власти надъ древлерусскими землями и порабощенными русскими земледѣльцами: безъ этого движеніе коліивщины отразилось бы послѣдующимъ рядомъ событій въ привычномъ духѣ. Только событіе 19 февраля 1861 года, освободившее южнорусскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ, подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣковаго дѣла о заявленіи народной воли, по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею. Отъ благоразумія Поляковъ будетъ зависѣть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому дѣлу изъ исторіи опять въ современность.

По нашему общему убѣжденію, международные споры съ Поляками, въ настоящее время, должны прекратиться и не возобновляться никогда. Ни бракосочетаніе Ягейла, ни Городлянскій сеймъ, ни Люблинскій съ его политическою уніей, ни Брестская церковная унія, ни дэулинскіе, андрусовскіе, московскіе договоры, и никакія историческія событія, служащія польскимъ патріотамъ доводами правъ Польши на Югозападную Русь, въ настоящій вѣкъ не имѣютъ значенія. Обо всемъ этомъ можно писать историческія книги, ученыя диссертаціи, читать лекціи,—многое изъ этого можетъ пригодиться для картины, драмы, повѣсти, оперы... но все это ровно никуда не годится для практическаго установленія международныхъ нашихъ отношеній. На старые договоры и межевыя записи уже и потому нельзя опираться, что послѣдующіе договоры и размежевки уничтожили дѣйствительность первыхъ: послѣдующіе также точно опирались на силу, какъ прежніе въ свое время. Современныя понятія о народныхъ пра-

вахъ не допустятъ называть Люблинскую унію добровольнымъ соединеніемъ двухъ братскихъ народовъ: она въ-сущности не была тѣмъ, чѣмъ выставить ее хотятъ польскіе патріоты. То было дѣло одного сословія, а не цѣлаго народа. Народная масса не была тогда спрошена и заявила впослѣдствіи свое несогласіе рядомъ отзывовъ, которые ревнитель послѣдняго соединенія постарался пройти *скромнымъ молчаніемъ*, по ясной причинѣ: эти отзывы не слишкомъ пріятны его патріотическому сердцу и вовсе не говорятъ въ пользу его патріотическихъ цѣлей.

Пора, братья Поляки, пора оставить ваши старыя погудки, пора сознать полное, совершенное отсутствіе въ настоящее время всякихъ правъ польской народности на нашъ южно-русскій край; пора обращаться съ нами, какъ съ народомъ равнымъ себѣ, уважать наше стремленіе къ самостоятельному и независимому развитію нашихъ народныхъ силъ, а не считать насъ массою, которая не имѣетъ, по выраженію автора *Истины о русскомъ духѣ*, ни особности, ни опредѣлительнаго характера, только для того и годною, чтобъ служить сырымъ матеріаломъ для польской національности;—пора искать съ нами не прежней — истлѣвшей отъ древности, внѣшней — но той внутренней, духовной, нравственной — на справедливости основанной — связи, которая одна можетъ быть залогомъ взаимныхъ стремленій ко всѣмъ благамъ образованности и къ успѣхамъ на пути умственнаго и вещественнаго благосостоянія.

Если, вмѣсто обманчивыхъ и извилистыхъ тропинокъ, Поляки изберутъ этотъ прямой путь отношеній къ нашему народу, то изъ того возникнутъ благіе плоды какъ для насъ, такъ и для нихъ. А тотъ путь, по которому хотятъ вести свой народъ гг. сочинители, строющіе карточные домики въ Revue Contemporaine, — это путь погибельный. Мы вполнѣ сознаемъ это. Дай Богъ, чтобъ и Поляки сознали тоже.

П. Костомаровъ.

ПРАВДА МОСКВИЧАМЪ О РУСИ.

Вознесеся оумомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы пріиде, величался гражданомъ, яко и племенемъ ихъ укори...

(Изъ житія Моисея, архіепископа Новгородскаго: »Чудо о Сергіи архіепископѣ«. Рукоп. XVII вѣка).

Въ 6 № *Дня* появился критическій разборъ моей статьи »Двѣ Русскія народности«, помѣщенной въ одномъ изъ нумеровъ журнала *Основы*. Какъ видно, это только начало цѣлаго ряда статей. Мы рѣшились возражать автору послѣдовательно, не ради пустого словопренія, часто скрываемаго авторскимъ самолюбіемъ, а изъ видовъ отстоять тѣ убѣжденія, которыя мы считаемъ истинными, либо согласиться съ противникомъ нашимъ, если онъ представитъ убѣдительныя противъ насъ доказательства.

Критикъ, полагая, что на каждомъ народѣ лежитъ обязанность самопознанія или обязанность добросовѣстно изучать коренныя стихіи его народности, говоритъ: »Но именно исполненіе этой-то обязанности и трудно. Случайныя положенія, въ которыя исторія, а вѣрнѣе то неразумѣніе народовъ, о которомъ мы говорили выше, ставитъ, на болѣе или менѣе долгое или короткое время, тотъ или другой народъ, — образуютъ въ немъ *привычки*, которыя, по пословицѣ, становятся второю природою. Эти привычки, заслоняя въ народѣ коренныя свойства его природы, обольщаютъ его и заставляютъ обольщать другихъ.«

Далѣе онъ говоритъ:

»Тѣмъ не менѣе исцѣленіе возможно. *Изученіе исторіи* дѣлаетъ его возможнымъ. Подъ внѣшними очертаніями измѣнчивыхъ событій, исторія указываетъ внутреннія качества, которыми опредѣляется сущ-

ность (субстанція) народнаго духа до такой степени, что народъ никогда успокоиться не можетъ, пока не найдетъ себѣ быта и обстановки (формъ и ассоціацій), соотвѣтствующихъ его духовной сущности. Само собою разумѣется, что такое изученіе исторіи сразу не дается ни всему народу, ни отдѣльнымъ въ нёмъ личностямъ. Національныя привычки, о которыхъ мы сказали выше, вносятъ и въ историческую науку самолюбивый *партикуляризмъ*, отъ котораго она должна очищаться постепенно. Къ счастію, самая ложь и противорѣчія, неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ, мало-по-малу саморазрушеніемъ приготовляютъ торжество истинѣ.«

Дѣйствительно, національныя привычки вносятъ въ науку самолюбивый партикуляризмъ, и наглядным доказательствомъ этой правды служитъ статья нашего критика, который, подъ вліяніемъ самолюбиваго національнаго партикуляризма, дѣлаетъ погрѣшности противъ историческихъ свидѣтельствъ и очевидной истины.

Придираясь къ моимъ словамъ»о силѣ неизвѣстныхъ обстоятельствъ«, критикъ хочетъ представить дѣло такъ, какъ-будто бы я, на основаніи этихъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ, дѣлалъ выводъ о колонизаціи Новгородскаго края съ Юга. Нѣтъ, я говорю только о существованіи какихъ-то неизвѣстныхъ обстоятельствъ, давшихъ, въ свое время, поводъ къ факту, который мнѣ извѣстенъ вовсе не на основаніи неизвѣстныхъ обстоятельствъ. Изъ нашей лѣтописи (которую авторъ называетъ Несторовою и которая не какъ сочиненіе, а какъ составъ, должна скорѣе называться Сильвестровскою) видно, что Новгородскіе Славяне вмѣстѣ съ другими пришли съ Дуная, слѣдовательно—съ Юга. Подвигаясь на сѣверъ, они естественно разселялись такъ, какъ указывало положеніе страны, а не такъ, какъ нужно московскому критику для своихъ славянофильскихъ тенденцій,—именно, помѣстившіеся далѣе къ сѣверу пришли на свое мѣсто позже, чѣмъ тѣ, которые заняли свои новыя жилища южнѣе. Еслибы лѣтописецъ этого не сказалъ, то это необходимо было бы принять само собою, въ особенности потому, что земли болѣе южныя гораздо плодороднѣе и привольнѣе, а потому не могли же переселенцы только пройти черезъ нихъ, а для жилищъ искать холодныхъ дебрей и топей. Въ нашей лѣтописи такъ перечисляются народы въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ юга къ сѣверу: Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, потомъ уже Славяне Ильменскіе. Зайти на берега Ильменя колонія Славянъ переселенцевъ могла только вслѣдствіе какихъ-нибудь побудительныхъ обстоятельствъ, которыя бы по-

мѣшали имъ жить на югѣ. Эти обстоятельства намъ неизвѣстны. Объ этомъ я и сдѣлалъ намекъ. Впрочемъ въ одной сказкѣ, вошедшей въ разныхъ варіантахъ въ списки нашихъ хронографовъ XVI и XVII вѣковъ, разсказывается, что именно эти Ильменскіе Славяне пришли съ юга Россіи, вслѣдствіе разрушительныхъ потрясеній, заставившихъ ихъ искать убѣжища; что на берегахъ Ильменя и въ окрестностяхъ его они нашли уже Славянскій народъ, говорившій бѣлорусскою рѣчью (Кривичей), и что рѣка, близъ которой пришельцы основали поселеніе, называлась Мутная и переименована новыми колонистами въ Волховъ, а озеро, изъ котораго истекала рѣка, прежде называлось Мойско, и переименовано въ Ильмерь. Сказаніе это сильно обезображено мудростію книжниковъ, но что оно не выдумано и что кое-что въ немъ взято изъ народныхъ преданій, доказываетъ то, что до сихъ поръ осталось въ народѣ мѣстное преданіе о томъ, что прежними жителями Волховъ назывался Мутною, а Ильмень — Мойско и переименованы Новгородцами, пришедшими изъ далека. Вѣроятность, что страна, гдѣ поселились Новгородцы, была или обитаема, или граничила съ обитаемою Кривичами (Бѣлоруссами), подтверждается тѣмъ, что бѣлорусское нарѣчіе дѣйствительно вторгается въ глубину Новгородской земли. Говоръ бѣлорусскій, по увѣренію мѣстныхъ наблюдателей, слышенъ уже на Шелони и попадается въ сѣверныхъ провинціяхъ Великаго Новагорода, въ Архангельской губерніи. Съ перваго взгляда видно достаточно, что въ Новгородской землѣ Бѣлорусское нарѣчіе столкнулось съ другимъ нарѣчіемъ, Новгородскимъ. Особенности этого послѣдняго (новгородскаго) нарѣчія даже и до сихъ поръ сохранили довольно яркіе оттѣнки, не смотря на много-вѣковое смѣшеніе съ восточно-русскимъ. Они-то показываютъ, что пришлая колонія принадлежала къ той группѣ Славянъ Русскаго населенія, отъ которой произошла нынѣшняя народность Малорусская. Я уже говорилъ, и теперь повторяю, что нашего мнѣнія не слѣдуетъ понимать такъ, что Новгородцы — чистые Малороссы въ томъ видѣ, какъ послѣднихъ мы себѣ воображаемъ по настоящему типу. Тогда, въ отдаленную эпоху, разумѣется, не было такихъ Малороссовъ, какъ теперь: ихъ нынѣшній типъ выработался подъ послѣдующими историческими условіями. Но мы утверждаемъ, и увѣрены въ томъ твердо, что Славяне Ильменскіе принадлежали первоначально къ такой народности, которая была родоначальною для Малороссовъ и Новгородцевъ одинаково и ближе къ нимъ относительно, чѣмъ обще-Славянская, а потому древніе Новгородцы и Малороссы состоятъ

между собою въ ближайшемъ сродствѣ, нежели тѣ и другіе съ Бѣлорусскою и Великорусскою вѣтвями. До сихъ поръ по берегамъ Волхова, въ Новоладожскомъ уѣздѣ и вообще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли Великаго Новагорода, слышится это сродство въ языкѣ, до-того поразительное для Южнорусса, что съ перваго раза онъ можетъ счесть Новгородца за своего земляка Малорусса, говорящаго по-великорусски, или уже нѣсколько обмоскалѣвшаго (1). Вотъ на какихъ основаніяхъ, а не по силѣ »неиз-

(1) Вотъ на выдержку свадебная пѣсня, записанная въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Мы соблюдаемъ для нея правописаніе малорусское: *о* за *о*, *и* и *е* — твердо, *ѣ* за *і*, но *г* за *g*, а не за *h*.

Хто у насъ хорошой?
Хто у насъ пригожой?
Ой люшеньки люли!
Омельянъ світъ хорошой,
Світъ-Федотовичъ пригожой.
Іонъ по горниці ходи,
Сапогъ не ломае,
Сапогъ не ломае,
Чулокъ не марае;
Сапожки козлови,
Чулочки коврови.
Іонъ коня сідлае,
Конь подъ імъ играе.
На коня садиться,
Конь подъ імъ бодриться.
Іонъ плёточкой маше,
Подъ імъ коникъ пляше.
Къ лужечкамъ подъізжае,
На іхъ травка зеленіе;
Къ річки подъізжае —
Вода розливае;
Къ терёму подъізжае,
Его дівиця стрічае,
Его Оленушка стрічае,
Світъ-Ивановна стрічае.
»Поди, мой хорошой,
Поди, мой пригожой!
Долго тебя ждала,
Долго дожидалась:
Со білого лиця спала,
А румянець потеряла,
Теперь увидала —
Сердцемъ свеселилась.«

вѣстныхъ обстоятельствъ«, какъ говоритъ критикъ, я признаю Новгородцевъ вѣствію Южнорусскаго племени.

Авторъ замѣчаетъ, что Ильменскіе колонисты не приняли никакого мѣстнаго видового названія, какъ произошло съ другими, а назывались просто: Славяне. Это онъ приписываетъ тому, что славянство сохранилось въ своей чистотѣ на самомъ сѣверѣ.

Еслибъ такъ было, то надобно предположить, что Ильменскіе Славяне, прежде чѣмъ постановили и рѣшились навсегда называться Славянами, принимали мѣры для сравненія себя съ другими одноплеменными народами. Но такъ не бываетъ у народовъ, стоящихъ на слишкомъ малой степени развитія, на какой, безсомнѣнія, стояли древніе Славяне. Не думаемъ же мы, чтобы Ильменскіе поселенцы отправляли этнографическія экспедиціи съ цѣлію сравнить себя съ другими и упрочить за собою почетное наименованіе. А иначе какъ могли они удостовѣриться въ своей относительной чистотѣ? И гдѣ же доказательства, что они назывались такъ именно по той причинѣ, по какой хочется автору? Развѣ онъ думаетъ, что, коль скоро представится примѣръ, что гдѣ-нибудь горсть народа называется общимъ племеннымъ названіемъ, то это свидѣтельствуетъ о его особенной чистотѣ? Но вотъ я представлю ему противное. Есть въ Воронежской губерніи, въ Острогожскомъ уѣздѣ, нѣмецкая колонія Рибенсдорфъ. Названіе ея рѣдкій знаетъ, а зоветъ обыкновенно *колонокъ*, а жителей ея просто—Нѣмцы; да и сами себя передъ Русскими они иначе не зовутъ, какъ такъ же. Но у нихъ вовсе не самая чистая нѣмецкая народность. Случаи, когда народныя группы удерживаютъ, вмѣсто видового, родовое названіе, обыкновенно означаютъ то, что эти группы были отброшены среди иноплеменнаго поселенія,—что, вѣроятно, было поводомъ и къ тому, что Ильменскіе поселенцы назывались Славянами: кромѣ Кривичей, они видѣли вокругъ себя Финскіе народы, съ которыми приходили въ столкновеніе и надъ которыми шагъ за шагомъ брали господство. Впрочемъ, могли быть и другія причины, намъ теперь неизвѣстныя, но никакъ не сознаніе своей особой племенной чистоты.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что Радимичей и Вятичей не слѣдуетъ причислять къ группѣ Славянъ, прибывшихъ съ Дуная. Но къ такимъ же, по моему мнѣнію, Славянамъ-аборигенамъ въ Россіи слѣдуетъ причислить и Кривичей, ибо ихъ, точно также, какъ Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ отдѣляетъ ясно: онъ наравнѣ, съ Радимичами и Вятичами, умалчиваетъ о нихъ, когда перечисляетъ народы собственно

Славянскіе, то есть пришлые съ Дуная. Напримѣръ: »Се бо токмо Словенескъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Новгородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане«. Точно также и въ другомъ мѣстѣ, описывая разселеніе Славянъ, лѣтописецъ не поминаетъ Кривичей наравнѣ съ Радимичами и Вятичами: »Словяне, пришедше, и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езеря Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣньскій языкъ...« (П. С. Лѣт. т. 1. стр. 3).

Между Кривичами поселилась только колонія пришлыхъ, Полочане и Дреговичи. Племя Кривичей было многочисленно. Лѣтописецъ не указалъ его точныхъ границъ: мы видимъ ихъ у него только на верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, но извѣстно, что они простирались далеко и сохранили свое мѣстное названіе долѣе, чѣмъ другіе русско-славянскіе народы. Оно заходило и въ нынѣшнія губерніи Псковскую и Новгородскую, какъ это видѣть можно изъ бѣлорусскаго говора, очевидно, составляющаго оттѣнокъ этого племени. Оно, вѣроятно, составляло важный элементъ въ образованіи Великорусской-Московской народности, ибо измѣненіе *о* на *а* есть принадлежность его говора, какъ и Великорусскаго-московскаго; *дзыканье*, другая своеобразная черта нарѣчія Кривичей, попадается въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Москали въ историческую эпоху не находились въ возможности усвоить себѣ его отъ Бѣлоруссовъ. Это тоже можно принять, какъ одинъ изъ слѣдовъ распространенности Кривичей по Русскому материку. И потому очень вѣроятно извѣстіе въ сказаніи объ основаніи Новгорода, о переименованіи пришельцами въ Волховъ названія рѣки Мутной, и озера Мойско въ Ильмень: старыя, замѣненныя названія—бѣлорусскія. Пришельцы Славяне очевидно внѣдрились въ племя Кривичей; на дальнемъ сѣверѣ, на окраинѣ ихъ земли, сѣли Славяне Ильменскіе, по рѣкѣ Полотѣ среди Кривичей усѣлись Полочане, а между Припетью и Двиною — Дреговичи. Замѣчательно, что въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ Бѣлорусское нарѣчіе; но по близости къ Припети до сихъ поръ видны слѣды Южнорусскаго языка въ поднарѣчіи, имѣющемъ нѣкоторыя свои мѣстныя особенности и которое можно назвать переход-

нымъ. Что касается до Радимичей и Вятичей, то кажется, что лѣтописецъ подъ Ляхами, отъ которыхъ ихъ производитъ, разумѣетъ не Поляковъ-Ляховъ, а другихъ Ляховъ, которыхъ онъ отдѣлилъ отъ Поляковъ словомъ *друзіи* и которыхъ, должно думать, онъ также не причисляетъ къ пришедшимъ съ Дуная: въ Польскомъ мірѣ также точно, какъ и въ Русскомъ, пришедшіе съ Дуная встрѣтили Славянъ аборигеновъ. Поселенцы подъ именемъ Полянъ были родственны Южнорусской вѣтви, и теперь это сродство сильно видно; но лѣтописецъ, говоря, что есть »Ляхове друзіи: Лутичи, инии Мазовшане, инии Поморяне«, отдѣляетъ послѣднихъ рѣзкою чертою отъ Полянъ, и когда, въ другомъ мѣстѣ, онъ производитъ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ, въ противоположность пришедшимъ съ Дуная Славянамъ, то этимъ даетъ знать, что считаетъ ихъ происходящими не отъ Поляковъ, также прибылыхъ съ Дуная, а отъ такихъ Ляховъ, которые съ Дуная не пришли. Что касается до Улучей и Тиверцевъ, то мы соглашаемся съ критикомъ, что ихъ слѣдуетъ причислять къ группѣ Дунайскихъ Славянъ, хотя они и не были въ числѣ пришедшихъ съ Дуная въ страны Русскаго материка отъ насилія Волоховъ. Древнія жилища Улучей и Тиверцевъ, прилегая къ Дунаю, ставили ихъ въ ближайшее сродство съ Дунайскими переселенцами, ибо и послѣдніе, еще прежде своего переселенія на русскій материкъ, жили по сосѣдству съ первыми, по теченію Дуная, и бѣжали отъ Волоховъ (Италіанцевъ) вѣроятно тогда, когда Римская имперія покорила эти страны (при Траянѣ).

Авторъ забавно не расположенъ къ Радимичамъ и Вятичамъ, и называетъ ихъ искаженнымъ уже Ляшскимъ элементомъ. Это всѣ отъ нерасположенія къ современнымъ Полякамъ. Критикъ не даромъ же печатаетъ въ такой газетѣ, которая вскорѣ послѣ своего появленія обратилась къ Полякамъ съ высокомѣрною рѣчью. Конечно, для людей этой партіи, которой органомъ служитъ *День*, все, что Ляшское, Польское, то искажено, то дурно! По дѣломъ и Радимичамъ и Вятичамъ! Вольно было ихъ праотцамъ, Радиму и Вятку, заходить изъ Ляшской земли въ нашу Русскую!...

Критикъ приписываетъ при-Ильменскимъ Славянамъ колонизацію восточной, западной и даже южной областей нынѣшней Россіи, береговъ Двины, всего Поволжья до устья Оки, Десны и Днѣпра. Вотъ что говоритъ онъ: »При-Ильменскіе поселенцы съ Дуная прямо назывались Дунайскимъ своимъ именемъ: »Словѣне«. Они раскидывали свои колоніи по всей центральной области нынѣшней Россіи, т. е. по верховьямъ

Двины, Волги и Днѣпра, владѣя узломъ главныхъ жилъ нашей территоріи; далѣе они своими колоніями спускались по лѣвой сторонѣ Днѣпра такъ, что вся область Десны до Трубежа была занята ими къ Югу, а на Востокъ ими колонизовано было по-Волжье до устьевъ Оки. Хотя такая обширная колонизація не могла не разбиться на новые, меньшіе округи, которые приняли свои мѣстныя названія, но члены ея даже на Югѣ помнили о своемъ корнѣ, о своей старшей, коренной метрополіи, и выразили связь съ нею въ самомъ названіи своего округа: »Сѣверъ« или »Сѣверяне«. Вотъ какъ очерчиваетъ эту с ѣ в е р н у ю колоніальную систему лѣтописецъ: »*Словѣни* (держати почаша княженье) *свое* въ Новѣгородѣ, »а *другое* на Полотѣ, иже Полочане. *Отъ нихъ же* Кривичи, иже сѣ»дятъ на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ жѣ градъ есть Смоленскъ; »*туда бо* (т. е. въ ту сторону отъ Новгорода) сѣдятъ Кривичи, таже »Сѣверъ *отъ нихъ*«, говоритъ лѣтопись.«

Критикъ умышленно поставилъ Славянъ Новгородскихъ сначала и не сказалъ, что въ лѣтописи передъ ними говорится: *И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ, въ Деревьехъ свое, а Дреговичи свое;* вслѣдъ за тѣмъ у лѣтописца слѣдуютъ слова: *а Словени свое въ Новѣгороди, а другіи на Полотѣ, иже Полочане.* Такимъ образомъ очевидно, что лѣтописецъ даетъ извѣстіе о томъ, что каждый Славянскій народецъ имѣлъ свою автономію, а между ними, наравнѣ съ прочими, и Славяне Новгородскіе. Но нѣтъ ни малѣйшаго повода заключать, чтобъ эти Словени были какими-то колонизаторами. Выраженіе *отъ нихъ*, здѣсь употребленное, двусмысленно; можно разумѣть, что лѣтописецъ думалъ указать на происхожденіе Кривичей и Сѣверянъ, но можно думать, что онъ употребилъ слово *отъ нихъ* только въ географическомъ смыслѣ. Намъ кажется вѣроятнѣе послѣднее; но если допустить другое, то остается еще новое двусмысліе. Можно сказанныя слова разумѣть: или 1) въ смыслѣ одноплеменности Кривичей и Сѣверянъ съ другими, то есть, что Кривичи и Сѣверяне одного Славянскаго корня съ Полянами, Древлянами, Словенами, Дреговичами, Полочанами, или 2) въ смыслѣ происхожденія отъ одного изъ Славянскихъ народцевъ, именно такъ, какъ критикъ хочетъ. Но въ послѣднемъ случаѣ выйдетъ, что Кривичи и Сѣверяне происходятъ отъ Полочанъ, а не отъ Ильменскихъ Славянъ. Но принять послѣднее, то есть происхожденіе отъ Полочанъ, невозможно, потому что: 1) лѣтописецъ, исчисляя два раза Славянскихъ переселенцевъ съ Дуная, о Кривичахъ не упоминаетъ;

2) что онъ, причисляя Сѣверянъ къ переселенцамъ, говоритъ о поселеніи ихъ на Деснѣ, Семи и Сулѣ, наравнѣ съ другими народами, и въ числѣ ихъ съ Полочанами, а не производитъ ихъ отъ этихъ Полочанъ, да и ни отъ какого-нибудь другого изъ Русско-Славянскихъ народцевъ.

Критикъ справедливо думаетъ, что Бѣлоозеро и Ростовъ указываютъ своими именами на Славянское заселеніе Веси и Мери издревле, и полагаетъ, что призывавшіе, вмѣстѣ съ Новгородцами, Варяговъ Весь и Меря были Славянскіе поселенцы этихъ Финскихъ краевъ. Подробное мнѣніе объ этомъ вопросѣ я изложилъ уже въ статьѣ »Начало Руси«, въ 1 книжкѣ *Современника* на 1860 годъ.

Авторъ противопоставилъ строй жизни и политическую организацію сѣверныхъ Славянъ южнымъ и ссылается на мѣсто изъ лѣтописи XII вѣка: »Новгородци бо изначала и Смолняне и Кыяне и Полочане и вси власти, якоже на думу, на вѣче сходятся; на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть«. Авторъ неправильно переводитъ слово *власти* словомъ *метрополіи: власти* значитъ—*волости*, земли; односторонне слово *пригородъ* переводитъ онъ словомъ *колоніи*. Дѣйствительно, колоніи дѣлались пригородами, но не всѣ пригороды были колоніи главнаго града. На это нигдѣ указанія нѣтъ, и быть этого не могло, потому что нельзя же предположить, чтобы въ древности Славяне, разселяясь по Русскому материку, непремѣнно сбивались въ кучки и изъ этихъ кучекъ расходились въ страны, сознавая зависимость отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ первой разъ собрались въ кучку. Не только односторонне, но противно исторіи и смыслу лѣтописи, критикъ говоритъ, будто изъ этого мѣста лѣтописи видно, что иной былъ строй жизни у южныхъ Русскихъ Славянъ, чѣмъ у сѣверныхъ. Какъ же это, когда въ этомъ мѣстѣ лѣтописи помѣщаются Кыяне за-урядъ съ сѣверными народами? Между тѣмъ вотъ какъ критикъ импровизируетъ о судьбѣ южныхъ Славянъ: »Южныя племена не стояли между собою въ такой генетической связи, какъ Сѣверная группа. Это были спорадически, отдѣльными группами, расположившіеся выходцы. Это было, если угодно, нѣсколько метрополій, раскинувшихъ около себя пригороды, хотя и на значительное пространство, но на этихъ первыхъ актахъ колонизаціи и остановившихся. Каждая метрополія произошла сама по себѣ. Это отсутствіе связи и энергіи выразилось на Югѣ въ слабомъ развитіи городовой жизни. Въ то время, какъ Сѣверные Славяне при Ильменѣ прямо садятся городомъ Новгородомъ и отту-

да городами выдвигаются въ другія мѣста (Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ и др.), на Югѣ, въ самомъ представительномъ племени, у Полянъ, еще нѣтъ города и, долго уже спустя, три брата — Кій, Щекъ и Хоривъ — »сотвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ«. Такой спорадическій характеръ поселенія не много обѣщалъ для политической и соціальной жизни Южныхъ племенъ«.

Откуда извѣстно, что у южныхъ Русскихъ Славянъ былъ такой строй?

»На югѣ, говоритъ авторъ, было слабое развитіе городской жизни«. А между тѣмъ въ глубокой древности у Улучей и Тиверцовъ были города на Днѣпрѣ и по Черноморскому поморью: *сьдяху по Дньстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне.* Да въ XII вѣкѣ на югѣ городовъ было болѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и о многихъ извѣстно, что они были значительны по своему времени, на примѣръ Кіевъ, Владиміръ, Галичъ, Перемышль. Критикъ увѣряетъ, будто въ тѣ времена, когда уже существовали, кромѣ Новгорода, Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ (въ фантазіи славянофила—населенные изъ Новгорода!), еще не было Кіева. Откуда это ему извѣстно? Развѣ годъ или даже вѣкъ основанія Кіева извѣстенъ кому-нибудь точно также, какъ и другихъ упомянутыхъ городовъ? Желательно знать, какихъ читателей авторъ воображалъ передъ собою, когда писалъ подобное. Не ужели ему неизвѣстно, что теперь прошли добрыя времена *Маяка* и Савельева-Ростиславича? Вѣдь теперь эти вещи достаточно извѣстны и гимназистамъ высшихъ классовъ; и тѣ засмѣются, услышавъ, что кто-то пытается доказать, какой городъ построенъ прежде другого изъ числа тѣхъ, о которыхъ имъ уже самимъ по источнику извѣстно, что нѣтъ возможности этого сдѣлать.

Питая постоянную злобу къ бѣднымъ Радимичамъ и Вятичамъ, критикъ приписываетъ грубость нравовъ у Сѣверянъ вліянію Ляшскихъ колонистовъ — Радимичей и Вятичей. »Это огрубляющее вліяніе отдѣльности отъ единокровныхъ братьевъ оказалось и на Сѣверянахъ, какъ скоро Ляшскіе колонисты Радимичи и Вятичи поселились возлѣ нихъ.« Все эти Ляхи! эти несносные Ляхи! Одно прикосновеніе ихъ вредно Русскому человѣку! Что я говорю — прикосновеніе? — Сидѣть близко насъ имъ не слѣдуетъ! Это язва здѣшнихъ мѣстъ! За тысячу слишкомъ лѣтъ Русскіе Славяне жили въ любви и согласіи между со-

бою, имѣли кроткіе обычаи, цивилизацію, высокую *духовную сущность*, наслаждались созерцаніемъ своего племеннаго единства и чистоты Ильменскихъ Славянъ... Какъ хорошо тогда было! И почему бы такъ не оставаться! Такъ нѣтъ же!—принесъ бѣсъ этихъ Радимичей и Вятичей, этихъ досадныхъ Ляховъ! Какъ усѣлись они подлѣ Сѣверянъ, такъ сейчасъ Сѣверяне и испортились и огрубѣли: завелись у нихъ »игрища межю селы, бѣсовское плясанье, завелось сожиганіе мертвыхъ, срамословіе предъ отцами и снохами (на послѣднее Ляхи замѣтить могутъ буквально тоже, что въ баснѣ замѣтилъ бѣсъ отшельнику о яйцѣ, испеченномъ на свѣчкѣ). А какъ Сѣверяне испортились, — все блаженство Русскихъ Славянъ пропало!

Было-бы очень кстати, еслибы какой-нибудь наставникъ юношества, читающій своимъ питомцамъ басни Крылова и Хемницера, прочиталъ имъ тираду славянофила о Радимичахъ и Вятичахъ и въ заключеніе сдѣлалъ бы такое объясненіе: Сія басня, любезныя дѣти, поучаетъ насъ, что въ Москвѣ существуютъ люди, называющіе себя славянофилами, еже сказуется славянолюбцами; но въ сущности они не таковы, каковыми себя выставляютъ, они хотятъ воспитывать въ своемъ народѣ непріязнь противъ другаго славянскаго народа, который и малочисленнѣе и слабѣе того народа, къ которому они сами принадлежатъ; а съ этой цѣлію они, сіи такъ-называемые Славянолюбцы, уродуютъ и искажаютъ преданья старины глубокой, прибавляютъ къ разсказамъ лѣтописцевъ свои выдумки и тѣмъ показываютъ, что не уважаютъ истины. И такъ, любезныя дѣти, когда возмужаете и будете встрѣчаться съ писаніями выше-означенныхъ Славянолюбцевъ, то не довѣряйте ихъ историческимъ теоріямъ: знайте, что они создаютъ ихъ не по любви къ истинѣ, а изъ желанія удовлетворить національному тщеславію, отъ котораго, любезныя дѣти, старайтесь сохранить себя, аки отъ злыя заразы: она тѣмъ опаснѣе, что очень прилипчива. Вотъ, эти Славянофилы—добрѣйшіе, честнѣйшіе, умные и свѣдущіе люди, а отъ нея не могутъ избавиться.—О Москва! какъ въ нынѣшнихъ чадахъ твоихъ зрятся отцы и дѣды ихъ! Вспомнишь по неволѣ Конисскаго, который, описывая солдатъ великорусскихъ, «бывшихъ еще тогда въ сѣрыхъ зипунахъ и въ лычаныхъ лаптяхъ, не бритыми и въ бородахъ, то-есть во всей мужичей образинѣ», замѣчаетъ, какъ «они имѣли однако о себѣ непонятное высокомѣріе или какой-то гнусный обычай давать всѣмъ народамъ презрительныя на-

званія, напримѣръ: Полячишки, Нѣмчурки, Татаришки и такъ далѣе.« (Кониск. 145). Много налгалъ Конисскій въ своей исторіи, но въ этомъ мѣстѣ сказалъ сущую правду, да и сказалъ мѣтко.

Задавъ себѣ фальшивое, ни на чемъ не основанное, положеніе — наваливать на Ляшское поселеніе все, что можно выдумать худое и зловредное для древней Руси, именно потому, что они—*Ляхи*, критикъ, ни съ сего, ни съ того, въ покоренiи Сѣверянъ Козарамъ обвиняетъ Вятичей!

Взявшись, такимъ образомъ, за перо съ цѣлію—доказать невѣрность моего взгляда на двойственность Русской народности, критикъ создаетъ прежде всего цѣлыхъ три теоріи совершенно мечтательнаго и произвольнаго свойства, и на своихъ положеніяхъ зиждетъ свою систему, которая имѣетъ претензію уничтожить мой взглядъ на древнюю нашу исторію и вообще на сущность Русской народности; онъ, произвольно, безъ всякихъ основаній: 1) признаетъ чуть не всю Русь колонизаціею Новгорода; 2) произвольно находитъ особыя свойства строя у сѣверныхъ и южныхъ Славянъ и приписываетъ сѣвернымъ Русскимъ Славянамъ исключительно, еще въ древнѣйшую эпоху, мысли политическаго единства, отрицая ихъ у южныхъ, — въ глубокой древности видитъ у сѣверныхъ какой-то особенный городовой строй и цивилизацію, чего не было у южныхъ; 3) произвольно приписываетъ Радимичамъ и Вятичамъ какое-то враждебное и вредное вліяніе на другихъ Славянъ, на томъ основаніи, что они Ляхи. Первое и второе выводится съ цѣлію проповѣдывать превосходство сѣвера надъ югомъ, изъ мѣстнаго высокомѣрія передъ южноруссами и притязанія на право власти первыхъ надъ послѣдними, — третье — съ цѣлію унижать Поляковъ, къ которымъ не благоволитъ вообще газета *День*.

Не ясно ли, что критикъ хочетъ употреблять науку средствомъ для поддержанія постороннихъ своихъ убѣжденій, имѣющихъ для него смыслъ уже не въ наукѣ, а въ современной жизни? Достойно ли это того, кто принимается за науку? И этотъ критикъ хочетъ обвинить меня въ тѣхъ качествахъ, которыя имѣетъ самъ и заявляетъ самымъ рѣзкимъ и ребяческимъ образомъ. Употреблять науку для постороннихъ цѣлей! это недостойно честнаго ученаго. Было бы извинительно, еслибы авторъ только заблуждался невольно; нѣтъ, онъ *не заблуждается* невольно: онъ сочиняетъ, онъ напускаетъ туманъ.

Далѣе у автора произвольныя фантазійки слѣдуютъ одна за другою. Что, напримѣръ, скажетъ всякій, занимающійся русскою исторіей, о та-

кой фразѣ: «во время варяжскаго владѣнія и подъ его вліяніемъ нарушена была та *правда*, та честность отношеній, какая изначала была между *властями*, или метрополіями, и *пригородами*, или колоніями«? Откуда автору извѣстно это, и гдѣ есть современныя свидѣтельства или свѣдѣніе о такой правдѣ и честности передъ нападеніемъ Варяговъ? Далѣе авторъ говоритъ: »Въ призваніи князей Новгородцы увидѣли средство умирить колоніи съ старшею метрополіею«. Въ лѣтописи говорится объ усобицахъ между родами, а не между колоніями и метрополіей; можетъ быть, и такъ было; можетъ быть, колоніи (исключая самобытныхъ Кривичей) дѣйствительно входили въ раздоръ съ Новгородомъ; но все это можетъ быть, а можетъ быть, этого и не было. Авторъ же свои выдумки выдаетъ за несомнѣнную историческую истину.

О походѣ Олега въ Кіевъ авторъ разсказываетъ такія небылицы: »Олегъ идетъ искать себѣ дѣла на югѣ. Его движеніе изъ Новагорода привлекаетъ множество охотниковъ изъ сѣвернаго населенія, и вотъ сѣверная цивилизація движется съ нимъ на югъ. Юговосточная отрасль Кривичей, посдѣ занятія Смоленска и Любеча, присоединяется опять къ Новгородской системѣ — и населеніе ея, увеличивъ новыми сѣверными новольниками массу идущихъ съ Олегомъ, увеличиваетъ только имѣющее начаться вліяніе сѣвера на югъ. Теперь должна установиться прочная связь юга съ сѣверомъ, и самый югъ, при помощи сѣвернаго колоніальнаго начала, сплотится своими доселѣ разрозненными членами въ одно цѣлое. Сѣверное начало встрѣчается съ югомъ (уже не впервые) на землѣ Полянъ. Освобожденные-было вольными дружинниками, Аскольдомъ и Диромъ, отъ власти Козаръ, Поляне устроиваются теперь по сѣвернымъ началамъ. Аскольдъ и Диръ, образчики тѣхъ Варяговъ, благодаря которымъ между едиными во всемъ сѣверными Славянами »не бѣ правды«, умерщвлены. Слабые Поляне принимаютъ Олега и пришедшую съ нимъ сѣверную систему безъ сопротивленія. Какая же это система? Это система Новгородская, система колонизаціи, приводимая въ исполненіе массою сѣверныхъ новольниковъ, двинувшихся изо всѣхъ сѣверныхъ центровъ при движеніи оттуда Олега и тѣсно къ нему примкнувшихъ: это та Русь-Новугородцы, о которыхъ слишкомъ прямо говоритъ лѣтопись, чтобы не знать этого кому-нибудь, а тѣмъ болѣе г. Костомарову«.

Что охотники сѣверные были у Олега — это такъ: это видно въ лѣтописи; но тамъ нѣтъ и слѣда какой-то сѣверной цивилизаціи. И откуда

взялась эта сѣверная цивилизація, и въ чемъ она состояла? Если что-нибудь было тогда похожее на цивилизацію, то скорѣе на югѣ, по близости къ Греціи, съ которою Южноруссы были въ сношеніяхъ. Правда, что съ покоренія Кіева Олегомъ, Кіевъ и за нимъ южная Русь вошли, такъ-сказать, въ ту систему связи, которая возникла на сѣверѣ, вслѣдствіе однако не какихъ-нибудь прежнихъ началъ, а чужеземныхъ покореній; но гдѣ доказательства, что Олегъ приходилъ туда съ заранѣе-сознанною системою колонизаціи? Мы видѣли прежде, что самая система эта на сѣверѣ, по отношенію сѣвера къ другимъ Русскимъ Славянамъ, есть мыльный пузырь, исчезающій отъ малѣйшаго дуновенія критики. Если историкъ-изслѣдователь по слѣдствіямъ историческихъ явленій будетъ искать сознанія такихъ слѣдствій въ головахъ тѣхъ, которые были виновниками этихъ явленій, то его изслѣдованіе будетъ въ большей части случаевъ ошибочно. О Руси-Новгородцахъ я положительно не знаю и не вѣдаю, хотя критикъ и думаетъ меня пристыдить такимъ незнаніемъ; а я знаю только то, что имя Руси въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка (когда складывалась лѣтопись) принималось въ двухъ значеніяхъ: въ смыслѣ Кіевской Земли и въ смыслѣ вообще Федераціи земель, состоявшихъ съ Кіевомъ подъ управленіемъ одного рода. Новгородъ, въ послѣднемъ смыслѣ, былъ Русь, но въ первомъ никогда; напротивъ, и послѣ того нерѣдко противополагался Руси, когда говорилось объ отношеніяхъ его къ Кіеву. Извѣстіе, что отъ Варягъ прозвались Новгородцы Русскою землею, не доказываетъ, чтобы Кіевъ отъ Новгорода назвался Русью, когда самъ Новгородъ сдѣлался Русскимъ отъ призванія Русскихъ князей, а эти пришельцы не Новгородцевъ послали, а сами перешли въ Кіевъ; слѣдовательно, если Поляне приняли имя Руси, то непосредственно отъ тѣхъ пришельцевъ, которые пришли къ нимъ, а не отъ Новгородцевъ, которые, какъ и Поляне, заимствовали это имя такъ недавно въ сравненіи съ послѣдними. Притомъ, мы видимъ, что Новгородцы его мѣстно потеряли, а Поляне удержали. Покажите мнѣ хоть одно мѣсто, гдѣ бы Новгородъ назывался Русью въ мѣстномъ значеніи! Самъ Новгородъ почти исчезаетъ изъ лѣтописей до самого избранія Владиміра.

На первый разъ довольно. Критикъ задаетъ намъ цѣлый рядъ вопросовъ. Мы боимся, чтобы московскій партикуляризмъ не увлекъ его до того, что мы станемъ внѣ возможности толковать съ нимъ серьёзно. А на то похоже, когда онъ выкидываетъ изъ науки *привычки*, отличая

ихъ отъ истинныхъ *элементовъ народности*. Такимъ-образомъ все, что ему не нравится, онъ относитъ къ *привычкамъ*, а чего хочетъ — къ истиннымъ *элементамъ* народности, и, конечно, къ послѣднимъ отнесетъ и то, что самъ выдумаетъ и чего на самомъ дѣлѣ не было, какъ напримѣръ, сѣверная цивилизація на русскомъ материкѣ въ неизвѣстныя и незапамятныя времена. Отдѣленіе *привычекъ* отъ истинныхъ *элементовъ* — это московская лазейка; мы будемъ говорить: это наши истинные элементы народности; они намъ дороги, священны; а вы скажете: неправда, это привычки, вы должны съ ними разстаться, а вотъ ваши элементы, — и будете указывать на то, чего въ самомъ дѣлѣ не было въ исторіи и теперь нѣтъ въ духовной и общественной жизни, или же на то, что хотя и существуетъ, но отъ чего мы отвращаемся, какъ отъ временныхъ привычекъ.

Н. Костомаровъ.

25 ноября, 1861.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ слѣдующей книжкѣ *Основы* будетъ помѣщено продолженіе общедоступной исторіи Украины, на украинскомъ языкѣ, П. А. Кулиша, подъ заглавіемъ *Виговщина*. Начало ея вышло особою книжкою, подъ заглавіемъ: *Хмельнищина*.

СВІЙ ШЛЯХЪ.

Ой воли́ мої круторо́гі,
Та звертáйте изъ доро́ги.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ой собъ, воли́ полови́ї,
Да не старі — молоди́ї!
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ну́те ра́зомъ, мої ду́жі,
Вилізáйте изъ калю́жи!
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Кінéць шляху вамъ чужо́му,
Станемъ зáразъ на своёму.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

На на́шому шляху́ су́хо,
Не істимуть тамъ васъ му́хи.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Попасу́ васъ на роздо́лі,
На козáцькімъ рíднімъ по́лі.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ще й напи́тись дамъ води́ці —
Не зъ боло́та, а зъ крини́ці.
Гей, воли́, со́бъ-собъ!

Ну́те жъ ра́зомъ, мої ду́жі,
Вилізáйте изъ калю́жи!
Собъ, воли́, со́бъ-собъ!

Ѳ. Бойчукъ.

25 мая, 1861 р.
Ахметъ-горское ущелье.

НАСТУСЯ.

ПОЭМА.

(1648).

Ивану Пилиповичу Хильчевському.

Якъ съ тобо́ю ми зустрі́лись
На шляху́ широ́кімъ,
Ти загля́нувъ мині́ въ ду́шу
Своїмъ до́бримъ о́комъ

И пора́дивъ мене́ щи́ро,
Куди́ прямува́ти...
До́вго и́шовъ я, та и прибився
До рі́дної ха́ти.

Не пі́йду́ я да́льше ха́ти,
Мій кохани́й бра́те;
Бу́ду въ ха́ті я співа́ти,
На банду́рі игра́ти.

Ой чи въ насъ же въ рідній хáті
Нічого згадáти,
Нічимъ тýгу розігнáти,
Вгóру духъ підняти?

Нáша хáта булá здáвна
На всімъ свíті слáвна, —
Съ того дáвна, якъ вітáла
Королá Степáна.

Убірáлась нáша хáта
Пáшними квíткáми;
Обливáлась нáша хáта
Крóвью и слёзáми.

Вилітáли зъ нéї въ пóле
Орлú за орлáми;
Обгортáли нáшу хáту
Литвúни зъ Ляхáми.

Обгортáли, та втікáли
Усімá шляхáми
Передъ нáшими шаблáми,
Дóвгими списáми.

Нáшу хáту Тýрки й Нíмці
За морáми знáли,
Въ нáшу хáту зъ усíхъ зéмель
Подарýнки слáли.

Було́ гу́чно, було́ бу́чно,
Та вставъ братъ на бра́та,—
Ой замо́вкла, похили́лась
На́ша рі́дна ха́та.

Ой німу́е, ой сумує
На́ша вбо́га ха́та,
Що багати́й одцура́вся
Убо́гого бра́та.

Задзвоніть же въ німи́й ха́ті,
Банду́рнії стру́ни!
Роскрива́йтеся свяги́і,
Пре́дківськії тру́ни!

Ожиі́, красо́ дівоча,
Въ кобза́рському се́рці!
Неха́й се́рце усміхне́тця —
И слізми заллється.

Ожиі́, коза́цька сла́во,
У банду́рнихъ стру́нахъ, —
Неха́й пре́дки звесели́тця
У забу́тихъ тру́нахъ;

Неха́й мо́влять живе́ сло́во
На всю Украіну —
И ззову́ть усю́ роди́ну
У се́мью еди́ну.

Ати, дрýже мій Ивáне,
Прийми́ мою дя́ку,
Що колúсь порáдивъ щúро
Менé середъ шля́ху.

За порáдою твоéю,
Я прибúвсь до хáти, —
Гóді пó сéіту блукáти,
Дорóги питáти!

НБУ

ЗАСПІВЪ ДО ПОЗМИ.

Неха́й місяць изъ зоря́ми
Ди́вится у во́ду,
А я гля́ну — задивлю́ся
На дівочу вро́ду.

Лю́бо місяцю зъ зоря́ми
Въ во́ду виглядатись:
Міні лю́бо дівочою
Красо́ю випива́тись.

Лю́бо місяцю зъ зоря́ми
Въ во́ду поринати:
Міні лю́бо въ дівочее
Се́рце прозира́ти.

Нема́ ліпшого на не́бі
Надъ зо́рю въ пого́ду:
Нема́ кра́щого на світі
Надъ дівочу вро́ду.

Нема́ ви́ду пишнійшого
Надъ зо́рі въ півно́чі:
Нема́ ди́ва дивнійшого
Надъ се́рце дівоче.

ПІСНЯ ПЕРВА.

I.

Уроди́лася Насту́ся —
Лю́бо подиви́тись,
Изъ ли́ченька румя́ного
Хочъ води́ напи́тись.

Уроди́лася Насту́ся —
Се́рце голуби́не...
Хто жъ то ёї кохáтиме,
Якъ мáти дитúну?

Роспущу́ крилáті ду́мки
По всій Украíні —
Немá пáри статéчної
Коханíй дівчúні!

Немá се́рця ласкáвого,
Ні тúхої мóви
До лю́бого залищáння,
Дру́жньої розмóви!

Шкодá, шкодá чорнобрівця
По степáхъ шукáти,
Щобъ зъ ро́жею садóвою
Доку́пи звязáти!

По Вкраíні огні горя́ть,
Підъ не́бо сягáють;
Потягну́ло степи́ дúмомъ,
Крюки́ въ дúму́ граю́ть.

Поміжъ бáлокъ Жóвті Водú
Кро́вью червоніють;

По городáхъ обгорíлі
Двóрища чорніють.

Повкладáлась середъ пóля
Шляхта спочивáти;
Похожáють въ пíшнихъ шáтахъ
Козаки чубáті. [2]

II.

Процвітáе въ садý квітка...
О трáво висóка!
Закрúй ії, сховáй ії
Відъ лю́дського óка.

Нехáй éі сóнце стúха
Світомъ облúвае;
Нехáй бжілка, Бóжа втіха,
Надъ нéю літáе.

Нехáй éі зóрі крóплять
Чúстою росóю...
Не дóвго ій пишáтися
Своéю красóю.

Не сховáе філя́стая
Пíшної квітúни:
Не застýпить старá мáти
Любóї дитúни.

III.

Ой у вдовúй Обушúхи
Сіни на помóсті.
Наíхали до вдівоньки
Козáченьки въ гóсті.

Молоди́і до присі́нокъ
Кони́ченьківъ вя́жуть,
А стари́і господи́ні
Добри́-вечіръ ка́жуть. [3]

»Добри́-вечіръ, паніма́тко,
У твою́ світли́цю!
Нехай Бо́гъ свяги́й изъ не́ба
Назира́ вдови́цю.

»Пізнава́й госте́й незва́нихъ,
Че́сна господи́не,
Що зда́лека завіта́ли
До те́бе въ гости́ну.

»Чи забу́ла, паніма́тко,
Той весе́лий ве́чіръ,
Якъ ми съ твоімъ Опана́сомъ
Вели́ дру́жні ре́чі, —

»Дру́жні ре́чі таемни́чі
Про коза́цьку зра́ду,
Що хотіли відомсти́ти
Шляхті за непра́вду?

»Чи забу́ла, паніма́тко,
Той ра́нокъ пону́рий,
Якъ ти въ військо виряжа́ла
Воло́вії ху́ри?

»Обуши́хо паніма́тко,
Си́зая орли́це!
Не ду́рно ти злила́ слізми
По́вую світли́цю.

»Тобі се́рце говори́ло
Про коза́цьку до́лю:

Ви́росли нові́ моги́ли
По чи́стому по́лю!

»Що́ въ Кумейкахъ, въ Боровиці
Заде́ржалось си́ли,
Те въ Сулі зеленолу́гій
Ляхи́ потопи́ли.

»Потопи́ли полохли́вихъ,
Завзя́тихъ напа́ли,
Постріля́ли, порубали́,
Кіньми потопта́ли.

»Пішла́ ту́га по Вкраїні
Одъ ха́ти до ха́ти,
Та не вме́рла съ того́ жа́лю
Коза́цкая ма́ти.

»Вона́ си́рітъ на оте́цькі
Моги́ли води́ла,
Якъ встава́ти, воюва́ти —
Пі́снею учи́ла.

»И кріва́вимъ слі́домъ ді́ти
Въ степи́ простува́ли,
Безъ гарма́тъ на Жо́втихъ Во́дахъ
Ворогівъ стріча́ли.

»Добува́ли козача́та
У шля́хти гарма́ти...
Помоло́дшала старе́нька
Коза́цкая ма́ти.

»Зазива́ла пи́шну шля́хту
Під Ко́рсунь въ гости́ну... [5]
Про ту у́чту сла́ва тру́бить
На всю Украіну.

»Панімáтко Обушúхо,
Сúзая орлúце!
Знай же й ти про слáвну úчту
У своїй свiтлúцi.

»Ой твогó ми Опанáса
Дóбре помина́ли:
Пúшну шляхту, якъ тихъ рáкiвъ,
Рукáми побрáли.

»Привiтáй же насъ, якъ мáти,
Чéсна господúне:
Ми съ Кóрсуня простувáли
До тéбе въ гостúну.«

IV.

Гýчно, гýчно у свiтлúцi
Батькú розмовля́ють.
Лю́бо iхъ синú Настýсю
Въ пiддáщшi вiтáють:

»Ой дiвчúно, дай намъ, сéрце,
Водúцi напúтись.
Гóдi згáгою у пóлi
Козакáмъ томúтись!

»Нехáй шляхту добивáють
Яструбú дзюбáть;
Нáша втiха — кáрi óчi,
Чóрнi бровенята.«

Хúлить вiтеръ, хúлить бýйний
Въ дубрóвi квiтúну:
Ва́блять рéчi молодúї
Вродли́ву дiвчúну.

Исхиля́ются въ дубро́ві
Верхи́ изъ верха́ми:
Иззира́ются въ розмо́ві
Очі́ изъ оча́ми.

То загра́е, то зани́е
Се́рце голуби́не...
Стереже́ися, Насту́сенько,
Лихо́і годи́ни!

Схамени́ся, не диві́ся
На коза́цьку вро́ду;
Иди́ лу́чче зъ мо́сту ки́нься
У холо́дну во́ду.

Тамъ до су́ду пла́вать бу́дешъ
Ти́хими ночами,
И коза́цтво необа́чне
Ва́бити речами.

Тамъ, руса́лкою, сміятись
Бу́дешъ изъ кохання,
А тутъ, щи́ро покоха́вши,
Звя́нешъ въ безтала́нні.

Шкода́ квітку одъ лихо́і
Бу́рі закрива́ти:
Му́сить бу́ря зъ не́ї пи́шне
Ли́стя обірва́ти.

Процвіта́йте жъ и зника́йте
Квітка́ми, дівча́та:
На те ро́дить васъ, серде́шнихъ,
У бо́лістяхъ ма́ти.

Процвіта́йте, не впиня́йте
Се́рденько кохати.

На те ва́ми, що зоря́ми,
Любу́ється ма́ти.

Процвіта́йте и намъ да́йте
Ва́шихъ чаръ напи́тись:
Тільки й ща́стя на сімъ світі,
Що на васъ дивйтись.

ПІСНЯ ДРУГА.

I. [c]

Ой давно́ була́ —
Въ непа́мять пішла́ —
Нещасли́ва годи́на,
Що коза́цькою
Кро́вью свято́ю
Червонїла Вкраіна.

Ой би́ли Ляхи́
На́шихъ козаківъ
Одъ Дністра́ до Стари́ці,
По всіхъ города́хъ,
Се́лахъ, хутора́хъ
Голосили вдови́ці.

Ой була́, була́
Глибо́ка Сула́
На́шимъ тру́помъ зага́чена.
По́льщі служи́ли —
Шля́хті годи́ли,
Тамъ за все намъ запла́чено.

II.

Покида́ли на́ші
Воло́вні ху́ри,
Манівця́ми та терна́ми
По дома́хъ сипну́ли.

Покида́ли въ ло́захъ
Спіжо́ві гарма́ти,
У безлю́дний степъ Моско́вський
Му́сили втіка́ти.

Покида́ли въ ба́гнахъ
Ворони́і ко́ні;
Сла́ли сви́ти черезъ ба́гна,
Втіка́ли 'дъ пого́ні.

III.

Тільки Дми́тро Гу́ня [7]
На Сулі зоста́вся
Між Сулою и Славу́томъ
Ва́ломъ обкопа́вся.

Би́вся Дми́тро Гу́ня
Пять неділь зъ Ляха́ми.
Не заги́не ёго́ сла́ва
Поміжъ козака́ми! [8]

Би́вся Гу́ня, би́вся,
На си́лі знемігся;
Похили́вши корого́вки,
Съ Пото́цькимъ мири́вся.

Су́мно на́ші, су́мно
По дома́хъ верта́лись,
Що брати́ іхъ надъ Сулою
Спа́ти повклада́лись.

IV.

И ти, Опана́се,
Хоро́брий Обу́ше,
Середъ бо́ю кріва́вого
Одда́въ Бо́гу ду́шу.

»Поміра́ю, бра́тя,
За рі́дну Вкраі́ну, —
Ой пригле́дьте вдову́ мою́
И малу́ дити́ну.

»Ой Моро́зе дру́же,
Мій назва́ний бра́те!
Назира́й орли́нцимъ о́комъ
Сирітську хату.

»Не попусти́ шля́хті
Надъ не́ю глуми́тись,
А я бу́ду на тімъ світі
Бо́гові моли́тись,

»Щобъ изно́въ воскре́сла
Коза́цкая си́ла
И шляхе́цькимъ кля́тимъ тру́помъ
Дніпро́ загати́ла.

»Ма́ешъ си́на, бра́те,
Я — дочку́ еди́ну;
Якъ дійдуть лі́тъ, испару́й іхъ,
У до́бру годи́ну.

»Нехай кровъ Моро́зівъ
Зъ мое́ю зіллється;
Звесели́тця на тімъ світі
Гірке́ мое́ се́рце.«

V.

Де́сять рікъ мину́ло
Після то́го бо́ю,
Якъ Опана́съ надъ Сулою
Полігъ голово́ю.

Щи́ро на тімъ світі
Бо́гу вінъ моли́вся,
А стари́й Моро́зъ изъ си́номъ
По комиша́хъ кри́вся.

Неволе́ю на́шимъ
Ляхи́ миръ дава́ли;
Роспусти́вши по домівкахъ,
По оди́нцю бра́ли.

Бра́ли, закида́ли
У замко́ві гли́бки;
Не става́ло въ нихъ кайда́нівъ,
Забива́ли въ ди́бки.

Ой дубо́ві ди́бки,
Залізні кайда́ни!
По степа́хъ ви, по комиша́хъ
На́шихъ розганя́ли.

Розліта́лись різно
Орли́ сизокри́лі,
Молоди́хъ орля́тъ на здо́бичъ
Налита́ти вчи́ли.

До́бре жъ вони́, до́бре
Ви́махали кри́ла,
По́ки зно́ву Украіна
Бу́нтомъ закипіла.

Дóбре жъ вонú, дóбре
По степáхъ шугáли, —
Роспорóшене козáцтво
Докýпи скликáли.

Трúста кóней зъ дóму
Зъ Гýнею втікáло; [9]
Три тúсячі до Богдáна
У Січъ прибувáло.

Дві сóтні зъ Морóзомъ
По Днiпрý спускáлось:
Дві тúсячі съ Турéщини
До Січи вертáлось.

Вернýвсь Тýня съ пóля,
А Морóзъ пзъ мóря, —
Розлилáся по Вкраíні
Козáцькая вóля.

VI.

»Ой ти, слáвний Гýне,
Дрýже мій едúний!
Давъ намъ Госпóдь обнятися
На вóльній Вкраíні.

»Дóбре послужúла
Намъ старáя сúла:
Утікáла вiдъ насъ шляхта
Штанú погубúла. [10]

»А тепéръ, мій дрýже,
Прошý тебé дýже:
Iдьмо — сúнові моéму
Знáйдемо подрýжже.

»Ка́жуть, въ Обуши́хи
Дочка́ — якъ кали́на
Ой то жъ си́нові моє́му
Назва́на дружи́на.

»Попару́емъ дітокъ,
Молоди́хъ орля́токъ,
Та й засі́демъ по пасіка́хъ
На ввесь лі́тъ оста́токъ.

»Неха́й свіжимъ цвітомъ
Земля́ процвіта́е,
А ми бу́демъ молитва́ми
Добува́ти ра́ю.

»Неха́й рі́дъ нашъ ро́дить,
Ворога́мъ на ли́хо,
А ми собі, ді́ду́ючи,
Повмира́емъ ти́хо,

»И бу́демъ диви́тись
Изъ Бо́жого ра́ю,
Якъ нашъ рі́дъ лука́ву шля́хту
Пі́дъ ко́рінь руба́е.«

VII.

До́бре ді́ди́ си́ві
Між се́бе ряди́ли,
Ща́сну до́лю молоди́мъ суди́ли;
У свято́ю не́ділю,
Въ обі́дню годи́ну,
Въ Обуши́хи за столо́мъ сиді́ли.

За столо́мъ сиді́ли,
Покріпля́ли си́ли
Изъ сина́ми, гостьми́ молоди́ми.

Сини́й мовчязли́ві,
Батькй говірли́ві,
Мовъ голуби́ си́ві-буркотли́ві.

»Обуши́хо не́не!
Сіда́й біля ме́не«,
Обізве́тця Гу́ня довгоу́сий.
»Якъ ти горюва́ла,
Дочку́ згодува́ла,—
Про все ти намъ росказа́ти му́сишъ.

»Одъ твоєі ха́ти
Несйтоі шля́хти
Не змогли́ ми, не́не, одганя́ти:
Зъ мали́ми сина́ми
Луга́ми, терна́ми
Одъ напа́сти му́сили втіка́ти.

»Ди́во, ди́вне ста́ло —
Недо́битки вста́ли,
Та й задали́ Ляха́мъ прочуха́на;
А ще намъ дивнійше,
Що вдовина́ кри́ша
Де́сять рікъ напа́сти не дозна́ла.

»Ой хочъ одъ напа́сти,
Ка́жуть, не пропа́сти,
Та не дай нікому зна́ти ії, Бо́же!
Ато́ жъ то вдови́ці,
Ма́вши у світли́ці
Лю́бу до́ню, що въ горо́ді ро́жу!«

VIII.

—»Коза́ченьки, батьки́ мої,
Крила́тні орли́ мої!
Коза́ченьки-небожа́та,
Молоді́ мої орля́та!
Такъ суди́ла Бо́жа во́ля,
Щобъ дави́ла насъ неду́ля,
Щобъ шляхе́цька своя-во́ля
Гна́ла насъ изъ ха́ти, съ по́ля,
Нашъ доста́токъ забира́ла,
Нашъ насу́шний заіда́ла,
На́шихъ дітокъ-малолітокъ
Зъ до́брого пути́ збива́ла.
Та не всіхъ же хи́жа си́ла
Людоідствомъ застраши́ла,
Не всімъ о́чі засліпи́ла,
Не всімъ се́рце задави́ла.
Не зада́вить тому́ се́рця,
Чий рідъ зъ да́вности веде́тця,
Хто, якъ пта́шка, съ клітки рве́тця,
Чия́ кровъ лила́сь и ллється
За Вкраінське ща́стя-до́лю,
За святу́ наро́дню во́лю...«

Пи́льно слу́хавъ си́вий Гу́ня
Зъ Моро́зомъ ззира́вся:
До́брим слово́мъ більшъ, ніжъ ме́домъ
Соло́дкимъ впива́вся.
А мото́рна господи́ня
Ку́хлівъ доливае,
Медову́ кипу́чу си́лу
Слово́мъ заправля́е:

IX.

»Одъ Прúпети до Синюхи
Вслáвили себé Обýхи, [11]
Та й не злóтомъ рабóванимъ,
Не гонóромъ купóванимъ,
Не гербáми-клейнóдами,
А своíми пригóдами.
Вонú въ пóлі воювáли
И въ невóлі бідувáли;
Вонú въ мýкахъ жартувáли,
Жáртомъ сéрце гартувáли.
Щó ми чýли, не забýли, —
Тимъ же слідомъ прямувáли.
Булá бýря — хилúлися,
Булó лúхо — молúлися,
Булó гóре — горювáли,
Та прáвдоньку шанувáли.
Въ кóго срібло, въ кóго злóто
Та шляхéцькиі клейнóди,
А въ насъ прáвда, прáва вóля —
Найлюбíйша въ свíті дóля.
Згúне срібло, згúне злóто,
Занедбáютця клейнóди,
Тільки прáвда на Вкраíні
По вікъ вічний не загúне,
Тільки прáвда, прáва вóля
Бýде всíмъ жадáна дóля...«

Похитáли головáми
Сúвими старúі:
»Ой слýхайте та навчáйтесь,
Дíти молодúі!

Такъ намъ пра́діди мовля́ли,
Одъ пра́щурівъ чу́вши, —
Не глухе́ въ насъ було́ се́рце,
Не глухи́і у́ші.«

X.

—»Що змогли́, Ляхи́ зъ насъ дра́ли,
Худібоньку забира́ли,
На́ші бжо́ли піддира́ли, [12]
На́ші ни́ви продава́ли,
Бідни́ли насъ посто́ями,
Харчува́ннямъ, напо́ями. [13]
Де насъ лю́де шанува́ли,
Тамъ вони́ зъ насъ глузува́ли,
По-шляхе́цькій гордува́ли,
По-збое́цькій жартува́ли.
Якъ ви въ по́лі ста́ли лу́ка,
Ста́ла до́ма жінка́мъ му́ка.
Якъ ви въ по́лі ста́ли о́рця, [14]
Не ба́чили жінки́ со́нця.
Ой не зна́ли жъ ми одра́ди,
Опрічъ пре́дківської пра́вди.
Ой не ма́ли жъ ми пора́ди,
Ні нау́ки, опрічъ пра́вди.
Мовъ свята́ небе́сна си́ла,
Вона́ се́рце намъ живи́ла,
Якъ на світі жи́ти — вчи́ла,
Одъ напа́сти борони́ла.
Була́ бу́ря — хили́лися,
Було́ ли́хо — моли́лися.
Хили́лися, та й не впа́ли;
Моли́лися — во́лі жда́ли.
Ой дожда́лись — изорну́ли
Єъ того́ пе́кла, де тону́ли.
Ой що насъ по-во́вчій рва́ли, —

Во́вчимъ слідомъ повтіка́ли.
Ой що кро́въ живу́ю ссса́ли, —
Вла́снихъ ска́рбівъ одбіга́ли.
Що надъ на́ми насміха́лись, —
Сами́ слізми облива́лись. [15]
Все жъ то пра́вда поробы́ла,
На́ша пре́дківська си́ла,
Зъ да́внихъ да́вень завіщана,
Награ́да намъ обіщана
Замість срібла, замість зло́та,
Замість го́нору-клейно́дівъ...«

Стрепену́лись ді́ди си́ві
Одъ живо́го сло́ва:
Розогріла старе́ се́рце
Гаря́чая мо́ва:
»Та́къ, паньма́тко рідна се́стро!
Дя́куємъ за мо́ву!
Ви́пъємо жъ за на́шу пра́вду,
Наро́дню осно́ву!
Наливай намъ ку́хлі по́вні
Ме́домъ, пъя́нимъ-чо́ломъ; [16]
Нехай въ се́рце ра́дість ллєтця
Съ твоімъ лю́бимъ сло́вомъ!«

XI.

—»Коза́ченьки, батьки́ моі,
Крила́тні орли́ моі!
У васъ очі прозірливі,
А въ насъ ду́ші покірливі.
У васъ ра́да середъ по́ля,
А въ насъ до́ма — ва́ша во́ля.
Ви бъетеся, — ми чу́емо,
По домівкахъ бі́ду́емо,
Бі́ду́емо, праці́юемо,
Малы́хъ дітокъ доглядаємъ, —

Доглядáемъ, въ чúсте сéрце
Прáвду, вóленьку вливáемъ, —
Доглядáемъ, годýемо,
Підмóгу вамъ готýемо.«

—»Золоті у тéбеýста!«
Ще Гýня озвáвся.
»Знавъ Обýхъ, де въ світі щáстя,
Якъ съ тобóю брáвся.
И щасли́ва, пéвне, бýде
По-вікъ того́ дóля,
Кому́ сýдитця подружжямъ
Любá твоя́ дóня.«

А у дóні горúть ли́чко,
Що въ лýзі калúна:
Передъ нéю — Морозéнко,
Гáрний, якъ картúна.
»Ой закрúй же менé, нéне,
Нехáй вінъ не знáе,
Якъ сéрденько трепéчетця,
Мліе-омлівáе!«

XII.

—»Козáченьки-небожáта,
Молоді мої орлята!
Пóки вúросли въ васъ крúла,
Рідна мáти васъ учúла, —
Ой учúла, наставля́ла,
Прáвихъ прéдківъ спомина́ла.
Що́ ви чýли, не забýли, —
Тимъ же слідомъ полину́ли.
Козаку́йте жъ, процвітáйте,
Та й намъ слáви уділя́йте.
Козаку́йте жъ, прославля́йтесь,
На насъ лю́бо оглядáйтесь.
Якъ до насъ ви завітáли, —

Мовъ зъ могúли ми устáли.
Якъ до насъ ви налетíли, —
Нáче свíтъ намъ освíтúли.
Ой свíтíть же по свíтлúці
Бíдолáшній удовúці;
Мéдомъ кýхлі исповнáйте,
Ії мýжа спомúнáйте.
Пúйте пúво, íжте стрáву,
Спомúнáйте ёгó слáву.
Ой нашъ рíдъ ведéтця здáвна;
Нáша слáва здáвна слáвна;
Нáша прáвда здáвна прáва, —
Чúста, слáвна нáша слáва!«

П. Кулíшъ.

Трéтю пíсню поэми надрукýемо въ *Основí* за мíсяць Ноябрь.

Ред.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМѢ »НАСТУСЯ«.

1. — Стр. 5, ст. 25.

Поміжъ бáлокъ Жóвті Вóди

На рѣчкѣ Жовтихъ Водахъ козаки впервые разбили коронное шляхетское войско. Рѣчка эта дѣйствительно протекала по степнымъ долинамъ, балкамъ. Теперь она, говорятъ, изсякла.

2. — Стр. 6, ст. 6.

Похожáють въ пíшныхъ шáтахъ
Козакú чубáті.

Одѣться въ платье побѣжденнаго врага считалось у козаковъ рыцарскою честью. Это видно и изъ думъ народныхъ, какъ напримѣръ:

Чóботи Татáрські истягáвъ,
На свої козáцькі нóги обувáвъ;
Одéжу истягáвъ,
На свої козáцькі плéчі надівáвъ;
Бáрхатний шликъ надíймає,
На свою козáцьку гóлову надівáє.

Современный лѣтописецъ говоритъ, что когда козаки-сермяжники возвращались съ походу на Поляковъ, то, одѣтые въ добычныя одежды, съ высоты казались массами движущихся цвѣтовъ.

Эпитетъ *чубáті* взятъ изъ народной думы:

Що не вúдно чубáтихъ
Не то по степáхъ,
Не то й по лугáхъ...

3. — Стр. 7.

Форма этого куплета взята изъ народной пѣсни:

Прíхало до дівчúни
Два козáкй вгóсті.
Одúнъ стоíть коло сíней,
Конúченька вáже;
Другúй стоíть пíдъ вікóнцемъ,
Добрá-вечíръ кáже.

4. — Стр. 8, ст. 3.

Щó въ Кумéйкахъ, въ Боровúцѣ

Подъ Кумейками и подъ Боровицею, ниже Канева, близъ Мошенъ, козаки были разбиты Потоцкимъ въ 1637 году. Въ слѣдующемъ году было новое возстаніе и новыя пораженія козаковъ надъ Сулою.

5. — Стр. 8, ст. 28.

Пíдъ Кóрсунь въ гостúну...

Угрощеніе состояло въ кровопролитной битвѣ, которая была напередъ хорошо соображена, обезпечена засадами и потому окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ шляхты.

6. — Стр. 6.

Въ I-й и II-й строфахъ дѣло идетъ о первыхъ козацкихъ войнахъ и потомъ о пораженіи козаковъ въ 1638 году, когда гетманъ Остряница бѣжалъ съ *комóнникомъ* въ Московскія степи.

7. — Стр. 12, ст. 13.

Тíльки Дмúтро Гýня

Слѣдовало бы напечатать Дмитро; но народъ говоритъ и Дмитро. Напримѣръ, въ пословицѣ: *До Дмúтра дíвка хúтра, а пíсля Дмúтра, якъ стрíне собáку, то й пúтáе: »Чи не въ старостúви, дáдюшка, йдетéра* Т. е. невѣста переборчива до тѣхъ поръ, пока минуетъ время сватовства, опредѣляемое осеннимъ праздникомъ св. Дмитрія.

8. — Стр. 12, ст. 19, 20.

Не загúне єго слáва
Помíжъ козакáми!

Неудачная война Остряница была искуплена Гунею, который, оставшись только съ нѣхотою, выдержалъ продолжительную осаду соединенныхъ силъ Потоцкаго и князя Іеремія Вишневецкаго. Онъ доказалъ, что доведенные до отчаянья козаки страшнѣе для коронпаго войска, нежели во время великихъ надеждъ своихъ. Войны Остряница и Гуни, равно какъ и Павлюка, до сихъ поръ мало намъ извѣстны. Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ окончанія новаго труда Н. И. Костомарова — подробнаго изображенія времени, предшествовавшаго Хмельницинѣ, которымъ трудомъ нашъ несравненный историкъ занятъ въ настоящее время. Чтобы дать читателямъ понятіе, до какой степени можетъ быть интересна художественно обработанная повѣсть объ этомъ періодѣ, приведу небольшой эпизодъ изъ неизвѣстной еще лѣтописи Лукомскаго, писанной въ 1770 году и сообщенной мнѣ М. В. Юзефовичемъ. Немногіе читали Diariusz Okolskiego, откуда заимствованъ лѣтописцемъ этотъ эпизодъ, потому что эта драгоцѣнная книга составляла большую библіографическую рѣдкость и появилась только недавно въ обширномъ собраніи историческихъ матеріаловъ: Biblioteka Polska.

«Гетманъ Потоцкій (говоритъ Лукомскій со словъ Окольскаго, очевидца войны) крайне на томъ постановилъ, чтобы козаковъ — — перемѣнными хорунгвамы безпреривно доставать, на нихъ наступать и вылазки дѣлать до десяты дней, и прытомъ близъ шанца нѣмецкаго сдѣлать батарею изъ дубовъ, а на верху оной изъ земли блокгаузъ, съ котораго съ пушекъ въ окопъ козацькій мочьно бъ было стрѣлять цѣльно, повелѣлъ. — — Козаки, усмотря, что реченая батарея и блокгаузъ поляками совсѣмъ сдѣлани и что изъ онаго блокгауза всѣ мѣста и лица ихъ въ окопѣ выдѣть не трудно, однѣ утѣкають, другие сквозь полское войско пробывать ся хотѣли, а чернь къ гетману объявление послалы, что оны поддаться ему готови; старшини жъ такой хитросты употребили. Юля 11 числа ночью отправили они нѣсколько козаковъ къ шанцу, состоящому близь оной батареи, съ наставленіемъ, дабы они противъ нихъ льстыли такою рѣччю, бутто они для словленія языка идуть до окопу, и подъ тѣмъ прыкровѣніемъ дабы провѣдали, какой у поляковъ лозунгъ. Тѣ козаки, подъ выдомъ реестровихъ (т. е. преданныхъ Потоцкому), въ обозъ къ нимъ же, реестровымъ, прышли, соглашаються съ онимы, какимъ образомъ языка достать въ окопѣ (Гуни), а между тѣмъ соглашеніемъ и о лозунгѣ провѣдали и оніи къ своимъ прыпеслы. Потомъ, сълустя полчаса, нѣсколкома десяткамы козаковъ засаду учынили и опять къ шанцамъ возвратылись. Какъ же ихъ спрошено: кой лозунгъ? они съказали; а одынъ изъ козаковъ реестровихъ спросилъ: достали ль языка? Они отвѣтствовали: и не одного досталы. Между тѣми самимы разговорамы засадние козаки на разговаривавшихъ неосторожнихъ реестровыхъ нападши, нѣсколько десятковъ, тутъ же пры нихъ нѣкоторую частицю пѣхоты нѣмецкой высѣкли и выкололи. Къ тому жъ, намѣрывая еще и оній батарей истребить, блокгаузъ разрушыть и пушки изъ оного искатыть, и уже были на оній възлѣзли; но, какъ во всемъ обозѣ полскомъ окрикъ учинился, а поляки къ оному батарею сближатысь началы, то оніе козаки, чтобъ поляки ихъ не захватыли, съ того батарея ескакивая, спасенія своего щастыемъ искали. Въ тую жъ ночъ учынилось въ полскомъ обозѣ великое замѣшагельство, такое, что все войско чрезъ всю ночъ пры ружжу стояло. Въ тое жъ ночное въремя козаковъ изъ окопу нѣсколко тысячъ въ обозъ полскій вѣско пивъ, многихъ поляковъ въ ономъ помертвили и въ окопъ съ побѣдою возъратились.»

9. — Стр. 15, ст. 5, 6.

Извѣстіе о бѣгствѣ Гуни съ тремя-стами козаковъ въ степи къ Острянину сохранилось въ рукописяхъ С. Петербургской публичной библіотеки. Николай Потоцкій, отъ 19 сентября 1639 года, съ офиціальною наивностію, увѣдомляетъ короля, что Гуня ушелъ *безъ всякой причины* (Hunia, który hetmanił swawolstwu przeciwko woysku WKM, y z kilka innych Principałow we trzech set koni do Ostranina do Moskwy, przes wszelky przyczyny, uciekł.) Поэма объясняетъ эти причины, на основаніи извѣстныхъ уловокъ магнатскаго полноправства въ Украинѣ.

10. — Стр. 15 ст. 23, 24.

Утікала відъ насъ шляхта,
Штанй погубіла.

Изъ народной пѣсни объ Уманской рѣзнѣ:

Утікáли Умáнчики,
Штáнй погубíли.

11. — Стр. 19, ст. 1, 2.

Одк Прúпетѣ до Синќ хи
Велáвили себѣ Обýхи,

Украинскій народъ не чуждъ понятій объ аристократизмѣ, но онъ до сихъ поръ держится коренного значенія слова ἄριστος (лучшій), не прибѣгая къ внѣшнимъ, искусственнымъ, механическимъ пособіямъ превосходства одного человѣка передъ другимъ. Самая слава имени соединялась въ его понятіяхъ не съ успѣхомъ, а съ значеніемъ дѣяній общественныхъ. Это всего ближе мы можемъ видѣть на Гонтѣ, Котовичѣ и другихъ участникахъ Колівщины, заклейменныхъ и до сихъ поръ клеймимыхъ даже со стороны людей Русскихъ названіемъ *разбойника*. Какъ поступаетъ у Квитки любящая дѣвушка, цѣлуя руки у грязнаго, опозореннаго колодника, такъ поступалъ Украинскій народъ, въ своихъ пѣсняхъ и воспоминаніяхъ, съ тѣми, на кого онъ смотрѣлъ, какъ на мучениковъ народной правды. Вотъ почему авторъ вкладываетъ въ уста Обушихи горькое воспоминаніе о предкахъ, которые прославились бѣдствіями и несчастіями. Упрекъ Пушкина: »Друзья минутнаго, поклонники успѣха«, къ нашему народу не относится. Были случаи, когда онъ въ пѣсняхъ своихъ проклиналъ торжествовавшаго Богдана Хмельницкаго и называлъ *козацькими батькáми* такихъ людей, какъ Зализнякъ и Гонта, которымъ печатная исторія (съ немногими исключеніями) отводила до сихъ поръ самое позорное мѣсто. Тотъ же самый народъ не отозвался ни единымъ словомъ сочувствія къ Мазепѣ, падшему якобы за Украину. Вообще его сердечная логика достойна изученія. Я только обращаю здѣсь вниманіе читателей на тотъ аристократизмъ нашего неграмотнаго (и слѣдовательно чуждаго грамотныхъ заблужденій) простолюдина, который выражается въ его бесѣдахъ и семейныхъ сдѣлкахъ словами: *чéсний рíдк, дитúна чéского рóду*, и пр. Уваженіе къ богатству у насъ есть, но богатство вообще такъ заподозрѣно, что даже молодая чета, получивъ въ приданое рогатый скотъ, лошадей, овецъ, часто обращаетъ все это въ деньги, суевѣрно утверждая, что не пойдетъ въ прокъ добытое чужимъ трудомъ, а впослѣдствіи покупаетъ на трудовые деньги другой домашній скотъ, и уже вѣруетъ, что можно съ него разжиться. Этимъ объясняется отчасти и убожество нашего народа, и та странная для иностранца гордость въ убожествѣ, уваженіе къ самому себѣ въ крайней нищетѣ и равнодушіе къ обогащенію, которыя такъ часто можно еще и въ наше политикоэкономическое время встрѣтить въ Украинѣ. Что касается до понятія о честномъ родѣ, то своеобразный аристократизмъ этого понятія такъ силенъ въ нашемъ простонародьи, что простые козаки и вообще поселяки-невѣсты доступны у насъ только для немногихъ образованныхъ и богатыхъ паничей, которые бы вздумали на нихъ жениться. Тутъ останавливаетъ родителей и самихъ невѣстъ въ ихъ выборѣ не страхъ новаго положенія въ свѣтѣ, не стыдъ своего мужичества, т. е. необразованности между дворянами, — вовсе нѣтъ. Народу нашему вѣчно чудится несчастье, неизбѣжно соединяющееся съ богатствомъ, пріобрѣтеннымъ, какъ онъ выражается, *Богъ єго знáє, якъ*. Смыслъ этого страха тотъ, что, по его нелегко объяснимой логикѣ, человѣкъ — самъ

самъ по себѣ, а богатство — само по себѣ, и что смѣшивать эти понятія до нераздѣлимости для него такъ же дико, какъ смѣшивать вѣчное съ временнымъ, живое съ мертвымъ, несомнѣнное съ призрачнымъ. Такимъ образомъ и при своемъ аристократизмѣ, любящемъ углубляться въ область преданій, народъ нашъ остается глубоко демократическимъ: остается всегда и во всемъ *народомъ*, а не классомъ, выдѣливающимся изъ народа. Зная это по живымъ представителямъ простонароднаго Украинизма, мы легко можемъ понять, какъ это сынъ владѣтельнаго князя, какимъ de facto былъ Богданъ Хмельницкій, de jure былъ только реестровой козакъ, т. с. рядовой воинъ; какъ воины, подобные кошевому Ивану Сирку, по сложеніи съ себя войскового званія, были въ глазахъ народа только простыми пасѣчниками, хотя ихъ знакомствомъ и дружбою каждый гордился; какъ въ уголовныя обвиненія противъ гетмана Самойловича (измышленныя канцелярскимъ умомъ Мазепы) внесены простодушно жалобы козаковъ на то, что, пріѣдя къ нему, надобно было стоять у порога, и пр. и пр. На основаніи всего этого, я заставляю счастливаго и конечно обогатившагося побѣдителя Поляковъ, Мороза, вмѣстѣ съ прославившимся Гунею, относиться къ женѣ Обуха такъ, какъ-будто она вовсе не обѣднѣла и не унижена шляхтою до уровня служенія шумнымъ постояльцамъ-жолнерамъ, а ее самое — говорить съ гостями тѣмъ же языкомъ, какимъ говорила бы и жена гетмана Хмельницкаго. Мнѣ случалось входить въ короткія отношенія съ бродячими бѣдняками, лирниками, кобзарями или просто нищими. Никогда я не замѣтилъ, чтобы они, во время предлагаемаго имъ гостепріимства, стѣснялись своею нищетою и нищостью своего положенія, или выражали лакейское уваженіе къ моимъ житейскимъ преимуществамъ. Гомеровскій Пріамъ въ шатрѣ Ахиллеса никакъ не былъ проще, естественнѣе и благороднѣе ихъ въ обращеніи. Благодарность свою они выражали даже съ какимъ-то милымъ для меня упрекомъ: *Тільки се й твоє, що ти своєю рукою подасй, а то все не твоє.* Видите, какъ у нашего народа актъ душевной дѣятельности отдѣляется отъ матеріала, который употребленъ для этого акта! Невольно приходитъ на мысль, во что оцѣнилъ Христосъ чашу воды холодной. Не смотря на то, что въ житейскихъ счетахъ за вещи она не стоитъ и самой дробной единицы матеріи,— въ области духа онъ дѣлаетъ незабвеннымъ дѣломъ актъ употребленія этой матеріи. Украинскій народъ, относясь къ міру вещей и явленій жизни непосредственно, безъ той искусственности, которая у насъ часто выдается за усовершенствованіе жизни, — сохранилъ простой, здоровый взглядъ на исторію, на народное право, на достоинство личности человѣческой и на многое, о чемъ приходится намъ спорить съ учеными и неученными кабинетными людьми. Само собою разумѣется, что не всѣ простолюдины и даже не очень многіе простолюдины могутъ служить намъ представителями того, что мы называемъ истинно украинскою народностію. Но въ томъ-то и подвигъ народоизученія, чтобы отличать главное отъ второстепеннаго, общее отъ частнаго, постоянное отъ случайнаго, внутреннее, самородное отъ внѣшняго, пришлаго, самобытное, первоначальное отъ наброшеннаго извнѣ, подражательнаго, искаженнаго.

12. — Стр. 20, ст. 7.

Наші бжоли піддирáли,

Въ печатающихся нынѣ Археографическою Коммиссіею *Актахъ Западной и Южной Россіи* часто идетъ дѣло о заграбленныхъ или опустошен-

ныхъ пасѣкахъ. Это показываетъ, что въ XVII столѣтіи пасіки составляли еще одну изъ главнѣйшихъ статей сельскаго хозяйства и промышленности. А *Лѣтопись Самовидца* (стр. 7) иронически выводитъ изъ подобныхъ грабежей даже причину войнъ Богдана Хмельницкого: »...напрапили (сказано въ чей) на чоловіка на одного, у котораго одняли пасіку, которая всій землі Польской начинила біди, а тимъ способомъ....« (и начинается повѣсть о самихъ войнахъ). Кстати обращу вниманіе читателей-спеціалистовъ на темное мѣсто въ современной рукописи одного шляхтича (приведенной мною въ примѣчаніяхъ къ *Дунайской Думѣ*), указывающее на какой-то неизвѣстный намъ грабежъ подстаростія Чаплинскаго: A co Oicowskich zdobyczy jedna beczka fantow zabitych wzięta kozakowi (очевидно, этотъ козакъ — Хмельницкій) od jednego Vkrainnego Podstarosciego, dla ktorey sto beczek krwie slacheckiey wylewało się...

13. — Стр. 20, ст. 9, 10.

Бідній ми насъ *постóями*,
Харчуваннямъ, *напóями*.

Въ универсалѣ своемъ гетманъ Остряница (*Записки о Южной Руси*, II, 297) жалуется всему народу, что начальникъ квартировавшихъ въ Острѣ жолнеровъ, Городовскій, требовалъ отъ его отца доставлять для его, Городовскаго, собакъ ежемѣсячно по три ведра творогу и по ведру масла, не говоря ужъ о томъ, что остерскіе козаки и мѣщане поставляли для корму самимъ постольцамъ. Изъ этого можно заключить, съ какимъ горькимъ чувствомъ должна была вдова Обуха вспомнивать о своей беззащитности послѣ неудачной войны гетмана Остряница. Самый стихъ: *Харчуваннямъ, напоями* взятъ изъ *Лѣтописи Самовидца* (стр. 11), гдѣ говорится, что въ началѣ войнъ Хмельницкаго мѣщане должны были вступать въ козаки, чтобы освободиться »отъ побоевъ, напоевъ и кормовъ незвычайныхъ«.

14. — Стр. 20, ст. 17.

Якъ ви стáли въ полі óрця,

Выраженіе *стáти óрця* употребительно у черноморскихъ байдачниковъ. Это значитъ — повернуть байдакъ противъ вѣтру. *Постáвъ óрця!* говорятъ они другъ другу въ извѣстномъ случаѣ. *Стáти лýка* — почти то же, что и *стáти цáпа*, т. е. воспротивиться какой-нибудь силѣ.

15. — Стр. 12, ст. 5.

Самі слізми облúвались.

См. 12-е прим. къ *Дунайской Думѣ*.

16. — Стр. 21, ст. 21.

Мéдомъ, пѣянимъ-чóломъ.

Медъ подъ названіемъ *пѣяне-чоло* упоминается въ извѣстной думѣ о Ганжѣ Андыберѣ.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

III.

Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ.

Багáтому хазя́іну послáвъ Богъ чи-мáло дíточóкъ. Всі жъ покірни, трудя́щі, помагáють бáтькові й мáтері у всякій робóті; однá тільки дочкá (Палáжкою звáли) удалáсь тáка лінúва! тільки й робóти їй, що сидúть згорнýвши рýчки. Ні на сорóчку собі не напрядé, ні водú не принесé, ні корóви не вúдоіть. А дівка жъ такá—глянúть на нéі, здáсця за двохъ зробúть—висóка, гладкá, и зъ виду—не взявъ її врагъ — чорнявенька, хорошá–прехорóша!

Мóже бъ вонá и не булá такá лінúва, колúбъ бáтько й мáти, нá лихо ій, такъ въ нéі не кохáлись. Нікóли булó не налáють — не то щобъ вдáрить — лінúву литúну.

— Дóнечко мóя!—булó почнé бáтько: —чомъ ти нічóго не робúшъ?.. Якá жъ зъ тéбе хазя́йка бýде?... Та тебé жъ ніхтó не візьме за сéбе. Кому́ трéба такýу пáньску пихý, якъ ти? Чи не сóромъ тобі дáрмо хлібъ їсти?

То мáти зáразъ и заступáетця.

— Годі тобі, скáже, — грúмать на дитúну! Якъ до чóго прúйдеця, то бýде зъ нéі и хазя́йка... Аджежъ не чужúй хлібъ їсть, а нашъ.

Вже й подрýженьки Палáжчини повихóдили зáміжъ, а до нéі и старостівъ не засилáють, хочъ такá дівчúна, кажý, що крáщої въ селі немá: бíла, пóвна, тіло ніжне, — якъ пáнночка! бó нічóго не робúть: не печéтця на сóнці, не мéрзне й на морóзі.

Ду́мавъ, стари́й, ду́мавъ, що́ ёму́ на сві́ті роби́ть зъ лині́вою дочко́ю, та й ка́же:

— Якъ би́ знайшо́вся таки́й чоловікъ, щобъ не би́ттемъ, а пова́жнимъ сло́вомъ, зроби́въ зъ не́і роботя́щу молоди́цю, то я-бъ зъ не́ю віддавъ би ёму́ третю́ всії худо́би, що ма́ю.

Знайшо́вся таки́й чоловікъ зъ дру́гого села́; прийшо́въ до Пала́жкиного ба́тька, и си́на зъ собо́ю привізъ. Зна́тний па́рень, дівчи́ні під пару.

— Віддай, ка́же,—твою дочку́ за мого́ си́на, то поба́чимъ, яка́ зъ не́і бу́де певсипу́ща хазя́йка.

— До́бре, ка́же ба́тько,—віддамъ; и зъ не́ю, якъ сказа́въ, третю́ худо́би; тільки гледи́, щобъ не би́ли моє́і дити́ни...

— И па́льцемъ, ка́же чоловікъ, — до не́і не доторкну́сь!

Одружи́ли Палажку зъ па́рубкомъ, и, до́бре погуля́вши на весіллі, све́коръ забра́въ молоди́хъ и повізъ до се́бе. На дру́гий день вся семья́ прокинулась ране́нько и ко́жний приня́вся за робо́ту, а Пала́жка до́вго ще ворочалась зъ бо́ку на бікъ, по́ки не обри́дло лежа́ть, а да́лі вста́ла, сіла собі била вікони́ця та й поглядає на ву́лицю, и радабъ то, раде́нька, що ії ніхто́ не си́луе до робо́ти. Къ обіду зібра́лась вся сімья́; поста́вили на столъ борщъ; отъ, све́коръ и пита́:

— А хто́ що́ роби́въ?

Вся́кій, хто́ що́ роби́въ, розка́зуе, а Пала́жка мовчи́ть.

— А ти, невістко, що́ робила? пита́ све́коръ.

— Нічо́го не робила, одвітила Пала́жка, — и звича́ю того́ не ма́ю, щобъ робити.

— Якъ нічо́го не робила, то нічо́го и не істимешъ: и у насъ нема́ звича́ю да́рмо годова́ть ле́жнівъ!

Такъ серде́шна цілісенький день не ївши и сиділа: нема́, ба́чите, рідної не́ньки; нікому було́ и шмато́чокъ хлібця дать небо́зі.

На дру́гий день, сиділа, сиділа, а да́лі згада́ла, що ту́течка, якъ не поробишъ, то й істи не дадуть,—вхопи́ла відра и принесла́ води́. Якъ посіда́ли обідать, зновъ све́коръ пита́:

— А хто́ що́ роби́въ?

— Всі роби́ли, одвіту́е свекру́ха.

— А невістка?

— Вона́ води́ принесла́.

— Дайте жъ ій ку́хликъ води́.

Ви́пила той ку́хликъ небо́га, попла́кала, пожури́лась и зновъ голоду́е.

На тре́тій день Пала́жка принесла́ води́, и якъ свекру́ха по́ралась биля пе́чи, то вона́ помогла́ ій ви́мішать ка́шу.

— А хто що́ роби́въ? пита́ све́кроръ сіда́ючи обі́дать.

— Всі роби́ли, одві́туе свекру́ха;—а невістка и води́ принесла́, и кашу вимішувала.

— Да́йте жъ ій гру́дочку ка́ши.

Не наі́лась Пала́жка тие́ю гру́дочкою. Нічого роби́ть; якъ ка́жуть: го́лодъ — не тітка, не нагодуе. Отъ вона́ го́ді вже сидіть, згорну́вши ру́чки; потро́шку, потро́шку, та й ста́ла така́ жъ робо-тя́ща, якъ и всі. Минувъ ти́ждень и дру́гий; отъ Пала́жчина ма́ти и ка́же своє́му чолові́кові:

— Що́-то діється зъ на́шою дитино́ю? Мо́же, вона́ кулака́ми слёзи втира́е; мо́же, ії товчу́ть и бьють нещасли́ву?... Запроторили ажъ у дру́ге село́, та й до́сі ві́сточки об нёі не ма́емо. Хочъ би ти, чоловіче, навідавсь до нёі.

У неділю пішо́въ стари́й до своє́ї дочки́. Прихо́дить — нема́ нико́го: вся семья́ пішла́ до це́ркви, тільки одна́ Пала́жка оста́лась и по́раеться біля пе́чі.

— А що́, до́нечко, пита́ стари́й, — я́къ тобі живе́тця?

— До́бре, та́ту, одві́туе Пала́жка, — спаси́бі Бо́гу й лю́дямъ.

— Не бьють тебе́?

— Ні, не бьють.

— Спаси́бі імъ! ка́же стари́й, перехрести́вшись.

Сівъ ба́тько на ла́ву, та й ди́витця на свою́ дочку́, а вона́ такъ тимъ рогаче́мъ ору́дуе! то́ горшки́ переставля́, то жа́ру під-гребе́, то ви́біжить зъ ха́ти, дрове́ць врубає́ть, то вхо́пить відра и збігае за водо́ю. Що́ се зъ не́ю ста́лось? ду́мае стари́й: оча́мъ своїмъ віри не йме. То́ було и до пе́чи бли́зько не підійде, а тепе́речки — глянь, яка́ роботя́ща ста́ла!

Ажъ ось повертаю́тця зъ це́ркви све́кроръ зъ жінкою, зъ дітьми, а Пала́жка якъ ухо́пить шкурато́къ та ба́тькові въ ру́ки:

— Мніть, та́ту, ка́же,—ато́ ту́течки такі га́спедьски лю́де, що якъ хто нічо́го не ро́бить, то вони́ ёму́ и шматка́ хліба не дадуть!

Ба́тько узя́въ той шкурато́къ та й мне, а ту́тъ війшо́въ у ха́ту све́кроръ зъ жінкою и зъ дітьми.

— Здоро́въ бувъ, сва́те! ка́же све́кроръ,—а що́ се ти ро́бишъ?

— Шкурато́къ мну, ка́же старий, усміха́ючись, — щобъ не гуля́ть, бо дочка́ мині сказа́ла, що тутъ такі лю́де чудні, що якъ хто нічо́го не ро́бить, то ёму́ й шмато́чка хліба не даду́ть.

— Э, въ насъ такъ, сва́те! ка́же свёкоръ, гля́нувши на невістку. — Не збреха́ла твоя́ дочка́. Бачъ, яка́ ста́ла робота́ща! Тепе́речки дава́й, якъ обіща́въ, тре́тину, бо й па́льцемъ я до не́ї не доторкну́вся.

— Якъ же ви її навчи́ли? пита́ ба́тько.

— А такъ: *вчи лі́нивого не молото́мъ, а вчи го́лодомъ.*

IV.

Не впусти рака зъ рота.

Летіла воро́на по-надъ мо́ремъ; ди́витця—лізе ракъ. Вона́ хапъ ёго́, та й понесла́ черезъ лима́нъ у лісъ, щобъ, сівши де-не́будь на гіллі́, гарне́нько поснідать. Ба́чить ракъ, що приходитця пропа́сти, и ка́же воро́ні:

— Эй, воро́но, воро́но! знавъ я твого́ ба́тька и твою ма́тірь: сла́вні лю́де були́!

— Угу́, одві́туе воро́на, не розявля́ючи ро́та.

— И братівъ и се́стеръ твоіхъ зна́въ, ка́же ракъ: — що́ за до́брі лю́де!

— Угу́, гугнить воро́на, а ра́ка кріпе́нько держи́ть.

— Та вже хочъ вони́ и га́рні лю́де, ка́же ракъ, — а тобі не рівня. Мині здае́тця, що й на світі нема́ розумні́шого надъ те́бе.

— Эге́! кря́кнула воро́на, на ввесь рі́тъ, та й упусти́ла ра́ка въ мо́ре.

Отъ тимъ-то, якъ кого одуря́ть похвальбо́ю, або́ лести́вою рі́ччю, то лю́де й ка́жуть: »*Упусти́въ ра́ка зъ ро́та.* А якъ кого́ остеріга́ють, то ка́жуть: »Гледи́! *не впусти́ ра́ка зъ ро́та.*«

Олекса Стороженко.

V.

Вороний кінь.

Бу́въ у на́съ на Чорномо́рії коза́къ стари́й, на прізвище Кульба́шний; зжився свій вікъ сиротою; сидівъ Зімівника́мъ на рі́чці Саси́ці Ейській Пала́нки, мавъ дуже бага́то худо́би вси́кої и бу́въ грошови́тий дуже. Він, умера́ючи, всі гро́ші одказа́въ на Бо́жі церкви́.

Разъ, у Ростовському я́рмарку, де Чорномо́рці стано́влятця осо́бне та́бором, вінъ продава́въ лошакі́въ, не́уківъ, а мошенники (якъ ярмарки́ безъ їхъ не буваю́ть) давно́ ве́штаютця мі́жъ возами́ та й підгляді́ли, що стари́й Кульба́шний, прода́вши своїхъ лошакі́въ, бідкаетця де́бъ ёму́ купи́ти, на ста́рість, їзджа́лого, сми́рного коня́ підъ ве́рхъ? Оди́нъ чума́къ, почу́вши се́е — »я тобі, ба́тьку, ка́же, найшо́въ би коня́ до́брого, такъ дале́ко тре́ба йти.

— А де́? спита́въ Кульба́шний.

— Ажъ та́мъ, де коле́са продаю́ть; та таки́й, ка́же, ба́тьку, кінь, що й мала́ дити́на поіде. Якъ би я́, ка́же, не чумакува́въ, то су́чий си́нъ, коли́бъ некупи́въ для се́бе! та́мъ скоти́на надиво вдала́сь!...

— А яки́й на ма́сть?—перебива́въ его Кульба́шний.

— Ворони́й, ба́тьку: та́мъ, що́ за кінь! ска́зано—запоро́зький.

— А, запоро́зький! ка́же Кульба́шний:—ході́мо за́разъ.

Пішли́.

— Та́мъ жи́въ, неподалеці Саву́ръ-могили, въ байра́ці, Запоро́жець, роска́зуе йду́чи чума́къ, та неда́вно вме́ръ. Чумаки́, на той ча́съ тра́пилось, поховали́ старо́го козарлю́гу, а коня́ взяли́, що́бъ прода́ть та ві́дда́ть гро́ші на церкви́ Бо́жі, за ду́шу покійного.

— Э! се́ благе́ ді́ло; и мі́ні вже ча́съ умі́рати, Кульба́шний ка́же.

Та, зна́й, доро́гою оби́два йду́чи, терева́ні пра́влять. А того стари́й Кульба́шний и не візьме собі въ товкъ, що се вінъ зъ мошенникомъ счеши́вся. Вікъ прививъ берегтйся москалівъ (та пра́вда, хто їхъ и не бережётця), а щобъ зъ чумакі́въ та були́ мошенники, Кульба́шному и не сни́лось. Уже́ оці на́ші ходаки́ давно́ вийшли зъ Чорномо́рського та́бору, перейшли Бахмутський пошто́вий шля́хъ; перей–

шли́ вози́ зъ коле́сами, ажъ ось недале́ко й Темерни́къ. Ту́тъ, на сій ба́лці, стоя́ть осо́бне вози́ чума́цькі съ запря́женими вола́ми. Чумаки́ мо́тляютця поміжъ воза́ми, и якъ уздрі́ли свого́ това́риша, що йде́ зъ Кульба́шнимъ, за́разъ ви́ступили на зу́стрічъ.

А що́, Трохи́ме! чи росплати́вся? спита́въ оди́нъ прихо́джого зъ Кульба́шнимъ чумака́.

— Ні, ка́же, нема́ коло во́за..пішо́въ десь до крамарі́въ... Що́ це ви зду́мали? переізди́ти чи-що? Ось стари́й ба́тько коня́ купу́е.

— Не ку́пить, сказа́ло ра́зомъ чоловіка́ съ пья́ть. Сі Чорномо́рці наро́дъ скупи́й з-бі́са; та й і́здять усе́ на зли́хъ ко́няхъ.

Ся́ бъ то оста́ння мо́ва й понорови́лась Кульба́шному; такъ ота́, що сказа́ли—*не купить*, спроти́вилась ёму́: мо́въ би въ ёго чортъ-ма́ гро́шей.

— Чомъ не куплю́? ка́же Кульба́шний? Я й вози́ ва́ші зъ вола́ми мо́жу купи́ти.

— Ки́хъ-ки́хъ-ки́хъ! засмія́лись чумаки́.

Кульба́шного взяла́ зазді́сть: що ще́ не ймуть ёму́ й ві́ри.

— Де́ той кінь? — пита́е.

— Ось де! обізва́вся яки́йсь чума́къ за воза́ми, одвьязуючи того́ коня́ одъ полу́драбка.

Згля́нувъ на ёго Кульба́шний, и жа́жка въ старо́го затруси́лась. Обійшо́въ ёго́.

— Кінь въ літа́хъ, ка́же Кульба́шний, - та й я́ немолоди́й,—поду́мавъ... А що́ за ёго?

— Дві со́тні съ половино́ю.

— До́рого, поду́мавъ стари́й, та й ка́же:—щобъ не хлопота́тьця, півтори́ со́тні.

Та вступа́йте, бра́цця! примо́вивъ прихо́жий чума́къ.

— Хіба́ для те́бе!.. дві со́тні та й го́ді, одві́тивъ оди́нъ стари́й чума́къ.

— Дава́й, ба́тьку, гро́ші, ка́же прихо́жий зведе́нникъ: упу́стимо сёго коня́, другого́ не зна́йдешъ такого́, бо вже таншъ не бу́де.

Підступи́въ стари́й, озира́ючи коня́. Взя́въ за по́відъ коло мо́рди; погла́дивъ по голові, повівъ ру́ку по ши́ї, поля́павъ доло́нею по спи́ні, отступи́вся, зайшо́въ зза́ду, гля́нувъ вздовшъ спи́ни.

— Хоро́ша скоти́на... Неха́й же я, ка́же Кульба́шний, на ста́ріть поі́здку таки́мъ коне́мъ, якъ змо́лоду въ мене́ бувъ: бері́ть гро́ші.

Підійшо́въ до то́го, що торгова́вся, знявъ ша́пку, перехрести́вся,

вдáрили по рукáхъ. Вúнявъ Кульбáшний зъ кешенí хýстку, знайшóвъ грóші, одлúчивъ дві сóтні й оддáвъ продавцéві, взявши коня́ за пóвідь полóю.

— Тобі, бáтьку, судúвся сей кінь, поживáй на здорóвья! віддаючи коня́, продавéцъ сказáвъ.

Закúнувъ Кульбáшний поводи́ конéві на шию, взя́вся за гриву, посилкувáвшись підскóчивъ—ужé й на конéві. Проїхавсь геть відъ возівъ шляхтю, скрутнýвъ поводáми коня́, кінь, якъ у казані, окрутнýвся назáдъ. Попустúвъ поводи́—пішóвъ ворóній рúстю; — добігъ до возівъ, спинúвъ коня́, зхопúвся зъ ёго—не надя́кується продавцéві за дóброго коня́, подовбáвсь щé разъ у кешеню, тя́гне карбóванця: отъ вамъ, панóве чумáство, на могорúчъ.

— Спасúбі! не бýдешъ бáтьку, ля́яти за сёго коня́; згáдуватимешъ пóки живъ на сзіті... А подáйте, хлóпці, бóклагъ,—загули чумаки́:— пóки бáткова бýде, то ми своєю почастýемо.

Достáли бóклагъ, знайшлú роговý чáрку—пішлó частовáння! — Тутъ, звичáйно, булó пúто й балáкано про всячину, а бíльшъ—про Запорóзця, що вúкохавъ такóго коня́, и дé-що прóчче. Почýвшись старúй Кульбáшний, що вже закрутúла чумáцька горíлка въ ёго лобі:

— Не хóчу,—кáже,—сідáти на коня́ óхлявъ, бо тó козакóві сóромъ безъ кульбáки їхати по я́рмарку на конéві, мовъ на крáденому.

— Э! э! — загулú чумаки́: — прáвда!

— Ходíмо, кáже прихóжий зведéнникъ, рáзомъ, бáтьку: бо мíні по шляху́ трéба бýде зайтú за своїмъ дíломъ.

Пішлú, понеслú гúлі, дорóгою йдýчи. Старúй Кульбáшний и не тю́тьки, що зáду рóбитця!.. Ось и шляхъ Бахмýцький, ужé й вúйшли на ёго. Зведéнникъ якъ збíдкаетця:—щó се я, дурнúй, наробúвъ? мині трéба бъ швúдче людáмъ грóші нестú, щобъ не назвáли мошéнникомъ... а я зъ вáми, бáтьку, заговорúвся та й байдýже! побіжý лишъ чапкéнько попéреду.

Та й потю́павъ попередъ его. Необачний Кульбáшний ще вслідъ ёму́ гукáвъ разівъ скíлько: »заходь же, справúвшись, до нáшихъ возівъ на могорúчъ!«—покú ёго зóвсімъ не вúдко стáло.

Прійшóвши ще трóхи, здýмавъ Кульбáшний на коня́ подивúтьця. Гýлькъ назáдъ: святъ есú, Гóсподи!.. замісць коня́—чéрнець занýзданий, стоúвъ у підкáпку, обшáрпаний, трýситця мовъ несамовúтий.

— Дýхъ святúй знáми! проговорúвъ Кульбáшний, перехрестúвшись. Погляну́въ кругóмъ—нікóго не вúдко: самъ зъ ченцéмъ середъ пóля, коня́ немáе, мовъ и не булó.

— Эй батьку й брáте! якъ мáю тебé звáти? заговорúвъ чернець:—спасúбі тобі на сíмъ свíті, а на тімъ свíті цáрство!

Та бýць Кульбáшному въ нóги: реве́, лéжачи, мовъ зарізанний, и вíдъ плачý слóва не промóвить. Кульбáшний, схопúвши зъ ченця уздý, кúнувъ до дóлу, знявъ шáпку, та взявши ченця пíдъ рýки, пíднімáе, плáче й прóсить: устáнь, чоловíче дóбрий, устáнь, панóче, будь ласкавъ, та роскажúмині, щó ти é такéе.

— Я бувъ ченцéмъ годъ двадцáтокъ, и зробúвся грíшникомъ велúкимъ, — зазнáвся съ клáтими жидáми; за те й менé прóклято на сíмъ гóдъ и зроблéно конéмъ, щобъ спокутáвъ грíхи свої. Я й чувъ усé: якъ ти балакавъ съ чумакáми, — та не мíгъ нічóго сказáти, бо бувъ конéмъ. У сю́ сáме пóру кінець клáтби прíйшóвъ, и я знóвъ стáвъ чоловíкомъ, —проговорúвъ чернéць, та знóвъ Кульбáшному въ нóги. — Тепéръ я тобі достáвся, поможúміні, бáтьку, грíшми: я й за себе и за тéбе бýду Бóга благáти!

— Ну́, вже колú тебé прóщено, то гóді плакатись;—вставáй, панóче! Отъ тобі на обíхідку.

Дáвши ему карбóванцівъ зъ пáру, взявъ узду въ рýки й пíйшóвъ до свогó вóза, въ Чорномóрський тáбуръ...

А щó? не обробúли Кульбáшного гáспидські мошéнники? Чи не можнáжъ булó догадáтьця, що тó бувъ не чернéць, а клúтий мошéнникъ? такъ тýтъ двíпричúни мáли сúлу на Кульбашного. Пéрша: що чумакú мошéнники, а не москалі, бо сихъ увесь рíдъ украíнський стережéтця, а того въ тáмку й не вíзьме, що якъ украíнець навчúтця мошéнства, то трехъ москалівъ перéйде; якъ тá вíдьма вчéна буваe завждé злíша одъ родúмої. Дрýга: якъ бú не ченцéмъ пíдмíнено коня́, то вкрýть Кульбáшний кúнувсябъ назáдъ до чумáцького тáбору. А всé такú хоть нешвúдко, трéба бъ Кульбáшному за рóзумъ взáтьця, такъ ніжъ бо: крíпка вíра велúку сúлу мáе!..

Прийшóвъ Кульбáшний въ Чорномóрський тáбуръ, сівъ на вíзсвогó вóза. Зíйшлóсь до ёго товарúство: дúво роскáзуе íмъ Кульбáшний! Всі объ пóли вдáрились рукáми, дивýютця, ажъ не тямлятця одъ Кульбáшного прúшти. Пíшлú другúхъ роскáзи: якé велúке дíло клáтба. Тó й кáже, що якъ проклялú Мазéпу, и якъ ёго застúгла та клáтба въ Бендéряхъ, то вінъ такъ и лýснувъ. Дрýгий

ка́же: було́ колись, якъ прокляла́ ма́ти сы́на, то вінъ одъ не́і та́къ и побі́гъ вовкула́кою. Пішли́ всякі теревені. Повали́ло коза́ство зъ усёго та́бору роспи́тувать про ди́во несказа́нне.

Прійшло́ днівъ зо́ два; уже́ изъ я́рмарку пора́ руша́ти; пішо́въ Кульба́шний на рост6́ржа купи́ти дігтю на доро́гу. Спра́вившись якъ слідъ, иде́ старий зъ мазни́цею назад6; гу́лькъ — продаетця той са́мий кінь, що въ ёго вінъ ченце́мъ зробився. Що́жъ ви ду́маете, пано́ве?.. аджеж6 того́ продавця́ съ коне́мъ за штимъ, та й до оба́хти? Такъ ніжъ бо! не та́къ Кульба́шний вірився, щобъ усу́мнитьця! Поста́вивши мазни́цю на зе́млю, підійшо́въ до коня́, нахили́всь ёму́ до у́ха, та й ка́же ни́шкомъ: *а що́, паноче! чи впьять оце́ ти согрішивъ? Кайсь, небоже!*

Да вхопи́вши мазни́цю въ ру́ки, ми́ттю въ та́бір и, запрі́гши во́лики у візъ, та гей шви́дче додо́му.

Я. Кухаренко.

ЛЮДСЬКА ПАМЬЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ. (1)

I.

Шворинъ рідъ.

Не тепе́рішніхъ людей бувъ Шво́ра, Іо́синъ,—ца́рство Бо́же, вічний поко́й. Тепе́ръ чоловікові ся́ка-така приго́да лу́читця,—уже́ він и нісъ похни́пивъ, а на ёго напа́въ Крижанъ,—не аби-який, бачъ, и чоловікъ. Крижанъ бувъ такій, що вся окóлія его жаха́лась. Давня річъ сёму́, якъ воно́ дiялось! Шво́ра Іо́синъ,—ца́рство Бо́же—та бувъ за управи́теля у того Крижана́. Се мій ба́тько поко́йний було́ роска́зуе, що той Крижа́нъ (его́ зва́ли и Крижано́вськимъ) (2) живъ, худо́бою, у Кра́сному Коля́дині; а Шво́ра Іо́синъ бувъ Красноколя́динський козакъ; такъ-ото́, бачъ, и договори́въ его́ Крижанъ за управителя, отъ, він и правивъ худобою; а самъ Крижановський, чи на сій худобі живъ, чи, може, й на другій,—сёго тобі не докажу́. Пра́вивъ він тое́ю худо́бою щось до́вго... Крижано́вського худоба перейшла́ багато ру́къ. Була́, ка́жуть, після Крижановського, у яко́гось генорала Пота́пова, а по́тімъ доста́лась Демчи́нськимъ. Ка́жуть бито, Крижанъ

---

(1) До́бре той ро́бить, хто зъ старосвітськими людьми розмовляе та все стародавне спи́суе: се він готуе на да́льші ча́си скарбъ такій, що да́етця не вся́кому. Бага́то де-чого й не до-зна́ду старі люде пле́щуть, та все те тре́ба вислухо́вати, поки дороге́ яке́ зе́рнято тобі зъ іхъ оповіда́нця ви́паде. Такихъ зе́рнятъ есть дово́лі у писа́нні па́на Но́са, которе подаемо до уваги людямъ, до старовини охо́чимъ. Може й и́нші письме́нні люде, вслiдъ за Носомъ, що такъ гарно вміе старого чоловіка роспитати, те́ жъ са́ме чини́тимуть, и ви́хоплять, мовля́въ изъ Ле́ти, що до́сі ще не потону́ло. *Ред.*

(2) Се чи не той пере́христъ, що въ Коніського, въ *Исторіі Руссовъ*? *Ред.*

да хотівъ Іосипа закріпостить, дакъ не абя-який бувъ той и Швора,—легко ёму лежать,—випручавсь одъ ёго, покинувъ управительство, та й живъ хуторомъ підъ Понорами. Его й оселя стояла у тій леваді, де панова пасіка стоіть. Живе собі Швора, не думае, не гадае, а Крижана скребе за серце, якъ би убрать Швору въ шори. У ранці, ще вспіло сонце підбитьця, такъ тобі и вродивсь, якъ изъ землі вирисъ. Самъ на виноході, и пьятьдесятъ підвідъ изъ собою веде!

— «Здоровъ бувъ, якій-такій, сину! Я приіхавъ росквитатьця зъ тобою!

А винъ, бачъ, та пріхавъ, щобъ ограбувать ёго, забрать усю худобу. Поки судъ да діло, поки вони складали худобу на вози, ажъ тутъ такъ ціле село и вродилось. Такій-то бувъ чоловікъ Швора! якъ огласивъ, такъ цілий кутокъ и підняв ся. И люди жъ були не теперішніхъ людей: Кгнійни, Головки, Хорошки,—все народъ здоровій. (Ищё, кажуть, Михайлівъ батько, Кгнинъ, живій бувъ, чоловікъ невисокій, завзятій, та смиливій.) Тілько вспівъ Крижанъ изъ Мищенкового ярка вибратьця, тутъ іхъ и нагнали, одбили усю худобу, а съ підъ самого Крижана коня-винохода, та ще, въ придачу, и самому ребра добре перелічили. Отакі-то були колись у Понорахъ люде!

Ну, вже, нехай не вертаетця та пора: теперъ, слава Богу, хочъ не граблять! А про-те, якъ почне зъорювать обніжокъ, та зъ обніжка гляди—и всю ниву зъоре, а піди ти зъ нимъ позиватьця: *судъ, кажуть, не заклика, да й не випуска... Стане шкурка за вичинку... Сильного руку Богъ одинъ судить:* и земля твоя пропаде, и коли въ кешені яка копійка мулить, то й тоёі не стане!...

Та й живъ же, кажуть, Швора славно! сказать що славно! Тамъ, де теперъ, у пана, вишнякъ у леваді, та грушья, тамъ бувъ добрий садъ, и гливи, и дулі, и підгливки; и вже такій бувъ чоловікъ, що ціле село его слухало... сказать, що голова всёму: що скаже Іосипъ, такъ тому й бути. Хочъ якій блазень и цвірінькне проти ёго, дакъ и ротъ загородять. Тілько голосъ підня в Швора,—такъ цілий кутокъ и вставъ, якъ одинъ чоловікъ.—Було въ ёго два сини, а дочокъ небуло. Андрій бувъ старшій, а Федоръ—менший. Андрія, кажуть, не злюбивъ за щось: видно-то не вмівъ шановатьця, дакъ винъ его й висиновивъ—прогнавъ зъ двору: «Иди, якій-такій сину, съ-передъ моіхъ очей, щобъ твоя й нога небула у дворі, щобъ твій и духъ не пахъ!» Дакъ винъ и пішовъ по-миру; ходить, було, ходить, а далі думае: чи не оглянетця батько? прийде у двіръ, підійде підъ вікно, да й ста-

не молúтву читáть: «Молúтвами святúхъ отець нáшихъ, Гóсподи, Іисýсе Христé, помúлуй насъ!» То, отсе, було старúй якъ зачýе гóлосъ, якъ кúнетця, мовъ на ёго хто жáромъ ссúпле: »Се вінъ, сякúй-такúй синъ, ось я ёмý дамъ! Женіть ёго́ зъ двóру собáчого сúна!« Було́, якъ закричúть, то ажъ сýмно стáне у хáті,—такъ усі й помертвіють...

Синъ тоді́ зъ двóру скорíй, та по́-миру й хóдить. Такъ, кáжуть, й помéръ, и до смéрти не принúвъ. Ну, да й запéклий же бувъ! и не оглúнувся.

Такі були́ старúнні лю́де. И въ мéне покóйний бувъ сердúтий. Якъ посідáемъ, було́, за стилъ—нехáй-же тілько засмíтця хто, такъ по́ лобу лóжкою й лýсне. Сердúтий бувъ, сказать що сердúтий, та вже й прáвдивий! ні-въ-свíті нікóго було́ не обúдить; чужóго було́, ні въ свíті незáйме, ищé, було́, и застýпиться за прáвого.

Такі-то були старі люде! А тепéръ, дожúлись, що вже синкі и за грýди батькíвъ держáть: «вінъ, кáже, старúй, дурнúй.» Тепéръ люди розумнíші стáли, тепéръ и малá дитúна старóго одýрить! Прáвда, що одýрить, а на дóбре не питáй! Усé тепéръ пішло́ шúворотъ-навúворотъ.

Дакъ, отó, Андрій, кажу, такъ собі́ нечезъ, а Ѳéдора злюбúвъ старúй, и всю свою худóбу, умірáючи, ёмý приручúвъ: вúдно-то вінъ умівъ шановáтьця и бáтька чтить. Ѳéдора старúй вúучивъ и грáмоті. За́-молоду, Ѳéдоръ служúвъ у полковій Прилуцкій канцілáрії, за писаря прáвивъ. —Кáжуть, Ѳéдоръ на рістъ и на облúччя удався у бáтька, да тілько не такúй бувъ сердúтий,—чоловікъ бувъ сердобóльний. Нікóли ти ёго́ не побáчишъ, щобъ вінъ на кого́ роскричáвся, або́-що,— ні въ вікъ-вічній. Якъ було́ росéрдится, насýне бриль на лобъ, такъ собі́ й посýне съ хáти. Ѳéдоръ бувъ стáрший за мéне. Було́ хлібъ и сіль імо вкýпі. Слáвний бувъ чоловікъ,—лéгко ёмý лежáть, перóмъ землю держáть! Роскáзуе, було́, якъ вінъ служúвъ, які окáзії емý лучáлись на слýжбі. Усé було́ роскáже, мовъ изъ книжки бере. Чоловікъ бувъ сожéнного рóсту. Семú конівъ зъіздивъ, за слýжбу. Після полковóї канцілáрії, служúвъ вінъ значковúмъ товáришемъ. Якъ бувъ значковúмъ, дакъ за бáтька, що старúй такъ одбоярúвъ Крижана́, хтось, изъ рóдичівъ Крижанóвихъ вимещáвъ на ёму. Терпівъ дýже покійний; óтже и витерпівъ: дослужúвсь свого́, ище́ й дóма пожúвъ чимáлу частúну. Роскáзуе, було́, що вінъ служивъ при Румянцову, якъ Румянцовъ прáвивъ нашою сторонóю. Кажуть би-то, вінъ живъ у Вишенькáхъ, дакъ и Ѳéдоръ служúвъ при ему; бувъ чáсто у пóсилкахъ, по дiлáмъ.—Бувъ справúвний чоловікъ, настоящий козáкъ; за се Румянцовъ

и любивъ его. Росказуе було покійний, якъ зберутця усякі старшині козачі у Вишеньки, до Румянцова, звісно по службі,—то отсе и обідають за однімъ столомъ, и Ѳедоръ, було, тутъ обідае; дакъ отсе Румянцовъ, у-шутя, сміючись, до Ѳедора: «Іжъ свиное мнясо!» (чи лаетця, чи просить їсти,—якъ хочъ, такъ и розбирай). То всі такъ и зарегочуть... Дакъ отодіжъ-то Ѳедоръ и семі конівъ зъіздивъ...

Та й було якъ кому: махінний бувъ чоловікъ, та видно-то и служба не легка. Далі ёмуу чинъ войскового товариша, дакъ вінъ, після того, не довго й служивъ,—прийшовъ на житте додому, оженившись на дочці дякона Андріевського. И дяконъ бувъ не поганий: живъ у Талалаевці, душъ 40 людей було, посилавъ паръ дванадцять у дорогу, за сіллю, та за рибою; зъ Мазуряною—на що який бувъ пацъ—веде було дружбу. Мазуряка бувъ хреснимъ батькомъ жінці Ѳедоровій, Гащі.

Якъ ставъ Ѳедоръ дома жить, та який же вийшовъ зъ его хазяінъ! и вінъ и вона таки невспущі, що й сказать не можно. Якъ стали хазяінувать, такъ де та й копійка набиралась! зразъ и почавъ скуповувать землю. Не вподобалось ему жить у хуторі, дакъ вінъ, накупивши грунтивъ у Понорахъ, перейшовъ на житте у село. Якъ прийшовъ, изъ служби, додому, бувъ смотрителемъ на тихъ маетностяхъ, котрі були підъ манастирями,—тоді вже якъ поодбирали іхъ одъ ченцівъ. Отсе, що теперъ казенні крестяне у Понорахъ та въ Коронецькій, то все були черпечі, Крупицького манастиря. Була и черпеча гребля черезъ Роменъ, якъ іхать зъ Романівки. Ище недавно були ті вікопиці, що вінъ попривозивъ одъ ченцівъ. На нихъ були намалёвані архангели. А шафа и досі есть та, що була у ченцівъ. Було липівокъ понавозить, а у ченцівъ були ліса липові; були такі липи, що въ три обіймища на-силу обхватимъ. Де теперъ и подівалось те! мовъ у сні снилось!

Ище за моеі памяти були такі ліса, що тілько шумлять, дубъя таке, що треба паръ дванадцять волівъ, щобъ повезти; и дрипджолъ було не прибеґешъ. Що скотять, то вони тілько—хронъ! И теперъ ще викопуютъ валежникъ. Недавно у лісі, на березі, викопали дуба; у землю врісъ зовсімъ, ажъ почорнівъ, та кріпкий такий, що й сокира не бере. *Минулись ті роки, що роспірали боки.* Преже и земля була ні почімъ: у Швори есть нива, зовется Индичкою. Кажуть, чоловікъ убивъ индичку, та за индичку оддавъ ниву, чотірі упруги; тоді ще индики були за рідкость (*). И земля таки була дешева тоді. Звіс-

(*) Навряд, чи такъ! Ми знаемо, що оддавали нивы за одного кавуна зъ баштану. Не *рідкость* робила се диво, а дужа воля и безсильне право. *Ред.*

но, менш ъ було народу, а тепер ъ людей намножилось,—а земл-то не росте вшир ъ.

Простий бувъ чоловікъ Шво́ра,—хай царствуе,—дарма́, що войсковий това́ришъ. Лю́де було́ ка́жуть: «Уже́ якъ у насъ панъ—поздоро́въ его́ Бо́же!» Зимо́ю ходи́въ у нагольному тулу́бі. Тулу́бівъ було́ три, своіхъ ове́ць. Ша́пка зъ си́вою околицею, изъ пъятако́мъ у денці, чо́боти було́ Мики́та пошие; такъ, було, и въ церковъ иде́; лі́томъ у чимерці си́нього сукна́, або́ чо́рноі ба́йки, або́ у карсе́тці, пое́сомъ си́німъ підпере́заний; штани́ пайстро́ві, у брилі поярко́вому, лю́лька здорове́нна, така́, якъ горщи́,—Левко́, було́, зате́ше. Лі́томъ, якъ у церковъ иде́,—надіва́е капта́нъ. А Шво́риха, лі́томъ, у спідниці, у ю́пці баевій, зъ му́шками, платко́мъ завьяза́на, лі́томъ бо́са; а чобі́тъ паръ три стоіть, и святні и буде́нні. Якъ у церковъ иде́, дакъ и чо́боти надіва́е, и хала́тъ. А черевиківъ не було́ й зва́нія. Пре́же Шво́риха ходи́ла у запаска́хъ, и въ серпа́нку: запаска́ пере́дня—си́ня, а задня—чо́рна; зимо́ю у нагольнімъ кожу́сі, підъ ла́стки. Такі-то були́ пани́! Коли́сь сказа́ть ні—съ—чого, ато́ добра́—ажъ комо́ри трещя́ть. Не такъ, якъ тепе́ръ, пове́лось, що послідня копійка, да й та стоіть ру́бомъ; намота́ется такъ довгівъ, що й само́ не сто́іть; усе́ у крамно́му,—у білій ю́пці и не хо́че ходи́ть; одно передъ о́днимъ дме́тця, *якъ ло́пухъ на оні*, якъ кажуть; *зве́рху блищи́ть, а въ сере́дині свисти́ть*.

Отъ, якъ уже одста́въ Шво́ра одъ тихъ маетно́стей, що були́ підъ манастири́ми, то все до́ма живъ; бувъ ти́таромъ при Попі́рській це́ркві щось до́вго и дяко́ва́въ, до его́ и панахи́ди було́ при́носять. Тоді́ піпъ да панъ—тілько й гра́мотнихъ було на все село́. Співа́въ сла́вно на кри́ласі, уве́сь поря́докъ було́ зна́е церко́вний. Вінъ и попа́ було́ у́чить: у це́ркві, було́, якъ тілько помо́литця піпъ, вінъ такъ, у го́лосъ: «бре́шешъ!» А піпъ, отець Іо́сипъ, бувъ братъ рідний его́ жінці, Ганці, вінъ же его́ и попо́мъ пристро́івъ, ще́ хотівъ и худо́бу ему́ приручи́ть, бо у Ѳе́дора покійного не було́ дітей; вінъ и посели́въ его́ на висо́кому горо́ді, щобъ вінъ и живъ при ёму́. Ду́мка така: «Побачу́ я́къ буде шанова́тьця!» [А да́лі, поба́чивъ, що не тимъ дя́ше, ба́чить що лука́вить: у вічі такій, якъ лиси́чка, а за́ очі, то, було́, й осужда́,—дакъ вінъ узя́въ, да й прогна́въ его́: випросивъ у-въ обчества́ ёму́ місто, вінъ и посели́вся тамъ, де тепе́ръ живе́ дякъ, Мусі́й Іо́сиповичъ.

Балакли́вий бувъ, покійний Ѳе́доръ! отсе́, чи додо́му, було́, прій-

день, то вже и поведе́ річъ; чи на доро́зі зустрінеся, або́, взя́вши па́лицю, піде у по́ле, нікого́ не мене́. Разъ вінъ Бабичёвого Уласа ви́державъ щось съ півдня. Той ора́въ на́ полі; вінъ підійшовъ:—Здоро́въ Ула́се!

— «Здоро́ви, па́не!»

— «Боже поможи́!»

— «Спаси́бі, па́не!» тпру! (на волівъ).

Воли́ й ста́ли; ставъ биля́ плу́га, и цікомъ опе́рся на плугъ, та й почавъ бала́кать. Бала́кае та й бала́кае:

— А що, Ула́се, чимъ лу́чче ора́ть: чи вола́ми, чи коро́вами? Ма́бути, коро́вами лу́чче. Якъ коро́вами оре́шъ, дакъ на́ нічъ и додо́му прийдешъ до жінки: корівъ до телятъ треба. А якъ вола́ми, дакъ и на́ полі тре́ба почува́ть! А що? пра́вда, Ула́се?

— «Пра́вда, па́не!»

Якъ сівъ на граді́ль, якъ почавъ гу́торить, дакъ уже́ Ула́сь слу́хавъ, ажъ но́ги заболі́ли,—уже́ й на со́нце ставъ поглядать. Лю́де вже й на полудень повипряга́ли. То́ було́ со́нце надъ голово́ю, а то́ ста́ло на вечірнімъ упру́зі, а вінъ все бала́кае.

— Ну, да й розбала́кався жъ я съ тобо́ю, Ула́се! пора́ йти. Прощай Ула́се!

— »Щасли́во, па́не, (а день—на́че вінъ и не виздивъ на ни́ву.)

Про́стий бувъ панъ,—ле́гко ёму́ лежа́ть. Теперъ таки́хъ и нема́! Живъ собі хозяіномъ таки́мъ, що и бли́зько не було́; добра́ всякого: и поля, и лісівъ, и скоти́ни, и овечя́тъ. И чоловікъ бувъ у почо́ти: усе село́ слу́хало Швору. Усе́ въ ёго придба́не пра́вдою, труда́ми; и вінъ на люде́й світлимъ о́комъ дивився, и лю́де на ёго та́къ. Якъ би не по пра́вді нажи́те, то въ ёго́ худо́ба ростекла́сь, а то, бачъ, и до́сі стоіть. Не такъ, якъ дру́гий: нага́рбае худо́би всякими непра́вдами; не всміе очей заплющить, уже́ и почну́ть ша́рпать, та шматувать, або́ синки́, або чужі лю́де. Звісно, не да́ромъ, воно́ говори́тця: *по пра́вді роби́, до́брого й кінця сподівайсь.*

Усімъ бувъ Ѳе́доръ дово́ленъ; одно́ ёго вбива́ло, що не давъ ёму Богъ дітокъ. Ду́мка така́: »тре́ба-жъ комусь приручи́ть свою́ худо́бу, щобъ на ста́рости літъ було́ кому́ води́ подать.« Ото́, якъ прогна́въ отця́ Іо́сипа одъ се́бе, дакъ щось не до́вго прожили старі удво́хъ; дава́й ра́дитьця изъ старою: «а що, Гапличе, (такъ, иноді, Ѳе́доръ звавъ свою́ жінку Га́пку): якъ помремо́, нікому́ буде и рукъ зложи́ть, ні—кому буде при ста́рості літъ и худо́бою верну́ть. До́бре, ще тепе́ръ

при си́лі, а тамъ загля́не и ста́рость у вічі, або́ и бо́лість спостиг не,— нікому бу́де и води́ подать. Пора́дились, да й прийняли́ за дитйну Домасю, Га́пчину небо́гу, сестрину́ дочку́.

Га́пчина сестра́, Ва́рка, та була́ за́міжжю, у Свиридовці, Лохви́цького повіту, за Челюко́мъ Миха́йломъ. Челюки́, ка́жуть, були́ пани́, а отсе́й Челю́къ, що Га́пчина сестра́ була́ за нимъ, любивъ, ка́жуть, укида́тьця у горілку,—гуля́ка бувъ покійний. А ще колись—то, давно́.. звісно, не теперъ дія́лось, да́вня річъ сёму́... ще, ка́жуть, якъ пе́рва ревізія писа́лась... отъ, и запи́сують люде́й; а люди тоді боя́лись запи́суватьця у ревізію... вінъ и прибега́е туди́, де запи́сували: »Чого́ ви ду́рні боїте́сь запи́суватьця? яко́го бі́са? пишіть мене́, я не бою́сь!« Узяли́ и ёго́ записа́ли у ревізію, — дакъ вінъ и поду́шне ставъ платити.

Му́чилась, кажуть, Га́пчина сестра́ за Челюко́мъ: пивъ горілку не на́живо, а на́ смерть. Вінъ, ка́жуть, пре́же и не пивъ, да ёму́ поробила́ Литовка. Десь бувъ у доро́зі,—отъ, у шинку́ и зъїхались,—звісно, съ хо́лоду; мо́же, бувъ и підъ ча́ркою. Якъ присікавсь до Литовки, ухопивъ ії за намисто, та все шмо́рга коло шиї: «Дакъ ти примічаешъ, дакъ ти примічаешъ!» та все ії шмо́рга за намисто. А вона́ тоді: «Постой же, згада́ешъ мене́!» Дакъ після того́, якъ почавъ пить, якъ почавъ пить, дакъ пивъ не на́живо, а на́ смерть. Бідна Га́пчина сестра́, не зжила́, а зму́чилась!

Дакъ, ото́, старий Ѳе́доръ, пора́дившись изъ старо́ю, узяли́ за дитйну небо́гу, Ва́рчину дочку́, дівчинкою невели́чкою, леліли ії, пестіли, такъ якъ своє рідне дитя́. Ду́мка така́: якъ виросте, отда́ть за міжъ за путя́щого чоловіка. Виросте́ Домася, а старі приуча́ють ії до хозя́йства. Та хиба́ ні била чо́го, Бо́же мій, світе мій! Тре́ба-жъ и овечя́тъ подоїть, и корівокъ. А якъ у літку, було́, то й косарямъ и гребця́мъ тре́ба їсти наварить. Хоть у Ѳе́дора и люде́й було́ душъ 20, було́ кому́ и попора́ться, було́ кого́ и приста́новить до пе́чи, та, бачъ, стара́ любила́ такъ, щобъ усіюди було́ ії о́ко,—такъ и молоду́ Домасю приуча́ла.

Люде́й було́, кажу́, у Ѳе́дора душъ двадцять, все зъ підсусідківъ. Було́, росказуе мій покійний ба́тько: »Пре́же, ще давно́, мо́же літъ сёму́ сто, або й більше, во́льнимъ людямъ, гірше було́ жить, ніжъ такимъ; во́льнихъ люде́й було́ гірше обіжда́ють ніжъ такихъ; дакъ ста́ли сами́ приписуватьця до панівъ, бо підъ пана́ми було́ лу́чше жить. Колись—то було́ лу́чше, за старихъ панівъ; ду́мали, що и за молодихъ такъ буде, а молоді, якъ ста́ли нажи́ловать, дакъ тоді́ъ и наза́дъ,—

та ба, й не можно. И Гатьмáна старóго трóхи не вписáли, дакъ вінъ несхотівъ. Кáжуть, неділь дві ховáвся по болотáмъ, пóки минýла зáпись.

Уже́ хто знае косовúцю у покійного Óедора, той нікóли не забýде. Нехáй тілько одúнъ косáрь блисне́ косóю, та лопáткою шáркне, такъ ціле селó и підніметця до Швóри, на косовúцю, и нікóли плáти не берýть. Уже́ булó істи й пить—хоть очкýр розвьяжи: всіхъ, булó, вдоволнúть, всякъ, булó, піде, дáкуючи, одъ его. Вінъ и слóво прибере́ до чоловіка, и шýтку. А якъ идýть у вéчері, додóму, съ пóля, співи такі—ажъ селó розлягáетця. Кóси, ажъ хóдоромъ хóдять. Ті співáють, а ті на кóсахъ вигравáють, а ті по дóрозі отдирáють троянá, та навприсíдки, мовъ ціле селó на весіллі гуля́е. Прúйдуть у двíръ, а въ дворі дóшки полóжені, а на дóшкахъ страва постáвлена, сáма хазяйка частýе. Повечéрявши, опьять співи да тáнці, ажъ до свíта. На дрýгий день, ураíнці, приходять: »Поправляй, пані!« Трéба и врáнці дать по чарці.

Дакъ у такому хазяйстві не лéгко було й Домáсі. Сказáть би: немá дітей, и чого бъ такъ побивáтьця, да трудúтьця? а въ нихъ не така булá дýмка: трудúлись покійні кріпко, цілу нічъ на ногáхъ, було, вúтопцюе покійна коло людéй; отъ же и труди мáрно не пропáли, и худоба стоíть перушúма, бо вонá прáведно достáлась.

А Домáся підростáла. Уже́ й лю́ди знаходились, дакъ старі прúкро подýмували; úноді зъ старою, у ночі, и давáй рáдитьця: »Якъ ти дýмаешъ, стара́, чи воно до-ладý бýде?« Посýдять собі, порáдятця, а далі й порішáть: »Нехáй ищé підождé: ii не втекло. « Дýмка така́, щобъ не впустúть ледáчого чоловіка у хáту. Трóхи згóдомъ, ставъ присвáтуватьця Булéженко. Старі подýмали, погадáли: воно бъ и до-ладу було: *Одчиняй, кáже, двéрі якъ одчиняютця, бо якъ и зачúняютця—нескоро одчúнишъ.* Не дóки й держáть. Взяли да й порішúли.

А бáтько сёго Булéженка та захожий бувъ. Кáжуть, вінъ Січовúй якúйсь бувъ, и менí довелось ёго разівъ двічі бáчить. Вінъ и чинъ мавъ полкового хорýнжого, та по-січовому и одягáвся: ходúвъ у сапьянцáхъ чирвóнихъ, у плúсовихъ чорнихъ штáняхъ, и въ голубíй бекéші; да тамъ и сукно було на бекéші! зъ одного боку голубé, а зъ другóго чирвоне, такé що й водá не прóйде: якúмъ бокомъ хочъ, такúмъ и надíвай, чи зъ голубого поля, чи зъ червоного; а головá булá гóлена, тілько оселéдець спéреду, (ёго черезъ те и прозвáли Булéгою, що въ

ёго голова́ бу́ла, такъ якъ бу́лка, обго́лена); при пистоля́хъ, и ша́бля у бо́ка. Було якъ иде́ по Кра́сному, дітво́ра такъ юрмо́ю за нимъ и бі́жить, а вінъ, було, роскида́е імъ оріхи та фиги. Здоровий бувъ чоловікъ. Да въ Запорозцівъ и не було пога́нихъ. Запорозці були́ лю́де одли́чні: у нихъ и соба́ки безъ пастуха́ сами́ ове́ць па́сли. Вінъ би сюди́ и не зайшовъ, дакъ приста́въ у при́йми до полкового писаря, Миха́йла Карповського. Ка́жуть, синъ Миха́йлівъ, Климъ, да лікарува́въ у Хороли, а той Запорожець, (ёго звали Грицькомъ), якъ неблагополу́чно ста́ло у Січі, прийшовъ на отце́вщину, у хорольский повітъ, дакъ ото и зазна́вся изъ Кли́момъ, а Климъ та й вісвата́въ за ёго свою́ сестру́; отъ вінъ и перейшовъ жить на жінчину худобу, у Красний Коля́динъ; а пи́сарь Миха́йло чоловікъ бувъ бага́тий, на все Кра́сне, за аби́-якого чоловіка и не отда́въ би дочки́; дакъ ви́дно–то Буле́ga прийшо́вся по ёму. Чоловікъ таки́й бувъ що кулакомъ вовка вби́въ, — су́чий синъ, коли́ брешу́. Іхавъ вінъ, не зна́ю вже вітки,—чи зъ Хорола, чи може коло близу́ де бувъ, у гости́хъ, черезъ Гриціівку, у ночі,—зімою ді́лось; ди́вляться, коли́ вовкъ за са́нками біжи́ть: вінъ іхавъ изъ своимъ джу́рою січови́мъ Бу́йваломъ,—вовкъ и увяза́вся до нихъ. Отсе́ вони́ зостано́влятця, дакъ и вовкъ ста́не да й кла́ца зуба́ми; ста́нуть іхать—и вовкъ біжить за ни́ми. »Чи вінъ ви́голодавсь, чи може здурівъ? отсе́ пресу́чого сина, зла личина! де вона́ и взяла́сь? Стій, хлопче, ось я ёму́ дамъ! більше не бу́де бігать за саньми!« А самъ бувъ у нагольному кожу́сі. Вставъ изъ сане́й, ру́ку ліву всу́нувъ у рука́въ, та до вовка. Вовкъ стоіть. Вінъ до ёго, а вовкъ ні зъ місця. Вінъ тоді рукавомъ до ёго, а вовкъ за рука́въ, да й ухопи́въ. Вінъ, тоді, ви́ручавъ ру́ку, та за язи́къ, а тамъ правою рукою якъ учесавъ, дакъ вовкъ тілько гепъ на зе́млю! небагато и вдарився, тілько двічі, та й ре́бра поламава́въ. «А привяжи́ ёго, хло́пче, до саней!» Джура привяза́въ до сане́й. Узяли́ да й поіхали. Приіхали до́дому, ухо́дить у ха́ту поздоро́вкавсь.» А хло́пці дома?»—«Дома.«—«А підіть, лишъ, унесіть за́йця у ха́ту. Тамъ на са́нях лежить.»

Ті ду́мали спра́веді заець,—ви́бігли; прибіга́ють до сане́й, — ажъ вовкъ привя́заний біля сане́й. Хло́пець злика́вся такъ, що тро́хи на–взнакъ не впавъ: »Отсе́ пресу́чого сина яки́й здоро́вий, ди́вись, яка́ лома́ка! а голова? ну, се такъ!« Сміху́ було́ такого́, що ли́хо. Дакъ отакий–то бувъ Запоро́жець, Буле́ga. Неда́рмо ка́жуть: Запоро́жці були́ люде одли́чні. Вінъ не що́ й старимъ чоловікомъ уме́ръ. Бровиха покійна росказувала, що въ ёго кровъ хли́нула ро́томъ, а ми,

ка́же, саме макъ різали на Маковія. Сюди–туди забігались: чого не робили,—нічо́го не помогло́сь; дакъ вінъ и другого дня не дожи́въ, и дуба давъ. Звісно, не ле́гко ёму́ прихо́дилось у Запоро́жцяхъ, тілько те й робивъ що воювавъ. Бувъ, ка́жуть, и підъ Очако́вимъ и підъ Хаджибе́емъ, — де́ ёго́ не було́?

Дакъ отцёго–то Булеги старий Ѳе́доръ уподо́бавъ сина. У Буле́ги старо́го було́ два сини́, та й оби́два Івани. Учи́лись зъ–ма́лу у Черніговськый бу́рсі. Ста́рший бувъ середнёго ро́сту чоловічокъ, служи́въ десь у Калу́зі, а жона́тъ бувъ у Васьківцяхъ, Прилуцького повіту, а ме́нший, що посва́тавъ Дома́сю, бувъ чоловікъ махи́нний: було́, гово́рить такъ то́всто, якъ у бочку, горта́нь була́ товста́, а си́ла така, що одні́ю руко́ю було́ зво́дить сороко́ву бочку, по́вну, на́–сторчъ; люби́въ таки́ Иванъ похва́стать си́лою — черезъ те и віку не дожи́въ.

Отъ, якъ ви́дали за ёго Дома́сю, старий Ѳе́доръ посели́въ свого приймака́ на Низькому Горо́ді, приучавъ ёго́ до хазя́йства: ду́мавъ–то старий зробить ёго́ хазя́іномъ. Иванъ и слу́хавъ старо́го зъ годъ. Було́ куди́ пошле́, то вінъ и спра́вится гаразду; а по́слі якъ опустивсь, якъ укинувсь у горілку,—набра́лась бідна Дома́ся зъ нимъ го́ренька и старі́хъ си́льно запеча́ливъ, та нічого було робить, терпіли старі. Звісно, приро́да не оковзне́тця: ма́ти ёго, ка́жуть, любила ви́шить. Набравсь изъ не́ю покійний Запоро́жець чикави́ці. Старий Ѳе́доръ ду́мавъ, чи не пока́ется такий,—може таки́ оду́мается. Пошле́ зъ коса́рями, щобъ до́бре косили, да погри́винъ не пуска́ли, то вінъ було́ напье́тця, да тамъ и зва́литця. Такий–то бувъ прийма́къ Шво́ринъ! *Якъ би знавъ чоловікъ де впасти, то бъ и солі́мки підмости́въ.* Не ду́мавъ старий Ѳе́доръ нажи́ть тако́го зя́тя та дожива́ть тако́го кло́поту, та ви́йшло не по ёго! А Дома́ся красу́ свою утопи́ла у безо́дне мо́ре; завязала, серде́шная, голо́воньку на віки. Була́ покійна хоро́ша, якъ на карти́ні намалёвана: якъ убере́тця, було,—якъ со́нечко сі́е. Ли́чко біле—якъ папіръ, бро́ви—якъ шнуро́чокъ; коса́ ру́са—ажъ до по́яса; ро́стомъ—якъ топо́ля,—такъ и вигина́ется. Дала́, ка́же, красу́, та не не дала́ до́лі.

Терпіла го́ренько бідная Дома́ся; ра́но й ве́чіръ було́ умива́ется дрібними слёзами. То Шво́риха було́: «Чого́ ти, Дома́сю?» А вона́ гля́не на ма́тіръ, та ще й гірше запла́че. Ви́плачется було такъ, якъ тінь,—такъ одъ вітру и вали́ется! А го́лосъ пріятний да тонкий, такъ мовъ ни́точкою поведе́, якъ заспіва́е, такъ во́лосъ и вя́не, хочъ ве-

сéлий бýдешъ, а то зрáзу такъ и похолóне у душі... Отака–то несчáслива уродúлась Домáся. Недаромъ кажуть: *Не вродúсь хорóша, а вродúсь щаслúва.* Вонá и коси́ не росплiтáла, такъ и ходúла, якъ дівка. Мýчилась бідна, а старі, дúвлячись на нéї, собі зажурúлись: не знáють що робúть, що й почáть; а дáлі положúли прогнáть съ-передъ очéй Ивáна. Мóже, поспитáвши гóря, чи не пошануéтця.

Перейшлú вонú жить у Крáсне, на батьківщину,—стáли жить самí. Не помогло́ и се Ивáну; не покúнувъ и тутъ своéї вдáчи. А бідна Домáся горювáла, та стрáждала, пóки зъ журбóй и лúшенько ій не приключúлось. Заболíла тяжко, такъ счорнíла, мовъ земля́, ужé й повернýться нездýжа; а якъ погляне на Ивáна, та на дітóкъ, то такъ и обомлíе, и óчі підъ лóбъ попýстить, такъ и нежúва стáне;— такá то булá душá чúста, та прáведна! Бáчить, що ужé ій недóвго мýчиться, недóвго животíть, — насúлу вонá зобрáла духъ вúмовить: »Поíдте, да попросíть татýся, да матýсю, нехай вонú на мéне оглúнуться, да прúйдуть, бо я вже умірáю!» Якъ почýли старі, такъ и обимлúли; увíйшли у хáту, вонá якъ смерть лежúть. Старá не вúдержала, такъ и залúлась; а Домáся, побáчивши, давáй махáть рукáми, та повертáться: хотíла устáть, дакъ не здýжае, — сýнется, сýнется съ пóлу, та бухъ до дóлу, та въ нóги, и почалá лáзить у ногáхъ, у старúхъ, та цілýе въ нóги, щось хóче говорúть, дакъ гóлосу не протúгне, тíлько шéпче губáми, насúлу мóжно розибрáть: «Татýсю, не покúнте моíхъ дітóкъ, оглúнтесь на нúхъ! Вамъ Госпíдь на тімъ свíті заплáтить; я за васъ на тімъ свíті буду Бóга молúть! »Узялú íй, звелú на пíлъ; старі пообíщали забрáть дітóкъ, а вонá на другúй день и Бóгу дýшу оддалá. Захáрій бувъ тоді у грудéй.

Старі поховáли íй, якъ довгъ христíянський велúть, а дітóкъ забрáли до сéбе у Понóри; íхъ булó тройкó, якъ трóе зéрнятокъ. Мéншому Швóриха мáмку договорúла зъ пáньскихъ людéй, у Крáсному; дакъ вонá все на пáнщині, нíколи булó годувáть; отъ Швóриха узялá и мéншого до сéбе, та самá кýклою и вúгодовала.

Ужé якъ и Домáся вмéрла,—царство Боже! — то булó старúй Челюкъ, бáтько покíйної Домáсі, íздить до Оéдора въ гóсті. Що за невгомóнний бувъ покíйний! Отсé булó у Грицівці колéса погýбить; дивúсь,—на двохъ колéсахъ и катáе до Швóри. Якъ тíлько убíгъ у двíръ: «Здорóвъ, Оéдоръ Íосúповичъ! А и у проклятій Грицівці и колéса погýбивъ!» Íноді булó погýбить и драбúни, та безъ драбúнъ и íде. Ужé въ ёго немá сёго́, щобъ прúхавъ у гóсті да тихéнько,

но́–ладу, а вінъ підніме гвалтъ такий, мовъ несчастя яке́ лучи́лось,– повенъ двіръ нашумі́ть, та накричи́ть! Такий–то бувъ горловий, покійний Челю́къ. Погости́ть собі, тай поіде.

Ото, якъ приня́въ Шво́ра. тро́е дітокъ покійної Дома́сі: були три синки́, мовъ три качанчики, такі,—одно́–'дного ме́ньше. Вони́ іхъ жалі́ли, пести́ли такъ, якъ своіхъ дітокъ; такі–то добродушні були́ лю́де. Виросталі вони́, а старі здержували худобу, та ще къ тому́ й прикупа́ли,—доба́ли на сиріть; ду́мали: якъ повироста́ють, приручи́ть імъ усе́ своє́ добро́. Прийма́ли старі багато труда́. Вони́ й шинкува́ли самі́; у-ночі було́ прийде че́дядь за горілкою, то покійна й не лінує́ться: уста́не, да й уси́пле. Горілки було́ навезу́ть съ Корона бо́чокъ скі́лько, да й шинку́ють. У Короні горілка була́ дешева́ и га́рна; а въ Но́вихъ Млина́хъ була́ пога́на,—туди́ старий не посила́въ; було́ ка́же: «Новомли́нка—води́ половинка, а Коропська́—су́ща.» Стоіть було́ бо́чокъ скі́лько горілки; шинку́ють, по́ки но́вої не підвезу́ть. Збере́ться було́ наро́ду съ цілого села́, у пра́зникъ або́ въ не́ділю; посі́дають було́ ку́пками, у дворі, та й пьють горілку, и старий Ѳе́доръ насу́не бриль на лобъ, та й прийде до нихъ,—любивъ покійний пошутковать. Уже́ вінъ було́ зна́е задирако́ватихъ, такъ и зве́де бітьця: »Дивись, Ива́не, онъ Васи́ль на те́бе морга́е.» — »Хто? Василь?.. ота́ сліпа́ соба́ка?!« Такъ и схопи́ться, и почали́ за чубй водитьця. То було́ старий и розборо́няе. Біланй, Драчі, Васи́ль Жовту́нъ—се все такі, що було́ часто бьютця. Було́ часто зво́дить іхъ покійний; ко́жному покійний подае́ прізвіща: Мирóненка Ива́на прозва́въ Ойкаломъ. Було́ той ка́же: »Ой ку́мочку, ой ку́мочку!« дакъ вінъ ёго́ и прозва́въ Ойкаломъ. А Корнія, малі́мъ хло́щемъ, прозва́въ протопо́помъ. Той малі́мъ хло́щемъ надівъ свиту до́вгу, по́рвану; дакъ вінъ якъ сказа́въ: «Де се взя́вся протопо́пъ?» такъ и ста́ли зва́ть протопо́помъ.

И Гирманъ було приходить до старо́го. Той и самъ було шинку́е. Якъ прийде и сяде у кумпа́нії,—отсе́ й підпье́; да такий бувъ: чимъ більше ви́пье, тимъ хитріший, и почне́ за́разъ присіда́ть до кого–не́будь, підъ пьяну ручъ: «Ти въ міні земе́льки наділи́въ, Ива́не.» — «Такъ щожъ? и купи!» Було виманить за–ніза́що, оду́рить було́ пья́ного чоловіка, такъ якъ самъ зна́е; а самъ чимъ більше пье́, тимъ хитріший ро́битця. Тоне́нько було́ говори́ть; *генъ–те́е*—ёго прймовка: «Генъ–тее, ку́мочку, до́рого такъ, генъ–те́е, нехай бу́де такъ, генъ–те́е.»—«Та чи такъ, той такъ!» Такъ и оду́рить. А яку́ ху-

до́бу зби́въ вели́ку поки́йний! Отъ же якъ воно́ пу́сто дойшло́сь, пу́сто и пішло́, такъ ма́рно и пропа́ло: тепе́ръ ажъ су́мно, якъ иде́шъ биля ёго́ дво́рища. Въ однімъ мі́сті було́ комі́ръ три, пі́дъ одні́ю кри́влею, та на́-різно дві; а тепе́ръ усе опусті́ло. *худо́ба*, ка́жуть, *перехо́дя живе́!*

Шво́риха поки́йна любі́ла балува́ть: назбира́ється изъ села́ жіно́къ три, або́ чоти́рі, почотнихъ; (вона́ любі́ла, Оверчу́чку, Мироне́нчиху, Голуби́ху); балу́ють, балу́ють у Шво́рихи, а тоді кли́чуть и до се́бе.

Зъ Комли́ками було́ зна́ютця. Вони́ жъ таки́ були́ мосціви, що люби́ли до панівъ рівня́ться. По́ти топта́ли, поки втопта́ли свою́ Ва́рку за отця́ Іо́сипового си́на, Мусія. Старий іхъ не люби́въ. Було́ ка́же: «Се винова́тці, сякі-такі сини́!» А вони́, бачъ, люби́ли въ довгі вла́зить! Комли́ки ходи́ли на Дінъ; попавозя́ть було́ ри́бьячого жиру, кавья́ру, осятри́ни, соми́ни,—вимо́чують було́ у Ромні; кавья́ръ було́ нико́ли й невибува́ у Шво́рихи, но́вепъ я́щикъ стоі́ть. Бува́ло у се́реду, або́ въ пья́тницю не зна́ють своє́і олії; ка́шу маста́ять жи́ромъ. Чи зва́рять ю́шку, то такъ жиръ и пла́ва. Люби́ла поки́йна зъ людьми́ поді-ли́ться: и до люде́й було́ пі́де и сама́ пришану́е. Поки́йна, було́, и не сяде: такъ и то́пчетця біля сто́лу: усе́ пода́е, да припро́шуе! А, було́, на храмъ якъ зберу́тця до нихъ,—Бо́же, світе! Храмъ бувъ на Вше́стя, такъ якъ и тепе́ръ,—и почну́ть балува́ть: отсе́, сёго́дня бу́де храмъ, за́втра хра́мівъ ба́тько, а пі́сля за́втрёго хра́мова ма́ти; такъ и почну́ть води́ться ці́лий ти́ждень; такъ-то въ старину́ баловали.

Була́ поки́йна и серди́та, любила щобъ по ії робилось. А Ѳе́дора тру́дно було́ розсе́рдить, тре́ба було́ ду́же розсердить; то вінъ тоді: »Ось я тебе́ на́лицею!« А разъ ёго́ лю́ди напили́сь, да й дава́й би́ться, дакъ старий своє́ю лю́лькою якъ защі́дивъ Василя́, дакъ лю́лька такъ у шма-то́чки й розлетілась, а зъ Василя кровъ такъ и хлі́нула. Здоро́вий бувъ старий, вінъ тимъ и боявся би́ть. Здорові люде завсі́гда смирні,—тимъ що боя́ться би́ть!

Ѳе́доръ пі́дъ ста́рість учи́въ дітей гра́моті. Звісно, ходи́ть, було́, гаразд нездужае; дакъ вінъ, сидя дома, щобъ не скуча́ть, та й у́чить дітей. Комли́къ Степа́нъ, Іва́нъ Пи́сарь, се ёго́ були́ ученики́. Вінъ, у хребті, поки́йний и нічо́го бувъ, та на но́ги слабъ: у Гудевівщіни руба́ли дубину, дакъ дубъ и накоти́вся ёму́ на но́гу и потрощи́въ у прахъ; дакъ ёго́ до́вго лічи́ли, старі пьятаки́ те́рли, да ёго́ напова́ли,—

нога́ и зросла́сь; отъ, вінъ и поправи́вшись; а після того́, опья́ть, літъ черезъ скілько, підновиля: навертавъ млинъ покійний, дакъ ёго́ пільга опьять по нозі удáрила; тимъ вінъ и слабий бувъ на но́ги, а все такий на девяно́стому годі умеръ.

Старíшні лю́де були́ крíпкі. Тепе́ръ не вспіе на но́ги зопьястúсь, а поспитáй ёго́,—чого́ воно́ не зна́е! Пре́же лю́де лучче шанова́лись, тимъ и здоро́вье лучче держа́лось. Бага́то було́ такúхъ у селі, котрі цілу зиму прохо́дять обосоніжъ, и онучо́къ незна́ють; та й моро́зи жъ були́ не тепе́рішніхъ!

Покíйний Ѳе́доръ, кажу́, на но́ги бувъ слабúй, тілько и роботи ёго́ бу́ло, що у баштáні сидíть, та любúвъ па́сіку. У ёго па́сіка вела́сь, була́ до́сра па́сіка,—бо́чокъ дві, було́, набúвае ме́ду.

Старі дожúли ста́рости, а затимъ и ону́ки підроста́ли. Ста́ршого Петруся одружúли, та не ра́довавъ вінъ старúхъ ні самъ собо́ю, ні жíнкою своє́ю. Покíйний Петру́сь недо́вго й пожúвъ,—у молодúхъ лі́тахъ такъ и поме́ръ бездíтний. Малúмъ хло́пчикомъ таке́ було́ пещене́, да шале́не. Покíйна Домáся приíхала до старої у го́сті и ёго́ узяла́; щось роскáзуе и пла́че, а Петру́сь усе́ ска́че; вона́ на ёго:

»Сядь!« та й згрізну́лась; а вінъ усе ска́че. »Сядь, сата́но, щобъ ти про́клятий бувъ!« Дакъ вінъ и недожúвъ вíку, такъ и счезъ. Ма́теринське се́рце звíсно яке́: тамъ нала́е, а тамъ у слíдъ и поду́ма: »Го́споди, прости́ мене́, що я такъ нала́яла!« Отже, проклíнъ ма́тері да́ромъ нíколи не мина́етця. Такъ Петру́сь недо́вго й пожúвъ, молодúмъ исчезъ.

Середу́льший ону́къ, Данúлко, оженúвся на Мовчанíвні. Зъ Мовчано́мъ покíйний зазна́вся, ще якъ ходúли ра́зомъ підъ сарану́, да й уподо́бали одúнъ о́дного. Прочу́въ покíйний, що у Мовчана́ старо́го есть дочка́,—вінъ и написа́въ пісьмо: »У те́бе, ка́же, есть дочка́, а у ме́не ону́къ, чи не бу́демо свата́ми?« А Мовча́нъ, тожъ, бувъ старúнний чоловíкъ, но тодíшнёму, замо́жний,—войсковúй това́ришъ. А воно й доладу́. Старі пора́дились, да такъ и положúли. Що́ тамъ було́ за весíлле, Бо́же, свíте! наро́ду, ска́зано, нíгде й пу́чкою ткнуть: такъ и гоготúть, такъ мовъ фíля колíшетця. Швóру й Швóриху возúли на дриндзóлахъ по селу́, и тúква варе́ноі зъ нúми.

Тоді ще прида́ного и не чува́ть було́. Бува́ло якъ же́нитця, за́разъ пита́: яко́го ба́тька, да якóі ма́тери? чи хазя́йка? а тепе́ръ, *хоть и*

въ голові пу́сто, аби було гро́шей гу́сто. А було́, нехай спитає про придане, то не потра́пить, куда́ й тікать. Було́ ска́же: »Ото́ Богъ, а то двері, иди не огляда́ючись. У мене дочка́ не коро́ва, а ти прийшо́въ торгова́тьця, такъ якъ за коро́ву; ти хочешъ брать не мою́ дочку́, а придане. У мене всі діти рівні!«

При старости літъ, покійний Ѳе́доръ ра́дувався зъ своє́ю старо́ю, дивля́чись на своїхъ онуківъ; ёго́ се́рце молоділо одъ ра́дости, поба́чивши, що Данилко бу́де хазя́іномъ. Жалувавъ Га́лю, такъ якъ рідну дити́ну, а Га́ля угождала стари́мъ яко–мо́га. Иноді стара́ хоть и розсе́рдитця, и попрекне́ чимъ, то вона́ собі ни́шкомъ запла́че та й забу́де. То було́ Шво́риха, на сто́роні и ка́же: »Мовчанівна бу́де хазя́йка; вона́ зде́ржить худобу!« А старій Шво́ра ніко́ли було́ и ко́со не погля́не. Радъ бувъ такій, що по ёго натурі прийшлись ону́ки. Стари́хъ вони́ зва́ли ба́тюшкою и ма́тушкою.

Була́ у старо́го одна́ ха́та про́ста, и світлиці, на–о́тмінбі, (світли́ця и черезъ сіни пека́рня), дакъ вони́ у світлиці и не жили, а жили́ усі вмісті, у въ одній ха́ті. Га́ля но́сить, було́, у па́сіку старо́му обідать, то вінъ ій поса́дить, и почне́ роска́зувать: якъ колись дія́лось, які́ пре́же були́ лю́де, якъ тре́ба жить на сві́ті, все наве́ртуе покійний на те, що Га́ля молода́ людина, щобъ слу́хала, бо ій тре́ба жить на світі. Зорве́тця було́ итй, то вінъ: »Посиді́ ще́, Га́лю, ось я тобі стільника́ підріжу!« Візьме да й стільника́ ій підріже, то вона́ тоді и піде.

Га́ля, звісно, по тодішнёму, и грамоти не уміла. Старій Мовча́нъ, було́, ка́же: »На́ що ій грамоті учи́ть? щобъ до панічівъ писа́ла пісьма? аби умі́ла Бо́гу помолитьця, та хазя́йство зна́ла!« А ій ма́ти, ка́жуть, зъ–ма́лку учи́лась у паня́ньскому (*) манастирі гантува́ть, и Бо́гу зъ кни́жки уміла помоли́тьця, да тільки писа́ть не уміла.

Насту́пить ве́чіръ, старій Ѳе́доръ прийде зъ баштану́, або́ зъ па́сіки, Данилко съ по́ля; стара́ зъ Га́лею по́раютця біля пе́чи: вече́рю ва́рять; стане смерка́ть на дво́рі; збіра́ютця у ха́ту; Ѳе́доръ тільки увійде въ ха́ту, за́разъ и річъ на́йде: и почне́ бала́кать то просе, то про те. Любивъ покійний до всёго доглядатьця: чи всі ове́чки

(*) Паня́ньский манасти́ръ, зна́чить, жоно́чій.

съ по́ля прийшли́, чи полічена скоти́на, а зимо́ю якъ ста́нуть коти́тьця овечки́, щобъ ягня́тка були́ полічені:

»А скі́лько дочко ягнятъ?«—»Не зна́ю, батюшка!«—»Э, пога́ножъ, до́чко, що не лічишъ. Трудись, дочко, то не будешъ ли́ками кожу́ха шить!« Тілько ёго й сло́ва; а щобъ росе́рдивсь — сохра́ни Го́споди! ні до віку! Зимо́ю, підъ довгі вечорі, налига́чку силете́, або́ обро́ть. У ёго житіе́, було́ на цілий го́дъ; було́ помісяшно житіе́ читае.

Якъ посла́въ Госпо́дь сынка́ Дани́лку та Га́лі, то було́ старий, бо-зна якъ утіша́етця; якъ ста́ло підроста́ть дитинча́, візьме було́ ёго́ старий, та й поса́дить у ша́пці. Звісно, ша́пка старо́го велика́, а воно́ мале́; поса́дить ёго́, та й ста́не забавля́ть, то воно́ що не́будь ёму́ и дава́й вимовля́ть або́ сміятьця. —

Такъ–то старий Ѳе́доръ доживавъ віку свого́, а вже старий бувъ: голова́ якъ молоко́ біла, и на но́ги дуже кво́лився. По́ки до́йде було́ зъ башта́ну додо́му, — отдихае на доро́зі разівъ скілько. У ху́торі було́ нарочито коло́дочка положена, то вінъ, идучи, якъ уто́митця, и сідае на тій коло́дочці; насбира́ютця, було́, до ёго́ діти хрестя́нські, вінъ іхъ жа́луе, и роздае́ імъ по огірочку. Такъ, було́, и біжя́ть слідо́мъ, то вінъ и дава́й жа́лувать: »Ти жъ мій бара́нчичокъ, ти жъ моє́ ягня́точко!« А вони́ все біжя́ть слідо́мъ за нимъ.

Передъ сме́ртю покійного Ѳе́дора найшли́ пацюки́ на ёго́ дво́рище, да такого́, що такъ и бігаютъ ватага́ми — а здоро́ві—такъ якъ кітъ до́брий; люди такъ и крикнули: »Се жъ не передъ добро́мъ!«—Того́ жъ го́ду и вмеръ Шво́ра. Слабівъ покійний зо дня на день. Вінъ и не болівъ, щобъ такъ сказа́ть, обложною бо́лістю, а такъ, одъ ста́рости лі́тъ, та одъ вели́кихъ трудо́въ: звісно, прийшла́ пора́. Згаса́въ покійний, якъ свічечка. *Одъ сме́рти, ка́жуть, и въ печі не замлѣжесся.* У два́дцять–сёмому го́ді переста́вився покійний, якъ по́ломья догоріло: горіло–горіло, а по́слі, блись, та й зату́хло. Такъ прехо́роше умира́въ, що Бо́же! При па́мяти, при чу́ствію, попрощався зъ усіма́, поблагослови́въ усіхъ, та й Бо́гу ду́шу оддавъ.

Прійхавъ и дру́гий ону́чокъ Заха́рочко, съ Коното́пу, усі були́ передъ сме́ртю; усіхъ вінъ благослови́въ, зъ усіма́ вінъ прощався, уся́кому вінъ напу́тствіе прочита́въ. Стара́, ону́ки и лю́де заливались слёза́ми, не ба́чили и не вірили сами́ собі, що зъ ни́ми дієтця! Упо-

кóй, Господи, душу старóго Óедора со святúми! Щобъ ёго дiлá передъ Гóсподомъ стоялú, яко свiчи сiяли!

Ищé, пiсля старóго Óедора, старá пожилá щось годкiвъ съ чотúрi; прийшлá пора и iй виступáть у дорóгу, и ii здолiла старiсть: покúнула старá на хазяйствi Данúлка, та Гáлю, а самá пiшлá до стáрого.

Степанъ Нiсъ.

Сiчень, 1860 рóку.
Швóрнинъ хýторъ.

НАДЪ МОГИЛАМИ.

Не скинути окомъ ти степи широкі,
Що Днiпръ облягають iзъ обохъ бокiвъ;
По степáхъ усюди могúли високі
Надъ бiлою кiстю козацькихъ дiдiвъ.

Траву вiтеръ хилить, хмара хмáру гонить;
Нiначе могúла зъ другою гомонить...
Нi, тó не могила,—то будякъ надъ нею
Съ перекотúполемъ сýмно розмовля:

«Лягли тутъ навiки дружнёю семьею
«За ту славу люде... а слави нема!
«Нiхто не згадае, нiхто не поплаче...»
—Перикотиполе: «Чудний ти, козаче!..
«Нехай спочиваютъ! на щó iмъ та слава
«И нá що iмъ слёзи, гiркі та крiвавi?..
«Щобъ марно котились?.. Свое добули —
«И долю и волю въ могилахъ знайшли...»

Будякъ похилився, и самъ себе коле;
У степъ покотилось перекотúполе...

Л. Ященко.

11 августа
1861.

ВЕЛИКДЕНЬ У ПОДОЛЯНЪ.

(По поводу Быта Подолянъ, —Шейковскаго. Выпускъ 1-й 1860 г. Кіевъ.)

Загадка: Сімь миль мóсту, а на кінці мóсту квіточка зацвіла.—Сімь миль мóсту, а на кінці—квітъ наввесь світъ.

Отгадка: Великдень.

Въ стародавнее время, въ предѣлахъ Украины, жили, какъ извѣстно, разные народцы, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои обычаи и законъ свой. Разность народовъ, отъ которыхъ произошло нынѣшнее населеніе Украины, чувствуется еще и въ наше время. Сопоставивъ Подолянъ, напримѣръ, съ Полтавцами, съ перваго взгляда узнаемъ, что они принадлежатъ не къ одной мѣстности. Кромѣ случайнаго отличія—одежды, ихъ отличаетъ другъ отъ друга и самое *обли́чча:* между Подолянами очень и очень мало *кирпа́тихъ*, тогда-какъ преобладающій типъ Полтавца—*кирпа́;* Подоляне преимущественно *довгобра́зі*, между Полтавцами рѣдко встрѣчается *довгобра́зий*, а все *круглови́ді*. Самые обычаи народные, повѣрья, предразсудки, празднованія, будучи разсматриваемы въ подробностяхъ, обнаруживаютъ, хотя и не всѣ, своеобразные оттѣнки, а нѣкоторыхъ подольскихъ обычаевъ вовсе нѣтъ нигдѣ въ другихъ частяхъ Украины. Все это, очевидно, въ давнее время было рѣзче и нагляднѣе, но больше или меньше сгладилось; объединилось же только подъ вліяніемъ позднѣйшаго хода исторіи, — того, подъ которымъ сложилась и окрѣпла наша украинская народность.

Такія и подобныя отличія существуютъ не только между Подолянами и Полтавцами, правою и лѣвою стороною Днѣпра, но и въ болѣе узкихъ предѣлахъ. Напримѣръ, на Подоли въ теперешнихъ ея границахъ, кромѣ многаго другого, замѣчаемъ ту особенность, что въ Балтскомъ уѣздѣ,

между Бугомъ и Днѣстромъ, Кодымою и Днѣстромъ, существуетъ праздникъ *русáли*, который совпадаетъ съ первымъ днемъ Петрова поста, совершается *молодúцями*, безъ участія мужчинъ и *дівчатъ*, подъ открытымъ небомъ (*на стенкý*) и, если можно, близь воды. Въ Ольгопольскомъ, въ Гайсинскомъ, Брацлавскомъ и другихъ уѣздахъ, къ Волыни, даже нѣтъ слова русалка (*). Въ Гетманщинѣ, вмѣсто русалъ, существуетъ другой праздникъ — *рóзиґри* (Полт. Губ. Вѣд. № 25 1861 г.), который отбывается однѣми *жінкáми* и въ тотъ же самый день. Если бы было возможно опредѣлить границы, за которыя не выходитъ извѣстное празднованіе, обычай и т. п., то можно было бы узнать и границы, въ которыхъ жилъ тотъ или другой народецъ.

Раздробленіе этихъ народцевъ, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, наложило особенную печать на разныя мѣстности и способствовало къ образованію новыхъ различій въ нашей народности, изгладивъ нѣкоторые признаки единства и создавъ новые, несуществовавшіе прежде, оттѣнки. Отсюда произошли тѣ именно особенности, по которымъ мы одни другихъ (справедливо или несправедливо) дразнимъ разными именами. Такъ Гетьманцы дразнятъ Подолянъ *недóляшками*, а Подоляне Гетьманцевъ—*москóвськими недолóмками* и т. п. Даже жители маленькаго пространства, иногда и одного города, имѣютъ свои прозвища, и не всегда по особенно-важнымъ признакамъ, тѣмъ не менѣе по признакамъ, бросающимся въ глаза. На Подоли, напр., Бужане дразнятъ *мадзýрами* (*мáдзуръ-мадзури*, а *мадзурí* по тамошнему тоже, что въ Гетьманщинѣ *щурí*) тѣхъ крестьянъ, которые исповѣдуютъ католическую вѣру. И тамъ же дразнятъ *віштякáми* тѣхъ, кто живетъ ближе къ Каменцу, по ихъ обычаю кричать *вішти*, погоняя лошадей. Любечанъ (г. Любечъ) ихъ сосѣди и Кіяне передрáзниваютъ заимствованной отъ нихъ же фразою: »мы люди торговые, народъ промышленный.« Въ этомъ прозвищѣ не маловажную роль играетъ мѣстное нарѣчіе, на которомъ говорятъ Любечане. Для Любечанъ нѣтъ большей обиды, какъ вопросы: *Почóму кізка? Якъ пізнáти, чи жúрна козá?* и т. п. Вообще при Любечанинѣ заговорить о торговлѣ козами—значитъ обижать его (**).

(*) Русалокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, называютъ *росалками*. Это названіе, судя по повѣрьямъ, вѣрнѣе перваго.

Украинскія слова и цѣлые разсказы относятся къ нарѣчію Подолянъ бывшаго Уманскаго и отчасти Ладыжинскаго полковъ.

(**) Стоитъ упомянуть и о томъ, что Бѣлоруссовъ, называя Литвинами, драз-

Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ необходимыми частныя описанія разныхъ мѣстностей нашего края. Безъ такихъ спеціальныхъ трудовъ, мы никогда не будемъ обладать знаніемъ его и его особенностей. Полнота, очевидно, должна быть непремѣннымъ условіемъ этихъ работъ, потому что они должны служить матеріаломъ для будущихъ изслѣдованій и замѣнять личное наблюденіе читателя. Но и не совсѣмъ полныя работы не могутъ быть признаны совершенно безполезными по той причинѣ, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, лишь бы это *что-нибудь* въ самомъ дѣлѣ проливало свѣтъ на избранный уголокъ. Но въ этомъ случаѣ должны быть описываемы если не всѣ, то за-то главныя особенности.

Спеціальнымъ этнографическимъ трудомъ въ глазахъ нашихъ и самого издателя является *Бытъ Подолянъ*. Г. Шейковскій намѣренъ ознакомить съ бытомъ Подолянъ особенными статьями, дополняя ихъ матеріалами, сюда относящимися. Здѣсь, говоритъ онъ, найдутъ себѣ мѣсто пѣсни, сказки, пословицы, поговорки, повѣрья, загадки, анекдоты, фацеціи (т. е. писенітниці) и т. п. Такъ-какъ эти »матеріалы« будутъ обнародованы на томъ языкѣ, которымъ говорятъ Подоляне, то *Бытъ Подолянъ* будетъ имѣть важность »и для разработывающихъ южнорусскій языкъ въ филологическомъ отношеніи.«

Какъ видимъ, цѣль изданія Быта Подолянъ обширна; но одной задачи недостаточно для того, чтобы трудъ вышелъ полезнымъ; (нерѣдко на самомъ дѣлѣ все оканчивается однимъ намѣреніемъ). Къ-сожалѣнію, *Бытъ Подолянъ* — то же, что *грайморе въ мѣщині*. Преждѣ всего бросается въ глаза чрезвычайная неполнота фактовъ и какая-то странная увѣренность автора въ непреложности своего взгляда. Кажется, будто г. Шейковскій имѣлъ въ виду только обнародовать свои личные выводы, а не изобразить, какъ говоритъ, картину быта Подолянъ. Очень можетъ быть, что я имѣлъ бы другое мнѣніе объ изданіи г. Шейковскаго, если бы познакомился съ Подолянами только по этому изданію, а не лицемъ къ лицу, будучи самъ Подолянином. Теперь же, при знакомствѣ съ Подолянами не по книгамъ, я не могу быть имъ доволенъ, и долгомъ для себя считаю пополнить трудъ г. Шейковскаго и кое-что въ немъ поисправить.

нятъ *бацькунами*—отъ ихъ слова *бацька*—отецъ, батька. До сихъ поръ считается какимъ-то удальствомъ побить бацькуна—остатокъ древней племенной вражды къ Литвѣ. Случается, что байдаки причаливаютъ къ берегу для этой цѣли

Г. Шейковскій началъ свое изданіе съ *гаівокъ* по той только причинѣ, какъ говоритъ самъ, что у нашихъ изслѣдователей народнаго быта гаівки не описаны. Но развѣ однѣ гаівки не описаны? Гдѣ у насъ хоть что-нибудь о народныхъ *парубо́чихъ* играхъ на Великдень? Гдѣ у насъ хоть слово про *колодій*? Да мало ли чего не описано! Что́ касается Великодня, то гаівкамъ предшествуетъ обычай *відда́вати колодки́*, вмѣстѣ съ гаівками идутъ *парубо́чі* игры; надо было поэтому начинать не съ середины, а съ начала— съ того самого начала, гдѣ замѣчается уже Великдень. Такъ слѣдовало бы поступить тогда, если бы Великдень былъ началомъ и концемъ задуманнаго изданія. Но преднамѣрившись описать бытъ вообще—полный бытъ, слѣдовало бы доискаться того общаго пункта, откуда, какъ изъ клубка, развиваются всѣ празднованія. Такой начальный пунктъ непремѣнно *долженъ быть* и *есть* на самомъ дѣлѣ; потому-что народныя празднества—остатокъ религіи нашихъ предковъ, и не могли быть натыканы въ году, какъ тычки на огородѣ, безъ всякой связи между собою. Въ противномъ случаѣ, религія нашихъ предковъ была бы непослѣдовательна. Такого недостатка не можетъ быть въ религіяхъ, какъ твореніи цѣлаго народа, а не одной личности. И въ самомъ дѣлѣ, народныя празднованія такъ тѣсно вяжутся одно съ другимъ, идутъ цѣлый годъ въ такой строгой послѣдовательности. Сто́итъ только посмотрѣть на нихъ не по-одиночкѣ, а обнять взглядомъ весь ихъ годовой кругъ. Не обративъ на это вниманія, г. Шейковскій нашелся вынужденнымъ предпослать всему общія мѣста и, подъ вліяніемъ университетскихъ лекцій археологіи профессора П.—, толкуетъ о разныхъ культахъ. Все это та́къ; все это правда; но въ *Бытѣ Подолянъ* всему этому не стоило бы давать мѣста: это археологія, а не бытъ. Оттого г. Шейковскій и перескочилъ отъ гаівокъ на похороны...

Но принимаясь дополнять изданіе г. Шейковскаго, безъ всякихъ заднихъ мыслей, я долженъ предупредить читателей, что не имѣю никакихъ источниковъ, и буду писать по памяти — что́ видѣлъ и знаю. Степень моего знанія увидитъ каждый, кому угодно будетъ прочесть мои нехитрыя строки. Что́ же касается до меня, то я и не притязаю на полноту, но не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ сказаній монхъ о народѣ. Все мы покончимъ на Великоднѣ и достигнемъ своей цѣли, если укажемъ ему мѣсто въ годовомъ циклѣ народныхъ празднованій.

Великдень, какъ и должно быть, для Подолянъ самый радостный праздникъ въ году. Его, какъ и всѣ праздники, бывающіе разъ въ годъ, называютъ *врочи́стимъ* (въ рікъ) *Свя́томъ*.—*Микола́й* также врочисте свято, хотя празднуется и два раза. Слово *врочи́стий* прилагается только къ праздникамъ, а въ другихъ случаяхъ, въ смыслѣ *годово́й*, употребляется слово *рокови́й* (роковій ярмарокъ). *Висі́лля* и т. п. торжества называются *врочи́стими оказі́ями*. Великодня ожидаютъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, нежели всякаго другаго праздника, и чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ радость неугомоннѣе. Запорожцы, въ одной виршѣ, объясняютъ эту радость какъ бы тѣмъ, что

»Тепе́ръ усякъ наістця въ смакъ свячёноі па́ски.«

Но мы не повѣримъ *чуба́тимъ*. Не тому мы радуемся, что *наі́мось па́ски*; хотя мы и *голо́дні*, однако удовлетвореніе этого чувства у насъ не играетъ первой роли. Мы радуемся просто тому только, что Великдень *на грани́ці*, потомъ *въ ді́лницяхъ* (1), потомъ *въ воротя́хъ*, наконецъ *на поро́зі* и *въ ха́ті*. *Въ вербну неділ́ю* (вайі) Великдень чуть видно изъ-за горы, а мы уже поздравляемъ другъ друга и съ неописаннымъ восторгомъ приговариваемъ: *верба́ бье, не я бью: за ти́ждень Вели́кдень*! Иной еще прибавитъ: *будь здоро́въ, якъ вода́ и бага́тий, якъ земля́*.

Вода не случайно вошла въ это поздравленіе; она имѣетъ огромное значеніе въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Прослѣдимъ это, сколько можемъ. Начнемъ съ *жи́лного* (великій) четверга,—онъ близокъ Великодню, а мы про Великдень и говоримъ. Въ *жи́лний* четвергъ купаются *відъ чорноі хороби*. *На руса́лки* купаются, *шобъ не було́ посу́хи*. Замѣчательно, что на русалки купаются не раздѣваясь. Такъ же во всей одеждѣ купаютъ и тѣхъ, кто въ руки попадется. Я слышалъ, какъ купали попадью, дьячка, проѣзжаго купца, управляющаго, перевозчика при паромѣ и т. д. Обычай этотъ такъ держится, что выкупанные не только не сердятся, но сами мѣшаются въ гуртъ и съ азартомъ бросаются купать другихъ. На *Купа́йла* ходятъ купаться съ извѣстнымъ обрядомъ, и самъ Иванъ *купався*. На *Зелені свята* ходятъ на поле *кропи́ти збо́же и святя' криниці*; на *Маковія* тоже *свя́тя криниці*. *На Ордань* купаются *відъ*

(1) Ділинці—ровъ вокругъ села, за которымъ начинается ни́рина—посѣвы. Царинѣ противоположна толо́ка.

коро́сти. При этомъ берегутся, *аби́ хто не кра́кнувъ: шобъ така́ була́, якъ дубо́ва кора́; бо вона́, хай счезае́, и спра́вдi коро́ю визьметця на тiлi*. Тогда же умываются, *щобъ о́чi не боли́ли*, а дiвчата—*щобъ румя́ною бу́ти*. Надо замѣтить, что въ воду, приготовленную для умыванья, бросаютъ иногда *кали́ну* или *кора́лi* (дороге́ намисто), *щобъ черво́ному бу́ти,-щобъ лицé чи́сте було́*. *Кораллi* также совѣтуютъ мужчинамъ носить на шеѣ, какъ женщины, *вiдъ оста́дъ*. Вода употребляется въ различныхъ шопотахъ—(прим6вахъ): *якъ вогню́ скида́ють* (и огонь разомъ), *якъ що вилива́ють—отъ перелéсника, або́ що*... Въ разныхъ гаданьяхъ также употребляется вода; напр. *на Андрея вилива́ють во́скомъ, о́ливомъ*. Тогда употребляется вода холодная,—лучше, если *непочата́*. Но и горячая вода употребляется, напр. *якъ вилива́ють плаксúвицi, якъ покрива́ють молоду́* (на Подоли не водятъ въ церковь *скрива́ти*, а покрываютъ дома—завиваютъ *въ намiтку; до цéркви* ходятъ на вiвдъ); *садовлятъ iї на ослiнъ, чи що, а пiдъ осломомъ вiдро зъ водою, щобъ здоро́вi були́ якъ вода́*. (Послѣ употребляется и огонь). *Якъ ви́лупятця гуся́та або ко́ченята, то, щобъ здоро́вi росли́, гнiздо и шкаралупи виносятъ на во́ду. Якъ упа́де дитúна съ колúски або́ що, що здо́рово забьéтця, то те мiсце зливаютъ водою, щобъ не ва́дило*. Воду, между прочимъ, ставятъ на окнѣ, по выносѣ покойника изъ хаты—для души, которая прилетитъ въ видѣ мухи и *буде iсти й пити*. Посредствомъ воды узнаютъ чисто или нечисто мѣсто. Погребая утопшаго, иногда поливаютъ его водою, *щобъ дощъ був*, — *щобъ не було́ посу́хи*. Вода употребляется и въ чарахъ, особенно въ отношенiи къ любви. На воду (на Бiгъ) выносятъ и первыя скорлупы писанокъ, крашонокъ въ томъ убѣжденiи, что онѣ поплывутъ къ Рахма́намъ и укажутъ имъ, что пора праздновать Великдень (*). Что́ касается того, что желаютъ быть богатымъ *якъ земля*, то это проистекаетъ изъ представленiя народнаго о богатствѣ ея: *хто жъ багáтчий, колú вонá всiхъ годýе*! Землю также называютъ *сильно́ю, бо вона всiхъ на собi но́се*.

(*) Рахма́ны—это народъ, неумѣющiй ни читать, ни писать, но крещенный. Они такъ далеко живутъ, что скорлупа заплываетъ въ ихъ страну только къ Преполовенiю. Тогда они и празднуютъ Великдень. Потому-то Подоляне Преполовенiе знаютъ подъ именемъ *Рахманського Великодня*.

Свячёну лозу прячутъ и *котúки* употребляютъ какъ лѣкарство отъ лихорадки и для скота, *якъ, буває, здуетця.*

Отъ *вéрбної недíлі*, кромѣ обыкновенныхъ хлопотъ — *шúти бíлúти*, кромѣ приготовленій *на паскú* и т. п., я ничего не замѣтилъ до *жúлного четверга—до страстí*. Для *страстí*, хлопята задолго впередъ приготовляютъ *довбешкú;* съ звономъ собираются къ церкви съ этими стуколками и когда звонятъ во время самой *страстí*, *тарабáня* ими въ колокольню, гдѣ деревяная, или въ церковную ограду, или просто въ доски, разумѣется, если не запретятъ. Это повторяется каждый разъ при звонѣ колоколовъ, начинаясь и оканчиваясь вмѣстѣ съ звономъ, и продолжается до конца страсти. Рокотъ этихъ *довбешóкъ*, сливаясь съ звономъ колоколовъ въ одинъ гулъ, производитъ невыразимое впечатлѣніе: повторяясь во всемъ околоткѣ, отражаясь тысячами перекатовъ эха въ лѣсахъ и горахъ, до глубины души поражаетъ человѣка, и такъ уже настроеннаго къ печали. Нельзя сказать, что это печаль; это совсѣмъ не печаль, но какое-то необъяснимое—*тихосýмне* чувство: сердце такъ и расплывается. Особенно мнѣ врѣзалась въ память одна страсть, когда я былъ еще дитятею лѣтъ восьми—девяти. Я вышелъ изъ церкви *провíтритись*. Ночь была темная, туманная и какъ будто *мрáка íшла*. Яркій свѣтъ, пробиваясь сквозь окна, золотыми столбами наискось, стремился къ небу, будто указывая дорогу молитвамъ, и далеко-далеко исчезалъ въ туманѣ, постепенно ослабѣвая. Кажется даже, я видѣлъ радужные цвѣты. Внизу другая масса свѣта, сквозь растворенную дверь маленькой деревянной церкви, золотитъ молящихся. (Смѣсь радости и печали, на важно-спокойныхъ лицахъ стройнаго, красиваго народа, стоятъ кисти живописца-художника). И все это теряется въ дали, во мракѣ, и на извѣстномъ разстояніи, кажется, не люди ходятъ, а духи, пришедшіе вмѣстѣ съ нами праздновать страсти господни; то вырѣзываются изъ мрака, то снова погружаются въ мракъ, то опять покажутся, и снова исчезнутъ. Отъ сверканья свѣчъ и лица ихъ представляются сверкающими. Общая тишина, подъ равномѣрное журчанье весеннихъ ручейковъ, прерывалась по временамъ трескомъ довбешокъ, да звономъ въ колокола и на время заглушала то заунывную *самолíвку* старика-дьячка, то протяжное чтеніе страстей господнихъ нараспѣвъ. И за горой тотъ же трескъ и звонъ, и та же картина мерещится, и за лѣсомъ тоже. А вотъ чуть слышно изъ-за *Бóгу* отдаленный гулъ: и не вѣрится, звонъ ли это дѣйствительно и есть ли тамъ *хлóпці*, прежъ-

нее ли впечатлѣніе продолжается, или эхо на эхо отзывается. И снова звонъ, и снова трескъ, и потомъ тишина; такъ и хочется вмѣшаться въ гуртъ, да довбешки не было, а *патики́ мо́крі*. Такъ и стоялъ бы очарованный; забылъ и гдѣ я, и для чего тутъ; сердце словно таетъ; но старикъ ста́роста (разумѣется, церковный: тамъ иныхъ старостъ нѣтъ) помогъ мнѣ опомниться: *годі стояти, паничу; казали напотець, щобъ уже до цѐркви йшли*, сказалъ онъ. И я пошелъ, озираясь и прислушиваясь, какъ сердце билось. Почему тогда не въ послѣдній разъ оно билось!..

Народное суевѣріе соединяетъ съ этимъ торжественно-печальнымъ вечеромъ разныя вѣрованія о вѣдьмахъ. Но объ этомъ будетъ отдѣльно разсказано мною въ *Основѣ*.

Употребленіе *страстно́і свічки* извѣстно.

Отъ обѣда въ четвергъ до разговѣнья старушки ничего не ѣдятъ, т. е. ничего ровно и въ ротъ не берутъ. Въ эти дни хлопоты въ самомъ разгарѣ: женскій полъ такъ занятъ, что даже нѣтъ времени и заснуть; ночь и день работа: *паски́ печу́ть, поросята... А по́ки ще на́чинки загото́вить! Тамъ писанки́ пи́шуть, крашанки́ кра́сять; дивись—и витира́ти пора́. А тамъ... не о́лянулась, а вже й Христа́ дочита́лися. Хапа́йся-хапа́йся! пора вже свята́ти... Боже-Бо́же! отутъ-то колотні, яка не вправилась, або що! Плати́ну*, которою писанки вытираютъ, прячутъ и *підкурюютця від буди́хи, якъ въ вусі стрика́е, або-що*. Но мы забѣжали впередъ. Еще есть *дія́ние*. Но пока дойдемъ *до дія́ния*, займемся передачею легендъ, основанныхъ на событіяхъ, въ эти три дня совершившихся.

Въ молитвахъ Подолянъ есть примѣсь уніатства (отъ Отца и *Сына*); между молитвами считается сонъ *богоро́диці* и *бурла́цкій оче-нашъ* (*). Что касается свящ. исторіи, то Подоляне имѣютъ ее свою отъ

(*) Къ сожалѣнію, я его незнаю; знаю только, что онъ раздѣленъ на прошенія; нѣкоторыя изъ нихъ передаю: *не дай, Боже, съ кози кожуха, а зъ свині чобіт*ъ; *избави, Боже, відъ Барські греблі*; *избави, Боже, відъ Кулакі́вського спра́ви*; *избави, Бо́же, відъ служби въ Китайгородського попа*. Что касается объясненія этой молитвы, то я знаю слѣдующее: 1) *Барська-гре́бля* обыкновенная плотина въ г. Барѣ. Она очень длинна, идетъ извилинами и весною до-того заплываетъ грязью, что ѣзда по ней въ высшей степени затруднительна и даже опасна. Кромѣ того, что можно *загрузнути*, страшныя про-

сотворенія міра до Р. Х. и далѣе. Есть даже мнѣнія о будущемъ, ничуть не основанныя на христіанствѣ. Кромѣ чисто-религіозныхъ легендъ, есть и бытовыя. Бывъ собраны, онѣ могли бы пролить много свѣту на минувшую жизнь нашу, незапамятованную исторіею. Легенды, относящіяся къ страстной недѣлѣ, такого значенія не имѣютъ: это евангельскія событія, украшенныя народною фантазіею. Безъ сомнѣнія, это было когда-то полнымъ зданіемъ, но не бывъ поддержано воспитаніемъ, мало-по-малу затемнялось и теперь представляетъ жалкіе обломки, показывающіе ясно, насколько небрежно было духовенство въ дѣлѣ образованія народнаго, даже религіознаго. Эти разсказы не должны умалять чести нашего народа; несмотря на нихъ, онъ строго нравственъ.

Юмористическихъ разсказовъ, которые касались бы страстной недѣли, нѣтъ, хотя юморъ народный шагнулъ и въ небеса, и за облаками нашелъ для себя предметы и матеріалы. Духъ событій не таковъ, чтобы можно было потѣшаться. Иное дѣло лысина у ксендза (кото́нка), многоженство у магометанъ... Разсказы, относящіеся къ страстной недѣлѣ, всѣ серьезны и вотъ тѣ, которые и знаю.

»Якъ шука́ли Христа́ згубити, то вінъ утікъ та й сховався и найпе́рше въ ясла мiже волй. Жидй такъ ёго́ шука́ють, такъ шука́ють! А во́лики iдй собі па́шу, та все мо́рдою пригорта́ють схо́ванця—вибра́ ніби, котро́ лу́чче стебло́, и все пригорта́ють.

»Вйховався Христо́съ на цей разъ и поблагословйвъ волівъ, щобъ ма́ло iли и сйти булй.

вáлля (по-тамошнему—прірви) съ глухой стороны *грéблі*, глубокія и наполненныя водою, такъ и ждутъ жертвы. Лѣтомъ ухабы и т. п. до-того надоѣдаютъ, что дѣйствительно надо просить Бога объ избавленіи отъ этой *грéбли*. (Я разъ всего по ней проѣзжалъ лѣтомъ и не захочу больше). 2) *Кулаковського спрáва*, Былъ помѣщикъ на Подоли п. Кулаковськый (Кулаковскій) изъ поповичей, отличавшійся несправедливымъ рѣшеніемъ жалобъ. Говорятъ, онъ наказывалъ и истца и обидчика. Наказаніе состояло въ неумѣренномъ денежномъ штрафѣ *на цéркву*; для обидчика прибавлялись *нагаі*. 3) *Китайгорóдського попá служба*. Китайгородъ—село, не знаю котораго уѣзда. Тамъ, въ оно время, былъ на приходѣ священникъ о. *Семенъ*. О *чоботáхъ зъ свині, кожухъ съ козы* и говоритъ нечего. Такъ объяснялъ мнѣ этотъ *оче-нашъ* священникъ о. Писпячевскій.

»На другій разъ прийшлóсь хова́тись. Куди́ тутъ? Вже Жиди́ зна́ють, що бувъ ми́же волáми... Взявъ та й схова́вся ми́же ко́ні. Та ко́ні, ска́зано худобина па́жирлива, якъ почали́ їсти, то й зїли й те, чимъ Христосъ самъ себе́ бувъ–накри́въ. То Жиди́ й заба́чили и взяли́ Христа́. За це Богъ прокля́въ ко́ней, щобъ їли цілій вікъ, и все голóдні стоя́ли.« (Существуетъ слѣд. поговорка: волóві дай полóви та жени́ повóлі, а коневі вівсá, та жени́, якъ псá).

»Якъ привели́ Христа му́чити, то наробили цвяхівъ (гвіздківъ) зо вся́кої деревúни, тíлько зъ гúви—ні. Та котрій побро́бують забúти пíдъ па́ністъ, вінъ такъ и зігне́тця, на́че зъ вóску злíпленний. Що тутъ робúти? чимъ тутъ му́чити? Ажъ въ го́лову захóдя. Ду́мали-ду́мали та й пора́дились: затешімъ, ка́жуть, ще зъ гúви. Якъ той не полíзе, то хто ёго зна, що вже й казáти!.. Затеса́ли изъ гúви, а вінъ и пішóвъ, якъ залізний. Отъ и дава́й му́чити Христа́ гúвовими кілка́ми (*). За це Богъ и прокля́въ гúву, щобъ черви́ва була́. Тимъ вона́ й черви́віе такъ, що Богъ закля́въ й черви́віти до́ки свíта та со́нця.«

Извѣстно, что́ дѣлаютъ воробьямъ за мнимое ихъ участіе въ дѣлѣ умерщвленія Христа. Когда ослѣпятъ, »бíдна пташúна не лити́ть, якъ видю́ща, куди́ но́сомъ; и знесе́тця вго́ру, скíлько ви́дно, складе́ кри́льця и пуска́етця до землí, якъ камíнець. Впа́де й розíбье́тця.«

Народъ вѣритъ, что стража, приставленная къ гробу Господню, и теперь стоитъ на своемъ мѣстѣ. Она состоитъ изъ двухъ евреевъ и оба они живы, и »якъ мíсяць старúй, то й вонú старí–старе́зні, ажъ тру́сятця, а якъ мíсяць молодúй, то й вонú молоді́, на́че íмъ по двадця́тому годóчку.« На вопросъ: »колú ви прийшлú«, они отвѣчаютъ: »вчóра«.—А колú пíдете?—Взáвтра.«

»Такъ уже íмъ Богъ давъ, щобъ жúли до са́мого стра́шного суду.»

Объ Іудѣ разсказываютъ: »повíшусь, ду́мае собí, пíду въ пе́кло.

(*) См. 1 коляда госпóдареві.

А Христо́съ, якъ буде визволя́ти лю́дзькі ду́ші, то й мою визволитъ. Прийшо́въ до ідно́ї деревѝни, перекѝнувъ мо́тузъ, чи що, и тілько опустився, вона́ й гиля поспускала. Вінъ до дру́гої, и дру́га такъ; и тре́тя такъ; ажъ до осѝчини прийшовъ, и завѝшався на осѝчині. Того́-то хоць (*) якъ и ти́хо на дворі, а на осѝчині все листъ кѝвается, наче живи́й.« Другіе говорятъ, что онъ *завѝшався на бузині* и она оттого не годится теперь для построекъ. *Бузѝна* почитается жилищемъ чорта.

»Завѝшавсь Юда та такъ и ви́сівъ, ажъ доки самъ не ввірва́вся— Тоді вже впавъ и гнивъ у яру́.» Изъ разлагающагося тѣла его выросъ *тютю́нъ*. Впрочемъ насчетъ тютюну есть и другой разсказъ, въ который входитъ Христосъ съ апостолами. »Тіло Юди тутъ зітлѝло, а душа́ въ пе́клі пропада́. Бо якъ Христо́сь пішо́въ визволя́ти ду́ші, то й ёго́ ду́шу хотівъ ви́зволити: »иди́ вонъ,« каже; та Люципіръ навчи́въ: »кажи́, сину, не хо́чу«, Юда й ка́же: »не хо́чу.« — »Кажи́, сѝну, мині й тутъ до́бре«, намовля изновъ Люципіръ. »Мині й тутъ добре,« озвавсь Юда. Христо́съ испо́въ: »иди вонъ.« А Юда все за Люципіро́мъ говорѝвъ. Такъ и тре́тій разъ було́. И зоста́всь Юда найвірнѝщимъ сѝномъ у Люципіра и сидѝтъ въ нёго на колѝнахъ, и свою калѝтку въ руці держѝтъ.« Въ одной виршѣ запорожской вотъ-что говорится:

»А сей Юда съ того студа, звіродивий макуха,
То синіе, то красніе, бо братъ злого духа.
Вельми вінъ злякъ (**), ажъ міхъ заклякъ зъ грішми за плечима.
За ёго гріхъ той клятий міхъ все передъ очима.
Въ землю вкопавъ, щобъ міхъ пропавъ, та окаменіла —
Посо́хъ и цвітъ и трави нітъ—білшъ не зеленіла.
Въ воді рибу міхъ изъ глибу роспужавъ и раки, —
Вернувъ злий духъ изъ води сухъ до Юди и паки.
Злую мару пікъ у жару, да не загорівся —
Вогонь потухъ, а цей злий духъ въ печі й не нагрівся.
Крінко пошитъ, чортомъ підбитъ, що и не деретця;
Зъ води, зъ печі впять на плечі до Юди беретця.
И зъ цимъ мішкомъ ходитъ пішкомъ у пеклі повсюду;
Панъ повелівъ, щобъ міхъ не тлівъ до страшного суду.«

(*) *Хоць* Подоляне употребляютъ въ значеніи хотя, а *хочь* — сокращенное хочешь—*що хочь, роби*—вм. що хо́чешь роби́; или—*роби, що хо́чешь*—и *роби, що хочь*. *Хочь* повелит. вм. *хоти*; *що хоти* и *що хочь*—одно и тоже.

(**) Увидавши Христа.

Любопытны народные разсказы объ изобрѣтеніи водки, о происхожденіи лысыхъ, кривыхъ и т. п. Но такъ-какъ эти разсказы могли бы войти только въ полный бытъ Подолянъ, то мы и оставимъ ихъ, потому-что они не относятся къ Великодню. А между-тѣмъ вотъ *дія́ние* передъ нами. Оставимъ *жінкамъ та дівчатамъ ходи́ти коло тіста, коло си́ра то́-що;* а сами—*наше ді́ло парубоцьке*—пойдемъ *за парубками*.

На Подоли нѣтъ *у́лиць*—перевелись; нѣтъ, кромѣ *вечерни́ць и оде́нькі́въ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, никакихъ сходокъ молодежи. Лѣвая сторона Днѣпра ночью имѣетъ больше жизни и поэзіи, чѣмъ днемъ: до полночи отъ сумерекъ вы слышите пѣсни, говоръ, смѣхъ... На Подоли въ это время развѣ собака залаетъ да пропоетъ пѣтухъ. Иногда волки завываютъ. Лѣтомъ, покрайней мѣрѣ, *ночлі́жники* поютъ, идучи на поле; иной и *на сопі́лку*. Но все это въ одиночку. Женскаго голоса ночью тамъ никогда не услышите. А зимою *ти́хо та су́мно, якъ у домови́ні*. Это, очевидно, зависитъ не отъ народнаго характера—народъ нашъ вездѣ одинаково *співо́чий*; причиною тому постороннее вмѣшательство. Въ этомъ отношеніи, особенно отличается духовенство. Въ послѣднее время, оно съ особеннымъ жаромъ стало преслѣдовать Купайла, Андрея, Маланку и т. д. подъ видомъ ревности о вѣрѣ, а *вечерни́ці*—подъ предлогомъ противодѣйствія разврату. Между-тѣмъ, народныя празднованія имѣютъ значеніе только игръ, а *вечерни́ці* суть вечернія сходки молодежи,—не что иное, какъ вечера у пановъ, только безъ участія старыхъ. Старики—или лучше мужья и жены—отдыхаютъ, или дома работаютъ, имъ не *до гости́ни*, не до *весе́лости*; а молодые сходятся въ одинъ домъ, съ тою цѣлью, чтобы не скучать за работою въ длинные осенніе и зимніе вечера. Этимъ-то именно и отличаются *вечерни́ці* отъ вечеровъ: здѣсь работаютъ, дѣло дѣлаютъ, а тамъ переливаютъ изъ пустаго въ порожнее, театральничаютъ, проигрываются и т. п. Не безъ того, разумѣется, что бы не было нехорошихъ случаевъ въ народѣ; но развѣ то же самое не случается и въ высшемъ сословіи? хотя *панянки на вечерни́цях* не бываютъ. Да кто скажетъ, что и въ простомъ народѣ это отъ вечерницъ? Такой дѣвушки даже не принимаютъ на вечерницы. Я очень хорошо знаю вечерницы, знаю дівчатъ, знаю народные обычаи и взгляды, и то знаю, что *жазя́йський синъ* не посмѣетъ *занять* съ нехорошею цѣлію *хазя́йську дочку́*. Для этого есть *жидівські наймичкі́, рекрутки́, московки́* (солдатки) и т. под.

пригуль. Притомъ, дѣвицы такъ связаны обрядомъ первой ночи, что только пьяная или крайне-безстыдная можетъ поддаться обольщенію; но если въ ея сердцѣ останется хоть не много стыда, если въ ея головѣ не перевелось сознаніе себя и чести, то такая можетъ уступить только *силѣ*, и добровольно ни за что не согласится *підтоптáти підъ нóги отця-нéньку*. Парубки очень хорошо понимаютъ это, понимаютъ это и родители, а потому и позволяютъ своимъ дочерямъ не только ходить на вечерницы, но и *приймáть на білі подýшки*, какъ поется въ пѣсняхъ. Не понимаетъ или притворяется, что не понимаетъ этого, только духовенство, — разумѣется не безъ исключенія, — и назначаетъ штрафы за участіе въ томъ или въ другомъ. Штрафы эти состоятъ въ денежныхъ взысканіяхъ *на цéркву*, или въ отработкѣ священнику, преимущественно во время говѣнья, также передъ сватьбою. Болѣе ревностные употребляютъ и другія болѣе радикальныя мѣры убѣжденія. Въ этомъ помогало духовенству и благоразуміе пановъ. (*)

Грустно, тяжело, невыносимо становится, что народъ, вмѣсто своихъ высоко-поэтическихъ сходокъ, долженъ собираться въ корчму, откуда никто не гоняетъ нижé словомъ, не только палкою или кнутомъ. Удивительно ли, что лѣтъ тридцать назадъ, и для парубковъ, разсказываютъ, считалось позорнымъ являться въ шинокъ; а теперь и дѣвчата ходятъ туда, словно *до нанáшки, такъ до шінкáрки*. Что можно вынесть изъ этого дома, кромѣ разврата? *пьянóму и мóре по колíна*. Но этого не хотятъ видѣть, и годъ-отъ-году все сильнѣе накидываются на народные обычаи. Можетъ, покажется несообразнымъ, что я такъ разговорился о запрещеніяхъ, а между тѣмъ имѣлъ же время изучить обычаи: гдѣ плоды тѣхъ преслѣдованій? — На это я скажу, что не все удалось перевести: народъ очень упоренъ въ своихъ привязанностяхъ къ чему-либо. Притомъ,-я изучалъ народъ въ приходѣ своего отца, который самъ недоволенъ запрещеніями и остался украинцемъ. Онъ такъ правильно смотритъ на народныя игры, что не только не запрещалъ ихъ для народа, но и дѣтямъ своимъ-*хлóпцямъ и дівчáтамъ*—позволялъ ходить на Купайла,

(*) У Подолянъ остался до-нынѣ *громáдзький судъ*: всею громадою выбираютъ *судцівъ* изъ стариковъ—не больше семи, не меньше четырехъ, и они рѣшаютъ дѣла общимъ приговоромъ на сходѣ подъ открытымъ небомъ, куда призываютъ и спорящихся. Обычай этотъ поддерживали и нѣкоторые помѣщики.

гдѣ *справляли Андрѣя* и т. п. Только на *вечерни́цѣ* не пускалъ насъ,—очевидно, потому, что ни для насъ, *хло́пцівъ*, ни для сестеръ нашихъ тамъ не было пары. Спасибо ему за это!.. Да и что намъ дѣлать было на вечерницахъ, гдѣ всѣ за работою? Кромѣ того, благодаря семинарскому воспитанію, я былъ настолько глупъ, что могъ бы надѣлать проказъ и быть вытолканнымъ, какъ выражаются, *втришия*. Спасибо за запрещеніе; этимъ я спасенъ отъ мучительныхъ воспоминаній. А на вечерницахъ паничамъ такъ часто достается!.. Счастливцы-паничи — кого не бьютъ? за-то ужъ и ихъ, — кто не хочетъ.—По данному слову, пойдемъ за парубками. Вотъ ужъ дѣянія: пора.

Съ какимъ нетерпѣніемъ цѣлую страстную недѣлю ждутъ Великодня, съ такимъ же, если не съ большимъ, нетерпѣніемъ *въ велико́дну суббо́ту* ждутъ вечера. Не потому вечеръ играетъ такую роль, что отъ Великодня онъ отдѣляется только ночью, нѣтъ—этотъ вечеръ имѣетъ свое собственное значеніе. Ни пѣсенъ, ни игръ въ это время не бываетъ; но обычай *вогóнь кла́сти* включаетъ его въ число народныхъ празднованій и разжигаетъ сердца. *Вогóнь кла́сти* имѣетъ что-то поэтическое само по себѣ; посмотрѣли бы вы, какъ ночлижники заботятся объ этомъ, какъ собираетъ ихъ огонь въ кружокъ, какъ они веселы вкругъ огня. Съ какимъ воодушевленіемъ послѣ разсказываютъ о тѣхъ ночахъ, когда на полѣ *вогóнь кла́ли*! и какъ завидуютъ этимъ счастливцамъ тѣ, кто по чему-либо не могъ имѣть удовольствія развести огонь! Кажется, что́ можетъ быть обыкновеннѣе огня, разведеннаго лѣтомъ въ саду, вмѣсто кухни, а между тѣмъ, такіе дни оставляютъ въ душѣ какія-то торжественныя воспоминанія. Даже тѣ *потра́ви* ѣдятся съ бо́льшимъ аппетитомъ, которыя приготовлены въ саду. Не смѣшно ли? старики любятъ полежать, посидѣть, побалакать возлѣ этого огня... Нѣтъ, не смѣшно. Посмотрите, съ какимъ торжественнымъ видомъ они разсказываютъ *дітворі* про давнія лѣта, про разныя *приго́ди* изъ своей молодости!.. Все это навѣялъ огонь. Къ этому огню выходитъ не только мать семейства, отецъ, но, если есть, и *дідъ потурбу́є свою ста́рість*. Любо посмотрѣть на этотъ кружокъ! румяная *молоди́ця* стряпаетъ, отъ огню еще болѣе зарумянившись, а тамъ отецъ нѣсколькихъ дѣтей самъ *дровця збира́є*; *а старий дідъ* сидитъ въ тѣни, и вѣтеръ балуется его сѣдымъ чубомъ. А *дітвора́?* шныряютъ сюда—и—туда *голомо́взики*, пищатъ, кричатъ, забавляются, или тѣснымъ кружкомъ

сидятъ возлѣ дѣдушки, слушая каждое слово его, ловя каждое движеніе чувства. Но вотъ пробѣжало неудовольствіе по всѣмъ лицамъ вразъ—и всѣ заворушились—что это? это хозяйка зоветъ кушать. Несмотря на то, что обѣдъ этотъ—словно *хлібъ відъ зайця*, но всѣ не охотно принимаются за ложку, какъ будто жалѣя, что огонь болѣе ненуженъ, что они оставятъ его одного и сверхъ того еще и водою зальютъ. Огонь—великое дѣло: безъ удовольствія и ту *карто́плю* копаютъ и ту *кукуру́дзу* ломаютъ, гдѣ огню не разводятъ; безъ огню и *баштана́* не выберутъ; безъ огню, подъ открытымъ небомъ, никакая *ока́зія* не обходится. Праздникамъ огонь придаетъ торжественности. Но огонь *на ді́ячия* имѣетъ свою собственную важность;—это огонь *на ді́ячия*. Никакъ я не могъ добиться, для чего разводятъ этотъ огонь. На всѣ мои вопросы отвѣчали: *бо ді́ячие сёго́дня*, или: *бо взавтра Вели́кдень*.—»Ну! то взавтра Вели́кдень, а вого́нь сёго́дня на-що?«—Та про́сто на-то, шо взавтра Вели́кдень. —»То на щожъ вого́нь кладе́те?«—А на що такъ спокойвіку ведётця?—Какъ видно, народъ самъ не знаетъ, для чего этотъ огонь нуженъ, и ему особеннаго значенія не придаютъ; но съ какимъ неудовольствіемъ отказываются разводить его, когда кто-либо не позволяетъ! какимъ *го́номомъ* встрѣчаютъ запретителя!

Но я много наговорилъ уже, а еще не сказалъ, гдѣ и кто разводитъ огонь *на ді́ячия*. Парубки разводятъ его недалеко отъ церкви, гдѣ-либо въ безопасномъ мѣстѣ: женскаго пола при этомъ огнѣ не бываетъ, а мужчины могутъ быть всѣхъ возрастовъ и сидятъ обыкновенно до благовѣста *на всено́шне*. Тогда идутъ къ церкви, а огонь остается незалитымъ, чего не позволяютъ себѣ въ другихъ случаяхъ.

Замѣчательно, что ради этого огня забывается право собственности: кто что́ можетъ и у кого можетъ взять, все предаютъ огню. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ, по совѣту одного *чёсного господаря—роздобу́ти па́лива по шопа́хъ* (повѣтка, сарай)—у него самого унесли *кругъ* довольно порядочныхъ колесъ и въ его же глазахъ положили на огонь.

— Бра́во! бра́во! сказалъ онъ.

— Та це, да́дьку, ва́ше! замѣтилъ кто-то.

— А ду́маешъ, я не пізна́въ... Щобъ зъ мене за госпо́даря, якъ би я сво́го добра́ не пізна́въ? Та щожъ робити?—хай хма́ру нагрі́ває...

Не будетъ ли это указаніемъ на празднованіе съобща, на праздникъ всего народа, на богослуженіе, при которомъ, какъ въ одной

семьѣ, не было ни моего, ни твоего, но все *наше*, какъ Богъ *нашъ*? Вѣдь у Славянъ можно же было воспользоваться чужимъ добромъ для угощенія чужестранца; можетъ-быть, такимъ же образомъ богатые заступали неимущихъ и въ дѣлѣ жертвоприношеній—что̀ очень возможно. Сѣкиры не употребляютъ при этомъ огнѣ въ это время потому, что *вза́втра свя́то*, но, въ древности, очевидно это̀ имѣло и другое значеніе,—быть-можетъ, то же самое, что̀ и при кострѣ для сожженія вдовъ. Спать при огнѣ не позволяется, а кто уснетъ, тому непремѣнно *хи́са підженуть*, развѣ отца побоятся. Не только, впрочемъ, у этого огня, но и въ домахъ противъ Великодня стараются не спать цѣлую ночь и цѣлую же ночь не тушатъ огня въ домахъ, разумѣется, кто имѣетъ возможность. Огонь, разведенный парубками, горитъ и на Великдень, иногда и до вечера, но уже поддерживаютъ его только дѣти. Не безъ того, что и парубокъ придетъ но не надолго, и это не считается уже обязанностію, какъ въ предшествовавшую ночь.

Казалось бы, сидя у этого огня, какихъ разсказовъ не наслушаешься! ими, вѣдь, такъ богатъ нашъ народъ. Между тѣмъ, выходитъ иначе: всѣ сидятъ въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи, только изрѣдка слышно: *піджарь! поправь!* и т. п. Безъ разговоровъ, правда, не обходится, но они ведутся въ-сторонѣ и почти безъ исключенія, имѣютъ предметомъ своимъ старину, прошедшія празднованія... Разъ я слышалъ предлинный и презанимательный разсказъ о бѣгствѣ нѣсколькихъ душъ изъ турецкой неволи—началось оно на Великдень, а потому и было передано старикомъ. Случаются и юмористическіе разсказы, но смѣяться непозволительно: »що̀ ти коло̀ волівъ, чи що! гамýйся!« такъ и загремитъ.

Когда я видѣлъ этотъ огонь, разгулъ уже исчезъ; но разсказываютъ, что *въ–давнину́ не такъ бувало*. Это, впрочемъ, ничего не отнимаетъ у самого характера празднованія, кромѣ роскоши, богатства, живости, а потому и пройдемъ это молчаніемъ.

Такъ-то парубки проводятъ на Подоли ночь противъ Великодня:—говорю проводятъ!... Можетъ-быть, слѣдовало бы сказать проводили? Можетъбыть тѣ, кому, по обычаю, слѣдовало бы провести ночь у огня, ожидая благовѣста на всенощную, *не одно дѣяние проспа́ли;* быть-можетъ у огня они не разъ видѣли, въ эту ночь, искрившіеся глаза какого-либо *паліводи;* можетъ-быть и то, что не од-

ному соколу ясному приснилась въ эту ночь *сѝвая голу́бка*, чо́рні о́чі, якъ тере́нъ, чо́рні бро́ви, якъ шнуро́къ, личко́ біле, хоць пиши,

»Зу́бки, губки перломъ чи́сти,
Шия біла ще й въ намісті...«

Да чего не можетъ быть? все можетъ быть; только *сонъ мара́, а Богъ ві́ра*, и въ дѣйствительности отъ этого не лучше.

Предразсудки и суевѣрія неразлучны съ Подолянами и въ церкви. (О вѣдьмахъ будетъ разсказано мною въ *Основѣ*).—Но на чемъ основано слѣдующее повѣрье: »якъ пі́пъ—ото́ въ притво́рі—ска́же пе́рший разъ: Христо́съ воскре́съ, то не відка́зувати ёму́, я́къ слі́дъ: во истину воскресъ, а що хочь, щобъ найлу́чше вело́сь... Якъ скажешь, напр., щобъ мині худо́ба найлу́чше вела́сь, або́: щобъ у мёне гро́ші не перево́дились; то такъ воно й буде ці́лій рікъ.« Мнѣ ничего такъ не хотѣлось, какъ учиться лучше всѣхъ, и я страхъ хотѣлъ сказать: *щобъ я вчи́вся лу́чше всіхъ*; но чувство радости преодолѣвало меня, и я, вмѣсто того, всегда отзывался: воистину воскресъ, и волосы ежились, *ажъ моро́зъ пі́де поза плечі*. Такъ, должно быть, поступаютъ всѣ, кто, какъ и я нѣкогда, вѣритъ въ справедливость этого суевѣрія. Счастливое время — дѣтство; тогда всему вѣришь, всему радуешься. Отчего бы и до смерти не быть такимъ довѣрчивымъ, такимъ беззаботнымъ? Отчего бы свѣту и въ самомъ дѣлѣ не быть такимъ, какимъ дѣти представляютъ его? Какъ бы хорошо было жить въ такомъ свѣтѣ! Кажется, на дѣтей и солнце не такъ свѣтитъ, для нихъ и соловьи не такъ поютъ, и все для нихъ лучше, пріятнѣе, восхитительнѣе... Или они глупы, или мы разучились быть счастливыми?... Отчего бы, въ-самомъ-дѣлѣ, и въ тридцать, и въ сорокъ лѣтъ, и во сто, не радоваться такъ хоть бы и Великодню, какъ радуешься ему еще въ десять лѣтъ, а счастливцы и немного позже? *Свя́тій зна́е*... А между тѣмъ Великдень все такое же *свято* и ничуть не меньшее... Но посмотримъ, какъ его проводятъ Подоляне—разумѣется, тѣ, которые и женятся, и умираютъ въ состояніи дѣтства. Какъ они счастливы! Но кто пожелаетъ такого счастія своимъ дѣтямъ?

На пе́рший день Вели́кодня не топятъ, не варятъ и въ гости не ходятъ; все это почитается неприличнымъ для такого праздника. Но на Різдво́, напр., этого нѣтъ. На другой день мужчины (чоловіки) ходятъ поздравлять попа, пана и другъ друга. При этомъ

христу́ются, обмѣниваясь *писанка́ми* или *крашанка́ми*. На третій день — женщины ходятъ поздравлять попадью, паню и однѣ другихъ. Ходятъ онѣ съ *калача́ми*, также *христу́ются* и *мінія́ются писанка́ми* или *крашанка́ми* (*). Родъ *христова́ння* между молодежью—обычай *віддава́ти колодку́*. Онъ состоитъ въ томъ-же: *христу́ются*, т. е. цѣлуются трижды, но не мѣняютъ писанокъ, а дѣвушка даетъ ихъ парубку, — на томъ и конецъ. Парубокъ, получившій писанки, остается у этой дѣвушки въ долгу и обязанъ *найняти танёць*. Прежде, нежели разскажемъ обширнѣе объ этомъ обычаѣ—*віддава́ти колодку́*, объяснимся, что́ значитъ *найня́ти танёць*. На Подоли нѣтъ деревни, въ которой не было бы нѣсколькихъ душъ музыкантовъ. Обыкновенные инструменты: *скри́пка*,—иногда двѣ и три, *басъ*, *бубонъ* и *цимба́ли*. Встрѣчаются флейты, кларнеты, чеканы. Это не то, что́ панская музыка: панская сама-по-себѣ, а эта само-по-себѣ, и слываетъ подъ именемъ свободнаго оркестра—*во́льна капе́лія*. Эта вольна капелія иногда играетъ превосходно (напр. бр. Вершинські въ м. Крутыхъ Балтскаго уѣзда. Тульчинецкая вольна капелія, извѣстная подъ именемъ Тогáнъ—Тогáни, состоитъ изъ цыганъ и евреевъ), и съ достоинствомъ замѣняетъ Чеховъ и другихъ музыкантовъ. Такіе замѣчательные музыканты, очевидно, ждутъ панскихъ призывовъ, а всѣ остальные—*тирли́дачі* по воскресеньямъ и праздникамъ собираются въ сельскій шинокъ, если попъ играть позволяетъ; не то—выходятъ въ тѣ корчмы, которыя стоятъ за селомъ и извѣстны подъ именемъ »вольныхъ« (на вольну йдутъ). Разумѣется, на вольной одни подорожніе да нѣсколько пастуховъ заходятъ въ корчму; охотниковъ погулять между ними едва ли отыщется. Поэтому вольна не веселитъ, и музыканты стараются задобрить попа и играютъ въ деревнѣ. Обычай тамъ такой, что попъ посылаетъ причетниковъ, тѣ отнимаютъ инструменты и приносятъ къ пастоятелю. Музыканты должны выкупить ихъ; сумма назначается священникомъ и идетъ въ пользу церкви. Это еще ничего; но иногда причтъ получаетъ приказаніе побить инструменты, и исполняетъ это съ ожесточеніемъ, со всеусердіемъ. Тогда что́? Очевидно, что бѣднымъ музыкантамъ легче ударить челомъ пастырю, нежели, разсердивъ его, допустить кого ударить инструментомъ *объ-землю*, или *объ лáву* и т. п. Получив-

(*) Разумѣется, гдѣ панъ и паня, попъ и попадья дозволяютъ это себѣ. Большею частію обходится *безъ христованія*, только поздравляютъ.

ши разрѣшеніе, вольна капелія отправляется въ шинокъ и тамъ садится за столъ и играетъ по найму отъ штуки, какъ шарманщики. Каждая штука извѣстна подъ именемъ *танця*, и платится двѣ, три до пяти копѣекъ мѣдью. Такую-то сумму парубокъ долженъ выбросить изъ кармана въ пользу дивчины, отдавшей колодку. Но не въ количествѣ дѣло, а въ чести: та дѣвушка значнѣе въ селѣ, для которой больше *танцівъ наймаютъ*; равнымъ-образомъ, тотъ парубокъ важнѣе, которому отдаютъ больше колодокъ. Охотницы къ танцамъ, дѣвицы еще и честолюбивы: оттого нанятый танецъ морально дорогъ, хоть дешевъ платою. Откупаться надо, какъ можно скорѣй; потому вольна капелія зарабатываетъ преимущественно весною. Это разумѣется о вольныхъ танцахъ, въ шинкѣ. Та дивчина, для которой танецъ нанятъ, первенствуетъ въ немъ, но можетъ позволять и запрещать танцовать другимъ только съ согласія нанявшаго. На Подоли танцуютъ непремѣнно парами и *по́мішь*—мужчины и женщины. Танцовать *бовкупо́мъ*, какъ я видѣлъ въ г. Миргородѣ, на Подоли не водится. Кстати, тамъ въ танцахъ первенствуютъ дѣвчата, и парубки заискиваютъ—*залі́цаются*, а здѣсь парубки все, а дівчата ничего, такъ-что можетъ пройти *гуляння*, а танцуютъ только парубки, дівчатамъ не дадутъ. Это по-подольски невѣжество, а здѣсь удальство, молодечество. На Подоли вообще дівчата пользуются уваженіемъ парубковъ, хоть и должны остерегаться обидѣть кого изъ нихъ, и не имѣютъ гуртоваго прозвища, даже по одиночкѣ дразнятъ тамъ не каждую, и большею частію по отцу, какъ отца продразнятъ.

Въ Миргородѣ дівчата ровно ничего не значатъ, а парубки всесильны, грубы въ обращеніи съ ними, даже въ извѣстной степени нечестны, и всѣхъ вообще дівчатъ дразнятъ овцами—*шлёнські вівці*—*бррр*. Вообще говоря, Подоляне привѣтливѣе, развязнѣе, здоровѣе и больше развиты. Это я объясняю тѣмъ, что тамъ нѣтъ пановъ—*дрібно́ти*, которые бы слѣдили каждый шагъ крестьянина (*). Не было тамъ и тайной экспедиціи. Далѣе тамъ народъ ничуть не сошелся съ солдатами и дѣтямъ своимъ не позволяетъ. Оттого тамъ разврата, сравнительно съ лѣвой стороною, можно-сказать, нѣтъ, и пѣсни прекрасны, цѣльны. Не такъ, какъ, напр., въ г. Миргородѣ, гдѣ поютъ

(*) На Подоли даже не употребляютъ слова крестьянинъ, какъ въ Гетманщинѣ—тамъ зовутъ себя пі́дланми, а *кріпосними*—дворовыхъ.

просто чортъ знаетъ какія гадости, отвратительно слушать. Уже не говоря о языкѣ, который до крайности изломанъ на *москóвське*, самое содержаніе безнравственно; иная пѣсня просто лишена смысла. Особенно это надо сказать о парубочихъ пѣсняхъ и тѣмъ болѣе гуртовыхъ. Я не знаю, чѣмъ объяснить то, что парубки не стыдятся во все горло пѣть неприличныя пѣсни, даже въ присутствіи женщинъ. Это, должно быть, отзывается дружба съ солдатами... Нѣтъ, на Подоли не недоляшки, а чистые украинцы, безъ примѣси. Но возвратимся къ колодкамъ.

Обычай *віддавати колóдки* имѣетъ связь съ *великопістнимъ пущенемъ* или кажется, вѣрнѣе, *съ пущенемъ* передъ *мáсницею* — точно сказать не могу. Дѣло въ томъ, что на одномъ изъ этихъ заговинъ парубки нанимаютъ танцы для своихъ дівчатъ, и онѣ обязываются *віддáти колóдку* именно тому, кто танецъ нанималъ. Какъ я сказалъ, можно отдавать и нѣсколько колодокъ, слѣд. нѣсколько парубковъ могутъ нанимать танецъ для одной дѣвушки; но не всѣ вразъ, а каждый порознь. Но что́ же такое самая колодка?

Въ понедѣльникъ, на сырной недѣли, Подоляне празднуютъ *Колодія*. Этотъ *Колодій* (*)—*бабське свято*. Я видѣлъ, что для празднованія его собираются у попадьи; ни священникъ, ни другой мужчина, на этомъ празднованіи не присутствуетъ. Не знаю, куда отнести обычай *знóсити мітки попáді на колодія*,—къ позднѣйшимъ ли установленіямъ, или это остатокъ старой старины? Но послать *мітки* только въ томъ приходѣ, въ которомъ попадья пользуется любовью *парафіянъ*. Колодій—не *ильнóванія: льнýючи* попадья въ старину сама ходила по хатахъ *съ пляшичкою*; теперь, когда уже позоромъ считаютъ сближеніе съ народомъ, — молодыя попадьи, посылаютъ довѣренную женщину и уже *безъ пляшечки* — а простодай; на Колодія же молодицы сами сходятся къ попадьѣ, которая дѣлаетъ для нихъ у́чту; на *ильнóванія* ропщутъ, жалуются, а Колодій празднуютъ съ радостью и недовольны молодыми попадьями, что онѣ *и Колодія не справляютъ*. Давно я былъ очевидцемъ этого празднованія и не помню причитаній—будто снится мнѣ, что поминаютъ коноплю. Какъ у себя дома празднуетъ народъ Колодія, не знаю; знаю только, что неженившемуся парубку, который попадется въ руки, молодица, или и старуха, привязываетъ къ рукѣ или къ ногѣ

(*) Ножъ *колодій* по-Подольски *колодáчъ*.

кусочекъ дерева,—преимущественно *качáлку*, какъ бы въ наказаніе за то, что не женился. Это и называется *вязати колодку*. Кому привяжутъ колодку, тотъ долженъ відкупитись — заплатить привязавшимъ, и того называютъ *нелюдянимъ*, *незвичайнимъ*, кто не *відкупитця*. Привязать колодку могутъ только однажды въ годъ.

Легко понять, что оставшіеся отъ прошлаго года парубки, становятся ватажками вновь подросшихъ, какъ опытнѣйшіе. Не трудно понять и то, что они *захóдя* только съ отборнѣйшими изъ дівчатъ и преимущественно съ оставшимися отъ прошлаго года. Разумѣется, мы не должны причислять сюда *вúбірки*: бракованныя дівчата ждутъ вдовцевъ. Подъ оставшимися отъ прошлаго года дівчатами, должно разумѣть тѣхъ, которыя не вышли замужъ по извѣстнымъ видамъ своимъ или родительскимъ, а также еще очень молодыхъ. Этимъ-то парубкамъ и эти-то дівчата *віддаю́ть колодкú*. Молодыя дѣвушки колодокъ *не віддають*, а молодые парубки не получаютъ ихъ —и очень просто—потому, что *на пýщиня* они были незамѣчены, когда должаютъ на колодки.

Судя потому, что вяжутъ колодки неженившимся, что имъ же отдаютъ ихъ, притомъ за прошлыя услуги, и тѣ дівчата, которыя прошлый годъ *дівувáли*, можно заключать, что Колодій есть остатокъ праздника любви. До весны парубки и дівчата какъ бы разъединяются; но связываетъ ихъ *колодка*. Отдачей колодки начинаютъ праздникъ весны и новую связь съ парубками. Если обратимъ вниманіе на содержаніе нѣкоторыхъ гаивокъ, то окажется, что съ весны начинали мечтать о замужествѣ, слѣд. и о женитьбѣ. Поэтому можно предположить, что Колодій былъ заключительнымъ праздникомъ любви, а весна начальнымъ.

Обычай *віддавáти колодкú* не есть что-либо выдѣляющееся изъ общаго хода празднованія; но не выдѣляясь самъ, онъ не препятствуетъ и другимъ обычаямъ идти своимъ чередомъ, и составляетъ только одну изъ частей Великóдной обрядности. Притомъ онъ, какъ видимъ, принадлежитъ обоимъ поламъ, соединяетъ ихъ обязательствами. Между тѣмъ, все остальное строго дѣлится на двое—на *парубоче* и *на дівоче*.

Для празднованія Великодня, сходятся въ церковную ограду— *на цвúнтаръ*. Только первый день, впрочемъ, празднуютъ *на цвúнтарі*—всѣ безъ исключенія; на второй уже собираются въ шинокъ, и только не многіе—на *цвинтаръ*; на третій день—кто въ шинокъ идетъ,

а кто и дома сидитъ. Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ про молодежь. Въ давнее время, говорятъ, праздновали долѣе вообще и долѣе въ церковной оградѣ; но теперь пашцина и т. п. ослабила этотъ обычай и сжала празднованіе въ три дня свѣтлой недѣли — *Великóднего тúжня*.

Ап. Свидницкій.

(Слѣдуетъ продолженіе)

ОТВѢТЪ

КІЕВСКОЙ КОММИССІИ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ

на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ.

Кіевская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, приступая къ изданію собранныхъ ею историческихъ матеріаловъ, неоднократно приглашала публику содѣйствовать ея трудамъ доставленіемъ актовъ, а также указаніемъ и открытіемъ историческихъ матеріаловъ въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. Къ сожалѣнію, вмѣсто содѣйствія, Коммиссія, по выходѣ въ свѣтъ II-й части Архива югозападной Руси, встрѣтила въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ клеветы и обвиненія ея членовъ въ недобросовѣстности, не имѣющія никакого основанія. Не смотря на то, мы считаемъ долгомъ благодарить нашихъ критиковъ, такъ-какъ ихъ обвиненія подали намъ поводъ объяснить съ большею точностію цѣль и направленіе Коммиссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнуть ложныя мнѣнія, изложенныя въ статьяхъ нашихъ обвинителей.

Въ 1860 году, Коммиссія, заботясь о возможной полнотѣ и разносторонности своихъ изданій, исходатайствовала своему главному редактору г. Иванишеву разрѣшеніе отправиться въ Варшаву, для извлеченія историческихъ матеріаловъ изъ Главнаго Архива Царства Польскаго. По этому поводу, г. Совинскій напечаталъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ слѣдующее извѣстіе: «сюда (т. е. въ Кіевъ) возвратился изъ ученой поѣздки въ Царство Польское профессоръ Иванишевъ, членъ Кіевской археографической Коммиссіи. Онъ хвалится огромнымъ пріобрѣтеніемъ документовъ, относящихся къ исторіи Рѣчи Посполитой. Наибогатѣйшій рудникъ онъ нашелъ въ Піотрковѣ. Г-нъ

Иванишевъ—любитель судебныхъ скандаловъ. Въ своихъ поискахъ онъ особенное обращаетъ вниманіе на тѣ жалобы и манифестаціи, которыя подавались противъ давняго польскаго правительства; книгъ декретовыхъ избѣгаетъ какъ огня». [1])

Во всемъ этомъ извѣстіи г. Совинскаго нѣтъ ни одного слова правды. Г. Иванишевъ не только не открывалъ никакого рудника въ Піотрковѣ, но даже никогда не былъ въ этомъ городѣ. Г. Иванишевъ никогда не хвалился огромнымъ пріобрѣтеніемъ документовъ; извѣстіе о его открытіяхъ только недавно было напечатано въ отчетѣ университета Св. Владиміра за 1860–61 учебный годъ. Въ этомъ отчетѣ сказано, что г. Иванишевъ, во время трехмѣсячной командировки въ Варшаву, разсмотрѣлъ 220 книгъ Метрики Коронной и Трибунала Люблинскаго и извлекъ изъ нихъ матеріалы для исторіи церкви въ Югозападной Руси, для исторіи мѣстной администраціи, акты о Козакахъ, жалованныя грамоты Кіеву, Чернигову, Владиміру-Волынскому и войтамъ Кіевскимъ, также ревизіи нѣкоторыхъ городовъ и староствъ. Изъ этихъ актовъ уже напечатаны во II–й части Архива, издаваемаго Коммиссіею: договоръ дворянъ Волынскихъ о защитѣ Люблинскаго православнаго братства, два бреве папы Климента VIII, статьи, постановленныя на избирательномъ сеймѣ 1632 г. для успокоенія православной церкви, списокъ западнорусскихъ дворянъ, присутствовавшихъ на этомъ сеймѣ; прочіе акты будутъ напечатаны въ дальнѣйшихъ изданіяхъ Коммиссіи. Неужели всѣ означенные акты, открытые г. Иванишевымъ, можно назвать юридическими скандалами?

Что касается до книгъ декретовыхъ, отъ которыхъ г. Иванишевъ, по выраженію г. Совинскаго, бѣжитъ какъ отъ огня, то подъ этимъ названіемъ разумѣются тѣ актовыя книги, въ которыя вносились судебныя дѣла и состоявшіяся по этимъ дѣламъ судебныя рѣшенія, или декреты. Такими судебными дѣлами и декретами наполненъ почти весь второй томъ изданнаго г. Иванишевымъ въ 1849 году сборника подъ заглавіемъ: Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Нѣсколько такихъ же судебныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ декретами, помѣщено въ I–й части Архива Югозападной Руси. Если г. Совинскому извѣстны декретовыя книги, которыхъ боится Коммиссія или ея главный редакторъ, то благороднѣе было–бы съ его стороны публи-

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1860 г., № 73, стр. 793.

ковать объ этомъ съ большею опредѣленностію, обозначивъ, что онъ разумѣетъ подъ декретовыми книгами, и гдѣ эти книги находятся. Коммиссія почла-бы долгомъ воспользоваться указаніемъ г. Совинскаго; а до-тѣхъ-поръ мы имѣемъ право считать его объявленіе умышленною клеветою.

По выходѣ въ свѣтъ II-й части Архива Югозападной Руси, достойнымъ продолжателемъ ложныхъ обвиненій, вымышленныхъ на редактора Коммиссіи г. Совинскимъ, явился г. Падалица (Зенонъ Фишъ, какъ объявлено въ Варшавской Библіотекѣ 1861 г. № 6, стр. 716).

Г. Падалица, въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1861 года № 30, обвиняетъ Коммиссію въ томъ, что ея трудами управляетъ духъ пристрастія, изображающій историческую жизнь Польши только съ невыгодной стороны, что Коммиссія питаетъ къ Полякамъ незаслуженное недоброжелательство и даетъ публикѣ выборки изъ актовъ, удовлетворяющіе не столько требованіямъ исторіи, сколько личнымъ предубѣжденіямъ членовъ Коммиссіи. Такія обвиненія въ намѣренномъ искаженіи истины и въ недоброжелательствѣ, направленныя противъ ученаго общества, заключающаго въ своемъ составѣ профессоровъ университета и другихъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами, могли родиться только въ человѣкѣ, не знающемъ Польской исторіи и ослѣпленномъ ложнымъ патріотизмомъ.

Коммиссія предвидѣла, что, издавая акты, изображающіе политическую и религіозную борьбу двухъ національностей, она можетъ обнаружить такіе факты, которые покажутся страшными и даже невѣроятными людямъ, состарѣвшимся въ ложныхъ историческихъ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ древней Польши и о томъ блаженствѣ, какимъ наслаждались народы, входившіе въ составъ Рѣчи-Посполитой. Поэтому, для устраненія упрека въ пристрастіи и односторонности, Коммиссія, приступая къ изданію Архива Югозападной Руси, приглашала всѣхъ, кому понятна важность отечественной исторіи, сообщать ей историческіе матеріалы [1]). Эта же просьба повторена была, при изданіи II-й части Архива. Коммиссія приглашала всѣхъ и каждаго свѣрять изданные ею акты съ подлинниками, хранящимися въ Центральномъ Архивѣ и обязывалась вносить въ свои изданія всѣ древніе

[1]) Архивъ Югозападной Россіи, т. I, стр. IX.

акты, на которые ей укажутъ, или которые будутъ ей доставлены, не обращая вниманія ни на какіе національные интересы [1]).

На это приглашеніе Коммиссіи не отозвался ни одинъ изъ ея порицателей. На какомъ же основаніи г. Падалица и его сподвижники обвиняютъ Коммиссію въ томъ, будто она выбираетъ и печатаетъ только акты, невыгодные для Поляковъ и соотвѣтствующіе личнымъ предубѣжденіямъ ея членовъ, и что члены Коммиссіи питаютъ къ Полякамъ незаслуженное недоброжелательство? Г. Падалица ссылается на общее убѣжденіе ученыхъ, которые имѣли случай ближе познакомиться съ историческими сокровищами, хранящимися въ стѣнахъ университета. Если-бы г. Падалица дѣйствительно интересовался открытіемъ исторической истины, то, вмѣсто недоказанныхъ обвиненій, прислъ-бы своихъ ученыхъ пріятелей указать на тѣ акты Центральнаго Архива, которые не напечатаны Коммиссіею, по пристрастію и ненависти къ Польшѣ; этимъ онъ уличилъ-бы Коммиссію въ недобросовѣстности и оказалъ-бы услугу отечественной исторіи; а до тѣхъ поръ, пока г. Падалица будетъ основывать свое обвиненіе на однихъ слухахъ, мы имѣемъ право его самого и его ученыхъ друзей считать клеветниками.

Г. Падалица говоритъ, что, для обнаруженія пристрастія и односторонности Коммиссіи, дворянство возъимѣло мысль опредѣлить въ Центральный Архивъ одного изъ своихъ членовъ, который-бы издавалъ акты независимо отъ Коммиссіи. Мы можемъ увѣрить г. Падалицу, что эту мысль возъимѣли первоначально не дворяне, а нѣкоторые изъ членовъ Коммиссіи.

Въ 1859 г., предсѣдатель Коммиссіи, Юзефовичъ, предложилъ нѣкоторымъ изъ дворянъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній ассигновать сумму на жалованье редактору, который избирался-бы дворянствомъ изъ извѣстныхъ ему польскихъ ученыхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ занимался разборомъ актовъ въ Центральномъ Архивѣ и изданіемъ ихъ въ свѣтъ. Это предложеніе было одобрено дворянами и доведено предсѣдателемъ Коммиссіи до свѣдѣнія главнаго мѣстнаго начальника, который изъявилъ на то полное свое согласіе. Въ прошедшемъ 1860 г., главный редакторъ Коммиссіи, г. Иванишевъ, по просьбѣ Кіевскаго уѣзднаго предводителя дворянства, г. Бутовича,

---

[1]) Тамъ-же, ч. II, т. I., стр. XI.

составилъ, по этому же предмету, записку, для представленія дворянскому собранію. Въ этой запискѣ предположено, чтобы дворяне Кіевской, Подольской и Волынской губерній, сверхъ редактора, избирали четырехъ окончившихъ курсъ въ университетѣ студентовъ, которые-бы, занимаясь въ Центральномъ Архивѣ, подъ руководствомъ редактора, участвовали въ изданіяхъ Коммиссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучались къ разработкѣ отечественной исторіи, на основаніи подлинныхъ документовъ. Дворянство Кіевской губерніи опредѣлило ассигновать для этого 1500 руб. ежегодно; но дѣло остановилось только потому, что дворяне Подольской и Волынской губерній до-сихъ-поръ не постановили, по этому предмету, никакого рѣшенія. Въ справедливости нашихъ словъ мы ссылаемся на г. Бутовича и извѣстнаго польскаго литератора Михаила Грабовскаго, которые принимали въ этомъ дѣлѣ живое участіе.

Съ редакторомъ Коммиссіи г. Падалица сражается не равнымъ оружіемъ. Редакторъ Коммиссіи основываетъ свои выводы на открытыхъ имъ постановленіяхъ дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, на актахъ Метрики Коронной и Трибунала Люблинскаго, на актахъ Метрики Литовской, на сеймовыхъ конституціяхъ и на сочиненіяхъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей. Г. Падалица отвѣчаетъ на все это бранью, обвиняетъ редактора въ односторонности и пристрастіи, не считая нужнымъ подтверждать своихъ словъ никакими доказательствами. Въ какой степени полезна для науки и прилична подобнаго рода критика, мы предоставляемъ судить читателямъ.

Всѣ эти обвиненія происходятъ главнымъ образомъ оттого, что г. Падалица не понялъ значенія статей, помѣщаемыхъ предъ каждымъ томомъ актовъ, издаваемыхъ Коммиссіею. Цѣль и объемъ этихъ статей объяснены въ предисловіи къ 1-му тому первой части Архива. Тамъ сказано, что, въ началѣ каждаго тома, Коммиссія предполагаетъ помѣщать изложеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ издаваемыхъ актахъ и которыми обогащается отечественная исторія [1]). Изъ этого видно, что статья редактора Коммиссіи, на которую нападаетъ г. Падалица, имѣетъ цѣлію изобразить предметы только въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ они представляются въ актахъ, и поэтому эта статья не можетъ считаться законченнымъ историческимъ

[1]) Архивъ Югозападной Россіи ч. I, т. I, стр. IX.

очеркомъ, а только матеріаломъ, требующимъ дальнѣйшей обработки и пополненія. Если съ этой точки смотрѣть на статьи редактора Коммиссіи, помѣщаемыя въ началѣ каждаго тома актовъ, то упреки въ односторонности будутъ совершенно несправедливы.

Чтобъ доказать односторонность и пристрастіе Коммиссіи, г. Падалица прибѣгаетъ къ средствамъ, недозволеннымъ ни въ какой литературѣ, приписывая редактору Коммиссіи мысли, противныя здравому смыслу. Такъ г. Падалица утверждаетъ, будто, по мнѣнію редактора Коммиссіи, Люблинской уніи никто не хотѣлъ, и что она никому не была нужна [1]). Стоитъ только прочесть слѣдующія слова редактора Коммиссіи, чтобъ удостовѣриться, съ какою недобросовѣстностью г. Падалица искажаетъ мысли автора: «присоединеніе югозападной Руси къ Польшѣ,» говоритъ редакторъ Коммиссіи, «постановленное на Люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партіею западно-русскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ польскими аристократами» [2]). Предоставляемъ каждому судить, въ какой степени эта мысль похожа на ту, которую г. Падалица приписываетъ редактору Коммиссіи.

Мы не понимаемъ, отъ чьего имени говоритъ г-нъ Падалица, упрекая Коммиссію въ пристрастіи и недоброжелательствѣ. «Труды Коммиссіи,» говоритъ онъ, «изображаютъ только съ дурной стороны *наше* прошедшее» [3]). Акты, напечатанные Коммиссіею въ Архивѣ, изображаютъ съ дурной стороны: жалкое состояніе западно-русской православной іерархіи [4]), грубость и жестокіе поступки западно-русскихъ дворянъ [5]), разбойническій духъ козачества [6]), дѣйствія Римской пропаганды и происки іезуитовъ, самовластіе польскихъ аристократовъ и религіозный фанатизмъ короля Сигизмунда III. Не знаемъ, къ какому изъ этихъ сословій причисляетъ себя г. Падалица. Но если, подъ словомъ *наше* прошедшее, онъ разумѣетъ прошедшую судьбу польскаго народа и принимаетъ на себя роль его защитника отъ на-

---

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1860 г. № 30, стр. 286.
[2]) Арх. ю. з. Р. ч. II, т. I, стр. XXIII.
[3]) Виленскій Вѣсти. 1861 г., № 30, стр. 286.
[4]) Ар. ю. з. Р. ч. I, т. I, стр. 7—15, 29, 152, 159 и друг.
[5]) Тамъ-же. стр. 163, 189. 257, 286, 311 и др.
[6]) Тамъ-же, ч. II, т. I, стр. 118, 136, 230 и 277.

паденій Коммиссіи, то онъ жестоко ошибается, и трудъ его совершенно напрасенъ,—потому-что въ историческихъ матеріалахъ, напечатанныхъ Коммиссіею въ Архивѣ, онъ не найдетъ ни одной строчки, оскорбительной для Польскаго народа.

Негодованіе, съ какимъ смотрятъ нѣкоторые изъ отсталыхъ польскихъ патріотовъ на труды Коммиссіи, происходитъ преимущественно оттого, что они поверхностно знаютъ польскую исторію. Настоящіе польскіе ученые, изучавшіе исторію своего отечества во всей глубинѣ и обширности, по несомнѣннымъ памятникамъ, во многомъ сходны въ результатахъ своихъ изслѣдованій съ выводами, вытекающими непосредственно изъ актовъ, издаваемыхъ Коммиссіею. Для примѣра возьмемъ исторію Морачевскаго [1]), родовитаго Поляка и пламеннаго польскаго патріота, жертвовавшаго для своего отечества жизнію и имуществомъ. Въ краткомъ жизнеописаніи этого ученаго сказано, что онъ долго готовился къ своему труду, пріобрѣталъ для своей библіотеки самыя рѣдкія сочиненія, прилежно изучалъ писателей, современныхъ каждой эпохѣ, какъ польскихъ, такъ и иностранныхъ, усердно работалъ надъ правомъ польскимъ и, для исторіи обычаевъ и просвѣщенія въ Польшѣ, много заимствовалъ матеріаловъ изъ польскихъ конституцій и литовскихъ статутовъ [2]). Польская исторія, написанная Морачевскимъ, заслужила восторженныя похвалы Лелевеля, который находитъ въ этомъ сочиненіи вѣрное изображеніе исторіи Польши, проникнутое безпристрастіемъ и чистою любовію къ отечеству (3). Возьмемъ нѣкоторыя мнѣнія этого ученаго, касающіяся польской исторіи, и сравнимъ съ ними свѣдѣнія, заключающіяся въ изданіяхъ Коммиссіи.

Редакторъ Коммиссіи, основываясь частію на открытыхъ имъ матеріалахъ, частію на актахъ, извлеченныхъ ученымъ Даленскимъ изъ Метрики Литовской [4]), и на сеймовыхъ конституціяхъ, вывелъ заключеніе, что въ 1386 году, соединеніе Литвы и Югозападной Руси съ Польшею имѣло чисто-федеративный характеръ, вслѣдствіе котораго каждое изъ соединенныхъ государствъ, находясь подъ властію одного государя, должно было сохранять *главныя условія политической самостоятельности* [5]). Морачевскій идетъ гораздо далѣе: онъ

---

[1]) Dzieje Rzeczy Pospolitéj Polksiéj. Poznan, 1853.
[2]) Moraczewski, Dzieje Rz. Pols. T. IX, стр. XXII.
[3]) Тамъ-же, т. IX, стр. XXX.
[4]) Zbior praw Litewskich. Poznan, 1841.
[5]) Архивъ, ч. II, т. I, стр. XVIII.

утверждаетъ, что *соединеніе Литвы съ Польшею было только кажущееся, а не дѣйствительное*, и что оно вѣрнѣе можетъ быть названо *договоромъ о вѣчномъ мирѣ, заключенномъ противъ могущественнаго Нѣмецкаго Ордена* [1]).

Изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, видны всѣ невыгоды избирательнаго образа правленія, ярко выступавшія особенно во время междуцарствія [2]). Морачевскій говоритъ объ этомъ предметѣ: «при выборѣ короля, только малое число честныхъ пановъ руководствовалось любовію къ отечеству и внутреннимъ убѣжденіемъ; большинствомъ управлялъ матеріальный интересъ, опутываемый дипломатическими тонкостями, и давалъ избранію то или другое направленіе. Низшая шляхта трубила въ трубу своихъ милостивыхъ пановъ, рубилась и убивала изъ пулгаковъ, потому что панъ, одержавшій побѣду при избраніи короля и содѣйствовавшій къ возведенію его на престолъ, возвышалъ не только себя, но и своихъ придворныхъ, доставляя имъ въ управленіе и пользованіе государственныя имѣнія [3]). По смерти короля, затворялись храмы правосудія, и даже не было никого, кто-бы, по закону, могъ захватить преступника на мѣстѣ преступленія. Поэтому, злые люди, пользуясь этимъ временемъ, принимались за грабежи, поджоги и разбои; словомъ, одна безправная сила властвовала. Междуцарствіе было мрачнымъ событіемъ для всѣхъ честныхъ людей и для цѣлаго общества» [4]).

Изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, видно, что въ XVII вѣкѣ Посольская Изба, выражавшая голосъ провинціальнаго дворянства, потеряла всякое значеніе, и что на желанія республики, выраженныя въ инструкціяхъ дворянства, не было обращаемо надлежащаго вниманія [5]). Этотъ самый недостатокъ замѣчаетъ и Морачевскій, изображая законодательную власть сейма: «сеймъ, бывшій въ 1638 году, оказался весьма бурнымъ. Роптали на то, что шляхта напрасно совѣщается въ своей Избѣ, потому-что сенатъ постановляетъ, отдѣльно отъ Посольской Избы, все, что ему угодно. Онъ издаетъ законы, но не публикуетъ ихъ установленнымъ порядкомъ и обращаетъ ни во что самыя

[1]) Moraczewski, Dz. R. P. Pols. T. II. 181.
[2]) Ар. ю. з. Р., ч. II, т. I, стр. XXVI и XXVII.
[3]) Moraczewski. Dz. Rz. Pol. T. VI, p. 147.
[4]) Тамъ-же, т. II, стр. 221.
[5]) Архивъ, ч. II, т. I, стр. XXV.

лучшія постановленія Избы Посольской. Изъ этого выходитъ, что *Рѣчь Посполитая даже и не знаетъ, подъ какими законами живетъ она*» [1]).

Въ статьѣ редактора Коммиссіи, изображающей содержаніе сеймовыхъ постановленій, сказано: «великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами, за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, ими причиняемое, ничѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнеры предавались распутному своеволію, разоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоями и контрибуціями. Выведенные изъ терпѣнія дворяне волынскіе поручали, въ 1649 году, посламъ своимъ спросить на Варшавскомъ сеймѣ: «*долго–ли отчизна наша къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои и долго–ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ*« [2]).

Объ этомъ-жъ самомъ предметѣ читаемъ у Морачевскаго: »въ 1634 году, весело, говоритъ Альбертъ Радзивилъ, возвращалось войско наше въ отечество, но невесело отчизна принимала его,—потому-что жолнеры на походѣ, хуже непріятеля, опустошали дворянскія, церковныя и королевскія земли. Они вымогали деньги, брали непомѣрные провіанты, нагружая возы свои, и доходили до такой жестокости, что *бѣдныхъ крестьянъ, по недостатку коней, запрягали въ возы, погоняя ихъ кіями и канчуками*. Можно было подумать, что идетъ татарская орда, а не христіанское войско; да и дикіе Татары имѣютъ болѣе любви и состраданія къ ближнему, чѣмъ иногда наши. Особенно Литвѣ дали себя знать Поляки« [3]).

Изданные Коммиссіею акты изображаютъ въ жалкомъ видѣ состояніе Югозападной Руси, по присоединеніи этого края къ Польшѣ. Морачевскій, описывая войны Хмельницкаго, касается этого предмета слѣдующими словами: »казалось, наступила для Поляковъ пора дать отвѣтъ за смертельный въ политическомъ отношеніи грѣхъ, состоявшій въ томъ, что они, со времени вошествія на престолъ Сигизмунда III, упустили изъ виду понятіе о справедливости. Смѣшавъ политику съ теологіей, проникшись латинскимъ фанатизмомъ, они попирали религію и права равноправной Руси, которая только братствомъ,

[1]) Moraczewski. Dz. Rz, Pols. T. VII, стр, 352.
[2]) Архив. ч. II. т. I, стр. XXXII.
[3]) Moraczewski, Dz. Rz. P. Polsk., T. VII, стр. 310.

а не превосходствомъ силы, соединилась съ Рѣчью Посполитою, Руси, которая сильно увеличила могущество Польши и считала свое вѣроисповѣданіе также святымъ, какъ Поляки римско-католическое« [1]).

Вотъ какъ пишетъ о давней Польшѣ настоящій Полякъ, ревностный патріотъ и истинный ученый. Теперь мы спросимъ нашихъ обвинителей: чѣмъ эта картина, нарисованная г. Моравевскимъ, свѣтлѣе той, какую представляютъ намъ издаваемые Коммиссіею акты, и не въ правѣ-ли мы повторить, что все негодованіе отсталыхъ польскихъ патріотовъ имѣетъ своимъ источникомъ незнаніе отечественной исторіи?

Къ нашему удивленію, разсмотрѣнная нами статья г. Падалицы, наполненная грубыми ошибками и ложными, ни на чемъ не основанными обвиненіями, была перепечатана въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, газетѣ академической, съ замѣчаніемъ, что нѣкоторыя мысли, въ этой статьѣ изложенныя, не лишены основанія [2]).

Въ помощь г. Падалицѣ, явилась въ апрѣльской книжкѣ *Современника*, критика на изданный Коммиссіею I-й томъ второй части Архива Югозападной Руси. Безыменный критикъ, разбирая это изданіе, заподозрилъ Коммиссію въ какихъ-то, какъ онъ выражается, задникъ цѣляхъ. Это подозрѣніе г. критика опровергается тѣмъ, что означенное выше изданіе, заключающее въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, было предположено уже въ 1859 году и вошло въ планъ, начертанный Коммиссіею для Архива Югозападной Руси и объявленный для всеобщаго свѣдѣнія [3]). Коммиссія, предпринимая изданіе означенныхъ выше матеріаловъ, имѣла не какую нибуь заднюю, а туже самую цѣль, какъ и при изданіи другихъ историческихъ матеріаловъ, именно разъясненіе исторіи Югозападной Руси, на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ.

Предсѣдатель Коммиссіи, г. Юзефовичъ, въ своемъ объясненіи, приложенномъ къ означенному выше изданію, изъявилъ готовность содѣйствовать каждому, кто пожелалъ-бы повѣрять изданія Киммиссіи съ оригиналами, хранящимися въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, обязываясь печатать каждый, открытый изслѣдователемъ актъ, свидѣтельствующій въ пользу польскаго начала въ югозападной Руси [4]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 127.
[2]) С. Петербургскія Вѣдомости 1861 г., № 170.
[3]) Тамъ-же, ч. II, т. I, стр. XI.
[4]) Архивъ, ч. I, т. I, стр. VIII.

Этимъ словамъ критикъ далъ совершенно-ложное толкованіе. Онъ полагаетъ, будто, безъ дозволенія предсѣдателя Коммиссіи, нельзя никому дѣлать справки въ Центральномъ Архивѣ, и разсуждаетъ о неудобствѣ обращаться къ предсѣдателю Коммиссіи, прибавляя, что не всякій рѣшится высказывать недовѣрчивость къ Коммиссіи, состоящей при высшемъ мѣстномъ начальникѣ. Считаемъ долгомъ увѣрить читателей, что всѣ эти разсужденія не имѣютъ никакого основанія.

Центральный Архивъ есть установленіе совершенно отдѣльное отъ Кіевской Коммиссіи для разбора актовъ и находится въ завѣдываніи Правленія Университета Св. Владиміра. Для членовъ Коммиссіи открытъ входъ въ Архивъ, на томъ же самомъ основаніи, какъ и для всѣхъ другихъ лицъ. Желающіе пользоваться актовыми книгами прямо обращаются къ начальнику Архива и могутъ дѣлать повѣрки и выписки, не обращаясь къ предсѣдателю Коммиссіи и нисколько не опасаясь высшаго мѣстнаго начальства. Чтобъ облегчить повѣрку изданныхъ Коммиссіею актовъ съ оригиналами, критикъ *Современника* совѣтуетъ размѣстить всѣ изданныя уже Коммиссіею дѣла въ рукописяхъ, съ которыхъ они напечатаны, въ шкафахъ за нумерами, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ изданіи, и предоставить каждому приходить и повѣрять. Такой совѣтъ можетъ давать только тотъ, кто не имѣетъ никакого понятія объ устройствѣ архивовъ.

Каждый архивъ слѣдуетъ опредѣленному порядку въ размѣщеніи книгъ и рукописей. Какое же право имѣетъ Коммиссія требовать, чтобы для нея былъ нарушаемъ установленный въ архивѣ порядокъ? Притомъ, распредѣленіе рукописей сообразно съ изданіями Коммиссіи было-бы совершенно излишнимъ, потому-что подъ каждымъ актомъ, напечатаннымъ въ изданіяхъ Коммиссіи, означено, въ какой книгѣ и на какой страницѣ находится отыскиваемый актъ. По этому указанію, рукопись немедленно отыскивается и вручается, безъ всякихъ затрудненій, требователю. Въ справедливости всего нами сказаннаго, каждый можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ.

Мнѣніе критика насчетъ состоянія Югозападной Руси подъ владычествомъ Польши во многомъ согласно съ тѣми результатами, какіе вытекаютъ изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею. Критикъ предполагаетъ извѣстнымъ и даже слишкомъ извѣстнымъ, »что въ западной и южной Руси существовала боязнь и оппозиція противъ окончательнаго соединенія съ Польшею на Люблинскомъ сеймѣ, что соединеніе послѣдовало съ гарантіею вѣры, языка и обычая со стороны Польши,

и что, вслѣдъ затѣмъ, начались іезуитскія махинаціи противъ вѣры, дворянство передѣлалось въ Поляковъ и католиковъ, а угнетеніе народа произвело козацкую революцію, что понятіе о равенствѣ гражданскихъ правъ сосредоточилось на одномъ шляхетскомъ классѣ, а остальная масса была повержена въ крайнее порабощеніе« [1]).

Соглашаясь во всемъ этомъ къ Коммиссіею, критикъ *Современника*, вслѣдъ за г. Падалицею, все—таки упрекаетъ ее въ пристрастіи и односторонности, требуя, чтобъ она изобразила »вѣрную и подробную картину состоянія края и народнаго быта до соединенія съ Польшею, чтобъ она представила совокупность понятій, убѣжденій, вѣрованій—всего, что входило въ кругъ тогдашняго народнаго образованія« [2]). Мы уже замѣтили выше, въ какой степени такое требованіе несправедливо. Для устраненія подобныхъ упрековъ и притязаній на будущее время, мы повторяемъ, что Коммиссія не имѣетъ своею задачею писать полную исторію Польши и Югозападной Руси, а издаетъ только историческіе матеріалы, излагая ихъ содержаніе въ статьяхъ, прилагаемыхъ къ каждому тому.

Издавая постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, Коммиссія полагала, что она этимъ изданіемъ доставляетъ исторіи несомнѣнныя свѣдѣнія, изображающія общественный бытъ Рѣчи Посполитой въ XVII вѣкѣ. Не такъ думаетъ критикъ *Современника:* онъ полагаетъ, что нельзя вѣрно представить быта страны, по памятникамъ повседневной общественной письменности края, пользовавшагося свободою слова, и въ доказательство своего мнѣнія ссылается на Англію. Если-бы, говоритъ критикъ, собрать все дурное, что Англичане пишутъ и говорятъ о себѣ, то Англія представлялась-бы самою печальною въ мірѣ страною [3]).

Приведенный критикомъ примѣръ Англичанъ нисколько не уменьшаетъ исторической важности и достовѣрности результатовъ, вытекающихъ изъ сеймовыхъ постановленій. Англичане стараются разъяснить свое прошедшее въ его истинномъ свѣтѣ, не увлекаясь ложнымъ патріотизмомъ, не боясь отыскивать дурныя стороны въ исторіи своего народа. Для этого они пользуются всѣми возможными памятниками, отечественными и иностранными, частными и офиціальными, лишь-бы

[1]) Современникъ 1861 г., № IV, стр. 441.
[2]) Тамъ-же, стр. 443.
[3]) Тамъ-же, стр. 441.

только эти памятники были достовѣрны. Доказательствомъ можетъ служить исторія Маколея, въ которой самыми черными красками изображается продажность парламента, безсовѣстность судей, религіозная нетерпимость государей и поразительная испорченность высшаго сословія.

Изображая состояніе парламента при Вильгельмѣ III, англійскій историкъ говоритъ, что въ вѣдомствѣ государственнаго казначейства состояло особое бюро, гдѣ члены парламента открыто продавали свои голоса правительству, и что существованіе этого бюро также хорошо было извѣстно каждому Англичанину, какъ существованіе рынка для продажи скота въ Смитфильдѣ.

Актовыя книги XVII вѣка, въ которыхъ вписывались политическія судебныя дѣла, составляютъ, по мнѣнію Маколея, самую ужасную лѣтопись низости и разврата, какая только можетъ существовать на свѣтѣ. Король, чтобъ избавиться отъ противурѣчившихъ ему безпокойныхъ сановниковъ, употреблялъ клятвопреступныхъ свидѣтелей, избранныхъ, по его произволу, присяжныхъ и продажныхъ наглыхъ судей. До революціи 1688 года, суды въ Англіи были грязными бойнями, куда каждая партія тащила поочередно своихъ противниковъ, и гдѣ каждая находила однихъ и тѣхъ же продажныхъ и свирѣпыхъ мясниковъ, ожидавшихъ обычныхъ посѣтителей. Папистъ или протестантъ, тори или вигъ, священникъ или ольдерманъ, все было одинаково для этихъ жадныхъ и дикихъ натуръ, лишь-бы была возможность наживать деньги и проливать кровь. При такомъ состояніи судовъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что въ царствованіе одного Генриха VIII, современника польскихъ королей Александра и Сигизмунда I, 27,000 людей погибло отъ руки палача.

Религіозная нетерпимость королевы Елисаветы, современницы Сигизмунда Августа, Стефана Баторія и Сигизмунда III, простиралась до того, что отправленіе богослуженія, по обрядамъ римско-католической церкви, запрещалось подъ страхомъ конфискаціи имѣнія и тюремнаго заключенія; а если кто обращалъ протестанта въ римско-католическую вѣру, то совратитель и совращенный подвергались смертной казни, какъ за государственную измѣну.

Изображая испорченность англійскаго общества при Карлѣ II, современникѣ Яна Казиміра, Маколей говоритъ: »распутство стало доказательствомъ преданности престолу, условіемъ для достиженія почестей и должностей. Глубокое и всеобщее растлѣніе поразило прав-

ственность самыхъ вліятельныхъ классовъ общества и распространилось на всѣ отрасли литературы. Кутежи того вѣка напоминаютъ намъ остроумныя выходки какой-нибудь шайки разбойниковъ, пирующихъ въ кабакѣ съ своими красавицами. Въ шалостяхъ высшаго круга проявляется какое-то грубое, холодное звѣрство, какое-то безстыдство, какая-то низость и грязность, которымъ нѣчто подобное можно найдти развѣ у героевъ и героинь грязной, безчувственной литературы, поощрявшей подобныя явленія».

Вотъ какъ описываетъ великій англійскій историкъ состояніе своего отечества, на основаніи официальныхъ актовъ и сказаній своихъ соотечественниковъ! Въ сравненіи съ этою картиною, изображеніе Рѣчи Посполитой, составленное редакторомъ Кіевской Коммиссіи, на основаніи сеймовыхъ постановленій, является только блѣдною тѣнью; а между тѣмъ, никто изъ Англичанъ не думаетъ упрекать Маколея въ пристрастіи и недоброжелательствѣ, а напротивъ, его исторія пользуется огромною популярностію. Такъ станемъ-же подражать Англичанамъ и ихъ великому историку, не будемъ сердиться за правду, какъбы она горька ни была, но будемъ выводить на свѣтъ божій все, что было хорошаго и дурнаго, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи. Этимъ только путемъ мы достигнемъ истиннаго самопознанія; а самопознаніе есть первое условіе мирнаго прогресса, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни.

Критикъ *Современника*, согласно съ г. Падалицею, особенно нападаетъ на мнѣніе, высказанное редакторомъ Коммиссіи насчетъ присоединенія Югозападной Руси къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ. Но это мнѣніе критикъ Современника передаетъ не совсѣмъ вѣрно, приписывая редактору Коммиссіи мысль, что Люблинская унія была источникомъ *всѣхъ* бѣдствій Югозападной Руси, единственною причиною всего, что только было дурнаго въ этомъ краѣ въ XVI и XVII вѣкѣ, и что будто бы эта мысль есть единственный предметъ, на которомъ сосредоточено все вниманіе сочинителя. Такое обвиненіе доказываетъ только, что критикъ не вникнулъ въ содержаніе статьи редактора Коммиссіи. Въ этой статьѣ опредѣляется, во-первыхъ, федеративный характеръ соединенія Литвы и Югозападной Руси съ Польшею въ 1385 году; затѣмъ слѣдуетъ Люблинская унія и ея послѣдствія; потомъ изображается борьба западнорусскаго дворянства за русскій языкъ и православную вѣру, наконецъ причины, содѣйствовавшія къ полонизированію западнорусскаго дворянства и къ ослабленію южно-русскихъ элементовъ

въ этомъ сословіи. На каждый изъ этихъ предметовъ обращено вниманіе, и о каждомъ изъ нихъ изложены главнѣйшія свѣдѣнія, какія можно было извлечь изъ историческихъ матеріаловъ, изданныхъ Коммиссіею и пополненныхъ другими источниками.

Обвиненіе редактора Коммиссіи въ томъ, будто онъ считаетъ Люблинскую унію источникомъ *всѣхъ* бѣдствій и *всего* дурнаго въ Югозападной Руси, совершенно несправедливо. Невыгоды, какимъ подвергся этотъ край, извлечены редакторомъ изъ сеймовыхъ постановленій и подробно исчислены, на основаніи жалобъ западнорусскаго дворянства. Эти невыгоды заключались въ своеволіи магнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, въ несправедливой раздачѣ староствъ и высшихъ государственныхъ должностей, въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ власти судебной и исполнительной, въ непотовствахъ желнеровъ и въ преслѣдованіи православной религіи [1]). Всѣ эти невыгоды изображены со словъ дворянства, излагавшаго свои мысли въ инструкціяхъ посламъ, отправлявшимся на генеральный Варшавскій сеймъ. Излагая жалкое положеніе края послѣ Люблинской уніи, редакторъ Коммиссіи представилъ выписку изъ сеймоваго постановленія, въ которой дворянство волынское изображаетъ свое положеніе мрачными красками. Это сеймовое постановленіе относится къ 1622 году. Къ-несчастію, вмѣсто 1622, по ошибкѣ напечатанъ 1522 годъ. Эта опечатка подала поводъ критику *Современника* обвинить редактора Коммиссіи въ томъ, будто онъ намѣренно искажаетъ историческую истину, потому что, изображая невыгоды Люблинскаго соединенія, бывшаго въ 1569 году, онъ заимствуетъ доказательства изъ временъ, далеко предшествовавшихъ этому событію, то-есть изъ акта 1522 года. Еслибы критикъ Современника основательно зналъ исторію, то онъ легко догадался бы, что 1522 годъ напечатанъ по ошибкѣ, такъ-какъ въ этомъ году провинціальные сеймы въ Югозападной Руси еще не существовали; притомъ же, стоило только критику взглянуть на выноску, помѣщенную подъ текстомъ [2]), и онъ увидѣлъ бы, что означенная выше выписка заимствована изъ сеймоваго постановленія 1622 года.

О самомъ Люблинскомъ сеймѣ, на которомъ постановлено было соединеніе Польши съ Югозападною Русью, критикъ имѣетъ невѣрное

---

[1]) Ар. ю. з. Р. ч. II, т. I, стр. XXIV.
[2]) Ар. ю. з. Р., ч. II, т. I, стр. XXXIII.

понятіе. Коммиссія напечатала открытый ею въ актовыхъ Луцкихъ книгахъ универсалъ, которымъ король Сигизмундъ Августъ повелѣлъ дворянству согласиться на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою, угрожая непослушнымъ конфискаціею имѣнія. Тамъ же приложенъ и присяжный листъ, изъ котораго видно, что весьма значительное число дворянъ и притомъ представителей знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, не явились къ присягѣ, несмотря на угрозу [1]). Изъ этого весьма естественно выводится заключеніе, что присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ нельзя назвать добровольнымъ, такъ-какъ оно вынуждено было королевскою угрозою. Критикъ *Современника* смотритъ иначе на это обстоятельство. Онъ полагаетъ, что означенный выше универсалъ есть только актъ распорядительный, понуждающій къ исполненію того, что уже было рѣшено законодательною властію сейма. Стоитъ только взглянуть въ акты, относящіеся къ Люблинскому сейму, напечатанные въ Volumina Legum, чтобъ убѣдиться въ неосновательности этого мнѣнія. Означенный выше универсалъ данъ былъ королемъ 25 мая 1569 года. На другой день, то есть 26 мая 1569 года, когда дворяне не могли еще получить этого универсала, подписана была королевская грамота о присоединеніи земли Волынской къ Польшѣ. Сигизмундъ Августъ объявляетъ въ этой грамотѣ, что онъ присоединяетъ землю Волынскую къ Польшѣ, по собственному замышленію и по доброй своей волѣ (z pewney wiadomości naszey, a z woli uprzeymey a osobliwey), съ добровольнаго согласія всѣхъ сословій земли Волынской [2]). Универсалъ 1569 г. мая 25, напечатанный Коммиссіею, тѣмъ и важенъ, что онъ совершенно опровергаетъ эту послѣднюю фразу короля о мнимомъ согласіи дворянства и тѣмъ самымъ подрываетъ то основаніе, на которомъ Сигизмундъ Августъ хотѣлъ утвердить предпринятое имъ, по произволу, безъ участія сейма, соединеніе Польши и Югозападной Руси. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, именно 11 августа 1569 года, королевская воля была утверждена Люблинскимъ сеймомъ [3]). Изъ этого ясно видно, что изданный Коммиссіею универсалъ, 1569 мая 25, не былъ только актъ распорядительный, понуждавшій къ исполненію сеймоваго постановленія, какъ думаетъ критикъ, напротивъ того, онъ предшест-

[1]) Тамъ-же, стр. I.

[2]) Vol. Leg. pag. 754.

[3]) Тамъ же pag. 776 и 780.

вовалъ какъ королевской грамотѣ о присоединеніи земли Волынской къ Польшѣ, такъ и сеймовому постановленію, подтвердившему эту грамоту.

Обвиняя русскихъ писателей въ томъ, что они не обращаютъ вниманія на выгоды, происходившія для югозападной Руси отъ соединенія съ Польшею, критикъ Современника принялъ на себя трудъ открыть эти выгоды, въ исторіи Польши, и представить ихъ русскимъ историкамъ. Важнѣйшею выгодою онъ считаетъ »сознательное право Земли заявлять свободный свой голосъ, излагать свои нужды, свои мнѣнія о положеніи, о потребностяхъ общаго отечества и своего роднаго края«. Противъ этого можно замѣтить, что если подъ словомъ Земля разумѣть всѣ сословія государства или извѣстнаго края, то право Земли свободно заявлять свой голосъ о нуждахъ и потребностяхъ края никогда не существовало ни въ Польшѣ, ни въ Югозападной Руси. Это право принадлежало одному только шляхетскому сословію, которое и воспользовалось своею привиллегіею для того, чтобы захватить въ свою пользу исключительныя преимущества, вредныя для цѣлаго государства и для всѣхъ прочихъ сословій.

Для уразумѣнія древняго устройства Рѣчи Посполитой, нужно обращать вниманіе на двѣ области, которыя въ благоустроенныхъ государствахъ должны сливаться въ одно цѣлое, но которыя въ давней Польшѣ расходились одна отъ другой на далекое разстояніе. Подъ этими областями мы разумѣемъ, во-первыхъ, основныя начала права, вошедшія въ древнее польское законодательство, и во-вторыхъ, явленіе этихъ началъ въ дѣйствительной жизни. Если мы будемъ разсматривать соціальныя начала Рѣчи Посполитой въ одной отвлеченной области права, независимо отъ дѣйствительной жизни, то найдемъ тамъ: свободу, равенство, самоуправленіе, вѣротерпимость и другія понятія, къ осуществленію которыхъ стремятся въ настоящее время цивилизированныя государства. Разсматривая съ этой стороны исторію Польши, мы можемъ оправдать идеалистическій взглядъ Мицкевича на устройство Рѣчи Посполитой. Но если станемъ искать означенныхъ нами началъ въ дѣйствительной жизни западнорусскаго народа, то мы или вовсе не найдемъ ихъ, или найдемъ въ странно-искаженномъ видѣ. Вмѣсто свободы, мы найдемъ разрушительное своеволіе, вмѣсто равенства — деспотизмъ немногихъ аристократовъ, вмѣсто самоуправленія — неустройство судовъ и безсиліе въ исполненіи судебныхъ приговоровъ, вмѣсто вѣротерпимости — религіозный фанатизмъ и преслѣдованія иновѣр-

цевъ. Всѣу этинедостатки и рѣзкій контрастъ межд правомъ и дѣйствительностію весьма ясно изображаются въ изданныхъ Коммиссіею постановленіяхъ провинціальныхъ сеймовъ. Разсматривая съ этой стороны исторію Польши, Маколей характеризуетъ Рѣчь Посполитую тремя слѣдующими чертами: кукольный государь, буйствующій сеймъ и народъ, погруженный въ рабство (a puppet sovereign , a turbulent diet and an enslaved people) (1).

Такъ же точно и на право шляхты заявлять свой голосъ въ общественныхъ дѣлахъ мы должны смотрѣть съ двоякой стороны: въ отвлеченной области польскаго законодательства, это право представляется весьма важнымъ; но въ дѣйствительной жизни оно является въ искаженномъ видѣ и потому имѣло многія вредныя послѣдствія для Юго-западной Руси. Органами, для выраженія общественнаго мнѣнія, въ первой инстанціи, служили провинціальные сеймы; но въ этихъ законосовѣщательныхъ собраніяхъ голосъ шляхты былъ подавляемъ своеволіемъ немногихъ аристократовъ. Извѣстный уже намъ польскій историкъ Морачевскій говоритъ объ этомъ предметѣ: «Провинціальные сеймы Великаго княжества Литовскаго производили дѣла не въ духѣ польской вольности; имъ оказывали сопротивленіе князья и сильные паны. На генеральномъ сеймѣ 1569 года, поданы были жалобы, что на провинціальные сеймы съѣзжаются только воевода, староста и хорунжій. Эти лица пишутъ что имъ угодно, и разсылаютъ по домамъ шляхтѣ, для приложенія печатей; а которые отказываются приложить печати, тѣмъ грозятъ кіями (2).» Въ XVII вѣкѣ, провинціальные сеймы достигаютъ большаго развитія, какъ это можно видѣть изъ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, но зато опредѣленія дворянъ, постановленныя этими законодательными собраніями, мало принимались въ уваженіе генеральными варшавскими сеймами. Дворянство волынское говорило, чрезъ пословъ своихъ, на Варшавскомъ сеймѣ въ 1643 году: «защита вольностей нашихъ есть Посольская Изба; но въ настоящее время осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности, шляхта исключена изъ сейма, безполезно гибнутъ благороднѣйшія желанія республики, гибнутъ какъ инструкціи, даваемыя шляхтою посламъ на Варшавскій сеймъ, такъ и проэкты законовъ, предлагаемыхъ шляхтою въ Посольской Избѣ (3).« Изъ этого можно заключить,

(1) Coll. of British authors. Tauchnitz edition, vol. 337 p. 297.

(2) Moraczewski, Dz. Rz. P. Polsk. T. VI, p. 138.

(3) Арх. Юго-западной Руси ч. II, т. I, стр. XXV.

что голосъ шляхты и заявленіе частныхъ и общественныхъ потребностей не были выраженіемъ народнаго духа; что этотъ голосъ терялся, среди всеобщаго разстройства, возбуждая одно только неудовольствіе, выражавшееся протестами на сеймахъ, мятежными рокошами и конфедераціями. Поэтому мы весьма сомнѣваемся, чтобы право подавать голосъ, предоставленное одному сословію и притомъ въ такомъ искаженномъ видѣ, можно было считать, какъ полагаетъ критикъ *Современника*, важнѣйшею выгодою, которою наслаждалась Югозападная Русь, по соединеніи съ Польшею на Люблинскомъ сеймѣ.

Вторая выгода, которою пользовалась, по мнѣнію критика, Югозападная Русь, вслѣдствіе соединенія съ Польшею, состояла въ благотворномъ распространеніи просвѣщенія іезуитами. Не будемъ разсуждать о благотворности іезуитскаго образованія; надъ этимъ образованіемъ уже произнесла судъ своей исторія. Замѣтимъ только, что критикъ, считая іезуитское образованіе благотворнымъ для Югозападной Руси, вмѣстѣ съ тѣмъ исчисляетъ его гибельныя послѣдствія и, такимъ образомъ, впадаетъ въ явное противурѣчіе: «іезуиты, говоритъ критикъ, въ короткое время успѣли, посредствомъ воспитанія и реформированія понятій, не только поддержать падающее католичество, но и распространить его между тѣми, которые его не исповѣдывали, бросить въ понятіе религіозный фанатизмъ и подорвать въ русскомъ дворянствѣ православную вѣру и старинную народность» [1]). Нельзя не согласиться съ такимъ мнѣніемъ о послѣдствіяхъ іезуитскаго образованія, но мы сомнѣваемся, чтобы Югозападная Русь была за это благодарна Польшѣ. Защищая важность іезуитскаго образованія, критикъ подверждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что будто бы князь Константинъ Острожскій отдавалъ похвалу іезуитской системѣ воспитанія (445). Эта мысль совершенно противна общепринятому мнѣнію, что князь Константинъ Острожскій послѣдніе годы своей жизни провелъ въ борьбѣ съ іезуитами, что, противудѣйствуя ихъ гибельному вліянію, онъ учреждалъ православныя училища, выписывалъ ученыхъ Грековъ, заводилъ типографіи и печаталъ славянскія книги, для поддержанія православія и Русской народности. Мы полагаемъ, что критикъ открылъ какіе-нибудь новые историческіе матеріалы, на основаніи которыхъ онъ отвергаетъ общепринятое мнѣніе; но пока эти матеріалы сдѣлаются извѣстными, мы приведемъ слѣдующія слова изъ письма

[1]) Совр. стр. 443.

князя Константина Острожскаго къ Львовскому Православному братству. Поручая надзоръ за своимъ сыномъ этому братству, князь писалъ: «Бога рада попеченіе всяко сотворите, да не имутъ въ немъ (т. е. въ его сынѣ) части ни единыя езуиты [1]).»

Теперь мы спросимъ, къ какимъ результатамъ привели критика всѣ усилія открыть и доказать выгоды, доставшіяся на долю Югозападной Руси, отъ соединенія съ Польшею въ 1569 году? Невыгоды: «іезуитскія махинаціи противъ вѣры, преобразованіе западнорусскаго дворянства въ Поляковъ и католиковъ, угнетеніе народа, бывшее причиною козацкой революціи (стр. 141)». Выгоды: сомнительное, вредное на практикѣ право подавать голосъ на сеймахъ, предоставленное одной шляхтѣ во вредъ другимъ сословіямъ, и іезуитское образованіе, которое, по словамъ критика, бросило въ понятія народа религіозный фанатизмъ и подорвало въ южно-русскомъ дворянствѣ православную вѣру и старинную народность. Итогъ, по нашему мнѣнію, весьма не выгодный для Югозападной Руси. Этотъ перевѣсъ невыгодъ надъ выгодами чувствовала не только Русь, но и Литва, хотя этотъ край находился въ меньшей зависимости отъ польскаго правительства. Въ 1700 году, когда прошло почти полтораста лѣтъ послѣ Люблинской уніи, литовскіе дворяне подали адресъ королю Августу II, прося его отдѣлить Великое княжество Литовское отъ Польши и принять надъ нимъ самодержавную власть. Въ этомъ адресѣ дворяне говорили: «Вникнувъ въ первоначальную судьбу и дѣянія народа Литовскаго, мы видимъ, что нѣкогда предки наши, рыцарство Великаго княжества Литовскаго, были гораздо счастливѣе, когда они, какъ вѣрные подданные, состояли подъ властію одного государя и монарха. Распространяя свои границы въ длину и ширину, они были страшны пограничнымъ народамъ и монархамъ, увеличивали, сохраняли и удерживали въ своей власти замки, города, крѣпости, староства и имѣнія. Но потомъ, когда сладкое и ни къ чему доброму не ведущее желаніе вольности, по малодушію властителей, проникло изъ Польши въ славный народъ литовскій, когда предоставлено было каждому свободное право отвергать сеймовыя постановленія (liberum jus vetandi) и чрезъ то открыто было свободное поле для борьбы всѣхъ партій: тотчасъ княжество Литовское начало слабѣть и коробиться

[1]) Кіевлянинъ Т. I, стр. 48.

въ своихъ границахъ. Сильнѣйшіе превозмогали надъ слабѣйшими, не исполнялись права и уставы ни божескіе, ни человѣческіе, и такое состояніе продолжалось до настоящаго времени. Чрезъ это политическое своеволіе, или вольность, принесенную къ намъ въ приданое изъ краевъ польскихъ, мы совершенно погибли и спасти себя не можемъ [1]).»

Отвергая выгоды, какія находятъ г. Падалица и безыменный критикъ Современника въ Люблинской уніи, мы вовсе не хотимъ сказать, что это событіе не имѣло никакой важности. Вслѣдствіе внутренней борьбы, слѣдовавшей за присоединеніемъ Югозападной Руси къ Польшѣ, составныя части Рѣчи Посполитой дотого ослабѣли, что король Янъ Казиміръ, уже въ 1661 году, на Варшавскомъ сеймѣ, могъ предсказать раздѣленіе этого государства между сосѣдними державами [2]) и указалъ на соединеніе польскаго народа съ великорусскимъ, какъ на средство къ поддержанію политическаго существованія Польши [3]). Это ослабленіе Рѣчи Посполитой дало возмож-

---

[1]) Dzieje narodu Litewskiego prz. Teodora Narbuta. T. IX. Dodatki, str. 24.

[2]) Moraczewski, Dz. Rz. Polskiej, T. IX, стр.

[3]) Эта мысль выражена въ слѣдующемъ королевскомъ универсалѣ, данномъ дворянству волынскому:

Янъ Казиміръ и пр. Всѣмъ вообще и каждому особо, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а именно: велебнымъ, вельможнымъ, благороднымъ, дигнитаріямъ, урядникамъ, старостамъ, державцамъ и всему рыцарству и обывателямъ воеводства Волынскаго и повѣтовъ его, искренно и вѣрно намъ милымъ. Объявляемъ, что мы, тотчасъ по окончаніи Коммиссіи Виленской, постоянно и искренно желали назначить генеральный коронный сеймъ, для окончанія начатаго съ его милостію царемъ Московскимъ дѣла и прочнаго успокоенія, чтобы на этомъ сеймѣ постановить окончательный миръ съ царскимъ величествомъ и народомъ московскимъ, происходящимъ отъ одной славянской крови, близкимъ къ народу польскому дѣяніями прежнихъ лѣтъ, одеждой, языкомъ и религіею, на конфузію всѣхъ сосѣднихъ народовъ, завидующихъ всему славянскому племени. Но этого святаго намѣренія мы не могли привести къ желанному концу въ настоящее безпокойное время, по причинѣ безпрерывныхъ войнъ, шведскихъ и венгерскихъ. Теперь, когда мы, по милости Божіей, изгнали непріятелей нашихъ изъ большей части государствъ нашихъ, мы вознамѣрились привести въ исполненіе вышеозначенное доброе дѣло, полезное всему славянскому народу. Въ слѣдствіе чего, симъ универсаломъ нашимъ, мы назначаемъ вѣрностямъ вашимъ генеральный шестинедѣльный сеймъ, безъ всякихъ торжествъ, на десятый день іюля (потому что срокъ, назначенный на 28 число мѣсяца іюня, мы должны были отложить, чтобы тѣмъ удобнѣе могли съѣхаться на сеймъ великіе послы его царскаго величества). А провинціальный сеймъ воеводству вашихъ вѣрностей мы назначаемъ на 21 день

ность западнорусскому народу отдѣлиться отъ Польши и войти въ составъ восточной Россіи. Разематривая Люблинскую унію съ этой стороны, мы должны допустить, что отдаленнымъ и окончательнымъ результатомъ этого событія было возсоединеніе разрозненнаго Русскаго міра въ одно могущественное государство; въ этомъ смыслѣ, соединеніе Польши съ Югозападною Русью на Люблинскомъ сеймѣ дѣйствительно имѣетъ громадное, всемірно-историческое значеніе.

Послѣднее возраженіе, сдѣланное безыменнымъ критикомъ *Современника* редактору Коммиссіи, касается сходства между западнорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями. Редакторъ Коммиссіи, говоря объ усиліяхъ западнорусскаго дворянства сохранить свой родной языкъ, замѣтилъ, что »въ офиціальныхъ актахъ *до шестнадцатаго вѣка* западнорусскій языкъ *почти* сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи, и что съ XVI вѣка западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ польскаго языка слова вмѣстѣ съ грамматическими формами [1]).«

Эта мысль представлена въ критической статьѣ *Современника* въ слѣдующемъ искаженномъ видѣ: «г. Иванишевъ говоритъ, что, въ офиціальныхъ актахъ *шестнадцатаго вѣка*, западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ языкомъ восточной Россіи.« Чтобъ опровергнуть мысль редактора Коммиссіи о сходствѣ западнорусскаго языка съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи, критикъ пред-

---

мѣсяца іюня, искренно желая, чтобы ваши вѣрности, съѣхавшись на этотъ провинціальный сеймъ, выбрали и послали на наступающій генеральный сеймъ уполномоченныхъ пословъ, людей достойныхъ и разсудительныхъ, и чтобы вы поручили посламъ своимъ исполнить на ближайшемъ сеймѣ все то, что вѣрностямъ вашимъ предложено будетъ нашимъ именемъ для окончательнаго примиренія съ царскимъ величествомъ, для желаннаго въ теченіи многихъ вѣковъ соединенія славянскихъ народовъ, и для безопасности Рѣчи Посполитой. Не сомнѣваясь, что ваши вѣрности захотите сообразоваться, въ настоящемъ случаѣ, съ нашею волею и нашимъ намѣреніемъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрены, что вы будете слѣдовать нашей инструкціи и въ прочихъ дѣлахъ и потребностяхъ, необходимыхъ для дѣйствительнаго спасенія отечества. А чтобъ этотъ универсалъ нашъ дошелъ скорѣе до свѣдѣнія всѣхъ вѣрностей вашихъ, мы повелѣваемъ урядамъ гродскимъ публиковать его въ надлежащихъ мѣстахъ; а для большей вѣры, мы приказали, при собственноручной подписи нашей, приложить печать нашу. Дано въ Дубенску, 21 мая, года отъ Рождества Христова 1638, въ IX году царствованія нашего Польскаго и Шведскаго. Янъ Казиміръ король. Книга гродская Луцкая 1638 года, № 70, листъ 857 на оборотѣ.

[1]) Архивъ югозападной Россіи, ч. II, т. I, стр. XLI.

ставилъ двѣ выписки изъ рукописей XV и XIV вѣка: но эти выписки, нисколько не опровергая сходства между двумя отраслями русскаго языка, доказываютъ только неопытность критика въ чтеніи древнихъ рукописей. Въ рукописи стоитъ: «чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ....кто на нь возритъ, или его чтучи услышитъ, комужъ коли его будетъ потребно.» Критикъ читаетъ: «чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ...хто на нь возритъ или чтучи *ея* услышитъ, комужъ коли его будетъ *потребитна*». Вмѣсто: «и такожъ что въ тыхъ имеяьяхъ собѣ примыслитъ» критикъ читаетъ: «и *такъ* што въ тыхъ имѣніяхъ собѣ примыслитъ.» Вмѣсто: «и такожъ съ луги, и зъ дубровами и сѣножатми,» критикъ читаетъ: »и *такъ слуги* и съ дубровами и *виножатыми*.« Вмѣсто: «можетъ собѣ полѣпшивати (т. е. улучшать),« критикъ читаетъ: »можетъ собѣ *налептовати*« и т. д. (стр. 447). Въ справедливости нашихъ поправокъ каждый можетъ удостовѣриться, прочитавъ грамоту Свидригайла, напечатанную въ актахъ западной Россіи, Т. I, № 48, стр. 36. Представивъ текстъ западнорусской рукописи въ такомъ искаженномъ видѣ, критикъ спрашиваетъ: неужели г. Иванишевъ полагаетъ, что языкъ этой рукописи похожъ на современный ему языкъ восточной Россіи? Для рѣшенія этого вопроса, нужно прежде всего выучиться правильно читать западнорусскія рукописи, и тогда сходство между означенными отраслями русскаго языка окажется несомнѣннымъ. Въ представленной критикомъ выпискѣ изъ акта 1438 года, заключается около 200 словъ; въ числѣ ихъ можно найти не болѣе четырнадцати словъ, не употреблявшихся въ языкѣ восточной Россіи (хто, чинимъ знаменито, напотомъ, неопущенный, нижъ, нигды, порадившисе, знаменавъ, съ радою, зъ, слушало, полѣпшивати, зеремяны). Въ выпискѣ изъ акта 1361 года, въ числѣ 62 словъ, можно указать не болѣе четырехъ словъ, не употреблявшихся въ языкѣ восточной Россіи (обличье, тогды, пожадалъ, абыхмо); все прочее, какъ слова, такъ и грамматическія формы совершенно сходны. Неужели, послѣ этого, редакторъ Коммиссіи не могъ сказать, что, въ офиціальныхъ актахъ до XVI вѣка, западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи?

Разсмотрѣнная нами критическая статья Современника возбудила сильное сочувствіе нѣкоторыхъ польскихъ писателей, особенно извѣстнаго уже намъ г. Падалицы (Зенона Фишъ) и редакторовъ жур-

нала, издаваемаго въ Варшавѣ подъ заглавіемъ Библіотеки Варшавской.

Въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1861 года № 35, г. Падалица призналъ статью *Современника* критикою ученаго историка россійскаго, утверждая, что, послѣ совѣстливыхъ изслѣдованій Соловьева, не было напечатано ни одного такого дѣльнаго и умнаго разсужденія объ исторіи Руси и ея отношеніи къ Польшѣ. Въ этомъ убѣжденіи, г. Падалица внесъ въ свою статью почти всѣ критическія изслѣдованія *Современника*, со всѣми ошибками. Онъ даже переписалъ польскими буквами выписки изъ рукописей, которыми критикъ *Современника* хотѣлъ доказать несходство западнорусскаго языка съ языкомъ восточной Россіи, повторивъ и слова, изобрѣтенныя критикомъ: *потребитна, нальптовати* и пр.

Признавъ за непреложную истину взглядъ Современника на исторію югозападной Россіи, на отношеніе этого края къ Польшѣ и на тѣ благодѣянія, какими наслаждался этотъ край подъ властію Польши, г. Падалица счелъ нужнымъ, при этомъ случаѣ, подвергнуть Кіевскую Коммиссію и ея главныхъ дѣятелей новымъ обвиненіямъ. Поводомъ къ этимъ обвиненіямъ послужило слѣдующее обстоятельство. Коммиссія, печатая постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ югозападной Россіи, приложила къ нимъ двѣ передовыя статьи: одна изъ нихъ, излагающая содержаніе сеймовыхъ постановленій, написана редакторомъ Коммиссіи Иваницкимъ, другая— предсѣдателемъ Коммиссіи Юзефовичемъ. Эти двѣ статьи напечатаны были особыми оттисками въ числѣ 500 экземпляровъ и изданы особою брошюрою, для раздачи преимущественно тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ читать подлинныхъ актовъ, по незнанію польскаго и западнорусскаго языковъ, на которыхъ эти акты написаны. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, г. Падалица объявилъ въ своей статьѣ, что предсѣдатель Коммиссіи и редакторъ обманули публику, что ссылки въ статьѣ редактора, излагающей содержаніе сеймовыхъ постановленій, ложны, что въ этихъ актахъ заключается совсѣмъ не то, что излагаетъ въ своей статьѣ редакторъ Коммиссіи, что, для распространенія такого обмана, Коммиссія публиковала сначала брошюру, заключающую въ себѣ статьи предсѣдателя и редактора Коммиссіи, а полное изданіе, заключающее въ себѣ акты, на которые вышеозначенныя статьи основываются, вышло въ свѣтъ нѣсколькими мѣсяцами позже, и это будто сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы читавшіе

брошюру не имѣли возможности свѣрить ея содержаніе съ актами, на которыхъ она основана. По мнѣнію г. Падалицы, даже русскія повременныя изданія были введены въ обманъ смѣлыми ссылками редактора Коммиссіи на акты и ограничились рецензіями одной только брошюры, не свѣривъ ея съ подлинными документами (1). Такъ какъ увѣренія г. Падалицы въ томъ, что содержаніе изданныхъ Коммиссіею актовъ изложено невѣрно, можетъ привести въ недоумѣніе польскихъ читателей, не знающихъ русскаго языка: то Коммиссія сочла нужнымъ напечатать на польскомъ языкѣ, отдѣльною брошюрою, статьи г. Юзефовича и г. Иванишева, приложивъ къ этимъ статьямъ выписки изъ историческихъ матеріаловъ, на которыхъ г. Иванишевъ основывалъ свои выводы.

Что же касается до прочихъ обвиненій г. Падалицы, то Коммиссія объявляетъ ихъ совершенно ложными, и можетъ опровергнуть ихъ оффиціальными доказательствами. Полное изданіе Коммиссіи вышло въ свѣтъ нѣсколько позже брошюры, не по какому-нибудь злоумышленію, созданному воображеніемъ г. Падалицы, но потому только, что брошюрованіе этого изданія, заключающаго въ себѣ около сорока листовъ, въ числѣ 825 экземпляровъ, потребовало болѣе времени, чѣмъ брошюра состоящая изъ четырехъ листовъ. По этой причинѣ, брошю-

(1) Приведемъ слова самого г. Падалицы, такъ какъ неблагородный поступокъ этого фельетониста можетъ показаться невѣроятнымъ для нашихъ читателей: «нужно знать, говоритъ г. Падалица, что брошюра, составленная изъ статей г. Иванишева и г. Юзефовича, не прошла незамѣченною въ русской литературѣ. С.-Петербургскія Вѣдомости напечатали о ней замѣтку въ первыхъ столбцахъ и тѣмъ дали ей дѣйствительное значеніе. Другія повременныя изданія, не входя въ подробный разборъ, вполнѣ повѣрили словамъ поименованныхъ выше господъ и, обманутые ссылками г. Иванишева на акты, изданные вмѣстѣ съ брошюрою, не подозрѣвали, что эти акты заключаютъ въ себѣ нѣчто совершенно другое, нежели то, что говоритъ о нихъ профессоръ. И то еще нужно знать, что брошюра выдана была еще тогда, когда не было окончено печатаніе актовъ, такъ-что ее читали и объ ней писали когда никто не имѣлъ еще подъ рукою документовъ, чтобы свѣрить съ ними брошюру. Самая книга уже вышла въ свѣтъ нѣсколькими мѣсяцами позже. Словомъ, русскіе газеты и журналы, не углубляясь въ подробности, и видя обоихъ тѣхъ господъ (т. е. Юзефовича и Иванишева), стоящихъ передъ рѣшеткою съ огромною связкою документовъ, и не подозрѣвали, что эти господа показываютъ не то, что подтверждаетъ ихъ мнѣнія, а напротивъ то, что ихъ опровергаетъ. Подкопы были многочисленны, цитатъ множество, ссылокъ еще больше; на какомъ же основаніи можно было заподозрить этихъ господъ?— и т. д. Bibljoteka Warszawska 1861. Zeszyt 9, стр. 716.

ра получена балы изъ типографіи 10 генваря, а экземпляры полнаго изданія —8 февраля. Затѣмъ Коммиссія немедленно сдѣлала распоряженіе о разсылкѣ, не брошюръ, а полныхъ экземпляровъ изданія, въ редакціи газетъ и журналовъ. Февраля 21 отправлено было нѣсколько экземпляровъ въ редакцію »Основы« и въ Москву, нѣкоторымъ изъ тамошнихъ ученыхъ; посылки записаны въ кіевской почтовой конторѣ за № 69, 71, 72 и 73. Февраля 25, препровождены полные экземпляры изданія въ книжную лавку Степана Литова; что же касается до брошюры, то она вовсе не поступала въ продажу. Февраля 27, отправлены были полные экземпляры изданія въ редакціи: Отечественныхъ Записокъ, Современника, Русскаго Слова, Сѣверной Пчелы, Русскаго Вѣстника и Московскихъ Вѣдомостей; посылки записаны въ кіевской почтовой конторѣ за № 86, 87, 27, 89, 90 и 91. Изъ этого каждый можетъ убѣдиться, что Коммиссія не задерживала своего изданія въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ утверждаетъ г. Падалица, и не прибѣгала къ придуманнымъ г. Падалицею низкимъ средствамъ, чтобъ ввести въ обманъ публику; напротивъ того, тотчасъ, по полученіи изъ типографіи своего изданія, Коммиссія сдѣлала его извѣстнымъ публикѣ, частію чрезъ книгопродавца, частію разсылкою въ редакціи газетъ и журналовъ. Г. Падалица ложно утверждаетъ, будто объ изданіи Коммиссіи русскія газеты и журналы писали рецензіи по одной только брошюрѣ, не имѣя возможности свѣрить ее съ актами. Мы имѣли двѣ рецензіи на изданіе Коммиссіи: одну въ »Основѣ,« а другую въ »Современникѣ.« Въ обоихъ журналахъ разсматривается не отдѣльная брошюра, но полное изданіе Коммиссіи, со всѣми историческими матеріалами, въ немъ помѣщенными. Если Виленскій Вѣстникъ и С.-Петербургскія Вѣдомости ограничились въ своихъ, замѣткахъ разсмотрѣніемъ одной только брошюры, то въ этомъ нисколько не виновата Коммиссія.

Г. Падалица, въ своемъ негодованіи на Коммиссію, доходитъ до того, что приписываетъ ей вещи совершенно невозможныя. Онъ увѣряетъ, что переданная статья редактора Коммиссіи, заключающая въ себѣ содержаніе изданныхъ Коммиссіею актовъ, вышла въ свѣтъ прежде, нежели были напечатаны самые акты. Чтобъ убѣдиться, въ какой степени забывается г. Падалица, стоитъ только взглянуть въ статью редактора Коммиссіи. Въ этой статьѣ, почти каждая мысль подтверждается ссылками на акты, съ означеніемъ страницъ, на которыхъ эти акты напечатаны. Если бы статья редактора Коммиссіи вышла

въ свѣтъ прежде, чѣмъ окончено было печатаніе актовъ, то какъ онъ могъ предугадать, на какихъ страницахъ будутъ напечатаны тѣ акты, на которые онъ ссылается?

Смотря на сплетеніе ложныхъ обвиненій, публично высказываемое г. Падалицею (Зенономъ Фишемъ) и г. Совинскимъ, съ неслыханнымъ въ польской литературѣ цинизмомъ, невольно подумаешь, что нѣкоторыя лица, принадлежащія къ благородному западнорусскому дворянству, все еще находятся подъ вліяніемъ іезуитизма, учившаго когда-то, что цѣль оправдываетъ самыя неблагородныя средства. Неужели эта вѣковая ржавчина до того въѣлась въ югозападную Русь, что никакая цивилизація истребить ее не можетъ?

Нельзя не пожалѣть, что разсмотрѣнная нами статья г. Падалицы нашла для себя мѣсто въ одномъ изъ ученыхъ польскихъ журналовъ, именно въ »Варшавской Библіотекѣ«, гдѣ эта статья перепечатана со всѣми ошибками и ложными обвиненіями, нагроможденными г. Падалицею и безыменнымъ критикомъ Современника. Г. Падалица объявилъ статью Современника критикою ученаго историка россійскаго, дѣльнымъ и умнымъ разсужденіемъ: зато Библіотека Варшавская признала статью г. Падалицы произведеніемъ знаменитой важности (znakomitej wartości). Неужели ученые издатели Варшавской Библіотеки дошли до того, что принуждены учиться Польской исторіи по сочиненіямъ г. Падалицы и по критическимъ статьямъ Современника?

Предсѣдатель Коммиссіи **М. Юзефовичъ.**
Главный Редакторъ **П. Иванишевъ.**

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Объ отдачѣ имѣній въ опеку за обремепительныя повинности, — впредь до введенія уставныхъ грамотъ. Поручено губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, чтобы они черезъ уѣздныхъ предводителей, внушили помѣщикамъ тѣхъ имѣній, гдѣ крестьянскія повинности чрезмѣрно высоки и гдѣ вслѣдствіе того возникаютъ затрудненія въ побужденіи крестьянъ исправно отбывать сіи повинности, что отъ самихъ помѣщиковъ зависитъ прекратить возникающія затрудненія и неудовольствія, немедленнымъ введеніемъ уставныхъ грамотъ или пониженіемъ повинностей, соотвѣтственно способамъ крестьянъ. Въ случаяхъ когда эти внушенія останутся безуспѣшными и крестьянскія повинности окажутся чрезмѣрными, имѣнія должны быть отдаваемы въ опеку, на основаніи 1109 и 1110 т. IX св. зак. о сост., впредь до введенія уставной грамоты. (Пол. глави. ком. объ устр. сельск. сост. 10 и 14 стр. 1861 г. Лѣтоп. сельск. благоустр. № 2).

О *заявленіи крестьянами желанія перейти на оброкъ.* Крестьяне могутъ заявлять помѣщику о своемъ желаніи перейти съ издѣльной повинности на оброкъ, и въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ со времени утвержденія положеній, съ тѣмъ, что если желаніе это будетъ заявлено ранѣе года предъ истеченіемъ двухлѣтняго срока, то самый переходъ на оброкъ можетъ послѣдовать только съ наступленіемъ сего срока. (Пол. глави. ком. объ устр. сельск. сост. 1 іюня 1861 г. Лѣт. сельск. благоустр. № 3).

О правѣ вступленія въ бракъ лицъ женскаго пола изъ дворовыхъ и изъ крестьянъ. Дворовыя дѣвицы и вдовы, при выходѣ замужъ за людей, не принадлежащихъ къ обязаннымъ дворовымъ того же владѣльца, освобождаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ всѣхъ обязательныхъ отношеній, не подвергаются взысканію оброка за время, остающееся до истеченія двухлѣтняго срока со вре-

мени обнародованія положенія. Временно обязанныя крестьянки пользуются тѣмъ же правомъ, при выходѣ за мужъ за людей, не состоящихъ въ обязательныхъ отношеніяхъ того же владѣльца. (Полож. гл. ком. объ устр. сел. сост. 1 іюня 1861 г. Лѣт. сельск. благ. № 3).

Объ издѣльной повинности свободной женщины, вступившей въ бракъ съ временно-обязаннымъ крестьяниномъ, состоящимъ на барщинѣ, и о правѣ дворовато человѣка, состоящаго на оброкѣ, потребовать къ себѣ жену, состоящую въ обязательныхъ услугахъ у владѣльца. Свободная женщина, вышедшая замужъ за временно—обязаннаго крестьянина, отправляющаго барщину, не можетъ быть принуждаема къ отбыванію издѣльной повинности, согласно ст. 5 т. IX. Дворовый человѣкъ, состоящій на оброкѣ, если онъ перешелъ на таковой до обнародованія положеній, имѣетъ право требовать къ себѣ жену, состоящую въ обязательномъ услуженіи владѣльца, на основаніи ст. 103 т. X св, зак. ч. 1; но при этомъ жена должна платить владѣльцу, до истеченія двухлѣтняго обязательнаго срока, оброкъ, въ назначенномъ владѣльцемъ размѣрѣ, но не свыше установленнаго въ ст. 1 о положеніяхъ объ устройствѣ дворовыхъ людей, т. е. по 10 р. въ годъ. Пол. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 17 іюня. Лѣт. сельск. благ. № 4).

О порядкѣ удаленія мировыхъ посредниковъ отъ должности. Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, при разсмотрѣніи представленія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о порядкѣ удаленія мировыхъ посредниковъ отъ должности, принялъ во вниманіе, что, на основаніи ст. 21 Высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 г. положенія о губернскихъ и уѣздныхъ, по крѣстьянскимъ дѣламъ, учрежденіяхъ, мировые посредники въ правахъ служебныхъ и въ порядкѣ взысканій по службѣ сравнены съ уѣздными предводителями дворянства и потому наравнѣ съ сими послѣдними могутъ быть согласно ст. 263—269 св. зак. т. III ус. о служ. по выбор.) отрѣшаемы отъ должности иначе, какъ съ преданіемъ суду, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената. Право быть удаляему отъ должности иначе, какъ съ преданіемъ суду, есть весьма важное преимущество, отличающее мировыхъ посредниковъ отъ прочихъ чиновниковъ, которые могутъ быть увольняемы отъ службы и безъ суда, по усмотрѣнію того начальства, которое назначило ихъ въ должность. Эта послѣдняя мѣра, дающая начальству возможность отрѣшать отъ должности тѣхъ изъ опредѣленныхъ имъ самимъ чиновниковъ, которыхъ оно признаетъ неспособными и неблагонадежными, едва ли можетъ быть распространена на мировыхъ посредниковъ, которые какъ по своему служебному положенію, такъ и по способу ихъ избранія, отличаются отъ лицъ служащихъ, по опредѣленію отъ правительства. По Высочайше утвержденнымъ главнымъ основаніямъ для мировыхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденій, *мировыхъ посредниковъ полагалось опредѣлять изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ по выбору крестьянъ*, и только на первое трехлѣтіе допущено избраніе ихъ начальниками губерній съ утвержденіемъ въ должности сенатомъ. Но при этомъ правительство, по важности обязанностей мировыхъ посредниковъ, признало нужнымъ принять особыя мѣры, дабы въ должности сіи были назначаемы лица вполнѣ благонадежныя. Съ сею цѣлью постановлено, что для избранія посредниковъ составляются предварительно уѣздными предводителями дворянства списки, въ которые вносятся только лица, имѣющія опредѣленную поземельную собственность, неопороченныя по суду и несостоящія подъ слѣдствіемъ. Эти списки повѣ-

ряются въ каждомъ уѣздѣ уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и затѣмъ уже избираются изъ нихъ мировые посредники начальникомъ губерніи, но непначе, какъ по совѣщаніи съ предводителями дворянства.

По своимъ занятіямъ, мировые посредники поставлены въ зависимость отъ мировыхъ учрежденій: уѣзднаго съѣзда и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; содержаніе назначено имъ умѣренное, на повышеніе въ должностяхъ они не могутъ разсчитывать; но какъ должность мировыхъ посредниковъ по той пользѣ, какую она можетъ принести, будучи посредствующимъ звѣномъ между помѣщиками и крестьянами, по соединенной съ нею самостоятельной дѣятельности, есть должность почетная, то въ мировые посредники поступило весьма много достойныхъ людей, изъ мѣстныхъ дворянъ, которые посвятили себя этой дѣятельности не изъ личныхъ выгодъ, не изъ расчетовъ на служебныя пособія и преимущества, а единственно изъ безкорыстнаго сочувствія къ совершившемуся, по волѣ государя, преобразованію. Если, при такихъ обстоятельствахъ, допустить нынѣ, въ измѣненіе высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 г. положенія, удаленіе мировыхъ посредниковъ отъ исправленія должности безъ суда, то это уронитъ ихъ значеніе и будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ то, что многіе, и притомъ достойнѣйшіе, люди станутъ уклоняться отъ должности посредниковъ, трудныя обязанности которой и могутъ быть исполняемы вполнѣ добросовѣстно, только при независимости ихъ отъ посторонняго вліянія. На семъ основаніи главный комитетъ, 31 іюня 1861 года, положилъ, что относительно временнаго удаленія мировыхъ посредниковъ отъ исправленія должности, а равно и отрѣшенія ихъ отъ службы, долженъ быть соблюдаемъ, согласно ст. 21 высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 г. положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, порядокъ, установленный для уѣздныхъ предводителей дворянства. (Св. зак. т. III уст. о служб. по выбор. ст. 265—269). (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 30 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 29 сентября, 1861 г. № 78).

Объ освобожденіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія. Въ одномъ губернскомъ, по крестьянскимъ дѣламъ, присутствіи, возбужденъ вопросъ: допускается ли новыми положеніями о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, тѣлесное наказаніе въ отношеніи лицъ женскаго пола, и если допускается, то не слѣдуетъ ли установить для женщинъ случаи освобожденія отъ сего наказанія по примѣру изъятій, опредѣленныхъ положеніями для мужчинъ. Вопросъ этотъ представленъ былъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Комитетъ сей положилъ: 1) представленіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ препроводить къ главно-управляющему II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, *для соображенія съ общимъ*, находящимся въ разсмотрѣніи его, *вопросомъ, объ отмѣнѣ вообще тѣлесныхъ наказаній для лицъ женскаго пола.* 2) Въ дополненіи ко 2-му примѣчанію ст. 102 общ. полож. ст. 16 полож. объ устр. двор. людей и ст. 32 полож. о мѣстныхъ по крестьян. дѣламъ учрежд., пояснить, что, примѣняясь къ ст. 102 и 104 общаго положенія, изъ числа крестьянокъ и дворовыхъ женскаго пола, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, не могутъ быть приговариваемы къ тѣлесному наказанію: а) достигшія 50-го лѣтняго возраста, б) получившія образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, в) занимающія должности повивальныхъ бабокъ, смотрительницъ больницъ, сельскихъ училищъ, и школъ, и г) принадлежащія къ

семействамъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій. (Пол. глав. ком. объ устр. сел. сост. 6 авг. 1861 г. Лѣт. сельск. благоустр. № 6).

О переселеніи крестьянъ по актамъ, совершеннымъ до обнародованія положеній 19 февраля 1861 г. При исполненіи сдѣлокъ и актовъ, совершенныхъ частными лицами, подъ какими бы то ни было наименованіями, явочнымъ или крѣпостнымъ порядкомъ, принудительное переселеніе крестьянъ можетъ быть допускаемо не иначе, какъ согласно ст. 2 п. 2 правилъ о порядкѣ приведенія положеній о крестьянахъ въ дѣйствіе, безъ нарушенія правилъ, указанныхъ въ положеніяхъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 авг. 1861 г. въ лѣт. сельск. благоустр. № 6).

О представленіи въ распоряженіе правительства дворовыхъ людей и о порядкѣ принятія на мѣста жительства тѣхъ изъ нихъ, которые оподозрѣны или наказаны по суду. Дворовые люди, состоящіе въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, не могутъ быть предоставляемы помѣщиками въ распоряженіе правительства; если же помѣщикъ пожелаетъ прекратить обязательныя отношенія къ нему такихъ людей, то долженъ поступать на основаніи ст. 21 и 22 полож. объ устр. двор. людей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ откажется принять дворовыхъ людей, наказанныхъ или оставленныхъ въ подозрѣніи по суду, надлежитъ представлять симъ дворовымъ людямъ приписаться внѣ предѣловъ той губерніи, въ которой они числились, къ городскому или сельскому обществу, которое изъявитъ согласіе принять ихъ въ свою среду; на пріисканіе такого общества давать имъ 6-ти мѣсячный срокъ, для чего они и должны быть снабжены шестимѣсячными билетами, по распоряженію губернскаго начальства; если въ теченіи этого срока означенные дворовые люди не пріищутъ общества, согласнаго принять ихъ, то губернское начальство обязано распорядиться о высылкѣ сихъ людей въ Сибирь, на основаніи 340 и 402 ст. XIV т. св. зак. уст. о пред. и пресѣч. прест. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 авг. 1861 г. въ лѣт. сельск. благ. № 6).

О прекращеніи пріема воспитанниковъ въ училища дѣтей канцелярскихъ служителей и о предоставленіи канцелярскимъ служителямъ и бѣднымъ чиновникамъ новыхъ способовъ къ воспитанію ихъ дѣтей. Прекращенъ дальнѣйшій пріемъ воспитанниковъ въ училища дѣтей канцелярскихъ служителей и взамѣнъ того предоставлена приказамъ общественнаго призрѣнія употреблять соразмѣрную со средствами ихъ сумму на помѣщеніе дѣтей канцелярскихъ служителей и бѣдныхъ чиновниковъ стипендіатами въ другія учебныя заведенія, какъ общія, такъ и спеціальныя съ необходимымъ пособіемъ на одежду и учебныя принадлежности, оставляя впрочемъ этихъ дѣтей на попеченіи родителей, родственниковъ, опекуновъ и даже посторонннихъ, но вполнѣ благонадежныхъ семействъ, съ тѣмъ, что при совершенной лишь къ сему невозможности, приказы содержали таковыхъ дѣтей въ сиротскихъ домахъ или другихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, либо своими пансіонерами въ учебныхъ заведеніяхъ. На изложенныхъ основаніяхъ, должны быть размѣщены и воспитанники, находящіеся нынѣ въ училищахъ дѣтей канцелярскихъ служителей; по мѣрѣ же распредѣленія ихъ, самыя училища закрываются, а экономическіе капиталы присоединяются къ суммамъ приказовъ, въ распоря-

женіе коихъ поступятъ и зданія, принадлежащія симъ училищамъ. При этомъ предоставлено министерству внутреннихъ дѣлъ: тѣ зданія упраздняемыхъ канцелярскихъ училищъ, въ коихъ не будетъ предстоять надобности для приказовъ, — передать въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, для помѣщенія въ нихъ заведеній для образованія сельскихъ учителей съ нѣкоторымъ денежнымъ, на содержаніе ихъ, пособіемъ, изъ суммъ отпускавшихся на канцелярскія училища, на основаніяхъ, которыя имѣютъ быть ближе опредѣлены, по взаимному соглашенію обоихъ министерствъ. (Мн. госуд. сов. 14 іюля, 1861 г. въ Сен. вѣд. 29 авг. № 63.)

Объ избраніи особыхъ засѣдателей въ приказы общественнаго призрѣнія. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено, что, для присутствованія въ приказахъ общественнаго призрѣнія, взамѣнъ засѣдателей, которые въ прежнее время откомандировывались въ сіи учрежденія изъ бывшихъ совѣстныхъ судовъ, избираются особые засѣдатели, по одному изъ каждаго сословія, а именно: отъ дворянства, губернскаго городскаго общества и поселянъ. (Мн. госуд. сов. 19 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 13 авг. № 63.)

О порядкѣ исключенія купцовъ, за порочное поведеніе, изъ обществъ, въ уѣздныхъ городахъ. Предоставленное 182-ю статьею устава торговаго (св. зак. 1857 г. т. XI. II.) купеческимъ обществамъ столицъ и губернскихъ городовъ, право на исключеніе изъ третьей гильдіи купцовъ, опороченныхъ судомъ, или замѣченныхъ въ явныхъ порокахъ, не дожидаясь въ семъ послѣдшемъ случаѣ судебнаго приговора, распространено и на купеческія общества уѣздныхъ городовъ, въ коихъ считается не менѣе тридцати капиталовъ, съ тѣмъ, чтобы приговоры сего сословія, объ исключеніи порочныхъ купцовъ, были засвидѣтельствованы подписью не менѣе какъ двухъ третей всѣхъ его членовъ, имѣющихъ право голоса, и чтобы въ приговорахъ сихъ было объяснено, въ чемъ именно и по какимъ доказательствамъ поведеніе исключаемаго признается порочнымъ.. Такимъ же порядкомъ должны быть, удаляемы изъ общества порочные члены малолюдныхъ купеческихъ обществъ, но не иначе, какъ по единогласному приговору всего городскаго общества. (Мн. госуд. сов. 19 іюня, 1861 г. въ Сен. вѣд. 18 авг. № 66.)

Объ отмѣнѣ, для поступающихъ въ военную службу, по собственному желанію, дворянъ и вольноопредѣляющихся, обязательныхъ сроковъ службы. Въ измѣненіе подлежащихъ статей свода военныхъ постановленій, отмѣненъ законъ, обязывавшій дворянъ и вольноопредѣляющихся, поступившихъ въ военную службу по собственнымъ прошеніямъ, пробыть въ оной извѣстные сроки и предоставлено имъ право оставлять, въ случаѣ желанія, службу во всякое время, исключая военнаго, когда вообще отставки въ войскахъ прекращаются. При этомъ увольняются воинскимъ званіемъ лишь прослужившіе общій установленный для нижнихъ чиновъ 15-ти-лѣтній срокъ, а не прослужившіе сего срока увольняются въ отставку безъ именованія воинскимъ званіемъ. Въ случаѣ же вторичнаго вступленія на службу, прежняя служба считается за дѣйствительную. (Положж. воен. сов. 26 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 1 августа, № 61.)

О предоставленіи начальникамъ губерній возлагать порученія на губернскихъ штабъ-офицеровъ корпуса жандармовъ. Предоставлено начальникамъ губерній, въ случаяхъ особой важности, возлагать на губернскихъ штабъ-офи-

церовъ корпуса жандармовъ порученія и не указанныя въ законѣ, по которому они командировались по уѣздамъ, только для участія въ производствѣ слѣдствій о важнѣйшихъ происшествіяхъ или безпорядкахъ. (Высоч. повел. въ Сен. вѣд. 25 авг. 1861 г. № 68.)

О населенныхъ имѣніяхъ, поступающихъ къ лицамъ недворянскаго происхожденія. Въ поясненіе правилъ о порядкѣ поступленія населенныхъ имѣній къ лицамъ не дворянскаго происхожденія и составленія по симъ имѣніямъ уставныхъ грамотъ,—положено: 1) населенныя имѣнія, доставшіяся по наслѣдству или по просроченнымъ закладнымъ, не потомственнымъ дворянамъ, должны поступать въ вѣдомство дворянскихъ опекъ впредь до совершенія акта, о выкупѣ крестьянами сихъ имѣній поземельнаго надѣла въ установленномъ размѣрѣ, или до отчужденія имѣнія самимъ владѣльцемъ въ собственность потомственному дворянину; 2) затѣмъ на сіи имѣнія вполнѣ распространяются правила относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачи въ залогъ населенныхъ помѣщичьихъ земель и имѣній, и 3) владѣльцы такихъ имѣній, состоящихъ въ опекунскомъ управленіи, согласно ст. 26 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній, могутъ участвовать лично въ составленіи уставныхъ грамотъ въ той мѣрѣ, въ какой это допускается вообще для лицъ, находящихся подъ опекою не по малолѣтству и слабоумію. (Полож. гл. ком. объ устр. сельск. сост. 6 августа 1861 г. въ сен. вѣд. 13 сентября 1861 г. № 74).

Объ усиленіи межевыхъ средствъ по крестьянскому дѣлу. Предоставлено управляющему межевымъ корпусомъ зачислять на службу по межевому вѣдомству тѣхъ изъ отставныхъ, разныхъ вѣдомствъ, чиновъ, которые по свѣдѣніямъ своимъ въ землемѣріи могутъ быть полезны для межевыхъ работъ по крестьянскому дѣлу и изъявятъ желаніе служить безъ жалованья, довольствуясь задѣльною платою, по добровольному соглашенію съ землевладѣльцами. Служившіе въ генеральномъ штабѣ, въ корпусѣ топографовъ, въ артиллеріи, въ инженерахъ, саперахъ, въ флотѣ и по межевой части какихъ либо вѣдомствъ, зачисляются на службу безъ экзамена; прочіе же отставные зачисляются не иначе, какъ по надлежащемъ испытаніи въ губернской чертежной, по программамъ, установленнымъ для частныхъ землемѣровъ и таксаторовъ, не подвергаясь только испытанію въ таксаціи и естественныхъ наукахъ.

При этомъ изложенныя въ указѣ сената 17 марта, 1831 г. правила, на основаніи коихъ, находящимся на службѣ по гражданскому вѣдомству дворянамъ—помѣщикамъ дозволено принимать на себя обязанности, соединенныя съ должностями по крестьянскому дѣлу, распространены и на состоящихъ на службѣ лицъ, знающихъ землемѣріе, которыя пожелаютъ заняться по крестьянскому дѣлу частными межевыми работами. (Мн. госуд. сов. 14 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 12 сентября 1861 г. № 73).

Измѣненіе закона о несовершеннолѣтнихъ бродягахъ мужескаго пола, которые, по дѣйствовавшимъ до 1856 года узаконеніямъ, отдавались въ баталіоны военныхъ кантонистовъ. Въ замѣнъ надлежащихъ статей св. зак. изд. 1857 г. т. XIV, постановлено: бродяги престарѣлые и недостигшіе 17 лѣтняго возраста отсылаются въ приказы общественнаго призрѣнія. Находящіеся при бродягахъ, малолѣтные обоего пола, если ихъ не пожелаютъ принять къ себѣ родственники ихъ, или общество, къ коимъ они принадлежатъ, по сдѣланіи о сихъ малолѣтнихъ надлежащихъ справокъ и публикацій, остаются въ вѣдѣніи

приказовъ. Изъ числа находящихся при бродягахъ дѣтей, малолѣтныя женскаго пола остаются въ вѣдомствѣ приказовъ до того времени, пока придутъ въ совершеннолѣтіе, а малолѣтные мужескаго пола, по вступленіи въ совершеннолѣтіе, приписываются къ податнымъ обществамъ.

На семъ основаніи слѣдуетъ поступать и при распредѣленіи всѣхъ бродягъ мужескаго пола, недостигшихъ 17 лѣтъ; малолѣтные же бродяги женскаго пола оставляются въ заведеніяхъ приказовъ до 17 лѣтняго возраста, а по достиженіи ими сего возраста, приписываются къ податнымъ обществамъ и выпускаются изъ приказовъ на собственное пропитаніе въ мѣстахъ, гдѣ они находятся. Въ случаѣ же возвращенія или отдачи кому слѣдуетъ малолѣтныхъ бродягъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, должно быть взыскиваемо по разсчету все употребленное на ихъ содержаніе во время нахожденія въ оныхъ.

Бродягъ, находящихся въ вѣдѣніи приказовъ и не подлежащихъ возвращенію, если они окажутся поведенія хорошаго и совершеннолѣтними, дозволяется приписывать къ податнымъ обществамъ, если сами они того пожелаютъ и обществами на принятіе ихъ будетъ изъявлено согласіе. Но если они, изъ тѣхъ малолѣтнихъ, мужескаго пола, которые остались въ заведеніи приказа и, достигши совершеннолѣтія, не пожелаютъ приписаться къ податнымъ обществамъ, или, по дурному поведенію, правомъ такой приписки воспользоваться не могутъ, или же обществами не будетъ изъявлено согласіе на ихъ принятіе, то они обращаются въ военно-рабочія и арестантскія роты, если только это по состоянію ихъ здоровья окажется возможнымъ; въ противномъ случаѣ оставляются въ заведеніяхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, для употребленія въ соотвѣтственныя силамъ ихъ, работы. (Мн. гос. сов. 26 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 12 сентября 1861 г. № 73).

О пріостановленіи отдѣленія ремесленниковъ отъ мѣщанъ. Впредь до утвержденія новыхъ, о ремесленной промышленности, правилъ, положено: не отдѣлять ремесленниковъ отъ мѣщанъ въ особыя общества по платежу податей и отправленію повинностей въ тѣхъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ разлѣленія сего по настоящее время еще не сдѣлано. (Пол. ком. мин. 25 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 8 сентября 1861 г. № 72).

Объ отмѣнѣ правилъ опредѣленія въ военную службу бѣдныхъ дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей. Отмѣнены правила объ опредѣленіи въ военную службу бѣдныхъ дворянъ имперіи и Царства Польскаго, а также положеніе 2-го апрѣля 1839 года объ обязательномъ зачисленіи въ службу сыновей офицеровъ и чиновниковъ, не дослужившихся до правъ потомственнаго дворянства. При этомъ, тѣмъ дворянамъ и вольноопредѣляющимся, которые по существовавшимъ для бывшихъ учебныхъ войскъ постановленіямъ, обязаны пробыть въ службѣ извѣстные сроки, представлено право на увольненіе въ отставку во всякое время, исключая военнаго, согласно положенію военнаго совѣта 26 іюня 1861 года. (Высоч. повел. въ сен. вѣд. 26 сентября 1861 г. № 47).

Временный наказъ уѣзднымъ полиціямъ и наставленіе военнымъ начальникамъ въ случаѣ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ. 16 августа утвержденъ временный наказъ уѣзднымъ полиціямъ и, вслѣдъ затѣмъ 4 сентября, наставленіе военнымъ начальникамъ, на случай народныхъ волненій и безпорядковъ. Въ изданномъ наказѣ подробно изло-

жен образ дѣйствій мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ, во время возникающихъ волненій и безпорядковъ, для прекращенія которыхъ употребляется военная сила только въ случаяхъ открытаго сопротивленія и при безотлагательной необходимости. Но прежде прекращенія безпорядковъ силою, должны быть испытаны всѣ другія средства для возстановленія спокойствія и сдѣлано троекратное предвареніе сопротивляющимся о томъ, что въ случаѣ ихъ непослушанія, войска будутъ дѣйствовать оружіемъ. Во всякомъ случаѣ, при возстановленіи порядка, не дозволяется употреблять какихъ либо наказаній, предоставляя это суду.

Согласно правиламъ, изложеннымъ въ наставленіи, начальники воинскихъ командъ, исполняя требованія полицейскихъ чиновниковъ, распоряжающихся на мѣстѣ безпорядковъ, распоряжаются сами, въ случаѣ, если этотъ чиновникъ будетъ захваченъ возмутившимися и лишенъ возможности дѣйствовать; и кромѣ того, когда возмутившіеся сами нападутъ на войска или когда представится безотлагательная необходимость спасти жизнь лицъ, подвергающихся насильственнымъ дѣйствіямъ со стороны возмутившихся. Войскамъ же, находящимся въ караулѣ, въ патруляхъ, въ обходахъ и пр. для сохраненія общественнаго порядка, разрѣшается во всякое время и безъ всякаго требованія употреблять оружіе: а) для отраженія нападенія или для преодолѣнія сопротивленія; б) при понужденіи къ должному повиновенію; в) для защиты охраняемыхъ ими лицъ, и предметовъ; г) для воспрепятствованія покушеніямъ къ побѣгу содержащихся подъ арестомъ. При этомъ послѣдствія отъ употребленія оружія, въ нанесеніи ранъ или причиненіи смерти, не налагаютъ никакой отвѣтственности на начальника воинской команды, дѣйствующей силою (оружія, въ случаяхъ, разрѣшаемыхъ правилами, изложенными въ наставленіи. Полож. комитета въ 16 августа и 4 сентября 1861 г. въ Сен. вѣд. 1 и 22 сентября 1861 г. №№ 73 и 76).

II.

МѢСТНЫЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Ежегодное жертвованіе купцовъ и мѣщанъ посада Азова, Екатеринославской губерніи на богадѣльню. Общество купцовъ и мѣщанъ посада Азова Екатеринославской губерніи изъявило желаніе жертвовать ежегодно сумму на содержаніе устроенной тамъ временно, въ 1856 году купцомъ Пятаченко, богадѣльни и объ обращеніи ея въ постоянное учрежденіе, подъ названіемъ «Азовской, купца Пятаченка богадѣльни.» (Полож. ком. мин. 25 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 8 сент. 1861 г. № 72).

Учрежденіе въ Житомирѣ Еврейскаго ремесленнаго училища. 29 іюля утверждено положеніе о Житомирскомъ Еврейскомъ ремесленномъ училищѣ, учреждаемомъ въ видѣ опыта, на 3 года, съ цѣлью распространенія ремесленныхъ знаній между евреями, для направленія ихъ чрезъ то къ полезному и производительному труду. (Полож. ком. объ устр. евреевъ 29 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд 15 сент. 1861 г. № 74).

Объ отмежеваніи скотопрогонныхъ дорогъ въ земль войска Донскаго. Въ измѣненіе и дополненіе 81 пункта полож. о размежев. земель войска Донскаго (*) опредѣлено: 1) скотопрогонныя дороги въ землѣ войска Донскаго для свободнаго и безплатнаго прогона скота, назначить въ 60 саж. шириною, безъ отвода при нихъ особыхъ попасныхъ мѣстъ, и вымежевать въ войсковую собственность въ тѣхъ направленіяхъ, какъ онѣ показаны на картѣ межевою коммисіею; 2) вымежеваніе этихъ дорогъ производить только изъ свободныхъ войсковыхъ и станичныхъ юртъ земель и изъ тѣхъ владѣльческихъ дачъ, кои еще не обмежеваны: 3) распространеніе до 60 саженной ширины дорогъ, пролегающихъ между обмежеванными владѣльческими дачами, производить только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть прилеглыя войсковыя земли, изъ коихъ и вознаграждать владѣльцевъ за отошедшія земли; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ такихъ свободныхъ земель нѣтъ,—оставить дороги въ прежней 10 саженной ширинѣ; 4) скотопрогонныя дороги, въ землѣ войска Донскаго, подчинить непосредственному надзору общества застрахованія скота, которое, на всемъ пространствѣ оныхъ, можетъ, по своему усмотрѣнію, устроивать на свой счетъ искусственные водопои, но съ тѣмъ, чтобы дороги эти были вполнѣ доступны свободному пользованію для прогона скота, какъ принадлежащаго обществу, такъ и всякаго другаго. Въ сихъ видахъ предоставить обществу учредить въ войскѣ, гдѣ признаетъ нужнымъ, центральное агенство иконтору, для производства своихъ операцій, и снабдить правленіе общества надлежащими, касательно дорогъ, свѣдѣніями. (Полож. воен. сов. 18 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 12 сент. 1831 г. № 73).

О закрытіи межевыхъ судовъ въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской. Положено закрыть немедленно межевые суды въ тѣхъ уѣздахъ Черниговской и Полтавской губерній, въ которыхъ, по открытіи генеральнаго межеванія, учреждены уже межевыя коммиссіи, въ тѣхъ же уѣздахъ, гдѣ межевыя коммиссіи еще неучреждены, межевые суды закрываются постепенно, по мѣрѣ учрежденія коммиссій. При этомъ межевыя палаты снхъ губерній, дѣла, производящіяся въ упраздняемыхъ межевыхъ судахъ, передаютъ въ межевыя коммиссіи или уѣздные суды, смотря по предметамъ, для дальнѣйшаго производства, причемъ предоставлено межевымъ палатамъ и коммиссіямъ, по переданнымъ, въ нихъ неисполненнымъ дѣламъ, при окончаніи ихъ на основаніи положенія о размежеваніи Полтавской и Черниговской губерній 27 октября 1839 года, не стѣсняться рѣшеніями межевыхъ судовъ, не вошедшими въ окончательную законную силу. (Мн. гос. сов. 26 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 15 сент. 1861 г., № 74).

Объ увольненіи черноморскихъ адмиралтейскихъ поселянъ изъ морскаго вѣдомства. Поселянъ адмиралтейскихъ селеній, въ Херсонской губерніи, Богоявленска, Воскресенска, Калиновки, Висунска, Березнеговатаго и Покровскаго, положено уволить изъ морскаго вѣдомства, съ предоставленіемъ имъ права причислиться въ городскія или сельскія сословія, на основаніи общихъ законовъ; причемъ самыя селенія переименовать въ пригороды. Для завѣды-

(*) Согласно этому пункту, на войсковыхъ пустопорожнихъ земляхъ назначалась, для прогона скота полоса земли въ 10 саж; кромѣ того для попасовъ по обѣимъ сторонамъ этой полосы на луговыхъ мѣстахъ, по 30 и на горныхъ по 30 саж. и сверхъ того для прокормленія скота, въ каждую отъ дороги сторону, по одной верстѣ.

ванія дѣлами общественными, хозяйственными и сиротскими, положено учредить въ пригородахъ, если возможно, для двухъ и трехъ вмѣстѣ—думы.

По судебнымъ дѣламъ, пригородные купцы, мѣщане и ремесленники подлежатъ вѣдомству Николаевскаго городскаго магистрата.

Съ освобожденіемъ черноморскихъ адмиралтейскихъ поселянъ отъ обязательной работы, на казенныхъ верфяхъ, они обложены въ пользу казны и немества установленными, по новому званію, податями и повинностями. Пожалованныя адмиралтейскимъ селеніямъ земли оставлены за сими поселеніями и ро переименованіи ихъ въ пригороды. Участки, состоящіе подъ домами, двозами, огородами и садами поселянъ, поступаютъ въ полную ихъ собственность съ правомъ передавать и отчуждать посторонним лицамъ. Кромѣ того, положено отдѣлить надлежащее количество земли, для надѣла тѣхъ изъ поселянъ, которые еще не получили таковыхъ участковъ, но изъявятъ желаніе пріобрѣсти ихъ, а также на случай переселенія въ пригороды посторонних обывателей и на выгонъ. Полевыя земли, находящіяся въ общинномъ владѣніи поселянъ, оставить за ними, при томъ же порядкѣ владѣнія; но ссылбы современемъ пригородные обыватели пожелали раздѣлить эти земли между собою на участки, то сіе имъ не воспрещается на томъ же основаніи, какъ это постановлено въ 34 ст. общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, по отношенію земель, пріобрѣтенныхъ ими въ собственность. (Мн. госуд. сов. 14 іюля, въ Сен. вѣд. 29 августа 1861 г., № 69).

Уставъ общества Одесско-Днѣпровскаго водопровода. 14-го іюля 1861 г. утвержденъ уставъ Общества Одесско-Днѣпровскаго водопровода, имѣющаго цѣлью снабженіе города Одессы и ея окрестностей, во всякое время года, свѣжею и чистою водою, посредствомъ особаго гидротехническаго устройства. Согласно уставу, Общество принимаетъ на себя обязанность устроить водопроводы, для продажи чистой воды обывателямъ города во всѣхъ его частяхъ и для орошенія земель въ окрестностяхъ города, и устраиваетъ также водопои для скота.

Кромѣ того, Общество предоставляетъ пожарной командѣ, въ случаѣ пожара, повсемѣстное употребленіе воды изъ водопроводовъ безплатно и, для удобства при несчастныхъ случаяхъ, устрояетъ къ водопроводнымъ трубамъ, въ городѣ на 100, а въ предмѣстьяхъ на 200 саженъ разстоянія, по одному пожарному крану. Устройство водопроводовъ, со всѣми принадлежностями, должно быть окончено Обществомъ, въ теченіе пяти лѣтъ со дня утвержденія устава.

Общество имѣетъ право безпошлиннаго привоза изъ-за границы чугунныхъ трубъ и другихъ принадлежностей, но въ такомъ случаѣ, когда, по сдѣланному приглашенію, русскіе заводчики, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, не примутъ на себя поставку оныхъ не болѣе какъ 15% дороже тѣхъ цѣнъ, по которымъ могли бы иностранныя трубы и другія принадлежности обойтись въ Одессѣ.

Капиталъ Общества опредѣляется въ 2,000,000 рублей, раздѣленныхъ на 20.000 акцій, по 100 рублей каждая. Впослѣдствіи капиталъ сей можетъ быть увеличенъ до 3,000,000 рублей, выпускомъ новыхъ 13,000 акцій по прежней цѣнѣ.

За воду, поставляемую во дворы и дома, посредствомъ трубъ, плата опредѣляется, по взаимному соглашенію съ домовладѣльцами. Наибольшая плата за потребленіе воды назначается: а), за ведро воды $^3/_8$ коп. сер. б), за бочку воды въ 40 ведеръ—12 коп. сер. и в), за водопой лошади, вола или пары овецъ $^3/_8$ коп. сер. Такъ какъ монеты въ $^3/_8$ коп. не существуетъ, то при отдѣльномъ разсчетѣ за одно ведро или за одинъ водопой взимается $^1/_2$ коп. сер.

Бѣдные же жители города могутъ получать, для своего употребленія, воду безплатно кружками изъ фонтановъ, которые Общество обязывается устроить, по указанію городскаго общества.

За воду, расходуемую на поливку улицъ, общество взимаетъ не болѣе 3-хъ коп. за бочку, но не иначе, какъ по заключеніи съ городомъ на этотъ предметъ 12-и лѣтняго контракта и за количество, не превышающее 1,500 бочекъ въ день. Въ обезпеченіе исправнаго исполненія всѣхъ принимаемыхъ Обществомъ обязанностей, учредители вносятъ въ мѣстную городскую думу залогъ въ 100,000 рублей, которые возвращаются, по окончаніи всѣхъ работъ по устройству водопровода и открытія онаго въ, уставомъ опредѣленный, срокъ.

Коль скоро будутъ разобраны всѣ акціи—учреждается правленіе общества, состоящее изъ четырехъ директоровъ, избранныхъ по большинству трехъ четвертей голосовъ общаго собранія акціонеровъ.

Въ директоры правленія могутъ быть избираемы только лица, имѣющія на свое имя не менѣе 50-ти акцій.

Каждый акціонеръ можетъ присутствовать въ общемъ собраніи, но подаетъ голосъ тотъ, кто имѣетъ на свое имя не менѣе 25-и акцій. Владѣющій 100 акціями-имѣетъ 2 голоса, 200 акцій и болѣе даютъ право на 3 голоса. По прошествіи 50-и лѣтъ со времени открытія водопровода, дѣйствія Общества прекращаются, водопроводы со всѣми принадлежностями поступаютъ въ собственность города, безъ всякаго вознагражденія, а наличный капиталъ раздѣляется между акціонерами. Независимо отъ сего городу предоставляется право пріобрѣтенія водопроводовъ общества и ранѣе сего срока, но не прежде истеченія первыхъ 15-и лѣтъ, со дня утвержденія устава. Сен. вѣд. 15 авг. 1861 г.№ 63).

Объ измѣненіи сроковъ, назначенныхъ уставомъ общества Ростовскаго (на Дону) водопровода. Сроки, назначенные въ §§ 13, 25 и 31 устава общества Ростовскаго (на Дону) водопровода, для устройства водопроводовъ, предоставленія залоговъ въ обезпеченіе предпріятія и открытія подписки на акціи, положено считать не со дня утвержденія и обнародованія устава общества, а съ 1-го іюля, 1861 г.

Уставъ общества Ростовскаго (на Дону) водопровода, для снабженія жителей города во всякое время года свѣжею и чистою водою, утвержденъ 11-го апрѣля 1860 г. Согласно сему уставу, капиталъ общества опредѣлялся въ 200,000 рублей, раздѣленныхъ на 2,000 акцій по 100 рублей каждая; правленіе общества должно находиться въ Ростовѣ и состоять изъ 3-хъ директоровъ, по выбору общаго собранія акціонеровъ, на которомъ право голоса имѣетъ всякій, владѣющій 5-ю акціями. Выбранные въ первый разъ директоры остаются въ этомъ званіи три года: послѣ же сего срока ежегодно выбываетъ по одному директору и на мѣсто его избирается новый. (Мѣн. госуд. сов. 11 апр. 1860 г. и полож. ком. мин. 4 іюля 1861 г. въ Сен. вѣд. 17 мая 1860 г. № 40 и 8 авг. 1861 г. № 63.)

О дозволеніи дальнѣйшаго пребыванія Евреевъ въ г. Одессѣ. Дозволено дальнѣйшее пребываніе въ Одессѣ тѣмъ изъ иностранныхъ Евреевъ, которые, проживая въ семъ городѣ продолжительное время, пріобрѣли въ оном осѣдлость, имѣютъ постоянныя занятія по торговлѣ и промышленности и могутъ представить доказательства своей благонадежности; причемъ разрѣшено имъ заниматься мастерствами съ записною въ цехъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнено въ обязанность мѣстному начальству, имѣть наблюденіе какъ за непремѣнною уплатою помянутыми Евреями установленныхъ ст. 528 уст. о пасп. и бѣг. по-

винностей, такъ и о примѣненіи ко вновь пріѣзжающимъ въ Одессу иностраннымъ Евреямъ, во всей строгости, изъясненныхъ въ той статьѣ правилъ. (Полож. ком. объ устр. Евреевъ 4-го іюня, Сен. вѣд. 29 авг. 1861 г. № 69.)

О дозволеніи Евреямъ заниматься ремеслами въ городахъ: Николаевѣ и Севастополѣ. Дозволено Евреямъ мѣщанамъ заниматься въ Николаевѣ и Севастополѣ производствомъ ремеслъ какъ на правахъ иногородныхъ лицъ, такъ и съ правомъ водворенія въ оныхъ. (Полож. ком. объ устр. Евреевъ 4 іюня, въ Сен. вѣд. 29 авг. № 99.)

Объ усиленіи сбора съ колонистовъ Новороссійскаго края и Евреевъ земледѣльцевъ Южнаго края. Вслѣдствіе утвержденія новыхъ штатовъ попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ Южнаго края Россіи съ подвѣдомственными ему: попечительствомъ о Бессарабско-Болгарскихъ колоніяхъ и Еврейскимъ попечительствомъ, положено: усилить взимаемый нынѣ сборъ съ колонистовъ Новороссійскихъ по 9 коп. съ каждой, вышедшей изъ льготы, ревизской души; на содержаніе же Еврейскаго отдѣленія отнести и доходы отъ излишнихъ земель, отведенныхъ подъ поселеніе Евреевъ. Взиманіе сего добавочнаго сбора начинается съ 1-го іюля 1861 года. (Мн. госуд. сов. 4 іюня 1861 г. въ сен. вѣд. 25 авг, № 68.)

О дозволеніи Севастопольскому магистрату свидѣтельствовать вѣрющія письма. Въ дополненіе примѣчаній къ ст. 731 т. X С. I св. зак. изд. 1857 г. дозволено Севастопольскому городовому магистрату свидѣтельствовать вѣрющія письма наравнѣ съ уѣздными судами. (Мн. госуд. сов. 13 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 29 авг. № 69.)

Объ учрежденіи полицейскихъ судовъ въ Западныхъ губерніяхъ. 5 августа утверждено временное положеніе о полицейскихъ судахъ, учреждаемыхъ, въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ.

Временнымъ положеніемъ воспрещаются всякаго рода публичныя заявленія желаній и стремленій, направленныхъ противъ существующаго правительственнаго порядка. За эти проступки виновные, смотря по обстоятельствамъ, увеличивающимъ, или уменьшающимъ вину — подвергаются: аресту на время отъ 2-хъ дней до 4-хъ и болѣе недѣль и денежному взысканію отъ 10 до 800 и болѣе руб. сер.;

Виновные въ оскорбленіи должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, подвергаются, кромѣ денежнаго взысканія, аресту отъ 2-хъ недѣль до 2 хъ мѣсяцевъ.

Сроки заключенія подъ арестомъ уменьшаются для несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ 17-и лѣтняго возраста, до одной трети указанныхъ выше сроковъ. Лица женскаго пола не присуждаются къ личному аресту, кромѣ случаевъ, когда арестъ назначается вмѣсто денежнаго штрафа.

Производство этихъ дѣлъ сосредоточивается въ полицейскихъ судахъ, учреждаемыхъ, на первый разъ, въ губернскихъ городахъ, составляющихъ первую инстанцію для дѣлъ сего рода.

Ревизія дѣлъ, поступающихъ изъ полицейскихъ судовъ, производится въ апелляціонныхъ полицейскихъ судахъ, составляющихъ вторую инстанцію и учреждаемыхъ въ городахъ Вильнѣ и Кіевѣ.

Полицейскіе суды, руководствуясь общими правилами о поводахъ къ началу уголовныхъ дѣлъ, предварительно постановляютъ по каждому отдѣльному случаю, заключеніе о томъ: представляется ли достаточный поводъ къ призы-

ву къ суду обвиняемыхъ въ обнаруженномъ или заявленномъ проступкѣ. Призывъ къ суду обвиняемаго и свидѣтелей совершается повѣстками.

По явкѣ вызываемыхъ, судъ, въ присутствіи своемъ, допрашиваетъ словесно обвиняемаго и свидѣтелей; сущность отвѣтовъ записывается въ протоколъ засѣданія. Послѣ окончанія слѣдствія и удаленія подсудимыхъ, судъ, не выходя изъ присутствія, постановляетъ, по большинству головъ, рѣшеніе и вслѣдъ затѣмъ словесно объявляетъ его подсудимымъ. Срокъ, для принесенія апелляціи, устанавливается семидневный. Отзывы пишутся на простой бумагѣ и при этомъ вносится половина присужденнаго штрафа, на случай признанія апелляціи незаслуживающею уваженія.

Независимо отъ принесенія апелляціи, дѣла переносятся на ревизію апелляціонныхъ полицейскихъ судовъ по протестамъ стряпчихъ. Рѣшенія апелляціонныхъ судовъ признаются окончательными и могутъ быть отмѣнены не иначе, какъ Высочайшею властью.

Съ признанныхъ виновными, по рѣшеніямъ полицейскихъ судовъ какъ первой степени, такъ и апелляціонныхъ, кромѣ штрафовъ, взыскиваютъ издержки, необходимыя на покрытіе расходовъ по явкѣ свидѣтелей и другихъ лицъ, вызванныхъ судами, канцелярскіе расходы и наконецъ деньги, представленныя въ залогъ правой апелляціи, въ томъ случаѣ, когда будетъ утвержденъ приговоръ суда первой степени. Для уплаты штрафовъ, судъ назначаетъ семидневный срокъ, по истеченіи котораго, полиція, также въ теченіи семи дней, приступаетъ къ продажѣ съ публичнаго торга движимаго имущества, а въ случаѣ недостаточности его, къ наложенію секвестра на имущество недвижимое и на получаемые съ него доходы, впредь до назначенія въ продажу. (Полож. ком. мин. 5 авг. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11 авг. № 64.)

О правилахъ при объявленіи какихъ либо мѣстностей Западныхъ губерній на военномъ положеніи. Вслѣдствіе возрастающихъ въ Западныхъ губерніяхъ безпорядковъ, предоставлены главнымъ начальникамъ этихъ губерній особыя права, причемъ разрѣшено имъ самимъ объявлять на военномъ положеніи мѣстности, когда они сочтутъ нужнымъ, не испрашивая на то Высочайшаго разрѣшенія.

Для мѣстностей же, объявленныхъ на военномъ положеніи, установлены особыя правила, изъ которыхъ главнѣйшія,—слѣдующія: 1) главный начальникъ края можетъ удалять отъ должностей чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ и отрѣшать и предавать суду всѣхъ безъ изъятія членовъ земской и градской полиціи. 2) Всѣ жители и чиновники воинскіе и полицейскіе подвѣдомы военному суду, причемъ всѣ обвиняемые въ измѣнѣ, бунтѣ, явномъ неповиновеніи воинскимъ и гражданскимъ начальникамъ или склоненіи другихъ къ этимъ преступленіямъ, хотя бы и не произошло возмущенія, въ насиліи, разбоѣ, убійствѣ, грабежѣ и зажигательствѣ, подлежатъ военному суду, который приговариваетъ виновныхъ къ наказанію, на основаніи полевыхъ военно-уголовныхъ законовъ; 3) главный начальникъ утверждаетъ приговоры военныхъ судовъ и приказываетъ приводить ихъ въ исполненіе; 4) главный начальникъ края въ объявленную на военномъ положеніи мѣстность назначаетъ военнаго начальника, который обязанъ содержать жителей въ совершенномъ повиновеніи, препятствовать вреднымъ подстрекательствамъ, или изъявленію *наружнаго неуваженія* къ правительству и мѣстнымъ властямъ, удалять изъ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи всѣхъ иностранцевъ, праздно проживающихъ, и подозрительныхъ людей.

3) Въ объявленной на военномъ положеніи мѣстности: а) воспрещается — собираться безъ нужды на улицахъ и площадяхъ; по требованію полицейскихъ и военныхъ властей, всякія скопища должны немедленно расходиться, а въ случаѣ неисполненія сего послѣ трехъ предвареній, скопища разсѣеваются силою; б) изъ процессій дозволяется только установленныя церковью, но и объ этихъ духовенство должно предварять полицію, для принятія мѣръ къ предупрежденію безпорядковъ; в) всякія собранія въ публичныхъ или частныхъ домахъ, которыя будутъ признаны вредными мѣстною властью, должны быть немедленно прекращаемы; г) лавки, шинки, кофейныя и другія подобныя заведенія, по распоряженію мѣстнаго начальства, запираются въ установленное время; д) мѣстная полиція и военные патрули вправѣ останавливать тѣхъ, которыхъ признаютъ подозрительными, и отсылать ихъ къ военной власти; и е) въ случаѣ сопротивленія, воинская сила, вынужденная употребить оружіе, не подвергается отвѣтственности за послѣдствія.

Кромѣ того, по невозможности исчислить всѣ мѣры, къ которымъ ведетъ военное положеніе, жители предваряются, что безпорядокъ долженъ вызвать экстренныя и энергическія мѣры противъ всякаго участника въ безпорядкѣ (Полож. ком. мин–въ 5 авг. 1861 г. въ Сен. вѣд. 11 авг. № 64.)

ВІСТІ.

ПОСЛѢ ПОѢЗДКИ НА ЮГЪ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ удалось съѣздить на родину — въ Малороссію и побывать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края. Я имѣлъ случай слышать и наблюдать тамъ нѣкоторыя явленія общественнаго быта, преимущественно въ сферѣ происходящаго теперь преобразованія по крестьянскому дѣлу; полагаю, что небольшой запасъ собранныхъ мною свѣдѣній не будетъ лишенъ интереса для читателей.

Начну съ хозяйства. Почти всѣ малороссійскіе землевладѣльцы жалуются на ущербъ, который они понесутъ въ своихъ доходахъ въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе совершающагося хозяйственнаго переворота. Имѣя въ виду уменьшеніе барщиннаго труда, многіе сочли необходимымъ убавить посѣвы. Но несмотря на это уменьшеніе запашки, все-таки оказался неуспѣхъ въ производствѣ хозяйственныхъ работъ. Это объясняютъ тѣмъ, что теперешній барщинный трудъ никуда не годится, что крестьяне, утративъ страхъ помѣщичьей кары, выходятъ на барщину поздно и дѣлаютъ все кое-какъ, до-нельзя плохо. Для восполненія недостатка обязательной работы, многіе владѣльцы оказались въ необходимости прибѣгнуть къ найму, и помѣщичьи поля въ Малороссіи впервые, хотя и не вполнѣ, обработаны были свободнымъ трудомъ, не изъ-подъ палки. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ, на первый разъ, оказался не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Я былъ свидѣтелемъ затрудненій, какія встрѣчались при наймѣ рабочихъ на табачныя плантаціи. Извѣстно, что, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской и Пол-

тавской губерній (*), табачная промышленность составляетъ главную отрасль сельскаго хозяйства. Табакъ требуетъ постояннаго и весьма тщательнаго за собою ухода. Сюда относятся: разсаживаніе табаку, его поливка, полотьба, саповка, обрываніе верхушекъ, для того, чтобъ сосредоточить всѣ соки растенія въ боковыхъ листахъ и проч. Чтобъ содержать въ надлежащемъ порядкѣ нѣсколько десятковъ десятинъ, засаживаемыхъ во многихъ имѣніяхъ табакомъ, необходимо ежедневно имѣть нѣсколько десятковъ и до сотни рабочихъ рукъ. Въ прежніе годы работы, эти, не требующія большой физической силы, исполнялись обыкновенно крестьянскими дѣтьми обоего пола, и частію женщинами. Но теперь, при запрещеніи брать на барщину лицъ моложе 18 лѣтъ, при уменьшеніи барщинныхъ женскихъ дней, помѣщики находились въ большомъ затрудненіи, какъ продолжать воздѣлываніе табачныхъ плантацій. Нѣкоторые рѣшились почти вовсе оставить табачную промышленность, или значительно уменьшили ея размѣры. Только весьма немногіе удержали прежній объемъ табачныхъ плантацій и, для обработки ихъ, принуждены были обратиться къ найму. Такъ какъ наемный трудъ составляетъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, новость, то понятно, что лица, нуждавшіяся въ немъ, на первый разъ, должны были встрѣтить затрудненіе. Собственно вольныхъ людей—козаковъ или государственныхъ крестьянъ — нельзя было нанять, потому-что большая часть ихъ занята работою у себя дома; остальные же, по издавна-существующему обычаю, идутъ заработывать *копійку* въ Новороссійскій край. Ничего не оставалось дѣлать, какъ только обратиться къ прежнимъ крѣпостнымъ, т. е. къ тѣмъ же крестьянамъ, которые до сихъ поръ обязательно исполняли эту работу. Но они весьма неохотно отозвались на приглашеніе помѣщиковъ. Нельзя не предполагать, что въ числѣ причинъ ихъ отказа было также нѣкоторое желаніе лишить помѣщика возможности имѣть хорошій табакъ. Весьма рѣдко случалось, чтобы на плантаціяхъ было то число рабочихъ, какое дѣйствительно было нужно, а въ праздникъ, который, бывало, шелъ не въ счетъ рабочихъ дней, нельзя было найти никого, ни за какія деньги. Сверхъ-того, другое затрудненіе заключалось еще въ томъ, что каждый работникъ, дитя или женщина, нанимались съ

(*) Козелецкій, Нѣжинскій, Сосницкій, Борзенскій, Конотопскій, а равно Роменскій, Прилуцкій и Пирятинскій.

условіемъ, чтобы расчетъ производился не понедѣльно, а по окончаніи работъ каждаго дня. Поводомъ къ такому требованію служило, какъ догадываются, опасеніе крестьянъ, чтобы помѣщикъ не сталъ считать ихъ трудъ обязательнымъ, крѣпостнымъ, и не отказался бы отъ производства уплаты за работу нѣсколькихъ дней. Не говоря о неудобствѣ подневнаго расчета вообще, главная трудность удовлетворенія требованіямъ крестьянъ, заключалась въ недостаткѣ мелкой размѣнной монеты. Цѣны на рабочихъ въ уѣздахъ Нѣжинскомъ, Прилуцкомъ и Пирятинскомъ были: для дѣтей отъ 5 до 7 коп., а для женщинъ отъ 10 до 12 и 15 коп. въ день. Сколько было нужно размѣнныхъ денегъ, для такихъ мелкихъ платежей! Кто не имѣлъ мелкихъ денегъ, что весьма часто случалось, тотъ почти не могъ нанять рабочихъ. Нужно было посылать нарочнаго въ уѣздный городъ, для размѣна билетовъ, да и тутъ съ большимъ трудомъ и не всегда можно было достать мелочи; напр. въ Нѣжинѣ, во время Троицкой ярмарки, одинъ мой знакомый не могъ размѣнять на мѣдь билета въ 25 руб. и едва-едва успѣлъ достать мѣди на 10 рублей, съ лажемъ по 5 коп. на рубль. Для избѣжанія всѣхъ затрудненій при наймѣ рабочихъ въ будущемъ году, нѣкоторые помѣщики предполагаютъ еще, съ зимы, договорить нужное число людей въ *Литвѣ* (т. е. въ Бѣлоруссіи), на все лѣто. При существованіи изложенныхъ обстоятельствъ, должно полагать, что въ нынѣшнюю осень табакъ, несмотря на хорошій его урожай, будетъ довольно дорогъ. Относительно же будущаго времени, есть большая вѣроятность думать, что черезъ годъ, два или три, почти всѣ большія помѣщичьи табачныя плантаціи прекратятся, ибо сами крестьяне, значительно облегченные отъ барщинной работы, станутъ производить табакъ въ большомъ количествѣ, на своихъ огородахъ, мелкими плантаціями. И какъ они, по-обыкновенію, не принимаютъ въ расчетъ труда, употребленнаго на обработку своего поля, то цѣны, по которымъ они начнутъ продавать табакъ, будутъ гораздо ниже тѣхъ, по какимъ могутъ уступать табакъ помѣщики, затратившіе на производство его нѣсколько сотъ рублей. Можетъ-быть, что такое состояніе табачной промышленности будетъ продолжаться недолго, и что современемъ, когда крестьяне лучше поймутъ цѣну труда и времени, большія плантаціи снова возникнутъ; но, покамѣстъ, до этого далеко, и означенный кризисъ, кажется, неизбѣженъ. Помѣщики, которые захотятъ соперничать съ крестьянами, должны будутъ обратиться или къ воздѣлыванію высшихъ сортовъ та-

баку, или сократить издержки производства посредствомъ введенія какихъ нибудь особыхъ усовершенствованій, машинъ и т. п. (*)

Новороссійскій край, съ которымъ я только теперь нѣсколько ближе познакомился, посѣтивъ нѣкоторыя имѣнія Александрійскаго (Херсон. губ.) и Екатеринославскаго уѣздовъ, представляетъ много любопытнаго, для сравненія съ Малороссіей въ отношеніи хозяйственнаго положенія помѣщичьихъ имѣній.

Новороссійскія губерніи всегда отличались отъ Малороссіи, равно и отъ прочихъ губерній, тѣмъ, что обязательный трудъ, хотя и существовалъ тамъ во всей своей силѣ, но при незначительности крѣпостнаго населенія, въ сравненіи съ обширностію земель, сельскія работы издавна производились тамъ неначе, какъ съ участіемъ вольнаго труда. Ни одинъ помѣщикъ не могъ обойтись безъ наемныхъ рабочихъ и большую часть всѣхъ полевыхъ работъ производилъ всегда вольными людьми. Каждый изъ тамошнихъ землевладѣльцевъ имѣлъ, въ этомъ случаѣ, полное основаніе расчитывать на большое число лицъ, приходящихъ въ Новороссію, какъ изъ малороссійскихъ губерній, такъ и изъ Литвы, для заработковъ. Кромѣ того, въ обширныхъ степяхъ Херсонской и Екатеринославской губерній, въ большомъ числѣ кочуютъ, удобно скрываясь отъ полиціи, такъ называемые *бурлаки*, т. е. бѣглые помѣщичьи, крестьяне, или солдаты. Эти люди, нисколько не опасаясь быть захваченными, всегда готовы къ услугамъ желающаго пользоваться ихъ трудомъ. Паспортовъ ни у кого не спрашиваютъ, и нанимателю можетъ не знать, кто у него работаетъ, а если и знаетъ, что такіе-то изъ нанятыхъ—бродяги, то, при всемъ же—

(*) Намъ кажутся опасенія почтеннаго автора насчетъ закрытія табачныхъ плантацій преувеличенными. Особенно, соперничество крестьянъ съ помѣщиками въ обработкѣ табаку представляется невозможнымъ. Если крестьянинъ, нуждающійся въ деньгахъ, поспѣшитъ продать барышникамъ нѣсколько пудовъ воздѣланнаго имъ табаку, то этимъ онъ нисколько не подрываетъ цѣнъ, которыя зависятъ отъ запроса и отъ количества табаку у большихъ плантаторовъ; не такъ давно бывало, что нѣкоторые помѣщики запродавали на корнѣ свой табакъ; но это не имѣло вліянія на цѣны. Мы были бы весьма рады, если бы освобожденный крестьянинъ, увеличивъ свои табачныя плантаціи, могъ вступить въ соперничество съ помѣщикомъ; но это едвали сбыточно. Откуда крестьянину получить возможность воздѣлывать табакъ въ большемъ, чѣмъ онъ теперь воздѣлываетъ, количествѣ, когда пространство его огородовъ останется тоже самое, какое было и прежде и когда онъ не перестанетъ садить огородныя овощи, которыя необходимы для его продовольствія? *Ред.*

ланіи предать ихъ въ руки надлежащей власти, не рѣшится этого сдѣлать, опасаясь товарищей пойманнаго, которые жестоко отмстили бы за такой поступокъ. Цѣны на трудъ въ Новороссійскомъ краѣ, уже нѣсколько лѣтъ, держатся довольно высокія. Работникъ съ косою (въ Новороссійскомъ краѣ косою убирается какъ сѣно, такъ и хлѣбъ) стоитъ отъ 75 до 1 руб., съ граблями отъ 60 до 80 коп. въ день. Кромѣ этой денежной платы, непремѣнное условіе найма составляютъ *харчи* и *порціи*, т. е. пища и водка, которыя каждый хозяинъ обязанъ давать рабочимъ нѣсколько разъ въ день. Какъ вольный человѣкъ, пришедшій издалека заработать денегъ, такъ и бурлакъ, любятъ поѣсть *добре*, и хорошіе работники всегда избѣгаютъ тѣхъ имѣній, гдѣ пища не совсѣмъ хороша. Они скорѣе согласятся на уменьшеніе платы,—только бы хорошо ихъ кормили. По принятому обычаю, ихъ кормятъ 4 раза въ день, по утру *сніданье*, потомъ *обѣдъ*, *полудень* и наконецъ *вечеря*. Ко всѣмъ этимъ срокамъ, тутъ же въ полѣ, на мѣстѣ работъ, въ подвижной кухнѣ приготовляются различныя кушанья, какъ-то: *кулишъ* (жидкая каша) или *галушки*, съ саломъ или съ постнымъ масломъ, *борщъ* съ рыбой, мясомъ и саломъ и *крутая каша*. Кромѣ того, работникамъ даютъ хлѣбъ, а иногда кукурузу, огурцы и проч. Послѣ каждой ѣды, работникъ получаетъ порцію водки, равняющуюся небольшому стакану. Въ имѣніяхъ съ 3 или 4 тысячами десятинъ земли (такихъ весьма много въ Новороссійскомъ краѣ), въ продолженіи лѣта, работаютъ отъ 100 до 200 и болѣе наемныхъ рабочихъ, издержки на содержаніе которыхъ, т. е. плата за трудъ и пища, обходятся всегда въ нѣсколько тысячъ рублей. Уже по этому расходу на рабочихъ, можно судить о величинѣ оборотнаго капитала въ имѣніяхъ Новороссійскаго края. Кромѣ вольнаго труда, здѣсь довольно давно стали вводиться разныя машины и усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія. Конныя молотилки существуютъ почти вездѣ, даже въ маленькихъ имѣніяхъ, а въ большихъ нерѣдко можно найти и паровыя. Всѣ эти условія, подавляя собою крѣпостной трудъ, сдѣлали значеніе его неважнымъ для большинства помѣщиковъ, а потому объявленіе свободы въ Новороссійскомъ краѣ не могло произвесть того невыгоднаго вліянія на состояніе помѣщичьихъ хозяйствъ, какъ въ Малороссіи. Это отчасти зависѣло и отъ того, что въ Херсонской губерніи (въ Екатеринославской я этого не замѣтилъ) крѣпостная работа была не многимъ слабѣе прежней. Должно полагать, что относительная рѣдкость крѣпостнаго населенія, разбро-

саннаго на огромныхъ пространствахъ Херсонскихъ степей небольшими селами и деревнями, и происходящій отсюда недостатокъ частаго общенія между крестьянами препятствуютъ развитію въ нихъ тѣхъ чувствъ, которыя замѣтны, при густомъ крѣпостномъ населеніи, въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ.

Смотря на энергическую дѣятельность многихъ Новороссійскихъ сельскихъ хозяевъ, на раціональность принимаемыхъ ими средствъ, ихъ стремленій и цѣлей, невольно задаешь себѣ вопросъ: почему ничего подобнаго не видно въ Малороссіи, почему послѣдняя такъ отстала отъ своей молодой сосѣдки? — Отвѣтомъ на это служитъ, главнымъ образомъ, различіе географическихъ и другихъ условій той и другой мѣстности.

Плодородныя новороссійскія степи, расположенныя вдоль южной границы нашей, примыкаютъ къ берегамъ Чернаго моря. Днѣпръ, прорѣзывающій Екатеринославскую и Херсонскую губерніи, будучи судоходенъ, на всемъ протяженіи отъ Никополя (Екатеринослав. губ.) до Херсона, сближаетъ съ Одессою и другими нашими южными портами даже довольно отдаленные отъ береговъ пункты. Правильное буксирное и пассажирское пароходство, которое содержитъ, на означенномъ пространствѣ, «Общество пароходства и торговли по Черному морю», представляетъ способы для возможно-скораго сообщенія съ портами. Только хозяйства, находящіяся совершенно въ сторонѣ отъ Днѣпра, лишены возможности пользоваться пароходствомъ, но и для нихъ медленность обыкновенныхъ способовъ сухопутныхъ сообщеній облегчается относительною близостію разстоянія торговыхъ пунктовъ. Такимъ образомъ, почти каждый землевладѣлецъ въ Новороссіи обезпеченъ во всѣхъ своихъ продажахъ и покупкахъ. Еврей или другой купецъ, пріѣзжая въ деревню, не смѣетъ предложить помѣщику, за его пшеницу, ленъ или шерсть, цѣну ниже дѣйствительной, зная, что, въ противномъ случаѣ, весь товаръ можетъ быть удобно отправленъ непосредственно хозяиномъ въ самое мѣсто сбыта. Чтобъ купить машину или другое что нужное для хозяйственнаго производства, стоитъ только сѣсть на пароходъ и выбрать самому въ Одессѣ вещь, по своему желанію, которая не замедлитъ прибыть на мѣсто, вслѣдъ за своимъ хозяиномъ. Многія машины можно купить, не ѣздивши въ Одессу, въ Екатеринославѣ, или выписать эти вещи, черезъ контору г. Ульмана, находящуюся въ семъ городѣ. Нуженъ каменный уголь, для паровыхъ молотильныхъ машинъ,—его всегда мож-

но достать въ Никополѣ. Словомъ—близость пограничныхъ торговыхъ пунктовъ и достаточныя удобства сообщенія съ ними по Днѣпру, давая возможность расчитывать на выгодный сбытъ продуктовъ, невольно побуждаютъ новороссійскаго землевладѣльца къ дѣятельности, труду и энергической предпріимчивости. Выгоды, обѣщаемыя разработкою нетронутыхъ еще естественныхъ богатствъ почвы, въ Новороссійскомъ краѣ такъ значительны, что тамошніе дѣятельные хозяева, ради ихъ, терпѣливо сносятъ и свое пустынножительство, и гладкое однообразіе природы, и даже недостатокъ многихъ существенныхъ удобствъ жизни, какъ напр. хорошаго помѣщенія. Многіе помѣщики живутъ почти въ хатахъ, отличающихся отъ крестьянскихъ только лучшею меблировкою. Такъ—какъ кругомъ все степи, безъ всякихъ признаковъ древесной растительности, то нѣкоторыя изъ помѣщичьихъ усадьбъ не имѣютъ подлѣ не только сада или лѣса, но даже ни одного порядочнаго тѣнистаго дерева. Расчетъ, допускающій одно производительное употребленіе капиталовъ, на улучшеніе имѣній, заставляетъ тѣмъ болѣе сокращать расходы, относящіеся къ удобствамъ и удовольствіямъ жизни, что всѣ молодые дѣятельные землевладѣльцы, начинающіе только свое поприще, принуждены держаться системы кредитныхъ хозяйствъ.

Въ Малороссіи мы видимъ совершенную противоположность. Ближайшими къ Малороссіи пунктами заграничной торговли являются тѣ же южные черноморскіе порты, что и для Новороссійскаго края, но съ тою разницею, что Малороссія, вслѣдствіе своего положенія къ сѣверу, несравненно болѣе отъ нихъ отдалена. Естественнымъ водянымъ путемъ сообщенія съ Чернымъ моремъ, для Малороссіи, долженъ былъ бы служить также Днѣпръ, протекающій по югозападнымъ ея предѣламъ. Но пороги, между Екатеринославомъ и Никополемъ, уничтожаютъ возможность правильнаго судоходнаго сообщенія Малороссіи съ Херсономъ и Одессою. Эти пороги дѣлаютъ то, что Малороссія, отправляя свой хлѣбъ, ленъ и другія произведенія къ Черному морю, медленнымъ и дорогимъ способомъ, на чумацкихъ фурахъ, не можетъ и помышлять о соперничествѣ съ Новороссійскимъ краемъ въ заграничной торговлѣ своими продуктами. Мы слышали, что составляется компанія, для уничтоженія Днѣпровскихъ пороговъ. Если этотъ слухъ справедливъ, то нельзя не пожелать новому предпріятію всевозможнаго успѣха. Пока это не осуществится или не проведется на югъ желѣзная дорога, Малороссія будетъ оставаться страною почти изолированною, безъ всякихъ средствъ для перевозки грузовъ. Въ ней по-

чти нѣтъ и шоссейныхъ дорогъ, которыя такъ уже не новы въ великорусскихъ губерніяхъ. Московско-Харьковское и Кіево-Петербургское шоссе едва лишь касаются малороссійской границы, на сѣверо-востокѣ и западѣ. Есть, однакожь, одинъ рѣчной путь, по которому Малороссія отправляетъ часть своихъ продуктовъ, это — вверхъ по Днѣпру, въ Бѣлоруссію. Перевозка грузовъ здѣсь совершается въ баркахъ, бичевою или съ парусомъ, при подталкиваніи судна безчисленными шестами или баржами. Медленность этого способа, требующаго содержанія множества рабочихъ, и огромныхъ съ ихъ стороны трудовъ, служитъ причиною, что количество хлѣба, отправляемаго этимъ путемъ, едвали превышаетъ 50—60 тысячъ пудовъ въ годъ, — количество, весьма незначительное въ сравненіи съ тѣмъ, что Малороссія производитъ. «Общество пароходства по Днѣпру», кажется, могло-бы замѣнить означенную первобытную перевозку грузовъ, буксированіемъ барокъ посредствомъ пароходовъ; но оно, повидимому, находитъ для себя болѣе выгоднымъ ограничиваться пассажирскимъ пароходствомъ. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, легко понять, почему малороссійскіе землевладѣльцы въ настоящее время не производятъ такихъ оборотовъ, не отличаются такою дѣятельностью и такою распорядительностью, какъ ихъ собратья въ Новороссіи. Можно даже думать, что самое уничтоженіе обязательнаго труда мало поможетъ бѣдѣ. Отдаленность отъ пограничныхъ торговыхъ пунктовъ и совершенное отсутствіе сколько-нибудь порядочныхъ путей сообщенія лишаютъ ее, какъ и всю центральную Россію, средствъ для выгоднаго сбыта продуктовъ, безъ котораго невозможны успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ. Можетъ ли быть какое-нибудь побужденіе къ увеличенію и усовершенствованію производства, посредствомъ введенія дорогихъ машинъ, когда нѣтъ надежды на увеличеніе сбыта? Цѣны всегда такъ низки на всѣ продукты, что помѣщикъ радъ-радехонекъ, если ему удастся отъ продажи чего-нибудь получить разомъ 500 — 600 руб. сер. Откуда тутъ быть капиталамъ для тысячныхъ оборотовъ, какіе ведуттся, напр., въ Екатеринославской губерніи?

Одно преимущество имѣетъ Малороссія предъ Новороссійскимъ краемъ, это—удобства деревенской жизни. Хорошіе помѣщичьи усадьбы, фруктовые и всякіе сады, устроенные трудами нѣсколькихъ поколѣній, близкое сосѣдство помѣщиковъ другъ отъ друга, относительная близость уѣздныхъ городовъ, изобиліе всякихъ вкусныхъ плодовъ и яствъ — дѣлаютъ здѣсь жизнь спокойною и пріятною. Благодаря,

именно, этимъ условіямъ, Малороссія повсюду въ Россіи пріобрѣла себѣ славу *благословенной* страны. Къ-сожалѣнію, однакожъ, нельзя не признаться, что указанныя выгоды далеко не въ состояніи искупить вышеисчисленныхъ неудобствъ. Малороссійскіе помѣщики начинаютъ уже теперь понимать это, видя и слыша, какіе доходы доставляютъ имѣнія въ Новороссіи; но вмѣстѣ съ этимъ они сознаются, что едвали бы согласились отдать свои старыя имѣнія за скучныя, безлѣсныя, хотя и богатыя, новороссійскія степи...

Ущербъ, который послѣдуетъ въ хозяйствѣ малороссійскихъ землевладѣльцевъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, еще болѣе увеличивается естественнымъ бѣдствіемъ — саранчею. Это прожорливое насѣкомое, истребляющее всякую растительность, отъ обыкновенной травы и всѣхъ сортовъ хлѣба до табаку и древесныхъ листьевъ, прилетѣла въ Малороссію, въ прошломъ году, изъ Новороссійскаго края, гдѣ она, уже нѣсколько лѣтъ сряду, постоянно остается. Предостереженія, сдѣланныя помѣщикамъ предводителями дворянства о перепахиваніи полей, на которыхъ положены саранчею яйца, остались, какъ и должно было ожидать, безъ всякихъ послѣдствій. Прошедшая холодная зима возбудила надежду, что яйца пропадутъ отъ морозовъ, но ожиданія не сбылись. Въ началѣ іюня саранча выплодилась въ уѣздахъ Нѣжинскомъ, Козелецкомъ, Переяславскомъ, а равно за Днѣпромъ, въ Кіевской губерніи. Нечего говорить объ отчаяніи и безпокойствѣ жителей, даже сосѣднихъ уѣздовъ. Земская полиція стала принимать мѣры къ уничтоженію саранчи. Способъ истребленія состоялъ въ томъ, что на протяженіи всего поля, занятаго саранчею, копались рвы, и крестьяне, съ метлами въ рукахъ, должны были загонять сюда саранчу, которую потомъ засыпали землею. Каждый крестьянинъ, если на поляхъ его деревни была саранча, долженъ былъ посвящать на истребленіе ея два дня въ недѣлю (одинъ барщинный и одинъ свой). Но крестьяне такъ неохотно брались за эту работу, что мѣстное выраженіе — *выгонять на саранчу* — можно понимать почти буквально. Въ Малороссіи крестьяне и даже многіе изъ помѣщиковъ убѣждены, что саранча есть «наказаніе Божіе», что старые и мудрые люди читаютъ эту фразу, написанную іероглифами на самыхъ крыльяхъ насѣкомаго. Поэтому почти всѣ того мнѣнія, что истреблять саранчу—значитъ гнѣвить Бога, и что единственное средство противъ этого бѣдствія заключается въ молитвѣ. При такихъ предразсудкахъ истребленіе саранчи не могло идти успѣшно: крестьяне исполняли свое дѣло кое-

какъ, только для виду. Количество саранчи не уменьшалось, и это подало поводъ говорить, что масса саранчи даже увеличивается. Въ Кіевской губерніи, гдѣ, по-крайней-мѣрѣ, землевладѣльцы думаютъ, что уничтоженіе саранчи возможно, дѣло это вело единодушнѣе и лучше. Много стараній о немъ прилагало, какъ мы слышали, кіевское губернское начальство, посылая въ разныя мѣста своихъ чиновниковъ, для побужденія крестьянъ и для распоряженія работами. Кромѣ способа, принятаго въ Полтавской губерніи, здѣсь употреблялся еще, другой. Вмѣсто того, чтобъ сгонять саранчу въ рвы метлами, ее ловили сѣткою, наподобіе тѣхъ, какія дѣлаются для ловли бабочекъ. Изъ сѣтокъ, саранча выбрасывалась въ приготовленныя ямы или рвы, и затѣмъ также засыпалась землею, сожигалась или топталась ногами. Но гораздо болѣе успѣшный способъ истребленія саранчи употребляется въ Екатеринославской губерніи. Это способъ конныхъ ловушекъ. Дѣлается деревянный ящикъ около 2 арш. длины и 1 арш. ширины. Съ длинной боковой стороны ящикъ открытъ; дно его съ этой же стороны продолжено такъ, что ширина собственно ящика вдвое менѣе ширины всего дна. Въ двѣ дыры, просверленныя по угламъ продолженнаго дна, продѣты по двѣ веревки, въ кои впрягаются лошади. Для каждаго такого ящика, нужно пару лошадей и одного человѣка, который управляетъ лошадью, сидя верхомъ. Нѣсколько такихъ запряженныхъ ящиковъ ставятся въ рядъ въ полѣ, занятомъ саранчею. Въ то время, когда лошади скачутъ, ящикъ тащится по землѣ, и саранча волею — не — волею попадаетъ въ открытое отверстіе ящика. Когда ящикъ достаточно наполнится, саранча, сожигается, топчется ногами и засыпается землею въ приготовленныхъ рвахъ или ямахъ. Истребленіе саранчи этимъ способомъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ было такъ успѣшно, что вредъ, причиненный ею въ нынѣшнемъ году, не можетъ считаться значительнымъ. Какъ этотъ, такъ и другіе указанные способы могутъ быть употребляемы только въ началѣ лѣта, когда саранча не имѣетъ еще крыльевъ; для истребленія же летучей саранчи, которая причиняетъ наиболѣе вреда, нѣтъ никакого положительнаго средства. Но такъ-какъ это насѣкомое боится звука, то нѣкоторые землевладѣльцы спасаютъ свои поля, прогоняя саранчу шумомъ, звономъ, крикомъ, пальбою изъ ружей и проч. Слѣдуетъ замѣтить, что въ продолженіе лѣта саранча три раза измѣняетъ свой наружный видъ. Я видѣлъ это насѣкомое во всѣхъ трехъ періодахъ его развитія. Похожая на обыкновеннаго кузнечика, саранча, по выходѣ

изъ яйца, бываетъ чернаго цвѣта, величиной менѣе обыкновеннаго комара. Только безчисленность массы, выскакивающей изъ-подъ ногъ идущаго по полю, заставляетъ замѣчать ее. Когда саранча достигнетъ роста величиною въ дюймъ, то снимаетъ съ себя черную кожу и дѣлается краснаго цвѣта съ коричневымъ отливомъ. Въ это время у ней начинаютъ расти крылья. Когда крылья достигнутъ извѣстнаго размѣра, саранча принимаетъ желтый цвѣтъ съ черными оттѣнками и начинаетъ дѣлать небольшіе перелеты, въ нѣсколько саженъ. Укрѣпляясь болѣе и болѣе, она, къ концу іюля, дѣлается способною подыматься довольно высоко и пролетать значительныя пространства. Въ концѣ лѣта саранча кладетъ свои яйца, выбирая непаханныя поля, а сама умираетъ. Каждое яйцо ея можетъ, говорятъ, произвесть до 70 насѣкомыхъ. Во время полнаго своего развитія, туловище саранчи достигаетъ величины 2 дюймовъ, а крылья, которыя всегда длиннѣе туловища, до $2^1/_4$ и $2^1/_2$ дюймовъ. Не вся саранча одновременно подвергается указаннымъ видоизмѣненіямъ. Между красными насѣкомыми, можно замѣтить много черныхъ, а между желтыми летучими—красныхъ-скакуновъ. Саранча не занимаетъ большихъ сплошныхъ пространствъ, а располагается всегда полосами, въ нѣсколько верстъ ширины и нѣсколько десятковъ верстъ длины. Она скачетъ и летаетъ не въ разныхъ направленіяхъ, какъ кузнечики или бабочки, а держится преимущественно одного какого-нибудь пути. По сдѣланному мною наблюденію, вся масса саранчи, во всѣхъ полосахъ, въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, направлялась, въ этомъ году, въ своемъ ходѣ и перелетѣ, на юго-западъ. Непріятно видѣть перелетающія массы этихъ насѣкомыхъ вблизи. Въ Херсонской губерніи такія массы нѣсколько разъ пересѣкали мнѣ дорогу. Онѣ не представляются, какъ обыкновенно говорятъ, густою тучею, а скорѣе походятъ на сѣть, раскинутую отъ земли вверхъ на нѣсколько саженъ, въ длину на нѣсколько верстъ и въ ширину, я думаю, не болѣе, а можетъ быть и менѣе, 1 версты. Эти массы натыкаются на все, что имъ попадается на встрѣчу, ударяются о людей и лошадей. Ударъ ихъ въ лицо довольно чувствителенъ, и лошади всегда обнаруживаютъ при этомъ нѣкоторый испугъ, фыркаютъ и бросаются въ сторону. Я замѣтилъ, что насѣкомыя эти, оставаясь безъ пищи, въ ящикѣ, куда они были заключены, ѣли другъ друга и были живы до 9 дней. Трудно теперь даже приблизительно опредѣлить количество нанесеннаго саранчею вреда въ Малороссіи, но можно думать, что онъ довольно

значителенъ, и, во всякомъ случаѣ, будетъ имѣть слѣдствіемъ повышеніе цѣнъ на всѣ продукты.

Отъ предметовъ хозяйственныхъ перейдемъ къ другимъ, болѣе живымъ. Постараемся сообщить читателямъ факты, характеризующіе въ извѣстной степени нынѣшнія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Въ этомъ смыслѣ замѣчательны различныя между обоими сословіями недоразумѣнія, въ чемъ теперь нѣтъ недостатка. Такъ, въ Малороссіи нѣкоторые помѣщики, немедленно по объявленіи манифеста, предложили всѣмъ дворовымъ и должностнымъ крестьянамъ своихъ имѣній извѣстное жалованье, а иные предоставили имъ даже право оставить, если пожелаютъ, службу, не дожидаясь истеченія обязательнаго двухлѣтняго срока. Эта прекрасная и въ то же время простая мѣра возбудила въ крестьянахъ одного имѣнія самыя странныя подозрѣнія. Дѣло было въ Прилуцкомъ уѣздѣ. Дворовыя и должностныя лица, сперва съ удовольствіемъ согласившись принять предложенныя имъ условія о жалованьи, по истеченіи нѣсколькихъ дней, всѣ одинъ за другимъ стали отказываться и отъ жалованья, и отъ службы. Невозможно было понять причину этого отказа, безъ всякаго видимаго повода. Послѣ долгихъ отнѣкиваній, кто-то изъ крестьянъ объяснилъ, что между ними распространился слухъ, будто всѣ служащіе теперь помѣщику за жалованье навсегда должны будутъ остаться въ этомъ положеніи, и снова сдѣлаться крѣпостными. Сколько нужно было усилій, чтобъ убѣдить крестьянъ въ ложности и нелѣпости такого мнѣнія. Послѣ долгихъ убѣжденій, они согласились продолжать служить за жалованье, какъ было условлено. Въ деревнѣ говорили, что виновникомъ слухэ, который такъ смутилъ крестьянъ, былъ какой-то заѣзжій мѣщанинъ, сдѣлавшій это, какъ полагали, въ отмщеніе помѣщику, за то, что послѣдній не согласился продать какой-то продуктъ, по предложенной цѣнѣ... Вотъ другой также странный примѣръ недоразумѣнія. Въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ есть много мелкихъ имѣній, гдѣ крестьяне не пользовались донынѣ надѣломъ земли, и заработывали хлѣбъ съ панскаго поля (получая 3-й и 4-й снопъ) въ дни, свободные отъ барщины. Владѣльцемъ одного изъ такихъ имѣній (въ Херсон. губ.) было предложено въ это лѣто крестьянамъ, въ видахъ обоюдной выгоды, снимать хлѣбъ въ теченіе всей недѣли, за 4 снопъ, безъ барщины, или, если не желаютъ этого, работать установленную барщину, а за работу, въ свободное за тѣмъ время, получать 3-й снопъ. Какъ ни ясно, что въ первомъ

случаѣ недѣльное пріобрѣтеніе каждаго работника было бы значительно больше, чѣмъ во второмъ (*), однакожъ крестьяне приняли второе условіе. Вообще нужно сказать, что крестьяне не идутъ почти ни на какія сдѣлки съ помѣщиками. Отъ этого составленіе уставныхъ грамотъ чрезвычайно затруднительно, и весьма многіе помѣщики не думаютъ приниматься за это дѣло, желая взвалить его на мировыхъ посредниковъ. Много будетъ работы посредникамъ!

Случаи недовѣрія крестьянъ къ помѣщикамъ, подобные двумъ приведеннымъ, встрѣчаются нерѣдко; съ перваго раза они кажутся столь странными, что каждый готовъ отнести ихъ къ непониманію крестьянами собственныхъ интересовъ, а иной, незнающій народа, согласится, пожалуй съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, утратившихъ и свою народность и чувство правды, помѣщиковъ, что крестьяне просто глупы и тупоумны... Да, нашему крестьянину придется много работать для своего умственнаго образованія, до—сихъ—поръ ему не было ни времени, ни простора объ этомъ подумать; въ этомъ каждый долженъ съ грустью сознаться. Но развѣ приведенные случаи не показываютъ наивно-благородную, хотя и слабую натуру, которая, увлекаясь одною мыслію о свободѣ, не замѣчаетъ собственныхъ выгодъ? Развѣ причины описаннаго образа дѣйствій крестьянъ не кроются въ томъ состояніи, въ которомъ они до сей поры находились? Долго порабощенные, проливавшіе вѣчно свой потъ изъ—за чужихъ выгодъ, нерѣдко обманутые, крестьяне, весьма понятно, не могутъ вѣрить искренности и чистотѣ предложеній помѣщика. Они полагаютъ, что владѣлецъ, который лишается теперь возможности извлекать для себя выгоды изъ даровато ихъ труда, долженъ питать къ нимъ личную ненависть, и поэтому не можетъ предложить имъ никакихъ дѣйствительно — выгодныхъ условій. Смотря недовѣрчиво на всѣ предложенія, исходящія отъ помѣщика, крестьяне всегда готовы думать, что тутъ заключаются какіе нибудь извороты или ухищренія, съ цѣлію удержать ихъ въ прежнемъ, крѣпостномъ состояніи. Наконецъ крестьяне, ожидавшіе освобожденія нѣсколько лѣтъ, какъ бы желаютъ теперь убѣдиться въ наступленіи обѣтованнаго дня, и оттого ловятъ всякій случай, чтобы увѣриться: точно ли слово помѣщика не можетъ быть и не бу-

(*) Если положить, что мужчина можетъ убрать среднимъ числомъ 120 сноповъ въ день, то въ первомъ случаѣ еженедѣльный заработокъ каждаго работника будетъ составлять 180, а во второмъ только 120 сноповъ.

деть для нихъ болѣе экономъ. Нельзя не замѣтить также, что послѣдній изъ двухъ вышеприведенныхъ фактовъ можно объяснить отчасти свойствами самаго народнаго характера. Малороссъ вообще подозрителенъ; сверхъ того онъ не любитъ связывать себя какимъ нибудь условіемъ, обязывающимъ его къ извѣстной непремѣнной работѣ и лишающимъ возможности взяться за другое дѣло. Такъ въ упомянутомъ случаѣ крестьяне, я увѣренъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду, что, при работѣ за 4 снопъ, безъ барщины, они будутъ обязаны, по условію, являться каждый день на работу, тогда какъ, при трехдневной барщинѣ, остальные дни у нихъ совершенно свободны. Правда, что, въ это время, они также должны необходимо работать, чтобъ имѣть на зиму хлѣбъ; но украинцу важно то, что при этомъ онъ все-таки не лишается нѣкоторой независимости въ дѣйствіяхъ: «захотѣлъ,—пошелъ на работу, не захотѣлъ,—не пошелъ,»—вотъ-что дорого!—Помѣщики, утверждающіе, что крестьянинъ глупъ, очевидно, говорятъ это потому, что все еще не могутъ придти въ себя отъ потери прежней власти, прежняго своего значенія. Они дѣйствительно раздражены; и хотя, подъ вліяніемъ духа времени, стараются казаться приверженцами свободнаго труда, но въ раздраженіи не могутъ скрыть своихъ настоящихъ убѣжденій.—Въ этомъ легко убѣдиться, при всякомъ случаѣ, когда они говорятъ о какомъ-нибудь дѣлѣ, гдѣ крестьянинъ выказалъ чувство собственнаго достоинства и независимости. Въ каждомъ подобномъ поступкѣ, эти господа видятъ дерзость, личную для себя обиду, оскорбленіе своего дворянскаго званія и проч. Ужъ гораздо лучше тѣ застарѣлые помѣщики и помѣщицы, которые, въ своихъ закоренѣлыхъ убѣжденіяхъ, всегда являются открытыми сторонниками крѣпостнаго права... Впрочемъ, справедливость требуетъ также замѣтить, что неудовольствія помѣщиковъ противъ крестьянъ иногда имѣютъ дѣйствительныя основанія, въ нарушеніи крестьянами ихъ законныхъ правъ или въ неисполненіи своихъ обязанностей, въ-отношеніи барщинной работы. Такъ, всего чаще случается, что крестьянъ обвиняютъ въ потравленіи помѣщичьихъ полей своимъ скотомъ. Ни убѣжденія, ни арестъ пойманнаго крестьянскаго скота, ничто не помогаетъ. Одни штрафы могли бы, можетъ быть, дѣйствовать, если бы взысканіе ихъ не было сопряжено съ большимъ затрудненіемъ. Такъ какъ прежде примѣры потравленія были довольно рѣдки, то, быть можетъ, справедливо полагаютъ, что въ настоящее время крестьяне дѣлаютъ это съ намѣреніемъ. Въ Александрійскомъ уѣздѣ, помѣщикъ,

которому надоѣло ежедневно твердить, чтобъ одинъ крестьянинъ не пускалъ къ нему на баштанъ своей свиньи, застрѣлилъ ее изъ ружья. Крестьяне такъ были раздражены этимъ поступкомъ, что изъ этого могла бы произойти для помѣщика весьма непріятная исторія, еслибъ на защиту къ нему не явился случайно волостной старшина, заѣхавшій въ эту деревню, при объѣздѣ своей волости. Выборные крестьянами сельскія власти, по какому-то странному противорѣчію съ своимъ назначеніемъ, вообще, сколько я могъ замѣтить, болѣе клонятъ на сторону помѣщиковъ. И въ настоящемъ случаѣ, помянутый старшина возстановилъ порядокъ, какъ мнѣ говорили, довольно сильно наказавши крестьянъ розгами. При всѣхъ неудовольствіяхъ и недоразумѣніяхъ съ крестьянами, помѣщики довольно рѣдко обращаются къ посредникамъ. Это объясняется преимущественно тѣмъ, что они нѣсколько ошиблись въ своихъ расчетахъ на посредниковъ, думая найти въ нихъ людей, которые будутъ цѣнить какъ сословныя различія, такъ и личныя знакомства. Просьбы, приносимыя первое время помѣщиками посредникамъ, нерѣдко клонились или къ тому, чтобъ напугать и прижать крестьянъ, или чтобы просто лишить ихъ пользованія тѣмъ или другимъ изъ правъ, предоставленныхъ новымъ положеніемъ. Такъ, одна Полтавская помѣщица просила посредника запретить ея дворовой дѣвушкѣ выйти замужъ. Когда посредникъ сослался на статью положенія, дозволяющую крестьянамъ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика, то барыня стала умолять сдѣлать это единственное отступленіе отъ правилъ, изъ уваженія къ ея милой особѣ и къ тому, что замужество дѣвушки лишитъ ее булочницы. Не приводя другихъ примѣровъ, достаточно сказать, что мировые посредники, принадлежащіе вездѣ къ лучшимъ людямъ между дворянами, всѣ, за весьма немногими исключеніями, отбросили въ сторону свои личныя отношенія и сословыя различія, и взяли себѣ за правило: защищать ту сторону, которая дѣйствительно нуждается въ защитѣ. Каждый изъ нихъ вполнѣ понялъ и то, (чего не понимаютъ многіе помѣщики), что только братскимъ союзомъ съ крестьянами, ихъ довѣренностью и уваженіемъ можно сохранить общественный порядокъ, а равно упрочить собственное положеніе. И въ самомъ дѣлѣ, крестьяне съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ обращаются къ посредникамъ во всѣхъ дѣлахъ, когда встрѣтится надобность.

Что̀ касается до земской полиціи, то помѣщики еще рѣже, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, обращаются къ ея помощи, пото-

му что, обыкновенно, нелюбятъ входить ни въ какія сношенія съ полицейскими властями. При неисполненіи слугами или крестьянами своихъ обязанностей, помѣщикъ твердитъ одно: «теперь эмансипація, теперь эмансипація...» Въ этихъ словахъ бывшаго душевладѣльца, вмѣстѣ съ притворнымъ равнодушіемъ, слышится досада и даже — ироніа... Вмѣшательство полиціи бываетъ чаще въ тѣхъ, преимущественно большихъ, имѣніяхъ, гдѣ распорядителями хозяйства являются не сами владѣльцы, а поставленные ими управляющіе. Эти ревнители чужихъ интересовъ, вслѣдствіе своего отвѣтственнаго положенія предъ помѣщикомъ, не всегда бываютъ снисходительны къ крестьянамъ. Оттого здѣсь иногда случается, что ничтожное дѣло принимаетъ характеръ *исторіи*, для потушенія которой вызывается войско. Такъ было, по слухамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниговской губерніи.

Съ освобожденіемъ отъ попечительства помѣщиковъ, крестьяне большей части имѣній лишаются одной очень важной выгоды, это—безплатнаго врачебнаго пособія, въ случаѣ болѣзни. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ были содержимы для этого помѣщиками особые врачи и почти вездѣ были наемные фельдшеры. Теперь помѣщики болѣе не считаютъ себя обязанными заботиться о здоровьи крестьянъ, отпускаютъ изъ своихъ деревень врачей и фельдшеровъ, а крестьяне остаются безъ всякихъ средствъ къ леченію. Государственные крестьяне имѣютъ медиковъ и фельдшеровъ(1); вѣроятно, и къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ также будутъ въ свое время назначены особые медицинскіе чиновники. Но долго-ли и какъ имъ оставаться въ настоящемъ безпомощномъ положеніи?

Крестьяне съ необыкновеннымъ рвеніемъ пользуются новымъ своимъ правомъ—вступать въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика. Интересно было бы знать, насколько число браковъ между бывшими крѣпостными, въ настоящемъ году, болѣе прежнихъ лѣтъ? Повидимому, число это должно быть очень значительно, такъ-какъ въ теченіе нынѣшней весны и лѣта не проходило недѣли (исключая постовъ), безъ того, чтобы во всякомъ селѣ, во всякой деревнѣ, не было по крайней мѣрѣ одной, двухъ, а иногда и болѣе свадьбъ. И кажется, эти свадь-

(1) Медики и фельдшера государственныхъ имуществъ имѣютъ значеніе чиновниковъ медицинской полиціи. Леченіемъ крестьянъ они не занимаются, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ—случаевъ повальныхъ болѣзней. Едва-ли лекаря-чиновники замѣнятъ тѣхъ, хотя и немногихъ медиковъ, которые жили въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. *Ред.*

бы много содѣйствуютъ увеличенію пьянства, которое и безъ того довольно сильно въ Малороссіи (¹).

Весною въ газетахъ часто попадались извѣстія о томъ, что во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ крестьяне стали очень воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ, послѣ объявленія имъ свободы. Обстоятельство это не произвело на Малороссію такого благодѣтельнаго дѣйствія. Народная поговорка: «*не на те козакъ пье, що е, а на те, що буде*» въ настоящее время, кажется чаще, чѣмъ когда либо, исполняется на дѣлѣ. Недостатокъ серебряной мелкой и даже мѣдной монеты, затрудняющій, какъ уже было замѣчено, помѣщиковъ и приносящій еще болѣе вреда маленькимъ крестьянскимъ хозяйствамъ, также не остается безъ вліянія на усиленіе пьянства. Кредитный билетъ, приносимый крестьяниномъ въ шинокъ, почти весь переходитъ въ руки шинкарей, за недостаткомъ сдачи. Понятно, что трактирщики, желая заставить побольше купить своего товара, не всегда добросовѣстно отказываютъ въ сдачѣ. Малороссійскіе шинкари иногда употребляютъ и болѣе благородныя и невинныя средства, для привлеченія посѣтителей: дѣлаютъ заманивающія надписи на своихъ трактирахъ, и притомъ въ стихотворной формѣ. Такъ, по дорогѣ изъ Чернигова въ Нѣжинъ, на дверяхъ двухъ деревенскихъ трактировъ (въ Куликовкѣ и Жуковкѣ), мнѣ бросились въ глаза слѣдующія надписи: «*Не журысь, выпей водки и повеселысь*» и другая—*отдыхны и осьмуху водки возьмы*». Въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, прибылъ трактирщиковъ, я думаю, не менѣе какъ и въ Малороссіи. Одинъ помѣщикъ Александрійскаго уѣзда, находя, что крестьяне его деревни, въ коей выпивалось до 80 ведеръ въ недѣлю, слишкомъ пьянствуютъ, приказалъ возвысить цѣну водки съ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. за ведро. Сомнительно, однакожъ, чтобъ эта мѣра возымѣла желаемое дѣйствіе. Въ томъ же уѣздѣ я видѣлъ, впрочемъ, примѣръ замѣчательнаго воздержанія. Крестьянинъ, женив-

(¹) Въ 1839 г. въ губерніяхъ Южнорусскихъ, среднее потребленіе вина каждымъ жителемъ обоего пола составляло: въ Черниговской (менѣе $1^1/_2$ мил. жител.) и Кіевской (менѣе 2 мил. ж.) 1,92 ведра, въ Екатеринославской (болѣе 1 мил. жит.) Херсонской (болѣе 1 мил. ж.,) Харьковской ($1^1/_2$ мил. ж.) и Полтавской (около $2^1/_4$ мил. ж.) отъ 1,53 до 1,39 ведра. Между тѣмъ потребленіе вина въ великороссійскихъ губерніяхъ, въ томъ же году, самое большее было для С. Петербургской, Ставропольской и Московской по 1,68, 1,63 и 1,07 ведра на каждаго жителя; для прочихъ же оно простиралось отъ 0,64 до 0,25 ведра на каждую душу.

шись въ іюлѣ мѣсяцѣ, т. е. въ самую рабочую пору, добровольно отказался отъ всѣхъ свадебныхъ церемоній, продолжающихся иногда, какъ извѣстно, цѣлую недѣлю и всегда сопровождающихся пьянствомъ. Правда, удовольствія эти были только отсрочены и должны будутъ непремѣнно состояться осенью; но нельзя не видѣть торжества благоразумія въ томъ, что на другой день послѣ брака, въ понедѣльникъ, и мужъ и жена были на работѣ. Мнѣ кажется, что въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ подобный случай почти немыслимъ.

Въ заключеніе, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно новыхъ удобствъ пассажирскаго сообщенія между Петербургомъ и Южной Русью два, три года, и даже менѣе, назадъ, человѣкъ, неимѣющій своего экипажа, не иначе могъ попасть на Югъ, какъ протрясшись на перекладной новозкѣ, около полуторы или двухъ тысячъ верстъ. Теперь же, благодаря дилижансамъ и пароходамъ, можно доѣхать, напр. до Одессы, почти не испытывая ѣзды на перекладной. О переѣздѣ отъ Петербурга до Острова нечего говорить, такъ-какъ всѣмъ извѣстно, что черезъ этотъ городъ пролегаетъ Петербурго-Варшавская желѣзная дорога, встрѣчающаяся здѣсь съ Кіевскимъ шоссе. Въ Островѣ, выйдя изъ вагона, вы садитесь прямо въ почтовый дилижансъ, который доставляетъ васъ, послѣ 100 часовой ѣзды, т. е. на пятыя сутки, въ Кіевъ. Здѣсь, сѣвши на пароходъ «Общества пароходства по Днѣпру», вы пріѣзжаете на другой день въ 4 часа пополудни въ Кременчугъ, и если это случится какъ-нибудь отплытія парохода въ Екатеринославъ, то на третій день, по отъѣздѣ изъ Кіева, въ 4 же часа пополудни, вы въ Екатеринославѣ. Отъ этого послѣдняго вамъ придется сдѣлать не болѣе 100 верстъ на перекладныхъ до Никополя, и затѣмъ новый пароходъ «Общества пароходства и торговли» везетъ васъ черезъ Херсонъ — въ Одессу. Право, нельзя не радоваться, что наконецъ существуетъ возможность совершить такое путешествіе на югъ, нетолько весьма удобное въ сравненіи съ прежнимъ, но даже пріятное! Конечно, къ дилижансамъ можно отнести только первое. Удобства ихъ, въ сравненіи съ обыкновенной почтовой ѣздой, всѣмъ извѣстны: помѣщеніе покойное, вы защищены отъ непогоды, не знаете хлопотъ о лошадяхъ, васъ везутъ безостановочно, вамъ ненужно брать никакой подорожной, ненужно платить шоссейныхъ сборовъ. Плата за мѣста отъ Острова до Кіева—наружное 28 руб. и внутреннее 40 руб., значительно менѣе суммы прогонныхъ денегъ, которую бы пришлось израсходовать, ѣдучи одному,

на пару лошадей. Вообще можно сказать, что издержки путешествія до Кіева, въ дилижансѣ, сокращаются почти на-половину. Дорого стоитъ перевозка значительнаго багажа по 5 коп. съ каждаго фунта, сверхъ полпуда, дозволеннаго имѣть безплатно. Но если, какъ обыкновенно стараются дѣлать, дорожная поклажа не велика, то въ наружномъ мѣстѣ дилижанса можно за 30 руб. съ небольшимъ доѣхать изъ Острова въ Кіевъ. Важная невыгода состоитъ только въ затрудненіи получить мѣсто въ дилижансѣ, особенно наружное. Дилижансы ходятъ въ Кіевъ и обратно только два раза въ недѣлю, и, при множествѣ желающихъ ѣхать въ дилижансѣ, вы почти навѣрное рискуете не найти мѣста, если не купите билета за недѣлю или даже за двѣ до отправленія дилижанса, а это чрезвычайно трудно,-такъ какъ заранѣе невсегда можно опредѣлить съ точностію день выѣзда. Хорошо было бы, еслибъ почтовое начальство позаботилось, чтобы дилижансы, между Кіевомъ и Островомъ, ходили нѣсколько чаще, напр. хотя раза 4 въ недѣлю. Нѣтъ сомнѣнія, что всегда всѣ мѣста въ нихъ были бы заняты... По Днѣпру я не ѣздилъ далѣе Екатеринослава, а потому могу судить только о пароходствѣ, которое содержится между Екатеринославомъ и Кіевомъ. «Общество пароходства по Днѣпру», начавшее свою дѣятельность, кажется, не болѣе двухъ лѣтъ, чрезвычайно оживило страну, для которой ѣзда на пароходахъ была совершенною новостью. Окрестные жители весьма довольны пароходствомъ, а Общество съ своей стороны, кажется, старается доставить публикѣ удобства. Въ прошломъ году, между Кіевомъ и Кременчугомъ, пароходы совершали только по 2 рейса въ недѣлю, теперь же, съ іюня мѣсяца, прибавлено еще два рейса. Для публики, дѣйствительно, удобнѣе имѣть возможность расчитывать на отправленіе парохода 4 раза въ недѣлю, вмѣсто двухъ; но выгодно ли это для самого Общества, не ошиблось ли оно въ своихъ расчетахъ? Въ иные рейсы, какъ раза два мнѣ случалось видѣть, пассажировъ бываетъ на пароходѣ весьма мало. Помню 3 іюля, когда я ѣхалъ въ Кременчугъ, въ 1 классѣ было только три пассажира, а во 2-мъ и 3-мъ, я думаю, не болѣе 20 человѣкъ. Говорятъ, что подобный недостатокъ пассажировъ не рѣдкость со времени увеличенія числа рейсовъ. Между Кременчугомъ и Екатеринославомъ пароходы совершаютъ только по 2 рейса въ недѣлю, и на нихъ, какъ я видѣлъ и слышалъ, также не бываетъ много пассажировъ. Не выгоднѣе ли было бы Обществу, вмѣсто лишнихъ пассажирскихъ пароходовъ, содержать буксирные пароходы?

Плата за мѣста весьма умѣренная, напр. въ 1 классѣ, отъ Кіева до Кременчуга, 10 руб., а отсюда до Екатеринослава 5 руб. Относительно стола и внутренняго устройства, пароходы не представляютъ особенныхъ удобствъ, но вообще удовлетворительны. При путешествіи на пароходахъ, большое удовольствіе доставляютъ живописные виды праваго берега Днѣпра, хотя, къ сожалѣнію, они встрѣчаются не вездѣ. Отъ Екатеринослава почти до Канева, правый берегъ также низокъ, пустыненъ и песчанъ, какъ и лѣвый. Живописность видовъ начинается весьма близко отъ той горы, на которой погребено тѣло добраго нашего поэта, Т. Г. Шевченка. Пароходъ, останавливающійся у Канева, пристаетъ подлѣ самой этой горы, въ разстояніи не болѣе версты отъ нея. Простой бѣлый крестъ, на высокой сложенной изъ дерна могилѣ, спрятанной между кустовъ и деревъ, видѣнъ лишъ тогда, когда пароходъ подъѣзжаетъ къ Каневу, со стороны Кіева. Могилу Шевченка безпрестанно посѣщаютъ пріѣзжающіе на пароходѣ; для жителей же окрестныхъ мѣстъ, она сдѣлалась мѣстомъ прогулокъ въ часы отдыха.

Имя Шевченка стало здѣсь народнымъ и, вмѣстѣ нѣсколько таинственнымъ. Уже и теперь въ народѣ ходятъ о Тарасовой могилѣ легенды, созданныя живымъ украинскимъ воображеніемъ.

М. И. Дараганъ.

Петербургъ.
24 сентября 1861 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПИНЧУКАХЪ. (*)

По поводу статьи г. Левченка: *Мѣста жительства и мѣстныя названія Русиновъ* (*Основа*, кн. I.)

(Письмо къ редактору).

Г. Левченко по-видимому—правильно помѣстившій ***Пинчуковъ*** въ числѣ Русиновъ, говоритъ, что« при опредѣленіи народности, нужно

(*) Спѣшимъ помѣстить въ *Основѣ* весьма любопытное свѣдѣніе о малоизвѣстной отрасли южнорусскаго племени, причисляемой нѣкоторыми къ бѣло-

обращать вниманіе на мужскія и женскія одежды, головные уборы, и характеръ построекъ«. Мнѣ кажется, что, при опредѣленіи народности, едва ли не главное мѣсто занимаетъ самое нарѣчіе народа, —и потому послушайте, *якъ бають Пинчуки*. (1)

— А що, Ѳедоръ, чи знашовъ теля?

— Ні, да вже найдеться, бо бувъ *въ Казуся*, то казавъ, що небійсь, ще поганинъ (2) ёго не набачивъ. Добрий оцей чоловікъ Казусь, хочь и кажу, що е въ ёго пірье въ носі (3), да й гріхъ тому, хто се каже: Добра юдина! не одну вінъ спасёну душу поратуе въ тяжкій пригоді. Отъ якось на тимъ тижні пропавъ у нашого дяка кінь, да вінъ у ёго бедолаги и вся худоба, більшей е не мае. Що бідному робити? Почесавъ голову, да скорійшь и до Казуся. Отъ пришовъ поклонивсь да й ка: »Казусенку–батечку, поратуй!« такъ, ка, и такъ.—,Добре, синку; не журись.«

Отъ вийшовъ Казусь зъ хати, подививсь на всхідъ соньця, поговоривъ, якъ ёго тамъ Бигъ надоумивъ, чи зробивъ що, да вернувшись въ хату й каже: »не бійсь, пане дяче: кінь живъ. Иди лишень теперъ шукати, а поганинъ уже до ёго не доступить.«

Поклонивсь панъ дякъ, да й вийшовъ, да уже не пошовъ до–дому, а взявши мале хлопя, бачь воно пасвило коні, то зна де кінь зоставсь,—пошовъ на всю ничь шукати. Отъ ходять ничь—нема, день—нема; уже и друга ничь—нема, адѣ підъ світь чують—щось наче тупотить. Вони туди, ажъ стоіть кінь, голодний якъ жердка, не тильки що траву підъ собою вигризъ, а землю вишкробавъ, якъ отъ на хату; бо бачь на сімъ місці зхопивъ ёго Казусь; то вже и до ёго нищо не приступить и ёму нельга зойти зъ місця. Тогді дякъ за коня да перехрестившись и додому. Принісъ кварту, позвавъ Казуся,—да и я на сье нахопивсь, то й чувъ, якъ самъ панъ дякъ

уссамъ. Только *курная* изба представляетъ разительное отличіе *Пинчуковъ* отъ прочихъ Украинцевъ, которыхъ такъ ужасаетъ подобное жилище.

Искренно благодарны г. Мохранцѣ за сообщенное извѣстіе и съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать болѣе-подробныхъ народоописательныхъ свѣдѣній.

Мы просили бы ставить ударенія,—разборчивѣе писать слова, неупотребительныя въ другихъ мѣстахъ Украины и обозначать городъ, мѣстечко и село, гдѣ будетъ записанъ *тотъ* или *другой* образецъ народнаго говора.

(1) Пинскъ теперь Минской губерніи.

(2) Поганинъ—волкъ.

(3) Пинчуки отзываются такъ о своихъ колдунахъ, которымъ сильно вѣрятъ.

росказуваѣ. Отъ же жъ теперъ и я, хочь еще и не знашли теля, да вже не боюсь: знайдется, бо сказавъ Казусь. Да отъ жду жінки: пійшла шукати. Вже й пізно, а й досі нема. Добрашічъ!«

Потомъ оба друга расходятся,—каждый идетъ въ свою »хату,« т. е. небольшую курную избу, вымазанную (внутри) сѣрою глиною, о 3–хъ (небольше 4–хъ) окошечкахъ, и покрытую деревяными досками,–рѣдко соломою (иколотомъ). Одинъ изъ нихъ садится на лавку, закуриваетъ трубку съ маленькимъ чубучкомъ собственнаго издѣлія, сбрасываетъ свиту, пошитую гладко, т. е. безъ фалдъ, съ стоячимъ небольшимъ воротничкомъ; шапку—огромнаго сиваго, рѣдко—чернаго, барана; поясъ, и садится за столъ, ужинаетъ, а потомъ ложится на »запечку,« а прочая семья размѣстилась по другимъ лавкамъ, (обыкновенно одна хата—общая спальня и для мужщинъ и для женщинъ). Другой, пришедъ домой, въ подобную же хату, садится на »передничью« и начинаетъ »постоли плести, а синови давъ волоки вити, (постолы обыкновенно дѣлаютъ изъ лозы, а только на праздникъ изъ липы; волоки вьютъ изъ молодой липы (*лутье*); и оба дожидаютъ »жінки и матери«. Наконецъ приходитъ жена, въ величайшей радости, пригнавъ теленка. Входитъ жена въ хату. На головѣ у нея »наметка,« свита, подобная той, какую уже мы видѣли (никогда не другая какъ напр. въ Малороссіи, изъ какой–нибудь рябой холстинки). Сбрасываетъ свиту, потомъ юнку изъ грубаго холста, и »пришкае« къ рубашкѣ фортухъ. Дочь, пришедшая съ нею, тоже въ подобной свитѣ, которую уже скинула. На головѣ у нея платокъ, (всегда бѣлый), завязанный довольно большою складкою, и въ »літниці« суконная (рябая–красная) собственной работы юнка, что̀ впрочемъ уже составляетъ признакъ богатой хаты. Все это она уже успѣла сбросить—и вотъ всѣ перекрестившись сѣли за столъ. Поужинавъ ложатся спать, причемъ отецъ, хозяинъ дома, говоритъ: »Не щебечите жъ, а спите, щобъ взавтра рано повставали на гутреню: такижъ то святее снесенне.«

Вотъ – что на первый разъ я считалъ нелишнимъ сказать вамъ о Пинчукахъ. Дальше скажу кое–что о географическомъ положеніи Пинчуковъ—особенностяхъ какъ уѣзда, такъ и города Пинска, о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ обычаяхъ, и тогда рѣшимъ съобща, что̀ такое Пинчуки,—разумѣю—какой они народности...

Ю. Мохранця.

ИЗЪ БОРИСПОЛЯ.

Що пьяна жінка, що бішена кішка,
що чоловіхъ зъ Борисполя—все одно.

Изъ приведенной мною пословицы видно, что наше мѣстечко не пользуется хорошею репутаціей; но, и безъ этой репутаціи, нельзя отказать Борисполю во всесторонней замѣчательности. Во-первыхъ оно существуетъ (по народному преданію) со времени убіенія Бориса; во-вторыхъ въ немъ до 6,000 жителей (по академическому мѣсяцослову), въ томъ числѣ, по сказаніямъ старожиловъ, 72 помѣщика; въ-третьихъ, оно замѣчательно въ торговомъ отношеніи; въ четвертыхъ, здѣсь находится почтовая станція — не простая, а такъ-сказать привиллегированная: на ней принимается всевозможная корреспонденція, и даже всякая переписка на *гербовой*. Вѣроятно, правительство, спускаясь къ нуждамъ обывателей нашего мѣстечка, учредило подобную экспедицію. И въ самомъ дѣлѣ, потребность юридической практики — одна изъ величайшихъ потребностей Борисполя. У насъ много такихъ пановъ, для которыхъ составленіе всевозможныхъ *актовъ* есть поэзія жизни; они готовы исписать много листовъ *гербовой* за пару гусей,—а такая умѣренность задѣльной платы не можетъ быть ни чѣмъ инымъ объяснена, какъ только любовью къ искуству для искуства...

По количеству тяжбъ, едвали можно найти подобный уголокъ на всемъ земномъ шарѣ. Наше благородное общество состоитъ изъ нѣсколькихъ враждебныхъ лагерей, взаимно бомбардирующихъ сплетнями и исками. Замѣчательно, что при этомъ не строго соблюдается раздѣленіе труда; обыкновенно сплетни составляютъ спеціальность прекрасной половины рода человѣческаго, а сутяжничество менѣе-прекрасной; у насъ же существуетъ конкуренція между обоими полами на обоихъ поприщахъ, т. е. и на поприщѣ сплетень, и на поприщѣ сутяжничества.

Наше мѣстечко, по народной поговоркѣ, и *геть-то любить склянного бога*. У насъ болѣе 30 шинковъ (*). Акцизъ не уменьшилъ пьян-

(*) Спѣшу оговориться: всѣ свѣденія, сообщаемыя мною, почерпнуты не изъ письменныхъ источниковъ, а изъ устъ людей добрыхъ волостныхъ, на которыхъ *ся щлю*.

вышивку идетъ рѣшительно все, что, за исполненіемъ многообразныхъ повинностей и за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, могло бы быть сбережено про черный день. У нашего крестьянина (за исключеніемъ немногихъ *багатирей*), никогда нѣтъ запасной копѣйки, и чрезвычайныя происшествія, напр. плохой урожай, погребеніе, свадьба приводятъ хозяйство въ разстройство. Каждый день у насъ бываетъ базаръ, въ пятницу—какъ бы полуторгъ, а въ понедѣльникъ—настоящій торгъ, на который пріѣзжаютъ съ продуктами изъ разныхъ окрестныхъ селъ, и продается одного хлѣба до 1,000 пудъ. Каждая баба находитъ выгодный сбытъ продуктовъ своего домашняго хозяйства и средство выпить. Понедѣльникъ— день пьянства и вышеприведенная пословица у насъ говорится такъ: *що бішена кішка, що понеділкова жінка, що чоловікъ зъ Боришполя—все одно*. Въ этотъ день бабы пользуются полной эманципаціей. Большая часть изъ нихъ что вторгуетъ, то и пропьетъ,—развѣ купитъ соли или другого вещества, недостающаго въ хозяйствѣ; а остальное посвящается *склянному богу*. Существуетъ даже разсказъ, что женщины нашего мѣстечка, идя замужъ, *вимовляють* себѣ понедѣльникъ, т. е. условливаются, что въ этотъ день они свободны отъ власти мужа, могутъ пить и т. д. Впрочемъ и безъ договора они могутъ свободно пользоваться понедѣльникомъ, потому-что мужья въ этотъ день пьянствуютъ и жены остаются безъ бдительнаго надзора; большая часть женъ *понеділкують* до поздняго вечора не *топлять печи* и дѣти нерѣдко остаются безъ пищи и присмотра. Исключеніе существуетъ для жнивного времени—тогда считается предосудительнымъ. Въ большей части шинковъ сидятъ евреи, что весьма облегчаетъ возможность выпить и при безденежьи; потому что тѣснимое племя Израиля не брезгаетъ ни какимъ приношеніемъ, въ какихъ бы продуктахъ оно ни состояло. Кромѣ торга, у насъ есть три ярмарки и красные торги предъ Роздвомъ и Великоднемъ. На каждой ярмаркѣ продается до 5000 пудовъ хлѣба и до 500 четвертей овса.

На ярмарочной площади красуется отъ 5 до 7 выставокъ, т. е. временныхъ шинковъ, имѣющихъ *нотаріальное* значеніе, потому-что рогатый скотъ, лошади, колеса, одежа—напр. свита, не могутъ быть проданы безъ *могорича*. Вещь съ той минуты считается проданною, договоръ считается тогда святымъ и ненарушимымъ, когда выпитъ

могоричъ (¹) Блуждая на ярмаркѣ на Петра и Павла, я услышалъ весьма оригинальную атестацію, данную лошади продавшимъ ее хозяиномъ-козакомъ. Описывая всевозможныя качества ея, онъ прибавилъ »*хочь у подводу поідете, до панъ не буде бить.*« Въ нѣсколькихъ словахъ простосердечный мужичекъ далъ атестатъ и лошади и подводной повинности и панамъ, ѣздящимъ на обывательскихъ.

Что касается до народной нравственности, то она обстоитъ несовсѣмъ благополучно. *Перезва* оглашаетъ по стогнамъ нашего мѣстечка весьма неутѣшительныя вѣсти въ циническихъ пѣсняхъ. Наши дівчата *вчащають* въ шиночки; этому способствовали мѣры нашего мѣстнаго *уряда*, заботящагося не только о матеріальномъ благостояніи, но и о процвѣтаніи нравственности. Мѣстнымъ властямъ казались предосудительными собранія дівчатъ на улицахъ: онѣ разгоняли поющихъ позднимъ вечеромъ и даже брали подъ арестъ. Поэтому дівчата стали собираться въ шинкахъ, гдѣ подъ эгидою откупа они могутъ пѣть сколько *душа забажае*, въ сообществѣ паробковъ, въ особенности ямщиковъ (эти у насъ самые веселые). И такъ попеченія нашихъ мѣстныхъ начальниковъ — Савонаролъ привели къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ приводятъ всѣ *положительныя мѣры* по части улучшенія нравственности.

Частые солдатскіе постои внушили нашимъ *дівчатамъ и молодицамъ* нѣжную расположенность къ *москаликамъ*. Я старался узнать причину предпочтенія москалей предъ паробками и, по распросамъ послѣднихъ, оказывается, что причина такого предпочтенія кроется въ томъ, что москали умѣютъ лучше хранить тайну; а паробки, по товариществу, разскажутъ другъ другу, и тогда дівчина не жди хорошаго жениха, а молодица жди колотушекъ отъ мужа.

Солдатская муза оставила въ нашемъ мѣстечкѣ значительные слѣды: наши дівчата поютъ пѣсни принадлежащія къ циклу казарменной поэзіи и изобилующія цинизмомъ. Многія украинскія пѣсни окрасились московскимъ цвѣтомъ и поются на московскій ладъ.

На *Купала* я пошелъ на улицу, чтобы увидѣть этотъ, пережившій многіе вѣка, народный праздникъ. Дівчатъ было мало; многія не вышли на улицу. Все шло вяло, за народною пѣснію слѣдовала «сударыня,—барыня», — и я былъ не радъ, что пошелъ.

(¹) Одинъ мой знакомый, панявъ *майстра*, изъ козаковъ, для постройки чуланчика, самъ уѣхалъ по дѣламъ службы. Возвратясь домой, онъ увидѣлъ, что майстеръ не принимался за дѣло и на упрекъ за неисполненіе обѣщанія, возразилъ, что *могорича ще не пили*.

Порча эстетическаго вкуса связана съ порчею нравственности — и только одно средство противодѣйствовать злу—это грамотность. Нужно чтобы дѣвчата ознакомились съ богатствомъ, чистотою и глубиною нашихъ чисто-народныхъ пѣсень и съ глубокими и дѣвственными думами нашого батька Тараса; нужно также, чтобы мѣстныя власти не особенно заботились о нравственности и оставили въ покоѣ поэтическіе обычаи нашего народа.

Теперь у насъ въ мѣстечкѣ всеобщее уныніе. Къ намъ прилетѣла саранча, въ прошломъ году, на Спаса, и благополучно вывелась въ огромномъ количествѣ. Предержащія власти, конечно, не оставались въ бездѣйствіи: онѣ такъ энергически переписывались, что еслибы счесть количество бумагъ, написанныхъ по поводу саранчи, то вышла бы большая цыфра.

Весною згоняли народъ и настроили будочекъ, и уже, когда саранча выросла до-того, что очутилась въ хлѣбахъ, начали копать рвы, загонять ее туда и закапывать. Работа шла безтолково и вяло, такъ что совершенно напрасно тратился трудъ огромнаго количества людей. Дворяне, назначенные быть распорядителями при истребленіи саранчи (прозванные народомъ саранячими панами), отказались подъ разными предлогами....

Народъ весьма неохотно занимался истребленіемъ. Насчетъ саранчи существуетъ въ народѣ убѣжденье, что это кара Божья, которой нужно подчиниться; что тамъ, гдѣ саранчу не истребляли, она ничего не трогала; что будтобы по ночамъ ходила *сараняча мати* и плакала, и т. д.

Одинъ прохожій богомолецъ набралъ саранчи полъ-мѣшка и понесъ въ свою сторону, говоря, что это благодать Божія.

Саранча была у насъ слишкомъ давно и народъ не знаетъ всей великости этого бѣдствія. Но многіе старожилы говорятъ, что въ ихъ время, что ни дѣлали съ саранчой—ничто не помогало, а стали Богу молиться, саранча снялась и полетѣла; потому и теперь народъ налагалъ на себя дань для того, чтобы отслужить молебенъ съ водосвятіемъ, и было уже нѣсколько церемоніальныхъ процессій въ жита, за 6 верстъ отъ мѣстечка, гдѣ совершались молебны съ водосвятіями. Саранча истребила большое количество хлѣба и сѣна; если она не улетитъ отъ насъ (она теперь начинаетъ летать), то слѣдствіемъ будетъ совершенное разореніе хозяйствъ нашихъ сельскихъ обывателей,—не столько отъ недостатка хлѣба, сколько отъ недостатка сѣна

и соломы, для прокормленія скота. У насъ много такихъ козаковъ, которые, кромѣ грунта, не имѣютъ ни куска земли; но, имѣя плугъ воловъ, обработываютъ съ четвертой копы чужія поля и такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ значительное количество хлѣба. При теперешнихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ (*), они должны будутъ сбыть скотъ за ничтожную сумму и прійти въ совершенное разореніе. Вообще нужно замѣтить, что, при всѣхъ обстоятельствахъ, не благопріятно дѣйствующихъ на развитіе хозяйства, нашъ народъ спасается отъ нищеты тѣмъ благорасположеніемъ, тѣмъ товариществомъ, которымъ проникнуты всѣ его хозяйственныя отношенія. Одно изъ неблагопріятныхъ условій для хозяйства,—условіе, лежащее въ самомъ характерѣ народа, это раздробленность семействъ, слѣдовательно раздробленность хозяйственныхъ силъ, какъ вещественныхъ, такъ и личныхъ, хотя это вредное условіе и выкупается энергіею труда, необходимою спутницей хозяйственной независимости и массою нравственныхъ послѣдствій, формирующихъ сознаніе личности. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ является высокій акцизъ, на хлѣбное вино, составляющее у насъ предметъ всеобщаго потребленія; но самыя неблагопріятныя условія, — это распредѣленіе нашихъ податей и повинностей. Наши козаки платятъ возвышенный подушный окладъ. Эта подушная подать въ высшей степени неуравнительна. Часто небогатый козакъ платитъ большую сумму, потому что вся его мелюзга попала въ ревизію, и напротивъ, богатый, женившійся послѣ ревизіи., не платитъ подати за родившихся, во все время до слѣдующей ревизіи. Подводная повинность тоже крайне неуравнительна. Тотъ, у котораго двѣ лошади и болѣе (сколько бы ихъ нибыло), даетъ пару на стойку на три дня; у кого одна, тотъ спрягается съ другимъ, имѣющимъ тоже одну лошадь и каждый долженъ быть при этой парѣ три дня; такъ что каждая лошадь шесть дней на стойкѣ. О постойной повинности и говорить нечего; тотъ, кто бѣднѣе, слѣдовательно беззащитнѣе, тотъ болѣе и страдаетъ. Згоны на работы, на дороги, тягостнѣе для бѣднаго чѣмъ для богатаго, потому–что богатые должны отработать одинаковое число дней и т. д.

Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ хозяйственныхъ товариществахъ, о томъ благорасположеніи, которое служитъ подкладкою всѣхъ хозяй-

(*) Кромѣ саранчи, у насъ есть еще другой врагъ,—это постоянные дожди; если они не прекратятся, то погноятъ сѣно и хлѣбъ, которые народъ поторопился убрать, боясь саранчи.

ственныхъ отношеній, существующихъ въ народѣ, и о нѣкоторыхъ полезныхъ мѣрахъ правительства, поддерживающаго благосостояніе. Неурожаи и другія неблагопріятныя обстоятельства, а равно отсутствіе запасной копѣйки, необходимой въ такихъ случаяхъ, какъ свадьбы, похороны и т.п.уменьшили хозяйственныя средства нашихъ козаковъ. Очень многіе изъ нихъ имѣютъ только пару воловъ или пару коровокъ. Въ подобныхъ случаяхъ нѣсколько хозяевъ спрягаются. Замѣчательно, что тутъ не заботятся о томъ, чтобы всѣ выорали поровну; напротивъ, у кого больше семянъ, тотъ можетъ товарищескими волами выорать больше, совершенно безвозмездно, «коли въ ёго é насіння — нехай собі оре», такъ разсуждаетъ нашъ простолюдинъ, безъ зависти и корыстолюбія. Много есть также такихъ, которые не имѣютъ ни земли, ни скота. Они имѣютъ возможность заработать себѣ хлѣбъ, или во время жнивъ или во время молотьбы.

У насъ даютъ жнецамъ 4-й снопъ, въ окрестныхъ селахъ $^3/_4$, (*) т: е. поочередно два третій, три четвертый и д. т., или даже 3, но разнообразіе заработной платы въ этомъ случаѣ основано не на спросѣ и предложеніи, а на особомъ народномъ воззрѣніи; этотъ способъ уплаты за трудъ есть средство для бѣднаго заработать хлѣба, а потому народъ говоритъ, что вознаградить такимъ образомъ трудъ, значитъ *дать заробить* (**), и разница зависитъ отъ качествъ хозяина: *якъ отъ хозяина*, говоритъ народъ. Тоже нужно сказать о молотьбѣ: въ нашемъ мѣстечкѣ даютъ 10 или 11 мѣрку, въ окрестныхъ селахъ 8 или 9, тоже *якъ отъ хозяина*. Въ одномъ изъ сосѣднихъ селеній, въ Лебединѣ, (крестьяне въ немъ помѣщичьи) даютъ третій снопъ жита, пшеницы и ячменя, и за то жнущій обязанъ помогать при уборкѣ овса и гречихи. Въ другихъ же мѣстахъ даютъ снопъ изъ овса и гречихи. Вообще у насъ работникъ, если неисключительно вознаграждается хлѣбомъ, то все таки хлѣбъ составляетъ часть уплаты, наприм.: порядочный наймитъ получаетъ двадцать и болѣе руб. и *присівокъ півчетверика* (четыре мѣры) *жита и півчетверика гречки*. Пастухъ получаетъ четвертку (двѣ мѣры) *пшені*, за корову-дойнячку и пятакъ, и кромѣ того полу-

(*) Мы этого $^3/_4$ не понимаемъ и просимъ болѣе подробнаго объясненія. *Ред.*

(**) Въ нашемъ мѣстечкѣ одинъ хозяинъ-козакъ, *багатирь*, даетъ пятый снопъ: *«нехай саранча поість, а 4-го не дамъ»*, говорилъ онъ. Народъ не любитъ богатыхъ козаковъ больше, нежели пановъ,—особенно скоро нажившихся. «Изъ старця небуде пана»; «изъ наймита не буде доброго хозяина»: такъ выражается народъ о своихъ разжившихся собратахъ.

чаетъ дневное продовольствіе одинъ или два раза въ лѣто. Многіе работники, правда, нанимаются за деньги; но это или заработывающіе для уплаты податей, или нехозяйливые пьянчужки. Хозяйливый человѣкъ старается, чтобы получить за трудъ натурою, хлѣбомъ. Деньги круглы, говоритъ онъ,—разкатятся, а хлѣбъ прокормитъ цѣлую зиму. Если сравнить уплату натурою, съ уплатою деньгами; то первая, по существующимъ у насъ цѣнамъ, для работника въ двое выгоднѣе послѣдней. Вообще, на всѣ хозяйственныя отношенія, существующія въ нашемъ народѣ, какъ я уже сказалъ, нельзя смотрѣть съ одной экономической точки зрѣнія. Здѣсь есть другая сторона, это — благорасположеніе, желаніе помочь ближнему, или, какъ выражается народъ, »*дать заробить*«.

Не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ правительства, способствующихъ народному благосостоянію, о мѣрахъ, которымъ сочувствуетъ самъ народъ. Вопервыхъ, о застрахованіи усадьбъ козаковъ и казенныхъ крестьянъ; эта мѣра была встрѣчена недовѣріемъ; сначала застраховывали за ничтожныя суммы; но удостовѣрившись, что правительство платитъ ту сумму, въ которую были застрахованы погорѣвшія усадьбы, многіе желаютъ возвысить оцѣночную сумму и это скоро обнаружится, потому что переоцѣнки бываютъ каждые три года и теперь имъ приближается срокъ. Прежде, если сумма, потребная для удовлетворенія погорѣвшихъ, была незначительна, то ее пересылали черезъ почту; для полученія же болѣе значительной суммы, отряжался урядникъ въ губернскій городъ, находящійся отъ нашего мѣстечка въ 300 верстахъ. Этотъ урядникъ старался вознаградить путевые издержки на счетъ получившихъ страховыя деньги. Теперь послѣдовало измѣненіе. Послѣ пожара, мѣстныя власти извѣщаютъ палату государственныхъ имуществъ о количествѣ суммы, потребной для удовлетворенія пострадавшихъ отъ пожара. Палата государственныхъ имуществъ проситъ казенную палату сдѣлать распоряженіе о выдачѣ суммы изъ мѣстнаго казначейства, и казначейство выдаетъ, по полученіи приказа казенной палаты. Намъ кажется, что эта процедура слишкомъ длинна. Казначейство могло бы выдавать, по требованію окружнаго правленія, а потомъ окружное правленіе могло бы увѣдомить палату государственныхъ имуществъ, а казначейство, — казенную палату. Вторая полезная мѣра правительства, устройство по волостямъ ссудныхъ кассъ, которыя даютъ возможность, не прибѣгая къ «заставѣ», пріобрѣсть необходимое количество денегъ. Въ понятіи застава, со-

вмѣщается, понятіе залога и заклада, т. е. это есть обезпеченіе долга, какъ посредствомъ недвижимаго, такъ и посредствомъ движимаго имущества. Большею же частію заставляютъ земли. Застава устроена въ высшей степени неэкономически. Дающій деньги получаетъ землю въ свое пользованье. А такъ какъ козачьи земли, вслѣдствіе закона, воспрещающаго отчужденіе козачьихъ земель лицамъ не козачьего сословія, пали въ цѣнѣ; то заимодавецъ пользуется почти двойнымъ количествомъ земли противъ данной имъ суммы; слѣдовательно получаетъ слишкомъ большой процентъ, а должникъ, отдавъ двойное количество земли и лишившись пользованія ею, теряетъ возможность уплатить долгъ, и часто земля дѣлается собственностью заимодавца. Нельзя не пожелать, чтобы ссудная касса могла разширить кругъ своихъ операцій и вытѣснить совершенно заставу. Третья мѣра правительства—это забота о круглыхъ сиротахъ, имъ назначается опекунъ; продукты, подверженные тлѣнію, продаются и деньги отдаются въ кассу, для обращенія за проценты. Сироты, прійдя въ возрастъ, находятъ имущества въ надлежащемъ видѣ и еще съ капитальцемъ. До введенія этой мѣры, сиротскія имущества нерѣдко разграблялись родственниками.

Наше мѣстечко ведетъ торгъ съ Кіевомъ, въ-особенности мукой и крупой, крупу выдѣлываютъ въ крупо-дерняхъ и жерновахъ. Многіе зарабатываютъ копійку извозомъ, получая съ пуда отъ 5 до 6 коп. за провозъ въ Кіевъ, куда считается 30 верстъ старымъ *шляхомъ*. Въ Кіевѣ находятъ всегда сбытъ привезенныя продукты, хотя и тутъ обходится не безъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, за шоссе берутъ 9 коп. съ лошади и 9 коп. съ пары воловъ. Для того, чтобы избѣжать платы 18 коп. туда и 18 коп. обратно, наши крестьяне оставляютъ одну лошаденку въ слободкѣ и уже одною странствуютъ по кіевскимъ горамъ. Шоссейный сборъ въ такомъ случаѣ уменьшается въ половину, и вѣроятно въ такой же пропорціи уменьшаются силы лошади. Намъ кажется этотъ сборъ высокимъ, тѣмъ болѣе, что наши мужики захватываютъ незначительную часть оплачиваемаго ими шоссе. На самомъ базарѣ нашего крестьянина ждетъ еще одно горе. Въ Кіевѣ существуетъ запрещеніе, торговцамъ покупать ранѣе 12 часовъ; правительство имѣло въ виду дать средство жителямъ города запастись выгоднѣе необходимыми продуктами безъ соперничества съ торговцами. Конечно, это неисполняется и только причиняетъ убытокъ крестьянкамъ, привозящимъ хлѣбъ. Торговцы входятъ въ сношенія съ завѣдующими городскими вѣсами,

(т. е. со взявшими на откупъ вѣсовыя сборы) и не только покупаютъ ранѣе 12 часовъ, но даже пользуются покровительствомъ вѣсовщиковъ. Послѣдніе въ пользу торговцевъ обвѣшиваютъ крестьянина и выходитъ, что для жителей города нѣтъ выгоды, для крестьянина убытокъ; торговецъ не въ накладѣ; вѣсовщикъ и базарный съ барышемъ. Вотъ какіе обороты принимаютъ иногда покровительственныя мѣры.

П. Чубинскій.

ПАНЪ ПАДАЛИЦА.

до пана Владымыра Антоновыча.

ДВІ СЛОВІ ОДЪ РЕДАКЦІЇ.

Після того, що написано въ листі високоповажного Володимера Антоновича (*Основа*, кн. VII) про *Варшавську Библіотеку* и про пана Горжковського, здавалося бъ нічого й речи зимати про ті лукаві трихи-мнихи. Отъ же пана громада дозволяе говорити усякому и про всячину, хто бъ ні озвався за *правду*, хоча бъ и за таку, що вже *заржавіла*. Панъ Падалица такъ гаряче вступаетця за свою панську сторону, що ажъ написавъ свій листъ по-панському. Друкуемо сей листъ, не переминяючи въ ёму й правописі. Накриває панъ Падалица високоповажного Антоновича мокримъ рядномъ, що притьомъ вінъ не по правді ремствуе на *Варшавську Библіотеку* и на пана Горжковського. Нехай же теперъ нашъ кіевський сотрудникъ докладно ёму одвітуе, що, по панському розуму, не гарно вчинено съ польскої сторони,.. нехай нагадае хочъ те саме, що вже разъ сказано и доказано въ першому листі, бо панъ Падалица читае той листъ не зо всімъ такъ, якъ написано, а по-своёму.

На Стрийковськихъ, Коховськихъ и Гродецькихъ нічого було пану Падалиці здаватись безъ усякої критики, бо хто читавъ іхъ, той знае, що перший зъ нихъ у козацькій справі не судця, бо не дожилъ до неї; другий видумавъ такъ, якъ и нашъ Конїскій, а третій писавъ багато по слухамъ, утікши съ Польщи до Венгеръ: то хочъ и бажавъ говорити правду, такъ нехотя, иноді и помилявся. Инша річъ, якъ панъ Падалица пише: »Слово у насъ було вольне и річъ вольна.« Що не безъ добра було въ польскій старовині, про се нічого й казати. Зъ великимъ жалемъ споминаемо ми *велику руину* (див. приконечча *Хмельницкими*, П. А. Кулїша); та хто жъ ій винень, пане Падалице, якъ не те панство, съ своими помошниками-сзунтами, — за которе ви стоите? Звісно, якъ хто вамъ поймё віри, що князь Ерёма по правді владавъ трохи не половиною земель Українськихъ, що козаки-нетяги—котримъ *ніде було стати й коня попасти*—були вирідки,—що іхъ учиняли правила pura malitia, и такъ далі, и такъ далі, — хто, кажемъ, поймe вамъ у цімъ ві-

ри, — той му́сить запла́кати на па́нськихъ могилахъ,—мовъ на ба́тьківськихъ. Тимъ-ча́сомъ, ми ина́кше розумі́ли и розумі́емо всю спра́ву. По своє́му вікові, козаки вдава́лись у такі вчи́нки, за котрі іхъ панъ Горжко́вський зве розбишаками; а про те—би́лись вони́ противъ таки́хъ *цивилизованихъ* людей, которихъ ми, по щи́рій пра́вді, зовемо ди́кими дє́спотами и тира́нами. Скажіте жъ, пано́ве Поля́ки, чиє́ ча́до — *розбишацтво* коза́цьке? Ва́ше рідне ча́до! Чи, мо́же, ви й до́сі вірує́те, (якъ писа́ли ва́ші пре́дки,) що въ наро́ді и въ козакахъ була́ и мо́же бу́ти *pura talitia?* Ми ду́маемо та́къ, що коли́ недужа ди́тина проси́ла ма́тери: *Мамо, закрій мині ві́чі, щоб на того́ Ляха не дивітись,* (да й чи одно́ жъ се́ сло́во живе́ у наро́ді и до́сі?), — такъ треба не въ яко́гось непороч́ного єзуі́та, а въ само́ї істо́риі—да́вньої да и нової — питатись, звідкі ся *дика* нена́висть узяла́сь у всього́ наро́ду? Тимъ-то ми бажа́ли бъ, щобъ такі пано́ве, якъ отъ и панъ Падали́ця, вомісто того́, щобъ дово́дити невідо́ми наперами, що Хмельни́цький бувъ розбишака—и більшъ нічо́го,—розібра́ли бъ пе́рше, чи нема́ спра́ві у самі́хъ принципа́хъ Польского па́нства тако́го я́ду, що всяке до́бре ді́ло одъ ёго нівечитця, гине, а згинувши стано́витця отру́тою и самі́хъ спо́минокъ. *Ред.*

Позвольте мині, пане Антоновичу, одклыкнутьця на вашъ лыстъ, надрюкованый у »*Основі*« за Іюль місяць, зъ московськімъ наголовкомъ: »*Што объ этомъ думать?*« Выбачайте що будемъ говорыть до васъ мовою руською, бо по-польскі »*Основа*« не дрюкуе (*), а по-московськи мы самі калякать не уміемо.

За що се вы розсердылысь на Горжковського и на Крашевського и за що кладете выну гуртову на усі наші историчеські книгі и на усіхъ пысателівъ? Сумно намъ стае слухаючы вашої мовы. До чого се вы прыдырае́тесь? Чымъжъ такъ оце провыныла редакція »*Варшавської Бібліотекі*«, що розказала те що вычытала у старосвіцькіхъ паперахъ? Чы жъ вона выння за те що тіхъ документівъ не надрюковала? Вона жъ каже що хотіла та колижъ не можна... Або жъ то васъ, пане Антоновичу, врозумлять треба про те, що у насъ можна, а чого не можна? Самі вы про се добре знаете. Ну, а чогожъ се вы не наговорылы на ті повисті Горжковського, которыхъ не чытылы? Може справді воны бездарні, але може браві и толковыти? Передъ неводомъ рыбу неловлять. Колы судъ, то нехай же вінъ буде чыстый и справедлывый. Колы повертаете на законъ и правду, то й самі держітьця закону и правды. Отъ тогді вы, пане Антоновичу, будете маты передъ усіма чысте око.

(*) Надрюкуе—коли що доладнє полу́чить—переложивши на рідню мо́ву. *Ред.*

За що вы докоряете редакціи *Варшавської Бібліотекі?* За дві чы три строкі, которі вона напысала, щобъ податы вістку про нові книгі. Не ужежъ оце ненайшлы вы у польськіхъ историческіхъ книгахъ, шырокоі и розумноі мовы про Украину? Чомъ же вы не чыталы Лелевеля, Шайноху, Короновыча, Маціовського, Бѣліовського? Чомъ же вы не дозналысь про ті памятныкі историческі що іхъ пысалы: Стрыйковськійі, Коховськійі, Грондзькійі, Оржельськійі, Рудавськійі и решта. Колы вы іхъ чыталы, то положіть руку на серце й скажіть по совісті: Чы ті учени мужи говорылы неправду? Правду воны говорылы про насъ и про Украину и не скрывалы ані злого ані доброго. Спытайте Куліша, Костомарова, Соловьева и тіхъ усіхъ що вчыталысь пылно въ нашу исторію, а и воны вамъ скажуть, що мы не таилы правды и не безчестылы нікого лукавою мовою. Слово у насъ було вольне и річъ вольна. Не такій світъ теперъ, пане Антоновычу, щобъ выгадовать брехні одынъ на одного. Но до того иде теперъ, щобъ помыями залывать очі. Про давні діла пысать можна, але не слідъ, та й непрыходытыця, щобъ те усе що було, прыкладаты до того що е и що буде. Дай намъ Боже, щобъ те усе що мынулось, послужыло намъ на науку, та на корысть, а не на колотнечу. Гай,—гай! якъ та кровъ що ін безневынно пролыто, та мае намъ теперъ мараты выдъ и рукі, то недоведы сёго Господы!

Вы розсердылысь на насъ, пане Антоновычу, Богъ васъ зна за що, та й сердытымъ окомъ дывытесь на усе що стоіть передъ вами. И бачытыця вамъ, що буцімъ-то пысателі наші доказують »що край межъ горамі Карпацькімі, та межъ рікамі: Вѣпржемъ, Прыпетью и Дніпромъ, и теперъ и спершу бувъ польськімъ. «Про те, пане Антоновычу, чый вінъ бувъ и чый вінъ е, исторія зна и запысала уже на своі карты. Не наша сыла переиначыть исторію. Про се можна говорыть и доказовать, але сердытыця нема защо. Теперъ на инчый способъ межують зе́млі. Мынулося те время, колы народомъ торговалы якъ скотыною, та забіралы ёго цілымі табунами. Теперъ вінъ мае свій голосъ и свое право. Отъ же, по-моему, то ані вамъ ані намъ непрыходытыця тягнуть ёго за полу. Хто ёго зна щобъ вінъ сказавъ якъбы добре розважывъ та подумавъ? А може бъ вінъ не схотівъ муштроватыця и по вашій команді?...

И во истыну, нихто изъ польськіхъ пысателівъ не сказавъ такого порочного слова, за яке вы намъ докоряете. Вчытайтесь лышень пылно въ исторію, то вы тамъ дочытаетесь, що и тогді наветь, ко-

лы усі королі та князькі заіжалы землі и забіралы не пытаючысь,— мы двійчи пыталысь васъ и просылы прыстать но доброі волі. Чымъ-же мы тогді робылы не поправді?

А я спытаю васъ: Чымъ же то и теперъ робымо лукаво и не щыро? Чы загорнуть васъ підъ себе бажаемо? Чы закрепостыть васъ хочемо? Доказуйте намъ, колы такъ кажете. И подумать того не можна, чымъ насъ порочыте. Не вслухалысь вы мабуть добре у той гомонъ народный що розлягаетьця по ярахъ та по лісахъ и селахъ одъ Выслы ажъ до Дніпра. Не наклыкаемо мы нікого до ножівъ, не куемо путъ на ничіи ногі. Идемо до васъ зъ хрестомъ святымъ, подаемо вамъ на вічный мыръ руку, кажемъ: Боже помагай! а вы цураетесь насъ и за добре слово одказуете лайкою. Гай, гай! не наладъ повертаете роботу. Вамъ усе снытьця Коліивщына, выклыкаете Гайдамаківъ, велычаетесь Желізнякомъ та Гонтою, а забуваете що теперъ уже не те, що було колысь и що колотнеча наша выйшла бы усімъ намъ на погибель, а одному чортові на радість.

Не цураемось мы розсуживать та роздумовать старосвіцькі дыянія. Знаемо що исторію нашу пылно намъ розважаты треба и учытьця не для чваньбы, а для науки. Чымъ лучче іи пізнаемо, тімъ выднійші стануть шляки наші. Але за те намъ обідно, пане Антоновычу, що вы вытыкаете намъ очі за такі діла, що іхъ земля накрыла уже давно одною могылою. Якъ на вашу дулю мы вамъ тожъ зачнемъ тыкать дулі, то тілько полаемось, та й годі. Безсмертный вашъ Гоголь сказавъ колысь: »Положимъ, что Александръ Македонскій былъ великій человѣкъ, да зачѣмъ же стулья ломать?« Отъ же ся прысказка прыходытьця и до вашоі речі. Нехай вашъ Богданъ бувъ лыцарь велыкій, але защо докорять, якъ кто скаже що ні?

А що про акты Кіевськоі Коммиссіи, то ей-Богу стыдно вамъ заступатьця. Не того вы десятка чоловікъ, щобъ таку хвалыты роботу. Про книгі я нічого не скажу, але те скажу що воны зъ лукавою напысаны думкою. Щобъ вы сказалы про садокъ, якъ бы я вамъ выніcъ зъ нёго мішокъ кісльщь? Сказалыбъ що садокъ на око гарный, та овощи родыть погані. Дежъ-то! цілый мішокъ самыхъ за себе кісльщь а ні одного яблока гарного та солодкого! А якъ на правду, то у садку найшлысь бы и гарніи овощи, та я вамъ іхъ не выніcъ. Ну, чыжъ садокъ за те выновáтъ, що я васъ попоштувавъ самымі за себе кісльщямі? Ни, се уже мене за те выноватыть треба. Се уже я напакостывъ, а садокъ нічого не выненъ. Отъ же такъ

саме и зъ тіми книгамі. Повыбіравъ ктось самі кіслычкі, частуе кого зостріне, тай ще прыговорюе: »Оцежъ, якій садокъ поганый! Оцежъ яка брыдка овощъ! Хотьбы тобі насміхъ одно солодке найшлось яблочко!«

Колыжъ мы знаемъ той садокъ и знаемъ що тамъ е усякіи овощи. Отъ мы, выбачайте, и сказалы що той панокъ бреше. Нехай же насъ хочъ цыганъ судыть: чыя тутъ правда?

Ажъ сумно намъ стало слухаючы вашої лайки на Горжковського. Знаемъ мы того чоловіка и знаемо те про нёго що вінъ чоловікъ правдывый и чесный. Не разъ балакалы мы зъ нымъ про старыну украиньську и дывувалысь слухаючы, якъ то вінъ бідолаха збіравъ старі книги, якъ вінъ вештався на торжкахъ та скуповувавъ, якъ вышуковавъ підъ стріхами, якъ пішкі ходывъ по Украині и послідню копійку оддававъ за лыстъ старого папіру. Але поклястысь можна, що вінъ не збіравъ того хламу на те щобъ ёго затасовáть. Вінъ зъ нёго дошуковався правды, бо любывъ правду. Ажежъ Куліш такъ саме збіравъ старі книги та папіры по Украіні. Чыжъ намъ за те порочыть ёго треба? Ни, за те ёму велыке спасыбі. И вы, пане Антоновычу, не побоялысь Бога,—порочыты того чоловіка? Не думавъ вінъ про старыну нічого неправдывого и не злословывъ ніколы Украині. А за те, що вінъ пішовъ у Рымъ, та ставъ тамъ кеіондзомъ, (*)—глумоватыця непрыходытыця. Якъ бы вамъ прыйшла думка пострытись у чеиці у Кіевськоі Лаври, — чы ужежъ оце заразъ на сміхъ васъ піднять треба? Нехай вамъ Богъ помага! Абы зъ тверезымъ серцемъ та по доброі волі.

Не прогнівайтесь, колы вамъ скажемо що и до Крашевського прычепылысь вы Богъ зна зъ чóго и зáщо. Никто у насъ не зневажáе Шевченка. Вічная память тому геніеві высокому и народному! Про похороны ёго у Уніяцькоі церкві, выйшла якась ошыбка. Той кто писавъ до *Польскоі Газеты*, не знавъ, мабуть, добре. За щожъ заразъ сердытыця, докорять и выгадовать на насъ те, що и на думку ніколы не прыходыло? Бодай васъ! Чого вы не навыдумовалы! И сяка и така Унія, и мы ій не хочемъ и ій у насъ нема и не буде и багацько іще де-чого... Сміхъ тілько та й годі! Та ктожъ тебе, голубе мій, заганяе у Унію? Кому вона теперъ потрібна? До чого

(*) А чомъ же се ви, пане Падалице, не додали:—*езуітомъ?*. Тимъ-бо-й-ба!..

ін прышыты можна? Якъ-такі вамъ несóромъ лякаты народъ хрещеный такімъ клочанымъ пу́галомъ?

Сказалы вы намъ прысказку, що »брехнею світъ перейдешъ, та назадъ не вернешся.« Доказуете, що »вельможна шляхта уже перешла у одынъ кінець и пытаетесь: чы справді вертатыметься тимъ самымъ шляхомъ? Отъ же колыбъ вы тілько не сердылысь, то я бы вамъ сказавъ, що сю прысказку можна прыложыты не конечне до самоі шляхты, а до кожного пе́ревертня...

Не попрікаемъ васъ, не хочемъ заводыть колотнечі—крый Боже! За одно тілько просымо васъ: Якъ що колы прыйдетьця до розмовы, то говоріть чесно и правдыво. Якъ розмовлятымемо зъ толкомъ, то може и зрозуміемъ одынъ-одного. Така наша думка и така рада. Идучы у-купі, скорійше и певнійше найдемо те, що загубылы. А якъ найдемо, то не дай Боже, щобъ послі мы вамъ або, вы намъ вытыкалы прысказкою: »*Лучче зъ розумнымъ згубыть, якъ зъ дурнемъ найты.*«

Прощавайте, добродію!

Тадеушъ Падалица.

13 октобря 1861 року.
Зъ Украіны.

ИЗЪ М.

(Письмо къ редактору)

Грустно, что первое слово изъ М. является обличительнымъ; но такова, знать, доля наша. Въ вашемъ журналѣ, правда, я обличительныхъ статей не начитывалъ, а потому не могу разсчитывать, чтобы мое письмо было помѣщено; но куда же намъ обратиться за защитою народныхъ своихъ обычаевъ, если не къ «Основѣ»? Основа-украинскій вѣстникъ: пусть же она скажетъ слово за насъ. Быть можетъ общественное мнѣніе благодѣтельно подѣйствуетъ на нашу градскую полицію, и она перестанетъ видѣть зло тамъ, гдѣ его и не бывало,—перестанетъ преслѣдовать пѣсни. Впрочемъ пѣсенъ-то она не преслѣдуетъ, какъ словесныя произведенія; но преслѣдуетъ пѣніе. А отнять у насъ пѣніе, значитъ отнять все. Лукавое преслѣдованіе это ограничивается *чесними*, а *омнибусовъ* не трогаютъ. Это еще безот-

раднѣе: тотъ можетъ скрипѣть сколько угодно, кто развратенъ! Какою цѣною покупается право предаться поэтическому влеченію природы!.. Вотъ–что происходило у насъ 13—14 августа.

Былъ десятый часъ вечера, когда я возвращался изъ *гостини*. Недалеко отъ моей квартиры, въ предмѣстьи, издавна собиралась *улица*. Старое мѣсто ея теперь заняли подъ печки для солдатъ и потому на этотъ разъ *улица* стала собираться у самаго окна моего. Это привело меня быть очевидцемъ такихъ штукъ, про которыя я и слышать бы не хотѣлъ. — Когда я шелъ домой, на улицѣ уже было двѣ дѣвицы; только–что онѣ начали пѣсню, какъ солдатъ отъ печекъ разразился бранью. Но это не важно: насъ здѣсь уже пріучили къ солдатскимъ обычаямъ. Дѣвицы побѣжали и стали у воротъ ближайшаго двора – сажень десять *отъ улиці*. Я вошелъ къ себѣ. Въ это время вдалекѣ, раздалась парубочья пѣсня. Не прошло и пяти минутъ, какъ слышу я рѣзкій женскій крикъ, потомъ топотъ многихъ ногъ. Ночь была безъ луны, а потому, высунувшись въ окно, я могъ увидѣть только двѣ человѣческія фигуры у тѣхъ же воротъ; но какого были пола, узнать было нельзя. Остальные *уличане* заслонены были отъ меня подсолнечниками. Отсюда, вдругъ, отдѣляется одинъ, какъ видно было поочертанію одежды, солдатъ, и пошелъ къ воротамъ; за нимъ и другой—но этотъ уже побѣжалъ. Ненадо упускать изъ виду, что еще не пѣли здѣсь на улицѣ, когда это происходило. Только–что эти два солдата присоединились къ тѣмъ двумъ лицамъ, что стояли у воротъ, какъ я услышалъ повелѣніе: — ступай! ступай за нами! — и женскую прозьбу. Тутъ я узналъ, что то̀ были дѣвицы (и одна изъ нихъ изъ того–самого дома, у воротъ котораго описываемое происходило). Должно быть, дѣвицы сопротивлялись, потому–что кто–то закричалъ:—тяни ее! тащи!—и въ воздухѣ раздался ударъ палкою (цѣпкомъ), потомъ умоляющій, дрожащій голосъ:—*не бійтеся*...

Солдаты, квартирующіе у насъ имѣютъ поползновеніе *старшувати*. Недѣли три тому назадъ, напр., два солдата встрѣтили на улицѣ прохожаго парубка, порядкомъ отколотили, сняли свитку и шапку, которыя, говорятъ, отдали только послѣ многихъ прозьбъ. Предполагая, что и здѣсь проворствуютъ солдаты, я немало былъ удивленъ, отчего это парубки позволяютъ такъ *знущатыся* надъ дѣвицами; одѣлся и вышелъ съ цѣлію вступиться за обижаемыхъ. Но уже было поздно: на улицѣ ни души живой, и только вдали виднѣ-

лась движущаяся масса. Прибавивши шагу, я настолько приблизился къ шедшимъ, что разглядѣлъ десятскихъ, парубковъ и дѣвицъ. Легко догадаться, куда ведутъ эти алгуазилы. Упасъ, говорятъ, издавна преслѣдуютъ *улицу*, но сегодня заберутъ, а завтра ужъ нѣтъ; и всѣ утверждаютъ, что это хотятъ *вирви*—и только, (но мы узнаемъ кое что и больше). Я уже зналъ, что забранныхъ съ улицы запираютъ въ темную, а послѣ заставляютъ городъ подметать, но видѣть этого не случалось. Разсказываютъ даже, что городничіе, бывало, заберутся на *досвітки*—особенно на *складчину*, все поѣдятъ, повыпьютъ, заберутъ всѣхъ и отправляются. Мало-ли еще чего разсказываютъ; но это дѣло — сторона. Вотъ что-то будетъ завтра?

Назавтра *(въ 5-мъ часу утра)* я былъ уже на базарѣ и увидѣлъ, что парубки (12) и дѣвицы (4) подметали городъ; десятскіе за ними присматривали. Отпустили ихъ только *въ часъ по полудни*. Такимъ образомъ, у каждаго изъ арестованныхъ пропалъ горячій рабочій день. И за что же такое наказаніе? Неужели ни на минуту нельзя отрѣшиться отъ дѣйствительности? Но день все-таки пропалъ... А кому не извѣстно, что для хлѣбопашца значитъ потеря дня въ жнива — и еще у насъ и въ настоящемъ году, когда только и слуховъ, что жалобы на опустошенія, производимыя саранчей! Но на это не смотрятъ: завтра Успенье, надо, значитъ, принарядить городъ. Такъ не лучше ли было бы самимъ многосильнымъ десятскимъ стать съ метлою въ рукахъ? А страмъ, а стыдъ? Какъ же такимъ особамъ браться за метлу? Онѣ стоятъ себѣ, онтакечка, заложивши руки за спину, да, знай, погукуютъ: работай, работа́й!—Это по насъ; извѣстное дѣло—нашъ братъ десятскій — не простой человѣкъ. Такъ намъ ли за метлу?.. И подумать нельзя!...

Такъ *онтакечка* загребли жаръ чужими руками—подмели городъ; надо было еще соръ вывезти. Для этого есть пожарныя лошади, но ихъ трогать не пристало для такихъ работъ (во избѣжаніе сраму); потому что гг. десятскіе изволятъ на нихъ прогуливаться по отдаленнымъ заведеніямъ. И тутъ не задумались: поймали первыхъ попавшихся въ глаза, — кто ѣхалъ на полѣ, взвалили на ихъ возы сору и — поѣзжай здоровъ! да только, *знашь, подальше; или — ишь какова* (т. е. палка въ рукѣ!) *до пальцевъ побью! Нужли ты умнѣе насъ? Ступай! тебѣ приказываютъ.* — Согнулся бѣдный простачекъ и повезъ. А десятскіе важно — страхъ важно! — похаживаютъ да поглядываютъ: *»чисто! ишь, какъ чисто! и въ по-*

лиціи не видано такой чистоты, чепурности, ей Богу!—Кабы таперинька губернаторъ!—Хорошо, братцi, благодарствуемъ! Вотъ вамъ *на водочку.—Онтакечка было бъ до сподобы. Уладили, ей-ей уладили; спасибо намъ...*«

Вечеромъ (14 авг.) я вышелъ распросить—какъ все было, и мнѣ ничего особеннаго не разсказали, только, что »сидимъ мы, говорятъ, шутимъ, какъ пришелъ девятка (десятскій) и сталъ возлѣ насъ; потомъ и другой пришелъ и также сталъ. Погодя пришло еще два и съ этими два парня, что служатъ при полиціи писарями—и побрали насъ. —Это у насъ обходъ такъ ходитъ.—Когда мы поровнялись съ домомъ квартальнаго, онъ вышелъ на улицу босой и приказалъ посадить насъ въ темную...—Какъ разъ на этомъ мѣстѣ нашъ разговоръ прервалъ полицейскій чиновникъ. Послѣ первыхъ словъ привѣтствія, я началъ упрекать его,—зачѣмъ намъ, говорю, мѣшаться *въ улицi!* Зачѣмъ запрещать людямъ пѣть, говорить—словомъ—зачѣмъ это?

— Запрещать улицы — что́ли? Это — безчинство.

— Хоть я съ вами не согласенъ насчетъ безчинства; но пусть по-вашему. Въ такомъ случаѣ, всѣ улицi безчинство.

— Разумѣется.

— А городская?

— Городская! гмъ! та другое дѣло!

— Какъ же—другое? Напротивъ: все равно *улица*. И вы должны подумать, что́ дѣлаете, и для чего дѣлаете.

— О! мы знаемъ, для чего забираемъ *улицю*.

— А нельзя ли и мнѣ знать? спросилъ я.

— Очень просто: для того, чтобы городъ подмели, отвѣтилъ онъ.

— Это не хорошо. Но если вы хотѣли уже непремѣнно сдѣлать несправедливость, то можно было уменьшить ее—нужно было забрать городскую улицу, гдѣ *омнибусы* такъ долго были слышны послѣ обхода. Между тѣмъ забрали *чесныхъ*, и вѣроятно, когда этихъ заперли, къ тѣмъ сами побрели.

— Больше чѣмъ вѣроятно,—даже несомнѣнно; но въ томъ-то и вся штука, «що коло тихъ и десятникъ поживитця, а зъ цiхъ що́ кому? хай же хочь городъ замiтаютъ, коли такi.» Это подлинныя слова помянутого чиновника.—Итакъ, что́ у насъ преслѣдуютъ?

Услыхавъ это, я уже не сталъ больше говорить про *улицю* — (достаточно было и этого) и *звернувъ* на собакъ:

— Почему, говорю, полиція лучше не обратить вниманія на то, что у насъ собаки нападаютъ среди улицъ и калѣчатъ проходящихъ: тамъ дитя чуть не заѣли, тамъ порвали дѣвочку, тамъ, говорятъ, офицера. .

— Эге! захотѣли вы!.. притомъ же мы не знаемъ, чьи это собаки.

— Къ вамъ же поступаютъ жалобы, въ которыхъ должно быть прописано, чьи онѣ.

— Мало ли чего къ намъ не поступаетъ! Энтакъ, какъ выражаются у насъ, энтакъ и бумаги въ уѣздѣ не станетъ, если обращать вниманіе на всякій толчекъ.

Мнѣ осталось только распрощаться съ этимъ господиномъ. Но я все-таки не уяснилъ себѣ, почему беруть подъ арестъ поющихъ, всѣмъ, и даже полиціи, извѣстныхъ своею честностію? Ужели за то, что они не развратны, какъ выразилось его благородіе?

Будьте такъ добры, напечатайте это письмо въ *Основѣ*; быть-можетъ (повторяю) кто-нибудь — посильнѣе нашихъ (если это возможно) — вразумитъ нашихъ любителей чистоты, и они не будутъ препятствовать *честнымъ* пѣть и веселиться, какъ не препятствуютъ *другимъ*.

ЛИСТЪ ЗЪ ДОРОГИ.

Херсонъ, 14 іюля 1861.

Ідучи въ Херсонъ я сподівався на-краще, и дуже-дуже здивувався уїхавши въ цей городъ. Улиці порити наче ровами, валяетця усюди по дорозі каміння!... и будинкамъ и улицямъ—а (може й людямъ) далеко до Полтави. Пробувъ я въ Херсоні $1\frac{1}{2}$ сутокъ; на такий короткий часъ не багато чого розвідаешъ. Роскажу все по порядку. Приіхавъ я уже смеркомъ; мерщій передягся и пішовъ подивитись на

Дніпръ. Погода стояла тиха, *білолиций* глядівъ такъ пильно у воду, наче хотівъ стрибнути зъ неба щобъ покупатись... Народу на бе́резі пошти не було... Багато де-якихъ думъ навіявъ на мене Дніпро своєю тихесенькою филею про давню давнину, про нашу козацьку волю, про всю Украину, що

«Сиротою
По-надъ Дніпромъ плаче...

Хтось кинувъ у воду камець... розійшлась кругами филя... показались бульбушки, наче слёзи дніпрові...

На другій день уранці роспитався, що́ по-чімъ. Пшениця була місяць назадъ 9,—а теперъ (въ половині іюля) по 5 и по 4 карб. за четверть; мука житня 30 к. за пудъ, сіно по 10 коп. за пудъ, овесъ 2 карб. за четверть; сало 5 карб. за пудъ, масло 7—8 карб.—Дешевше усёго гурки—семи-гривенний за сотню. Овощі продають на вагу, а не на ліку; груши 5 коп., вишені 9 коп. за хунтъ, яблокъ ще не видно.—Поснідавши пішовъ по судамъ... Та й набрався жъ я чиховиці у повітовій скарбівні! Купивъ, знаешъ, гербового папіру на 1 карб. 75 коп., даю *бумажку* въ 10 карб.—Узявъ москаль,—сховавъ у скриню, и дае мині 8 карб., а четвертака, каже, нема. Прохавъ щобъ хочъ мідяками давъ, — *нема*, та й годі — »У казначействі, каже, не дають здачи« — »Ну, кажу я, а якъ би я схотівъ розмінять *билетъ* (25 р.)—»На стольці, каже, йди.« —А на стольцяхъ беруть проміни 8—10 коп. за рубъ.—Нічого було робить: пропавъ четвертакъ!..

Упоравшись по судамъ, пішовъ я зъ Лавріномъ роздивитьця городъ по́-видну. У городі 11 церковъ, (одна межо ними грецеська) 1 костелъ и еврейська синагога. Попредь города въ садку стоіть памьятникъ Потемкину: на високій підмостці стоіть статуя Потемкина и дивитця на Дніпръ. Ще на конці города памьятникъ Говарду. На південному боці его написано: «скончался 20 генваря 1790 г. на 63 году отъ рожденія»; на схиднёму: alios salvos fecit« и на захиднёму;« Vixit propter alios.» Зо всёго видно, що Херсонці не дуже поважають памьять сёго незабутного чоловіка; бо кругомъ памьятника таке понисано, що бридко й сказать. Були ми и въ кріпості. У церкві (великомученици Катерини) построенній Царицею Катериною II, стоіть дзигликъ, на которому седіла ся Царица. На цвінтарі е чимало памьятниківъ, міжъ ними два такихъ старихъ, що вже не видно й

надписі, и надъ кимъ вони постановлени—незвісно; есть памьятники: Принцу Александру Виртембергскому зъ надписаннемъ: »праху, скончавшагося во цвѣтѣ лѣтъ и въ добродѣтеляхъ, героя«; — Князю Молдавскому Эмануйлу Россете; Полковникові Петру Мартиновичу, убитому 6 Декабря 1788, на 21 року життя, Инженеръ Полковникові Миколі Йвановичу Корсакову, умершому 24 Августа 1788 р. и иные. На памьятнику Корсакові написани стихи:

Здѣсь другъ отечества, почтенный мужъ Корсаковъ,
Къ жалѣнію сыновъ Россіи погребенъ:
Онъ строилъ городъ сей и осаждалъ Очаковъ,
Гдѣ бодрой духъ его отъ тѣла отлученъ.

Відсіля пішли ми у садъ штурманської школи. У воротъ саду здивувались ми побачивши на стовпчику прибиту дощечку зъ словами: «Входи и гуляй, рукамъ воли не давай.» — Садъ поганенький, дивитьця ні на що; хиба-що тутъ абрикосъ, посажений Катериною II, та й той, мабуть, скоро всохне.

Для мене найпотрібній було знати: — якъ иде наука въ Херсоні? та ба! Вийнялась, бачъ, така пора, що въ школахъ не учятця. Въ Херсоні е гимназія, повітова и приходська школа, школа канцелярськихъ дітей, штурманьска школа, дівочий пріютъ; хлопьяча и дівоча недільні школи. При гимназіи, кажуть, заведена хороша книгария. Правда, въ городі е дві книгарні, — та що зъ нихъ? Ще-таки книгарня п. Шаха—такъ и сякъ, а про другу й говорить нічого! П. Шахъ виписуе собі у книгарню: *Основу, Отечеств. Записки, Руський Вістникъ, Современникъ, Руське Слово, Библіотеку для чтенія, Одеський Вістникъ, С. П. бурські Відомості* и *Собраніе Иноземныхъ романовъ*. А спитай скілько въ ёго предплатниківъ? На рокъ—8, на півроку — 6, да на місяць — 9: отъ-тобі й всі! Не дивуйся: згадай тілько, що въ Херсоні найбільшъ живуть українці,—народъ, одорванний одъ корня,—що »одъ одного берега одчалили, а до другого — не пристали.« — Есть въ Херсоні й печатня п. Ващенка, да не довелось ії побачити.

Прощавай, друже! Напишу тобі зъ Полтави, якъ вертатимусь. А скучно степомъ іхать... скрізь могили

Стоять, да сумують...

Наче гадюка вьетця коло серця, бо якъ часомъ споглянешъ на ці могили, що »нагадують те про що минуло, про волю и тілько *нішкомъ* (наче боятця голосно) въ полі зъ вітрами говорять.«

Олександеръ Переходовець.

P. S. Мо́же Перехо́довець де-въ-чімъ и помилився... дарма: нехай самі Херсонці ёго й поправлять.

ИЗЪ ЛУБЕНЬ ПОЛТАВСКОІ ГУБ.

(Сентябрь 1861.)

Душа душу знае серце, серцю вість подае, кажуть люди: оттакъ и ми теперь побачили, що вамъ щира наша мова, наші нужди, наше горе... Спасибі!. Прислали ви намъ до воскресної школи рідних квіточо́къ: хай цвітуть — не засихають, хай дощечкомъ да сонечкомъ іхъ оживляе; хай люди читають да памьятають, «чиі ми діти».

Який же вамъ привітъ послать одъ нашої школи за вашъ дарунокъ?.. Скажимо вамъ щиру правду про те, якъ ми тутъ учимось?..

Бовкае дзвінъ у неділю на Лубенській соборній дзвінниці, кличе людей до церкви; идуть люди и старі й малі Богу молитись; а малі знають що після церкви да підуть вони ще въ школу грамоті вчитись, а школа зоветця воскресною: по празникамъ да по неділямъ бува тілько,—значить праведна школа—праведної думки дитина,—щирого серця розмова зъ дітками мали́ми, христіанська, братерська школа; не налають тамъ, ні гіркого сло́ва не скажуть, ласкою обійдуть тебе, дадуть тобі книжечку въ руки, роскажуть яка то́ грамота и до чого вона, и якъ тяжко жити чоловікові безъ неі въ грамотній земли,—все рівно, що птиці співучій пробувати безъ співу... У неділю співають въ соборі *воскресникі* да ученикі училища повітового, співають гарно: Денисъ Дмитровичъ,—хай ёму здоровья да вікъ довгий!—учителя півчого до того діла випросивъ у начальства, а теперь хлопьята щиримъ серцемъ виспівують дяку свою за все добре.

Після обідні сбіраемось у школу учити да вчиться, и хто тілько зайде до насъ грамотний да чесний, той и нашъ: и бумагу и карандаша й книжечку ёму дамо,—учи тілько дітокъ нашихъ, щобъ були

грамотні,—щобъ знали—що́—пра̀вда, а що́—крѝвда, щобъ знали якъ кривду правдою побороти.

Учимо у школі вірі Христовій, що сказавъ людямъ: «блаженни алчущіе и жаждущіе правды, блажені плачущіе яко тіи утѣшатся». Чого жъ й бажать, объ чімъ и молитись, якъ не о правді да утіше-ніи? Читають наши дітки въ школі святе евангелие, читають вони яки були люди фарисеі — яки єхидні, да якъ кривдою очи людямъ завьязували, якъ надъ правдою знущались... якъ за правду своею кривдою Праведного Христа замучили! Люблять наші дітки, дуже люблять читати ту святую мову; роздали ми імъ по книжечці того праведного и великого слова; а якъ би ще були у насъ тикі книжечки, то й щебъ давали; то свята мова—то Боже сімья:—росте-росте да и выросте въ дерево высоке—високе, що неба досягне да й саме небо до землі притягне!

А не тілько читати, а й писати наши дітки уміють: такъ и виведе на бумазі: «*поки сонце зійде—роса очи вість!*» Що́ се я?.. Оттакъ-пакъ! Простіть мене: се я зьрехавъ... вони у насъ сёго не пишуть, вони, бачите пишуть усе́ помосковски, а тамъ — дальше, де сонце не світить, балакають може люди и по-нашому... Воно бачите світъ давно вже такый перевертень!.. Такъ оце вже правду кажу: пишуть наші дітки по-московськи, знають ариѳметику, та не такъ — аби-якъ, а розсуждаючи: охоты у іхъ багато до вченія, та ба!.. Бідні вони: ні карандаша, ні бумаги, ні пера, ні-за-що купити! — що́ ми дамо, то тілько и е у іхъ; а школа наша все бідніща становитца: грошинятъ дазьбі!.. До школи багатямъ яке діло? тамъ же вчитця *мужва*, а несчастна мужва—то для иншого мовъ гадина!.. А въ добримъ домі потрібно було бъ мати едину душу, едину мову, едине серце!.. Любови да согласки треба, дуже треба усімъ намъ!..

Чувъ я що въ *Основі* завелись за слово »Жидъ«! Богъ зна що́ такее!. Есть объ чімъ толковатись!.. У насъ давно вже немае ні жидівъ ни евреівъ—а тимъ що кажуть: я—жидъ, або я—еврей, не вірте. Який же жидъ безъ Іудові землі, який то еврей—безъ язика свого стародавнёго, безъ свого закону, безъ свого обичая, безъ віри.. Тимъ котрі зовутця жидами, здаетця, що вся віра у тимъ тілько й стоіть, щобъ не їсти *трафного*, щобъ їсти своіми ложками, да свій хлібъ, свій горщокъ мати, свою тарілку... пророківъ своіхъ вже вони давно забули: спитайте которого жида, то и не перелічить!. Хто хоче быть жидомъ, хай иде въ *Іудову* землю; хто хоче бути евреемъ, нехай той—научить попереду народъ свій говорить по-еврейскі а не понімецькі;

хай научить народъ свій читать пророка Давида, якъ вінъ пророчивъ,—научить читать Іезекиля якъ вінъ пророчивъ воскресенне мертвихъ; а коли сёго не зможе, хай буде громадянинонъ тіеі землі, дé уродився и вирісъ,—а ні—то, просто, чоловікомъ, бо чоловікъ—то перве діло въ світі; то люба дитина и у людей, и у Бога...

Годі, прощайте до другого разу.

Василь Шевичь.

ЗЪ ГАДЯЧА, ПОЛТАВСЬКОІ ГУБ.

(Августъ 1861 року.)

»Скрізь, якъ у дзвінъ дзвонять—говорять за школи и библіотеки. И въ Гадячі объ цімъ річъ. Якъ почнуть розсказувать—що якъ би воно було добре, що зовсімъ би народъ зміпився—тільки слухай! Довго говорили, а далі—добрі люде приняліся й за діло: перше, то симъ, то тимъ побитомъ, відкрили городську библіотеку, а отцé недавно—женську школу. Послідню хоть не гаразд, бо ще нема на те розрішенія, а все есть надія, що колись буде така, якъ и въ людей. Нехай же ій, до другого часу, Богъ помага та добрі люде, а ми дé–що поговоримъ за библіотеку.

Въ Гадячі, після Різдвяних Святківъ, охотники до театру змовились показать спектаклі. Показали, та на ті гроші, що зібрали, відкрили городську библіотеку. Вона виписує: *Руській Вістникъ, Современникъ, Отечественні Записки, Библіотеку для чтенія, Основу, Русское Слово, Драматическій Сборникъ, Московскі Відомості, Русскій Міръ, Искру, Вікъ, Иностранні романи, Художественній листокъ и Журналъ Вольного Економическаго Общества,* да ще послано гроші, зароблені за другі два спектаклі, щобъ прислали сочиненій самихъ лучшихъ писателівъ—Гоголя, Пушкина й другіхъ. На Українській мові тільки й é що *Кобзаръ.* Нема ні *Хати,* ні *Повістей Квітки;* нічого нема. А такихъ книжокъ треба, та ще й дуже, бо въ Гадячі народъ все почти Українці,—такъ що жъ імъ рідніше—чи своé, чи чужé? мабуть своé. Библіотека находиться на кватирі въ одного зъ учредителівъ, дохтора Черниша, вінъ пéю й роспоряжае. За те, щобъ брати читать до дому журнали й га-

зети, плáта—дýже поцíнна—*три* карбóванці на годъ, а на мíсяць коповúкъ. Якóі жъ ще дешéвшоі? Здаéтця, скíлько трéба бъ бýти підпúшчиківъ, а іхъ тíльки всéго на всéго—43, годовúхъ 39, 1 півгодóвий й 4 мíсячнихъ. Чого́ жъ такъ? Хíба, скáжуть, що роздаю́ть книжки́ не спрáвно? що напередъ велúкимъ панáмъ даю́ть? Такъ нí! ще, до котóрого чáсу, сéго нічóго немá: всякъ, хто бъ не записáвсь чи дворяни́нъ, чи купéцъ, чи міщани́нъ, все одно́, всі рівні. А все це вíдъ тóго, що é багáто ще такúхъ людéй, котрі на язúці якъ на органі́, а прúйдетця до дíла—й пíсъ пíдъ сéбе—зáразъ и назáдъ: за що́, кажуть, я бýду платúть 3 карбóванці? що книжки дадýть прочитáть? лýчче проíмъ, абó програ́ю въ кáрти, —такъ знáтему де дівъ; адже мій бáтько не читáвъ, а живъ на свíті? такъ и я«. Отакі!... Хотьби жъ сáми не записувались, то й сíлькось, —а то й другúхъ піддрóчують. По-мóєму, лýчче жъ взять книжку та читáть, чíмъ цíлий день виспáть, а нíчъ въ кáрти програ́ть; а по іхъ—хто ёго зна... не вгадаю...

Иванъ Кивайголова.

УЧРЕЖДЕНІЕ ПРЕМІИ ЗА СОЧИНЕНІЕ:

«Исторія Кіевскаго университета и лицеевъ — Нѣжинскаго и Одесскаго.»

На прощальномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Н. И. Пирогова сообщено было мною многимъ изъ присутствовавшихъ, о желаніи, изъявленномъ нѣкоторыми изъ гг. студентовъ университета, сдѣлать пожертвованіе для ученой цѣли, которая будетъ избрана самимъ Николаемъ Ивановичемъ. Подобное выраженіе признательности и уваженія къ бывшему начальнику, не могло не встрѣтить искренняго сочувствія со стороны присутствовавшихъ, которые заявили также о готовности своей присоединиться къ числу жертвователей.—Когда это предположеніе сдѣлалось извѣстнымъ, тогда начали поступать деньги изъ разныхъ мѣстъ кіевскаго учебнаго округа на имя ректора университета. Деньги передавались на храненіе казначею университета, у котораго накопилось около 1000 рублей, хотя цѣль пожертвованія еще не была

опредѣлена.—Нынѣ, по полученіи отзыва Николая Ивановича, предположено предназначить сдѣланныя пожертвованія на выдачу преміи за сочиненіе, написанное на слѣдующую тему:

«Изложить сравнительно-историческій ходъ университетскаго образованія въ западной Европѣ и въ Россіи вообще, и въ особенности составить подробную документальную исторію трехъ высшихъ учебныхъ заведеній Кіевскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ, т. е.: Университета Св. Владиміра и Лицеевъ—князя Безбородко и Ришельевскаго.«

Ходатайство о семъ отъ г. Попечителя, барона А. П. Николаи, уже послѣдовало. Что касается программы, разъясняющей, какъ самую тему, такъ и порядокъ удостоенія преміею написанныхъ на эту тему сочиненій, то, по полученіи нѣкоторыхъ указаній отъ Николая Ивановича, въ представленіи начальству изложено нижеслѣдующее:

I.

По самому содержанію своему, тема заключаетъ въ себѣ двѣ части: а) *Общую сравнительную исторію университетскаго образованія на Западѣ и въ Россіи.* Здѣсь, на основаніи лучшихъ монографій, авторъ долженъ представить послѣдовательный очеркъ перемѣнъ въ ученомъ, административномъ и экономическомъ устройствѣ заведеній, въ нравахъ и обычаяхъ университетскаго сословія, изобразить вліяніе на университеты окружающаго ихъ общества и на оборотъ–вліяніе университетовъ на общество и въ особенности опредѣлить *различіе въ ходѣ и значеніи университетскаго образованія и во вліяніи гуманизма и реализма на просвѣщеніе въ Европѣ и у насъ; б) Подробную исторію Университета Св. Владиміра и двухъ лицеевъ Нѣжинскаго и Одесскаго.*—При изложеніи этой части необходимо, чтобы авторъ по возможности *воспользовался всѣми историческими оффиціальными документами и преданіями, которые должны быть разработаны критически.* — Жизнь университета должна смоять на первомъ планѣ. Исторія его возникновенія, само собою разумѣется, потребуетъ отъ автора хотя краткаго, но обстоятельнаго изложенія историческихъ свѣдѣній о прежней системѣ образованія на юго-западѣ Россіи, съ опредѣленіемъ степени участія въ ней правительства и общества, съ показаніемъ въ какой степени она удовлетворяла потребностямъ того и другаго и вообще, какіе были ея достоинства и недостатки.—Затѣмъ

документально и критически должна быть разработана и изложена исторія университета и лицеевъ во всѣхъ отношеніяхъ, а именно: 1) время и способъ учрежденія; 2) административная часть; 3) хозяйственная часть; 4) вспомогательныя средства просвѣщенія—библіотеки, ученыя коллекціи и, типографіи; 5) свѣдѣнія объ учащихъ и учащихся по всѣмъ категоріямъ; 6) степень и размѣръ обученія; 7) нравы и обычаи ученаго сословія; 8) результатъ дѣятельности заведеній и вліяніе ихъ на окружающую ихъ среду, на сколько оно обнаружилось въ общественной и учено-литературной дѣятельности преподавателей и воспитанниковъ заведеній; 9) вліяніе общества на университетъ и лицеи: въ какой мѣрѣ оно содѣйствовало и препятствовало ихъ преуспѣянію.

II.

Сочиненія ищущихъ преміи, написанныя на русскомъ языкѣ, должны быть доставлены къ назначеняому сроку, въ Кіевъ, на имя ректора Университета Св. Владиміра.—Фамиліи авторовъ должны заключаться въ запечатанныхъ конвертахъ, съ обозначеніемъ девизовъ на конвертахъ и сочиненіяхъ.

Срокъ, для подачи сочиненій назначается чрезъ 4 года, со дня утвержденія программы правительствомъ. Въ теченіи этого времени, сумма, собранная по подпискѣ, и въ настоящее время простирающаяся до 1000 руб. сер., вмѣстѣ со всѣми имѣющими поступить пожертвованіями, обращается въ одномъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій для приращенія процентами.

Для разсмотрѣнія сочиненій и присужденія премій, составляется особая коммиссія изъ лицъ, выбранныхъ совѣтомъ Университета Св. Владиміра и педагогическими совѣтами кіевскихъ гимназій (каждымъ по два лица).—Прочія высшія и среднія заведенія, принимавшія участіе въ пожертвованіи, имѣютъ право присылать, въ назначенный срокъ, въ эту коммиссію, выбранныхъ ими лицъ, въ такомъ же числѣ.

Коммиссія избираетъ одного, или двухъ рецензентовъ, которые пишутъ подробные разборы присланныхъ сочиненій, съ своимъ о нихъ заключеніемъ.

Рецензіи эти служатъ коммиссіи основаніемъ, для присужденія преміи.—Отчетъ коммиссіи и рецензія удостоеннаго преміи сочиненія печатаются въ повременныхъ изданіяхъ.—Распоряженія о времени и

порядкѣ собиранія коммиссіи возлагаются на ректора университета. Рецензентамъ выдается премія за разборъ, въ 200 руб. каждому.

За сочиненіе, которое будетъ признано вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ этой программы, назначается премія въ количествѣ всей суммы, собранной по подпискѣ и увеличенной процентами, за вычетомъ премій рецензентамъ.

Авторъ сочиненія, признаннаго достойнымъ преміи, обязанъ напечатать его въ теченіи 2-хъ лѣтъ. — Если, по истеченіи означеннаго срока, сочиненіе не будетъ напечатано авторомъ, то университетъ печатаетъ оное самъ, и вычитаетъ изъ преміи издержки по изданію. — Напечатанное сочиненіе составляетъ собственность автора.

Такъ какъ деньги продолжаютъ доселѣ поступать, то печатный отчетъ о томъ, сколько и откуда поступило, необходимо отложить на время, тѣмъ болѣе, что еще нѣтъ всѣхъ данныхъ, для составленія именнаго списка жертвователей. — Отчетъ этотъ незаставитъ себя долго ждать и послужитъ удостовѣреніемъ, что пожертвованія получены, и что, по полученіи надлежащаго разрѣшенія, они будутъ употреблены по назначенію.

При семъ я покорнѣйше прошу васъ м. г. подѣлиться съ читателями вашего журнала извѣстіемъ о томъ, что вскорѣ поступитъ въ продажу Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова за 1858 — 1861 годы, съ портретомъ автора гравированнымъ на стали. Книга эта содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Чего мы желаемъ? 2) О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ гимназій. 3) Школа и жизнь. 4) О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ. 5) Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній. 6) Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 7) Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій. 8) Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній. 9) Взгляды на общій уставъ нашихъ университетовъ. 10) Рѣчи, сказанныя Н. И. Пироговымъ — при прощаніи его съ кіевскимъ учебнымъ округомъ, со студентами Университета Св. Владиміра, съ г. Кіевомъ, и при посѣщеніи имъ еврейскаго училища въ Бердичевѣ.

Коммиссію по продажѣ означенной книги принялъ на себя книгопродавецъ Іосифъ Завадскій. Цѣна книги съ пересылкою 1 р. 50 к.— Выручка, за покрытіемъ расходовъ на печатаніе, предназначается, по желанію П. И. Пирогова, въ пользу студентской библіотеки.

Покорнѣйше прошу васъ, м, г., принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Н. БУНГЕ.

(Письмо къ редактору «Кіевскаго Телеграфа.»)

СВѢДѢНІЕ О ЧИСЛѢ ПРОДАННЫХЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІЙ НА УКРАИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Полтавскій корреспондентъ, завѣдывающій продажею дешевыхъ (отъ 3 до 15 коп. за экземпляръ) изданій на Украинскомъ языкѣ, сообщаетъ «Основѣ», что въ слѣдующихъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, съ января по октябрь 1861 года, продано:

1)	Въ Хоролѣ	2,478	экземпляровъ.
2)	— Зеньковѣ	1,955	—
3)	— Миргородѣ.	800	—
4)	— Гадячѣ	966	—
5)	— Золотиношѣ	884	—
6)	— Прилукахъ	322	—
7)	— Кременгугѣ	353	—
8)	— Херсонѣ	220	—
9)	— Умани (Кіевской губ.) . .	191	—
10)	— Новомосковскъ (Екатерин. г.)	177	—
11)	— Лукны	206	—
12)	— Пирятинѣ	161	—
13)	— Константиноградъ. . . .	61	—
14)	— Валкахъ (Харьковской губ.).	100	—
15)	— Ромнѣ	27	—
16)	— Полтавѣ	1,972	—
17)	м. Сарочинцахъ (Миргородск. у.)	770	—
18)	— Решетиловкѣ	91	—
19)	— Опишнѣ.	84	—
20)	— Кивалёвкѣ (Зеньк. уѣзда). .	80	—

21)	— Санжарахъ	54	—
22)	— Шишакѣ (Миргор. уѣзда) .	53	—
23)	с. Чутовѣ	70	—
24)	— Васильевкѣ (Полтавск. уѣзда)	70	—
25)	— Нижнихъ Млинахъ (Полт. у.)	63	—

Всего продано 12,195 экземпляровъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

П. А. Кулишъ приступилъ къ изданію *драматическихъ сочиненій Григорія Квитки* (*Основьяненка*). Извѣстно каждому, что въ свое время провинціальные театры наши всего болѣе заняты были представленіемъ комедій и оперъ Квитки. Поэтому, независимо отъ степени таланта автора, онѣ имѣютъ для насъ значеніе и въ исторіи нашей общественной жизни. Многія изъ драматическихъ сочиненій Квитки составляютъ библіографическую рѣдкость. Слѣдовало бы также издать и всѣ сочиненія Котляревскаго, перваго самостоятельнаго двигателя словесности, которая въ наше время признана не одними Украинцами достойною внимательнаго изученія.

Вышелъ второй томъ *Литовской церковной Уніи*, Н. Кояловича. Ожидаемъ продолженія этого замѣчательнаго труда, снабженнаго множествомъ выписокъ изъ разныхъ малоизвѣстныхъ книгъ и рукописей (*).

Въ Одессѣ, изданъ *Полонезъ на смерть Т. Гр. Шевченка*, съ его портретомъ (впрочемъ — довольно-грубымъ, напоминающимъ поэта только одеждою). Полонезъ сочиненъ *В. Н. Пащенкомъ* (учи-

(*) Ц. 1-го тома 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Ц. 2-го тома 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

телемъ музыки въ Одессѣ) и продается въ музыкальномъ магазинѣ Нейгеборна по 1 р., съ пересылкою. Извѣстный знатокъ музыки, П. П. Сокальскій, хвалитъ полонезъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*.

Въ книжномъ магазинѣ Дм. Еѳ. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, выставленъ *черновой снимокъ съ маски, сдѣланной съ Т. Гр. Шевченка*, г. художникомъ Каменскимъ. Желающіе пріобрѣсть подобную маску изъ гипса могутъ записаться, оставивъ въ магазинѣ 3 рубля, съ тѣмъ, что когда число желающихъ будетъ равняться *двадцати*, то маска изъ гипса будетъ выдана подписчику за 3 р.; въ противномъ случаѣ, слѣдуетъ обращаться съ заказомъ къ самому художнику, а деньги изъ магазина будутъ выданы обратно. —Художникъ Каменскій весною уѣдетъ изъ Петербурга, и потому совѣтуемъ воспользоваться его трудомъ немедленно.

Возраженіе на нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя въ статьѣ *Національная Безтактность* и во 2-мъ № *Дня*, найдено полезнымъ до-времени отложить. Полагаемъ, что читатели *Дня* (если не самъ Ив. С. Аксаковъ и не Вл. Ив. Ламанскій), внимательно прочтя одну эту книжку *Основы*, усомнятся въ справедливости прежде-временнаго проницанія названныхъ нами двухъ писателей насчетъ дальнѣйшаго развитія украинской словесности. Не развивается только та словесность, которая не проникнута живою идеей, которая проповѣдуетъ идеи ложныя, или возбуждается къ движенію искуственно-сочиненной теоріей, не имѣющей связи съ дѣйствительными, жизненными общественными началами. Если бы наша народная словесность была въ *такомъ* положеніи, то мы сами пожелали бы ей—скорѣе оправдать московскихъ пророковъ; но пока этого не случилось,—мы будемъ попрежнему любить родное слово, нисколько не сомнѣваясь, что путь, по которому идетъ оно, и прямѣе и яснѣе того, что думаетъ освѣщать для насъ (и для Галичанъ) *День* съ высоты своего наставническаго величія.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

VII.

№ XVII и XVIII изображаютъ *дівчину Полтавской губ.* въ праздничномъ нарядѣ; гравированы мною съ рисунка И. И. Соколова. —

№ XIX изображаетъ нѣсколько предметовъ, въ которыхъ отразился народный вкусъ. Въ статьѣ, помѣщенной мною въ X книжкѣ *Основы*, я сказалъ нѣсколько словъ о народной архитектурѣ.—Планъ жилья является изъ потребностей жизни, изъ плана выходитъ наружный видъ. Въ наружныхъ украшеніяхъ и убранствѣ вкусъ проявляется наиболѣе. Утварь, когда въ ней есть украшенія, точно также, какъ и разныя части зданія, составляетъ лучшій матеріалъ для изученія народнаго вкуса; и потому подобнаго рода предметы слѣдуетъ каждому изъ насъ собирать и обнародывать. Только этимъ путемъ, мы можемъ разъяснить себѣ вкусъ народа.—Я удерживаюсь пока отъ выводовъ и критики и буду доставлять лишь матеріалъ въ сыромъ видѣ, какимъ онъ былъ добытъ мною, или сотрудниками, съ натуры. Пусть каждый дѣлаетъ свои замѣчанія, я—же съ своей стороны прошу сообщать мнѣ эти замѣчанія и, если кто можетъ, пополнять мое собраніе рисунками или вещами. Жители деревень, хуторовъ, селъ, мѣстечекъ, провинціальныхъ городовъ имѣютъ гораздо болѣе возможности собирать и изучать предметы подобнаго рода; но къ сожалѣнію, почти всѣ оставляютъ ихъ въ пренебреженіи, полагая, что это не стóитъ вниманія; а между тѣмъ рушатся старинныя строенія, точитъ червь старинную утварь и мебель, гніетъ прадѣдовское шитье, и вскорѣ мы почти будемъ лишены возможности изучить вкусъ нашихъ предковъ. Надо спѣшить собирать малѣйшіе и, повидимому, неважные остатки нашей старины; все пойдетъ въ пользу и на дѣло: отъ старосвѣтскаго ключа, грубой кузнечной работы, до изящной колúски или затѣйливой ложки.

Представляемые мною образчики (№ XIX) послужатъ указаніемъ для тѣхъ, кто желаетъ собирать, что, при подобнаго рода изученіи, все важно и нѣтъ бездѣлицъ.

1. Изображаетъ *колиску*, снятую съ натуры въ *Херсонской губ.*, въ хатѣ селянина.

2.—Старинная монастырская ложка; она представлена здѣсь почти въ два раза менѣе своей подлинной величины. Рисунокъ доставленъ П. А. Кулишемъ.—Она—деревянная и раскрашена масляными красками.

3. — Деревянная солонка, снятая съ натуры въ хатѣ у козака *Полтавской губ. въ селѣ Фадѣевкѣ*. Длина ея—*три* вершка.

4. —Изображаетъ верхній брусъ на воротахъ; узоръ повторяется всего три раза во всю длину бруса, а между тѣмъ ворота высоки и широки, такъ-что обозъ въѣзжаетъ въ нихъ свободно. — Эти ворота сняты мною въ селѣ *Красный-Рогъ, Черниговской губ. Мглинскаго уѣзда*.

5. —Старосвѣтскій ключъ. Онъ изображенъ въ $5^1/_2$ разъ меньше своей натуральной величины, снятъ въ хуторѣ *Заронь, Полтавской губ, Лубенскаго уѣзда*.

Л. Ж.

ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ *Вигдвщина*, на стр. 1, въ строкѣ 3, вмѣсто *старшйхъ*, слѣдуетъ читать *старшйнъ*.

Въ поэмѣ *Настуся*, на стр. 1, стихъ 1-й, слѣдуетъ читать:

Якъ зустрились ми съ тобóю,

На стр. 13, стихъ 22-й слѣдуетъ читать:

Сйлами знемігся.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

„КІЕВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ВЪ 1862 ГОДУ.

Объявляя объ изданіи «КІЕВСКАГО ТЕЛЕГРАФА» въ 1862 году и вступая въ четвертый годъ своего существованія, редакція не намѣрена завлекать своихъ подписчиковъ слишкомъ заманчивыми и блестящими обѣщаніями. Аккуратно выпуская два раза въ недѣлю нумера и исполняя свои обѣщанія, редакція имѣла уже случай высказаться передъ публикой касательно цѣли и направленія этого изданія. Читатели «Кіевскаго Телеграфа» могли убѣдиться, что редакція постоянно старалась объ улучшеніи своего изданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ о скорѣйшемъ сообщеніи всѣхъ новостей, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Читатели могли замѣтить, что многія извѣстія они находили даже скорѣе въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», чѣмъ въ столичныхъ изданіяхъ, получаемыхъ здѣсь довольно поздно. Мѣстный отдѣлъ, по интересу извѣстій, почти цѣликомъ былъ перепечатываемъ многими столичными повременными изданіями, что конечно служитъ лучшимъ доказательствомъ его важности и общезанимательности. Имѣя своихъ постоянныхъ корреспондентовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заграницей, а также и во многихъ городахъ Россіи, газета наша не была лишена

также корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ, чѣмъ знакомила читателя съ разными новостями общественной жизни, промышленности и т. п. Многія новѣйшія открытія, усовершенствованія, работы на желѣзныхъ дорогахъ, устройства школъ и т. п., все это сообщалось своевременно.

Сверхъ того, редакція, по мѣрѣ своихъ средствъ, получала изъ Петербурга, особенно важныя телеграфическія депеши, заимствуя ихъ своевременно изъ того же источника, изъ котораго заимствуютъ и другія повременныя изданія въ Россіи.

По Высочайше утвержденной въ 1859 и дополненной (въ 1861 году) программѣ, изданіе это заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ, въ которыхъ сообщаются правительственныя распоряженія и разныя другія свѣдѣнія, относящіяся преимущественно до здѣшняго края или имѣющія общій интересъ. Съ будущаго года, редакція намѣрена въ этомъ отдѣлѣ печатать производства, назначенія и награды гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ, служащихъ въ юго-западномъ краѣ Россіи.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ, гдѣ сообщаются политическія извѣстія о разныхъ событіяхъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. Кромѣ того, въ этотъ же отдѣлъ поступятъ торговыя извѣстія изъ Галиціи, Австріи и другихъ мѣстъ, съ коими граничитъ юго-западный край Россіи. Отдѣлъ политическій въ будущемъ году мы намѣрены значительно разширить, для исполненія каковой цѣли часто будутъ выходить нумера въ полтора и два листа.

III. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ МѢСТЪ, особенно изъ городовъ и другихъ пунктовъ западнаго края, о замѣчательныхъ событіяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, о ходѣ промышленности, торговли, земледѣліи, урожаяхъ и т. п.

IV. ЛИТЕРАТУРА, куда будутъ входить небольшія повѣсти, разсказы, и вообще бэллетрическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ переводныя, также историческія описанія, путешествія, мемуары, біографіи и т. п. все, что по мѣрѣ возможности примѣнительно къ здѣшнему краю.

V. ФЕЛЬЕТОНЪ, или новости общественной жизни, литературы, театра, музыки, разборы выходящихъ въ здѣшнемъ краѣ книгъ и разныя другія статьи, преимущественно легкаго содержанія.

VI. ОБЪЯВЛЕНІЯ всякаго рода, о продажѣ, покупкѣ, зрѣлищахъ, увеселеніяхъ, выходѣ новыхъ книгъ, о пріѣзжающихъ въ Кіевъ

и выѣзжающихъ, метеорологическія наблюденія, вексельные и денежные курсы и проч. и проч.

VII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ КІЕВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ будутъ выдаваться въ видѣ особыхъ прибавленій одинъ разъ въ мѣсяцъ, каждое отъ одного до двухъ листовъ in 4°, такъ что къ концу года изъ этихъ прибавленій составится большой томъ литературнаго содержанія, съ особымъ оглавленіемъ, заглавнымъ листомъ и оберткою. Сюда войдутъ какъ переводные такъ и оригинальные повѣсти, разсказы, стихотворенія, сцены, комедіи, историко-статистическія описанія замѣчательныхъ мѣстностей здѣшняго края, статьи научнаго содержанія и т. п. Вообще редакція обратитъ особое вниманіе на эти прибавленія и постарается сдѣлать ихъ повозможности интересными для читателей.

Особенно важныя ТЕЛЕГРАФИЧЕСКІЯ ДЕПЕШИ, редакція также какъ и въ настоящемъ году, будетъ получать изъ Петербурга.

Во время Крещенской ярмарки (контрактовъ), для городскихъ подписчиковъ будутъ выдаваться ежедневно съ 20 января по 3 февраля ЯРМАРОЧНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, съ ежедневнымъ извѣщеніемъ о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ Кіева.

Всѣ постановленія Кіевскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, точно также какъ и въ этомъ году будутъ выдаваться подписчикамъ въ видѣ особыхъ приложеній, чѣмъ мы надѣемся оказать услугу всѣмъ помѣщикамъ, Мировымъ Посредникамъ и другимъ служащимъ лицамъ.

Всѣмъ подписчикамъ городскимъ и иногороднымъ въ теченіи года редакція обѣщаетъ разослать *два литографированныхъ и шесть рѣзанныхъ на деревѣ рисунковъ* изображающіе наиболѣе достопримѣчательные виды, памятники и сцены изъ юго-западнаго края Россіи. (*).

Задавая себѣ такую программу, редакція получила согласіе отъ нѣкоторыхъ ученыхъ и литераторовъ, которые и до сихъ поръ не оставляли ее своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, участвовать своими трудами въ ея изданіи и въ будущемъ году. Здѣсь могли-бы мы представить цѣлый рядъ сотрудниковъ, обѣщавшихъ намъ свое содѣй-

(*) Обѣщанныя подписчикамъ рисунки, въ этомъ году, непремѣнно будутъ разосланы не позже первыхъ чиселъ ноября мѣсяца.

ствіе, но за лучшее считаемъ выставить русскую пословицу: »что дѣло само за себя скажетъ,« и подписчики убѣдятся, что редакція, какъ и въ этомъ году, сдѣлаетъ больше нежели обѣщаетъ.

Редакція искренно благодаря своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ и сотрудниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше проситъ и въ будущемъ году сообщать ей обо всемъ, что можетъ быть интересно для читателей.

Въ 1862 году »Кіевскій Телеграфъ« будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по Четвергамъ и Воскресеньямъ, и будетъ содержать въ каждомъ нумерѣ отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ большаго формата.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годовое изданіе, въ Кіевѣ безъ доставки 7 руб. съ доставкой на домъ 8 руб. 50 к., съ пересылкою во всѣ города россійской Имперіи 9 руб. Желающіе подписаться на полугодовое изданіе платятъ съ доставкой на домъ и пересылкой 5 руб. безъ пересылки и доставки 4 руб. сер.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ, П. Г. *Овсянникова*, въ гостинномъ дворѣ: въ Москвѣ—у *Щепкина*, въ Варшавѣ у книгопродавца *Истомина;* въ Одессѣ—у книгопродавца *Бѣлаго;* въ Казани—у М. Я. *Мясникова;* въ Житомирѣ—у *Будкевича;* въ Каменцѣ-Подольскомъ—въ музыкальномъ магазинѣ А *Кощинскаго*. Сверхъ того, подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ конторахъ.

Кромѣ означенныхъ мѣстъ, какъ жители Кіева, такъ и иногородные благоволятъ адресоваться непосредственно: *»Въ Редакцію газеты »Кіевскій Телеграфъ,« въ Кіевѣ у ограды Михайловскаго монастыря въ домѣ Шараго.«* Сюда же должны быть адресованы статьи, (*) письма и объявленія для помѣщенія въ Кіевскомъ Телеграфѣ. Желая облегчить городскихъ жителей, редакція, для подписки а также и пріема частныхъ объявленій для помѣщенія въ Кіевскомъ

(*) По существующимъ постановленіямъ, редакціи всегда должны быть извѣстны фамилія и мѣсто жительства автора статьи, хотя бы статья и являлась, по желанію автора, въ печати безъ подписи, о чемъ редакція считаетъ не лишнимъ еще разъ извѣстить здѣсь своихъ сотрудниковъ. Статьи не извѣстныхъ авторовъ напечатаны быть не могутъ.

Телеграфѣ, открываетъ контору при книжномъ магазинѣ *Барщевскаго на Крещатикѣ*.

Редакція ручается за своевременную и аккуратную высылку газеты только тѣмъ изъ подписчиковъ, кои подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ. При этомъ редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ означать свои имена и адресы четко и правильно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она покорнѣйше проситъ о заблаговременной подпискѣ, ибо можетъ оказаться недостатокъ въ первыхъ номерахъ и запоздалые подписчики получатъ газету съ того №, къ которому поступятъ ихъ требованія. Газета сдается на почту постоянно въ день выхода и отправляется съ первою отходящею почтою въ наглухо-заклеенныхъ конвертахъ съ печатнымъ адресомъ.

Кромѣ всѣхъ обѣщанныхъ приложеній годовымъ подписчикамъ, предлагается къ выбору, *безплатно* одна изъ трехъ премій:

1.) *Сборникъ* литературныхъ статей, изданный редакціей въ 1860 году. Содержаніе его слѣдующее: Анюта, разсказъ І. Корженевскаго.—Десять стихотвореній изъ Гейне.—Отставный солдатъ-разсказъ.—Жиденокъ, повѣсть въ стихахъ.—Наполеоновскія идеи.—Васильковъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ.—Три литографированныя вида Кіева.

2.) *Западня*, сцены изъ уѣздной жизни въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Денисова.—Три литографированныхъ вида Кіева.

3.) *Портретъ Н. И. Пирогова*, большаго формата, литографированный, на китайской бумагѣ и три картины изъ альбома памятниковъ и видовъ Подольской и Волынской губерніи. На пересылку этихъ премій сверхъ подписной суммы прилагается за фунтъ.

Сверхъ того всѣ годовые подписчики, коихъ требованія поступятъ во редакцію не позже 1 января 1862 года, получаютъ въ видѣ преміи *безплатно* »*Гетманъ Петръ Дорошенко*« (1665—1676 г.) соч. М. Ал—ча и Ис. Мандрыки). Съ литографированнымъ портретомъ П. Дорошенко. *Редакторъ и издатель А. фонъ-Юнкъ*.

Редакція приступила къ изданію слѣдующаго сочиненія, содержащаго въ себѣ до 250 страницъ убористой печати на превосходной бѣлой бумагѣ.

ГЕТМАНЪ
ПЕТРО ДОРОШЕНКО.

(1665—1676)

(СЪ ЛИТОГРАФИРОВАННЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ П. ДОРОШЕНКО).

Сочин. М. Ал—ча и Ис. Мандрыки.

Содержаніе:

ГЛАВА I.

Присоединеніе Украины къ Московскому государству. Переяславскій договоръ. Смерть Хмѣльницкаго. Избраніе Юрія. Выговскій. Возстаніе Пушкаря. Битва подъ Полтавою. Гадячскій договоръ. Конотопская битва. Удаленіе Выговскаго. Вторичное избраніе Юрія. Измѣна его. Междоусобіе. Черная рада. Избраніе Бруховецкаго и Тетери. Походъ Яна Казиміра. Казнь Выговскаго. Отъѣздъ Тетери въ Польшу. Дорошенко его преемникъ.

ГЛАВА II.

Происхожденіе Дорошенка. Походъ Михаила Дорошенка въ Крымъ. Петръ Дорошенко—конюшій Хмельницкаго. Служба его въ войскѣ козацкомъ. Дѣла подъ Сребнымъ и Хмельникомъ. Избраніе его въ Гетманы. Гибель Опары Поѣздка Брюховецкаго въ Москву. Статьи московскія. Возвращеніе Бруховецкаго изъ Москвы. Взятіе Брацлава. Бунтъ въ Переяславѣ. Вступленіе Маховскаго въ Украину. Сраженіе подъ Брановымъ.

ГЛАВА III.

Андрусовскій договоръ. Изгнаніе Косогова. Смерть Ладыженскаго. Осада Подгайцевъ Дорошенкомъ и Татарами. Подгаецкій договоръ, мирныя условія. Сношенія Московскаго двора съ Дорошенкомъ. Предательства Бруховецкаго. Вражда его съ Мефодіемъ. Примиреніе. Слѣдствія Андрусовскаго договора. Волненіе въ Украинѣ. Возмущеніе Бруховецкаго. Гибель Воеводъ. Походъ Дорошенко къ Опашному. Смерть Бруховецкаго. Участь Мефодія.

ГЛАВА IV.

Затруднительное положеніе Дорошенка. Удаленіе Ромодановскаго. Возвращеніе Дорошенко въ Чигиринъ. Суховый Гетманъ Запорожскій. Набѣгъ его. на Восточную Украину. Избраніе Многогрѣшнаго въ Гетманы. Глуховскія статьи. Сношенія Дорошенка съ Султаномъ. Суховый и Ханенко разоряютъ Западную Украину. Дѣйствіе Корецкаго въ Восточной Украинѣ. Сраженіе подъ Рогинцами и Новой-греблей. Новыя нападенія Суховія и Хананко на Западную Украину. Сѣрко спасаетъ Дорошенка въ Стеблевѣ.

ГЛАВА V.

Отреченіе Яна Казиміра. Избраніе короля. Михаилъ Корибутъ Вишневецкій Новый сеймъ въ Андрусовѣ. Послы Дорошенка въ Варшавѣ. Условія предлагаемыя имъ. Острожская коммиссія. Избраніе Ханенка въ Гетманы. Новое посольство Дорошенка въ Константинополь. Письмо Дорошенка и задѣпровскихъ полковниковъ въ Сѣчь. Кіяшко грабитъ Лубенщину. Проклятіе на Многогрѣшнаго. Бунтъ Разина. Начало войны съ Поляками. Осада Умани. Кальника и Брацлава. Польскія войска на зимнихъ квартирахъ въ Украинѣ. Каштелянъ Лужецкій.

ГЛАВА VI.

Безпечность Поляковъ. Четвергоновская битва. Вступленіе султана въ Подолье. Взятіе Каменца. Осада Львова. Бугарскій договоръ. Уманцы признаютъ власть Дорошенка. Кошевой Вдовиченко. Паденіе Многогрѣшнаго. Избраніе Самойловича. Конотопскія статьи. Возстаніе Умани. Убійство Пиза. Ханенко оставляетъ польскую службу. Сѣрко въ Крыму. Мазепа. Хотинская битва. Смерть короля.

ГЛАВА VII И ПОСЛѢДНЯЯ.

Походъ Самойловича и Романдановскаго за Днѣпръ. Осада Чигирина Взятіе турками Ладижина, Умани и Лысянки. Неудачное нападеніе на Сѣчь. Король въ Украинѣ. Взятіе Паволочи. Заговоръ противъ Дорошенка. Примиреніе его съ Сѣркомъ. Вторичная осада Чигирина. Паденіе Дорошенка. Удаленіе его изъ Сосницы въ Москву. Великодушіе царя. Пребываніе Дорошенка въ Ярополчѣ. Смерть его.

Изданіе поступитъ въ продажу, не позже 15 января 1862 года, и будетъ продаваться »въ редакціи Телеграфа« по 2 руб. сереб. Иногородные прилагаютъ на пересылку за 3 фунта.

НАРОДНАЯ БЕСѢДА,

ВѢСТНИКЪ ПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ,

будетъ издаваться съ 1 января 1862 года по слѣдующей программѣ:

I. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Объясненіе Положеній объ устройствѣ крестьянскаго быта. Узаконенія.

II. СЛОВЕСНОСТЬ. Повѣсти, разсказы, пѣсни, стихотворенія.

III. НАУКИ. Естествознаніе, хозяйство, землеописаніе, ремесла, искусства и проч.

IV, СМѢСЬ. Открытія, изобрѣтенія, случаи, разныя извѣстія — вообще мелкія статьи.

Рисунки и чертежи къ статьямъ, по мѣрѣ надобности.

Шесть книжекъ въ годъ, по 10 печатныхъ листовъ каждая. Годовая цѣна 2 руб. сер. съ пересылкою во всѣ почтовыя конторы. За доставку на домъ, прилагается 30 коп. сер.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ СЕНЬКОВСКАГО и КОМП., въ Большой Морской, д. № 20, и у другихъ книгопродавцевъ.

Журналъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова — есть потребность развитаго общества; а для класса людей, большинство которыхъ малограмотно и притомъ небогато матеріальными средствами, насущную потребность составляетъ — дешевая учебная книга. — Но изданіе дешевыхъ книгъ у насъ еще плохо вознаграждаетъ трудъ издателя, — оно часто даже не окупается.

Чтобы помирить обоюдныя потребности — издателя и читателей, — мы рѣшились издавать журналъ, большая часть общепонятныхъ статей котораго составила бы послѣдовательно начальныя (элементарныя) руководства или учебники по разнымъ отраслямъ знаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ дастъ грамотнымъ людямъ всѣхъ состояній и возрастовъ пріятное и полезное чтеніе.

Изданіе этого журнала вызвано нѣкоторыми изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, — людьми, дѣятельно участвующими въ общемъ дѣлѣ образованія народа. Ихъ содѣйствіе поможетъ Редакціи твердо держаться принятой цѣли, хотя и трудной, но возможной къ достиженію.

I и III Отдѣлы будутъ содержать въ себѣ тѣ статьи, изъ которыхъ мы намѣрены составить систематическія руководства къ изученію: отечественныхъ законовъ, исторіи, землеописанія, естественныхъ наукъ, хозяйства и проч.

Во II Отдѣлѣ: разныя художественныя произведенія словесности, равно приличныя для всѣхъ возрастовъ и для всѣхъ состояній. Признавая необходимымъ только одно — общечеловѣчное развитіе и воспитаніе, одинаково нужное для всѣхъ сословій, мы постараемся избѣгать всякой односторонности, и неисключимъ никакой формы и никакого содержанія произведенія, лишь бы цѣль его была нравственна, и исполненіе художественно.

Въ IV Отдѣлъ войдутъ, между прочимъ, слѣдующія постоянныя рубрики:

1 Воскресныя и другія народныя школы. Для этого Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ, принимающихъ участіе въ дѣлѣ школъ, не отказать въ сообщеніи свѣдѣній о воскресныхъ и другихъ школахъ. Главное содержаніе этихъ свѣдѣній: губернія, уѣздъ, городъ, село или деревня, гдѣ существуетъ школа. Время и способы учрежденія ея. Число учащихся, полъ, возрастъ, вѣроисповѣданіе, званіе, и родъ занятій ихъ. Число обучающихъ, полъ и сословіе ихъ. Предметы обученія. Средства школы.

2. Переписка. Редакція обязуется отвѣчать на всѣ основательные вопросы, касающіеся народнаго образованія и школъ, и помѣщать замѣтки и письма о народномъ бытѣ вообще.

3. Книги. Указаніе книгъ, предназначенныхъ для народа, и краткій разборъ ихъ.

Каждый отдѣлъ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, будетъ имѣть свою нумерацію страницъ, и для большаго удобства употребленія въ школахъ, можетъ брошироваться отдѣльно.

Статьи и **письма** — на имя Редактора надписываются: АЛЕКСАНРУ ѲОМИЧУ ПОГОСКОМУ — въ Редакцію НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, въ С.-Петербургъ.

Вознагражденіе сотрудникамъ за напечатанныя статьи назначается такое же, какъ въ лучшихъ нашихъ журналахъ.

Редакторъ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ издаетъ съ 1858 г. СОЛДАТСКУЮ БЕСѢДУ; такъ какъ нравственныя и умственныя потребности войска и народа въ сущности одни и тѣ же, то отнынѣ послѣдній журналъ приметъ размѣры и содержаніе НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, съ необходимыми военно-спеціальными пополненіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что общество, сочувствующее нуждамъ народа, найдетъ средства помочь ему—съ достоинствомъ воспользоваться тѣмъ высокимъ правомъ свободы, которое, только при извѣстной степени образованности народа, будетъ уже не мертвой буквой закона, а живымъ источникомъ общаго благосостоянія. Для этой цѣли Редакція имѣетъ честь предложить и свои услуги—и прежде всего обращается къ тѣмъ, кто, кромѣ матеріальныхъ средствъ, имѣетъ желаніе, а слѣдовательно и сознаніе обязанности—помогать несамостоятельности народа въ дѣлѣ его образованія.

Редакторъ *А. Погоскій.*

ВСѢМЪ ГРАМОТНЫМЪ.

...«И кто приметъ таковое дитя во Имя
Мое—тотъ Меня приметъ...»
Евангѣ. отъ Матѳея Гл. XVIII.

Порѣшенное дѣло—что грамотность необходима всѣмъ и каждому: теперь, когда всѣмъ дано человѣческое право свободы, мы видимъ, какъ дорого поплачиваются темные люди за свое непонятіе,—за свою безграмотность. Пришла пора каждому твердо знать свое ПРАВО и свою ОБЯЗАННОСТЬ, а этого неузнать, съ чужихъ словъ, по наслышкѣ: умѣй самъ прочесть и понять то, что о тебѣ и для тебя написано.

Съ новымъ правомъ свободы—всѣ обязанности, все хозяйство и весь бытъ человѣка совсѣмъ измѣняются: все должно улучшаться и вестись разумнѣе. Нетолько-что поле хозяина будетъ иначе обрабатываться, животина не по прежнему содержаться, домъ и усадьба перемѣнятъ свой видъ убогой,—но и вся семья его будетъ иначе жить и воспитываться.

Какъ именно обрабатывать поле и держать хозяйство, какъ обращаться съ домашними животными, какъ устроить свой домъ, и наконецъ какъ вести и воспитывать семью свою—все это надо узнать, всему выучиться.

Пусть мы, пол-вѣка отжившіе, кой-какъ проживемъ до могилы: старому человѣку трудно учиться. Но дѣтямъ нашимъ—вся жизнь впереди: въ невѣжествѣ остаться имъ нельзя. Они—настоящіе, прирожденные вольные люди: имъ надо жить на свѣтѣ не кое-какъ, не по нашему, а по правилу твердому и разумному. Для этого имъ нужна наука; а начало всякой науки—грамота, научающая правильному и твердому разумѣнію слова.

Трудное дѣло, кажется, мильоны дѣтей грамотѣ выучить; но дѣло это только *кажется* труднымъ, а съ Божіею помощію оно легко и просто.

Искусный садовникъ въ одну осень прищепитъ и привьетъ плодъ къ цѣлому саду дичекъ—и на слѣдующіе годы всѣ эти деревца безплодныя дадутъ плодъ. Невеликъ трудъ садовника въ дѣлѣ этомъ, но велика и безконечна польза труда его: дикое дерево навсегда стало плодоноснымъ и пѣтъ числа плодамъ, которые народитъ оно.

Дѣти наши—тотъ же садъ дичекъ безплодныхъ; а садовникъ имъ—всякій грамотный. Потрудись немножко надъ ребенкомъ, привей къ нему науку первоначальную—и малый трудъ твой, съ Божіею помощію, принесетъ великіе полезные плоды. И это есть священная обязанность каждаго грамотнаго, науку или ремесло знающаго: передвай свое знаніе незнающимъ, распространяй его кругомъ себя.

Знахари и чародѣи, волшебствующіе во имя разныхъ темныхъ силъ—умираютъ, не открывая своего мнимаго знанія никому, ни даже дѣтямъ своимъ. Это потому, что открывать-то имъ нечего: все знаніе ихъ есть ничто иное, какъ наглая ложь и обманъ; въ предсмертный часъ совѣсть претитъ имъ губить души дѣтей своихъ передачей имъ такого лживаго знанія.

Но тотъ, кому дано истинное знаніе, дана наука—и если онъ незахотѣлъ бы передать науки этой дѣтямъ, тотъ поступилъ бы противъ совѣсти своей: онъ зарылъ бы данный ему Богомъ талантъ въ землю — все равно, что укралъ бы его у свѣта.

Нѣкоторые утверждаютъ, что для обученія грамотѣ *всѣхъ* дѣтей —средствъ нѣтъ: то есть—нѣтъ времени и денегъ на то. Но это неправда: если есть примѣры, что люди умираютъ съ голоду, то это не потому, что на свѣтѣ хлѣба мало, а потому что милосердія недостаетъ въ людяхъ, —точно также нелѣпо утверждать, что нѣтъ средствъ на первоначальное ученье дѣтей.

Пятакъ не деньги, коли ты на него чарку пьешь, или пряникъ ѣшь; вольный часъ не время, коли этотъ часъ въ бабки проиграешь, или прогуляешь посвистывая. Но великія деньги—тотъ же пятакъ, если ты на него букварь купишь; дорогое время тотъ часъ, на который ты засядешь за букварь. Вотъ тутъ-то и нуженъ грамотный человѣкъ: укажи—что купить, покажи—какъ сѣсть, научи—съ чего начать; дай ходъ малому ребенку, или темному человѣку—и дѣло пойдетъ.

И пойдетъ это чистое дѣло точно такъ, какъ идетъ неостанавливаючись чистая вода изъ ключа живаго, никогда неиссякающаго, и постоянно освѣжающаго и напоющаго кругомъ себя все жаждущее. На то Богъ ключь открылъ—всѣ довольствуйся; на то-же и тебѣ дано знаніе—всѣмъ удѣляй его.

Ни жертвы, ни доблести великой отъ тебя нетребуется,—тутъ и нѣтъ ихъ: пойми, что уча тому, чему самъ научень—тебя неубу-

детъ, а ты отдаешъ только долгъ твой; уважь этотъ святой долгъ—и непремѣнно полюбишь тѣхъ, кому выплачиваешь его — полюбишь учениковъ своихъ.

Безмездныя воскресныя школы — образецъ такого ученія; и всюду, гдѣ есть грамотный и есть дѣти — тамъ, значитъ, все есть, что нужно для такой школы. Священникъ, дворянинъ, солдатъ или крестьянинъ — всѣ равны въ этомъ дѣлѣ: кто грамотенъ — тотъ и учитель.

Для дальнѣйшаго-же обученія разнымъ знаніямъ выучившихся грамотѣ — есть немало книгъ, а между прочими — будетъ издаваться съ 1862 года для народа «НАРОДНАЯ БЕСѢДА» по шести книжекъ въ годъ.

Въ книжкахъ этихъ будутъ объясняться по порядку всѣ правила и познанія, необходимыя каждому вольному трудящемуся человѣку — какъ земледѣльцу, такъ и ремесленнику. Объясненія эти будутъ ведены такъ, чтобы дать точныя свѣдѣнія, нужныя и удобныя для примѣненія къ дѣлу.

Подписка на «НАРОДНУЮ БЕСѢДУ» производится такъ:

«Прошу выслать «НАРОДНУЮ БЕСѢДУ» на 1862 годъ: (*такой-то* губерніи, уѣзда, въ городъ или на станцію, или въ почтовую контору), на имя *такого-то*.—Прилагается 00 рублей, за 00 экземпляровъ».

Надписывать: ВЪ РЕДАКЦІЮ НАРОДНОЙ БЕСѢДЫ, въ С.-Петербургъ.

Все дѣло это будемъ вести по совѣсти, за свое усердіе ручаемся, а успѣхъ — какъ Богъ дастъ.

А. Потоскій.

ОБЪ ИЗДАНІИ

въ 1862 году (годъ четвертый)

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

РУССКІЙ МІРЪ

СЪ САТИРИЧЕСКИМЪ ЛИСТКОМЪ

ГУДОКЪ.

Постепенно возраставшее въ теченіе настоящаго года сочувствіе публики къ нашему изданію, убѣждаетъ насъ, что мы успѣли вполнѣ возстановить къ нему общественное довѣріе, начинавшее колебаться до поступленія его въ наши руки. Мы настойчиво стремились къ этой цѣли, потому что довѣріе публики ко всякому изданію есть непремѣнное условіе его успѣха; теперь намъ остается, опираясь на это довѣріе, осуществлять наши дальнѣйшія предположенія относительно улучшенія изданія. Мы приняли за правило вообще не оставаться въ долгу у публики: за всякое проявленіе ея сочувствія, за всякую поддержку нашего дѣла мы постоянно будемъ отвѣчать горячимъ и дѣятельнымъ стремленіемъ къ удовлетворенію ея многосторонихъ и разнообразныхъ требованій отъ современнаго періодическаго изданія, имѣющаго, по своей программѣ, соціальное значеніе.

Что касается до характера и направленія нашего журнала, то мы первые сознаемся, что далеко еще не успѣли выполнить нашей задачи въ этомъ отношеніи, до сихъ поръ направленіе нашего журнала обозначалось лишь отрицательно: все, что было напечатано на страницахъ «Русскаго Міра», смѣемъ надѣяться, не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ старовѣрства и обскурантизма или какихъ-либо узкихъ сословныхъ интересовъ. Мы вѣримъ въ одни лишь современныя стремленія, мало-по-малу обнаруживающіяся и въ нашемъ обществѣ; вѣримъ въ однѣ лишь идеи нашей эпохи, уважаемъ не интересы отдѣльныхъ сословій, а интересы цѣлаго народа, и съ этой-то точки зрѣнія смотримъ на всѣ современныя событія у насъ и въ Европѣ, на всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, на всю обста-

новку общественной жизни, и вообще на всю массу дѣлъ, вопросовъ и заботъ, занимающихъ умъ и сердце современнаго человѣка. Насколько будетъ возможно, мы будемъ высказывать наши воззрѣнія, но во всякомъ случаѣ просимъ нашихъ читателей не быть слишкомъ строгими къ намъ во всемъ, что касается выполненія нашей задачи, и вѣримъ, что они въ этомъ отношеніи будутъ къ намъ вполнѣ справедливы.

Поставляя себѣ цѣлью, какъ можно болѣе удовлетворить современнымъ требованіямъ читающей русской публики, мы увеличиваемъ съ будущаго 1862 г. число постоянныхъ рубрикъ нашего журнала, согласно съ утвержденной программой, извѣстной публикѣ изъ прежнихъ нашихъ объявленій, и объ этомъ скажемъ теперь нѣсколько словъ:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ: повѣсти, разсказы и стихотворенія, преимущественно оригинальныя и имѣющія соціальное значеніе; также статьи историческія, политическія, экономическія и научныя. Принимая вообще литературу и науку за средство къ развитію нравственныхъ и умственныхъ силъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ обществъ, мы будемъ руководствоваться этимъ взглядомъ и въ выборѣ печатаемыхъ статей. Бѣдность и упадокъ нашей современной литературы, можетъ быть, лишатъ насъ возможности вести этотъ отдѣлъ именно такъ, какъ бы мы желали; но мы ручаемся за одно, что съ нашей стороны употреблены будутъ всѣ средства и усилія, чтобы сдѣлать его интереснымъ. Редакціи журналовъ не могутъ создавать талантовъ, и относительно произведеній изящной и научной литературы болѣе всего поставлены въ зависимость отъ постороннихъ причинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ будетъ заключать въ себѣ: 1) **Обозрѣнія** текущихъ событій, извѣстія **политическія**, внѣшнія и внутреннія, обозрѣніе **законодательства** и **администраціи, офиціальныя** извѣстія, передовыя статьи по этимъ предметамъ; **производства** въ чины, **опредѣленія** и **перемѣщенія** по гражданской и военной частямъ, и всякаго рода другія извѣстія, имѣющія какой либо интересъ и значеніе. 2) Сводъ извѣстій и постановленій **по крестьянскому дѣлу,** заимствованныхъ изъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ источниковъ. 3) **КРИТИЧЕСКУЮ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКУЮ** хронику о журналистикѣ и литературѣ, русской и иностранной. 4) **ТЕАТРАЛЬНЫЯ и МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.** 5) **БИР-**

ЖЕВУЮ и АКЦІОНЕРНУЮ хронику. 6) **ФЕЛЬЕТОНЪ,** заключающій въ себѣ городскія, провинціальныя и иностранныя неполитическія извѣстія.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, гдѣ, между прочимъ, будетъ **СПРАВОЧНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ,** въ которомъ соединены будутъ свѣдѣнія, относящіяся къ ежедневнымъ практическимъ потребностямъ жителей Петербурга, именно: извѣстія о торгахъ, аукціонахъ, собраніяхъ акціонерныхъ обществъ и т. п.; цѣны акцій и другихъ бумагъ на здѣшней биржѣ; курсы: цѣны товаровъ; цѣны на съѣстные припасы; часы отхода почтъ, поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, омнибусовъ, и проч. и **свѣдѣнія объ** отдаваемыхъ въ Петербургѣ **квартирахъ, дачахъ** и другихъ помѣщеніяхъ; свѣдѣнія эти будутъ собираемы отъ Редакціи. *Эта послѣдняя рубрика нашего справочнаго листка* открывается, по желанію многихъ здѣшнихъ домовладѣльцевъ и имѣетъ цѣлью служить посредникомъ между пріискивающими и отдающими квартиры. Въ особенности Справочный Листокъ можетъ быть практически полезенъ для пріѣзжающихъ въ столицу и незнакомыхъ съ условіями здѣшней жизни.

Наконецъ, въ видѣ прибавленія къ »РУССКОМУ МІРУ« будетъ издаваться при немъ съ 1862 года САТИРИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ СЪ КАРИКАТУРАМИ «**ГУДОКЪ**», о составѣ и характерѣ котораго говорится ниже. Подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ» получаютъ «**ГУДОКЪ**» безплатно.

Изданіе при «РУССКОМЪ МІРѢ» въ текущемъ 1861 году **музыкальныхъ приложеній** имѣло успѣхъ выше всякихъ ожиданій; болѣе половины подписчиковъ, получившихъ одну газету, абонировались въ теченіе года и на музыкальныя приложенія. Желая и въ этомъ отношеніи удовлетворить потребности публики, мы увеличиваемъ съ 1862 года число музыкальныхъ пьесъ и самый объемъ ихъ: музыкальныя приложенія (всего до **70** пьесъ) въ теченіе года будутъ составлять до **800** страницъ собственно нотъ, на лучшей веленевой бумагѣ. Разсылаемыя подписчикамъ, еженедѣльно, музыкальныя пьесы составятъ въ теченіе года **три** тома, отъ **250** до **300** страницъ каждый, на которые, въ концѣ каждой трети года, высылаемы будутъ изящныя обертки съ оглавленіемъ пьесъ, составляющихъ томъ. Такимъ образомъ для подписчика каждая музыкальная пьеса обойдется съ пересылкою около **6** коп. сер.

Отличительная особенность нашего времени, безспорно, необыкновенное разнообразіе, съ которымъ совершается движеніе событій, законодательства, административныхъ мѣръ и проч., такъ что одно простое сообщеніе извѣстій, касающихся современной общественной и политической жизни, обременяя лишь массой и разнородностью свѣдѣній вниманіе читателя, и удовлетворяя одному лишь минутному любопытству, не можетъ произвести на него того общаго и цѣльнаго впечатлѣнія, которое можетъ быть достигнуто группировкой, обобщеніемъ и уясненіемъ событій, постановленій и административныхъ мѣръ; поэтому мы находимъ, что изданія, выходящія болѣе одного раза въ недѣлю, и, слѣдовательно, неимѣющія ни возможности, ни времени обобщать и объяснять всего того, что печатаютъ на своихъ столбцахъ, не удовлетворяютъ самой насущной и самой важной потребности общества,—именно: яснаго сознанія современнаго положенія дѣлъ; доказательствомъ этому можетъ служить, между прочимъ, то, что наши ежедневныя газеты не имѣютъ никакой инициативы для общественнаго мнѣнія, которая вся нераздѣльно принадлежитъ ежемѣсячнымъ журналамъ. Желая содѣйствовать читающей публикѣ въ наиболѣе ясномъ и наглядномъ усвоеніи общаго понятія о текущихъ дѣлахъ, а также и въ слѣдствіе того, что журналы посылаются въ провинціи по тяжелой почтѣ, причемъ, конечно, теряется уже быстрота въ сообщеніи извѣстій,—мы рѣшились съ 1862 г. ограничиться выпускомъ нумеровъ «РУССКАГО МІРА,» вмѣсто двухъ, **только одинъ разъ въ недѣлю**, отъ **4** до **5** печатныхъ листовъ въ каждомъ; всего же, за исключеніемъ пасхальной недѣли, въ которую вовсе не будетъ выпуска, въ годъ выйдетъ **51** нумеръ.

На 1862 годъ предлагаются подписчикамъ, уплатившимъ подписную сумму за цѣлый годъ, по выбору, одна изъ слѣдующихъ **ПРЕМІЙ:** 1) **Первый томъ сочиненій А. Ѳ. Писемскаго,** заключающій въ себѣ: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедію «Ипохондрикъ». 2) **Второй томъ,** заключающій: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и разсказы: «М—г Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедію «Раздѣлъ» и критическую статью «Разборъ сочин. Н. В. Гоголя». 3) **Третій томъ,** заключающій разсказы: «Плотничья артель», «Старая барыня», романъ «Тысяча душъ» съ передѣланной главой во 2-й ча-

сти; драму «Горькая Судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ» (*). 4) **Аскольдова могила,** А. Верстовскаго. 5) **Травіата,** Верди. 6) **Севильскій Цирюльникъ,** Россини. 7) **Трубадуръ,** Верди. 8) **Марта,** Флотова. 9) **Фенелла** (Muette de Portici), Обера. 10) **Балъ-Маскарадъ,** Верди. 11) **Арольдо** (Стифеліо). Верди. 12) **Іоанна Гусманъ** (Сицилійскія Вечерни), его же. 13) **Виндзорскія кумушки,** Николаи и 14) **Страделла,** Флотова. (Всѣ означенныя оперы аранжированы для фортепьяно въ 2 руки).

Всѣ годовые подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ», получая каждогодно, въ видѣ преміи, одинъ изъ выпусковъ предпринятаго съ 1861 года изданія «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ», постепенно могутъ составить безплатно избранную библіотеку изъ сочиненій русскихъ писателей. Кромѣ полученія каждогодно въ премію по одному выпуску означеннаго изданія, всѣ годовые подписчики на «РУССКІЙ МІРЪ» имѣютъ право, наравнѣ съ подписчиками на самое изданіе «Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ», получать по **1** р. **50** к., а съ пересылкою по **2** р. каждый выпускъ, цѣна котораго въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно дороже и не менѣе **2** р. **50** к. сер. Предоставляется также право всѣмъ подписчикамъ на «РУССКІЙ МІРЪ» пріобрѣтать музыкальныя изданія О. Стелловскаго (въ числѣ **4,500** сочиненій) съ уступкою **50%**. Подробный каталогъ онымъ разсылается всѣмъ подписчикамъ безденежно.

Цѣна на **РУССКІЙ МІРЪ и ГУДОКЪ, безъ музыкальныхъ приложеній:**

На годъ:	Безъ доставки	**6** р.
	Съ доставкою на домъ	**7** —
	Съ пересылкою по почтѣ	**8** —

На **полгода** уплачивается половина этихъ цѣнъ.

На **РУССКІЙ МІРЪ и ГУДОКЪ, съ Музыкальными приложеніями:**

на годъ:	Безъ доставки	**10** р.
	Съ доставкою на домъ.	**11** —
	Съ пересылкою по почтѣ.	**12** —

(*) *Первые два тома соч. А. Ѳ. Писемскаго вышли уже въ свѣтъ и поступили въ продажу, а третій томъ выйдетъ въ ноябрѣ сего 1861 года.*

На полгода съ музыкальными приложеніями подписка не принимается, равно какъ не принимается подписка и на одни музыкальныя приложенія безъ журнала **РУССКІЙ МІРЪ.**

Редакція «РУССКАГО МІРА», принимая въ соображеніе матеріальныя средства большинства нашей читающей публики и желая облегчить подписку на годовое изданіе журнала, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, что она допускаетъ разсрочку въ уплатѣ подписной суммы чрезъ гг. казначеевъ по третямъ или по мѣсяцамъ; равнымъ образомъ и лица другихъ сословій могутъ пользоваться правомъ разсрочки, съ тѣмъ, что гг. иногородные должны высылать на пересылку за цѣлый годъ, а подписную сумму уплачивать впередъ, не менѣе какъ за треть года.

ГУДОКЪ,

САТИРИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

Будетъ выходить съ **1** *января* **1862** *года еженедѣльно, въ видѣ прибавленія къ «Русскому Міру», по одному печатному листу въ каждый нумеръ, подъ редакціей* **Обличительнаго поэта.**

Характеръ и составъ этого листка мы опредѣлимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Отрицаніе во имя честной идеи, сатира и юморъ, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, преслѣдованіе грубаго и узкаго обскурантизма, произвола и неправды въ нашей русской жизни,—вотъ тѣ начала, которыми будетъ руководствоваться редакція «ГУДКА». Твердое убѣжденіе, оправданное не разъ опытомъ, привело насъ къ смѣлой увѣренности, что полное отрицаніе и осмѣяніе всего пошлаго и темнаго въ нашей общественной жизни приноситъ обществу несомнѣнную пользу. Мы вѣримъ въ смѣхъ и въ сатиру не во имя «искуства для искуства», но во имя жизни и нашего общаго развитія; однимъ словомъ, мы вѣримъ въ смѣхъ, какъ въ гражданскую силу... Помогая общему дѣлу литературы, мы принимаемся за него съ полнымъ уваженіемъ и любовью. Все, что будетъ намъ по силамъ, мы постараемся сдѣлать.

СОСТАВЪ **ГУДКА** БУДЕТЪ СЛѢДУЮЩІЙ:

1) **Небольшіе разсказы, очерки** и **сцены** изъ русской жизни.

2) **Сатирическія** и **юмористическія** стихотворенія.

3) **Вчера** и **Сегодня** — общественная хроника.

4) **Афоризмы, эпиграммы, вопросы, мелкія замѣтки** и пр.

5) **Провинціальная хроника.**

6) **Каррикатуры.**

Открывая при ГУДКѢ отдѣлъ провинціальной корреспонденціи, мы просимъ сообщать намъ факты изъ губернской жизни, не стѣсняясь ни формой статей, ни литературнымъ изложеніемъ.

Желающіе получать ГУДОКЪ **отдѣльно** отъ РУССКАГО МІРА, платятъ за годъ безъ перес. 4 р. с., съ перес. и доставкою на домъ 5 р. с.

Бывшіе подписчики на **ГУДОКЪ** *имѣютъ право получать этотъ листокъ безплатно на полгода, для чего благоволятъ сообщить въ Контору Русскаго Міра настоящіе свои адрессы.*

Подписка принимается: **въ С. Петербургѣ:** Въ главной конторѣ журнала «РУССКІЙ МІРЪ», въ музыкальномъ магазинѣ **Ѳ. Стеллонскаго**, поставщика Двора Его Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27. Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной. **Въ Москвѣ:** Въ музыкальномъ магазинѣ К. Ленгольда.

Редакторъ **А. ГІЕРОГЛИФОВЪ.**
Издатель **Ѳ. СТЕЛЛОВСКІЙ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Предпринятое съ 1861 г. изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ** имѣетъ цѣлью—

совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библіотекъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какое либо сочиненіе, вышедшее изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабаго распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы, то для наибольшаго распространенія, настоящее изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, подобно таковымъ же заграничнымъ, печатается въ два столбца, компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе 50%, а слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Въ порядкѣ изданія Сочиненій Русскихъ Авторовъ не будетъ соблюдено хронологической постепенности, а сначала будутъ издаваемы преимущественно сочиненія авторовъ, не бывшихъ еще изданными въ полномъ собраніи; въ 1861 г. будетъ издано не менѣе трехъ выпусковъ, а въ послѣдующіе годы число выпусковъ увеличено будетъ до 10 и болѣе въ теченіе года; вслѣдъ за окончаніемъ печатанія сочиненій **А. Ѳ. Писемскаго** будутъ изданы сочиненія русскихъ сатириковъ: Кантеміра, Фонъ-Визина, Грибоѣдова и другихъ.

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ 35 до 50 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ, приблизительно, будетъ простираться до 50.

Выходящіе въ 1861 году три выпуска заключаютъ въ себѣ сочиненія **А. Ѳ. Писемскаго**, *просмотрѣнныя и передѣланныя авторомъ*. (Съ портретомъ автора, при третьемъ томѣ).

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедія «Ипохондрикъ».

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и разсказы: «Мг. Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя».

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной первой главой 2 части; драма «Горькая судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ».

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго выпуска **три р.**, на пересылку за два фунта; а по подпискѣ на нижеозначенныхъ условіяхъ.

Каждая изъ помянутыхъ пьесъ издана и отдѣльно въ шестнадцатую долю листа, въ одинъ столбецъ; цѣны публикуются въ «Русскомъ Мірѣ».

НА ИЗДАНІЕ ЭТО ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ **три** руб. за право получать какъ имѣющіе выйти въ свѣтъ въ 1861 году три выпуска **Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, такъ и всѣ послѣдующіе выпуски этого изданія (35—50 листовъ каждый), уплачивая потомъ за каждый выпускъ только по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ 2 руб.; въ отдѣльной же продажѣ каждый выпускъ будетъ стоить не менѣе 2 руб. 50 коп. сер., смотря по суммѣ, за которую будетъ пріобрѣтаемо право на изданіе сочиненій того или другаго автора. Затѣмъ, послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ**, выданы будутъ подписчикамъ безплатно.

На полученіе всѣхъ выпусковъ изданія **Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ** по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ по 2 руб. безъ уплаты впередъ трехъ рублей,—предоставляется право: студентамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и всѣмъ вообще учебнымъ заведеніямъ; полковымъ и корпуснымъ библіотекамъ и подписчикамъ на журналъ «РУССКІЙ МІРЪ», которые, получая каждогодно по одному тому изданія **безплатно** и имѣя право пріобрѣтать остальные по выбору, платя только по 1 р. 50 коп. за томъ, могутъ, такимъ образомъ, составить себѣ избранную библіотеку за весьма небольшую сумму, или даже и **безплатно** — изъ получаемыхъ ими въ премію томовъ.

Подписка принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, у Ѳ. Стелловскаго.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
и
СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ
въ 1862 году

будутъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, по тѣмъ же программамъ и въ тѣхъ же объемахъ, какъ и въ нынѣшнемъ.

ПРОГРАММА ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ.

I. Распоряженія Правительства.
II. Сельское хозяйство.
III. Домашняя медицина и Ветеринарія.
IV. Библіографія.
V. Біографіи хозяевъ и агрономовъ.
VI. Хозяйственная лѣтопись.
VII. Хозяйственныя извѣстія.
VIII. Торговыя извѣстія.
IX. Хозяйственныя замѣтки.
X. Объявленія.

Рисунки будутъ помѣщаемы въ каждомъ нумерѣ.

ПРОГРАММА СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА.

I. Извѣстія о разныхъ постановленіяхъ, касающихся до сельскаго сословія.

II. Статьи по всѣмъ отраслямъ практическаго сельскаго хозяйства.

III. Общепонятно изложенныя статьи по естествознанію.

IV. Разсказы изъ быта поселянъ; — о народныхъ предразсудкахъ, повѣрьяхъ и т. п.

V. Указанія на цѣны сельско-хозяйственны-хъ предметовъ въ разныхъ мѣстностяхъ, на работы и т. п.

Въ нужныхъ случаяхъ къ статьямъ будутъ прилагаемы рисунки.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА выходитъ *еженедѣльно* въ 4-ю долю листа большаго формата въ 16 страницъ.

СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ выходитъ *два раза въ мѣсяцъ* въ 4-ю долю листа меньшаго формата въ 8 страницъ.

Цѣна годовому изданію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ вмѣстѣ съ СЕЛЬСКИМЪ ЛИСТКОМЪ **три** руб. съ пересылкою и доставкою, а отдѣльно СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА **одинъ** руб. тоже съ пересылкою и доставкою.

Подписка на ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ вмѣстѣ съ СЕЛЬСКИМЪ ЛИСТКОМЪ и отдѣльно на СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ принимается въ конторахъ Редакціи:

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К° на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Иногородные могутъ адресоваться по слѣдующему адресу: *Въ Редакцію ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ и СЕЛЬСКАГО ЛИСТКА въ С. Петербургѣ.*

ХАРАКТЕРИСТИКИ

ИЗЪ

СРАВНИТЕЛЬНАГО ЗЕМЛЕОПИСАНІЯ И ЭТНОГРАФІИ,

приспособленныя, для домашняго и школьнаго образованія, (извѣстнымъ) *Вильгельмомъ Пютцомъ*. Часть 1-я, выпускъ 1-й. Переводъ М. Тихоновича. Цѣна (безъ пересылки) 1 р.

NB. Во 2-й томъ войдетъ, между-прочимъ, характеристика: 1) *Галиціи* и *Буковины;* 2) *Венгріи;* 3) *Семиградіи;* 4) *Кроаціи, Славоніи* и *Воеводины Сербской;* и 5) *Военной Границы.*

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 10-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Балува́ть — пировать.
Ба́рва — цвѣтъ, краска.
Ба́рзо-ра́но — очень рано.
Ба́рокъ — валёкъ (въ упряжи).
Бовку́нъ — волъ, запряженный въ-одиночку.
Бовть! — междометіе, выражающее плескъ воды.
Бридки́й — скверный, негодный.
Брижі — складки.
Буць! — бухъ!

Вздовшъ — вдоль.
Вій'е́ — дышло въ возахъ, предназначенныхъ для воловъ.
Ви́правити — отправить; проводить кого въ дорогу.
Ви́синовить—исключить изъ семьи; лишить наслѣдства.
Ви́солопити — высунуть языкъ.
Ви́трищити—(очі)—выпучить глаза.
Вщу́хнути—умолкнуть; присмирѣть, утихнуть.
Ви́хлюпати — выплескать.
Влада́ти — владѣть.
Воловйкъ—владѣющій многими волами.
Ворье́ — огорожа; дерево, употребляемое на огорожу.
Вруба́ти — отрубить (часть чего-либо).
Втруча́тись — вмѣшиваться; втиснуться куда.
В(У)ступа́ти — вступать; уступать; сбавлять цѣну.
Вьа́теръ — ятерь.

Гарбузіння — тыквянные стеблі.
Годова́ний — откормленный.
Ги́лі (понесли́ ги́лі) — гиль; чепуха.
Голдува́ти — отдавать почести, — должное.
Голомовзикъ — лысый. Голомо́зина—лысина.
Грасува́ти — разорять, истреблять.
Гужівочка — веревочка.
Гуртови́й — общій, общественный.
Гу́чно — звучно, громко.

Далебі — ей-богу, истинно.
Дзюба́тий—съ большимъ клювомъ, носомъ (о птицахъ).
Ди́бки (нарѣчіе) — ходить какъ маленькія дѣти.
Дигнита́рь — сановникъ.
Довбе́шка — долбня.
До-до́лу — на землю, на́полъ.
Дротяни́й — проволочный.
Дубора́—(пішло́ на голові волосся)—волоса стали дыбомъ.
Дикова́ти — исправлять должность дьячка.

Живцемъ — живьемъ.
Жи́лний — (четвергъ)—жилнимъ называется четвергъ послѣдней недѣли великаго поста.
Жлу́кто — неимѣющая дна кадка, въ которой парится бѣлье во время стирки.

За́вжде — всегда.
Загорну́ти—подчинить своей власти.
Замі́сць — вмѣсто.
Запороща́ти — зачастить, часто застучать брызгами, или зернами.
За́стібка — застёжка.
Засту́кати — захватить, поймать.
Затуркоті́ти — загремѣть, застучать (о возѣ и т. п.)
За́хистъ — закрытое, защищенное мѣсто.
Зведе́нникъ — сводникъ.
Зга́га — сжога.

Зла́пати — поймать; прибрать къ рукамъ.
Знегі́ддє — невзгода.
Зрина́ти—всплывать на поверхность воды.
Зуми́тись —изумиться.
Ізджа́лий — обученный, выѣзженный (конь).
И-гі-гі-гі!—звукъ, выражающій ржаніе лошади.
Ильнува́ннє — хожденіе женъ лицъ духовнаго званія по прихожанамъ за сборомъ разныхъ продуктовъ.
Кале́никъ — Калина.
Карто́пління — картофельные стебли.
Кача́лка — скалка.
Керува́ти — управлять (рулёмъ и т. п.).
Кі́зка — (умен.) — коза.
Кихъ-кихъ!—междометіе, выражающее смѣхъ.
Кло́ччяний — пакляной.
Колотне́ча — схватка, свалка.
Кресь-кресь! — междометіе, выражающее ударъ огнива по кремню.
Ку́блитись — угнѣздиться, усаживаться.
Кульба́ка — сѣдло.
Ку́па—кочка болотная.
Лестѝвий — льстивый, прельстительный.
Листо́вне (парѣчіе) — письмомъ.
Лома́чище — (увелич).— дубинка.
Ло́но — грудь.
Лопотіти — шумѣть (о чемъ-либо упругомъ, издающемъ при движеніи звукъ.)
Лу́снути — лопнуть; (въ переносномъ значеніи) умереть.
Ля́лечка — отъ — ля́ля — куколка; дитятко.
Ля́пати — хлопать.
Ля́снути (дверима) — хлопнуть.
Маховѝ (вила) — самыя длинныя, которыми мечутъ въ стога сѣно.
Майну́ти — поспѣшно уйти.
Мі́лощі — любовныя ласки.
Мі́тель — щолокъ
Мло́сть—тошнота, слабость отъ жару и т. п.
Мовчазли́вый — молчаливый.
Мотля́тись—шататься; ходить взадъ и впередъ.
Моро́ка—мученіе (мучиться съ кѣмъ нибудь, съ трудомъ совладать).
Мо́рокъ — мракъ.
Мусій — Мойсей.
Навдивовижу — на удивленье, на диво.
Навза́води — вовсю прыть.
Наврочити —сглазить.
Навті́шатись — натѣшиться; налюбоваться.
Нагоди́тись — нечаянно прибыть; случиться.
Надбли́зитись —приблизиться подступить.
Насторо́читись—приготовиться къ чему; насторочити уши— навострить уши.
На́сторчъ—стремглавъ, вертикально.
Не мігъ — (отъ могти) — не могъ.
Не́укъ— необученный (конь).
Нечу́тно — неслышно.
Нобилита́ція — возведеніе въ дворянство.
Нявчити, ня́вкати — мяукать.
Ня́ти вірн — вѣрить.
Оба́та — гауптвахта.
Обі́тниця — обѣщаніе.
Обі́ймище — обхватъ.
Обробі́ти — обдѣлать.
Одві́чний — вѣчный.
Односе́рде—единодушно, согласно.
Односта́йне — единодушно.
Одштовхну́ти —оттолкнуть.
Озліть — злость; досада.
Оклу́нокъ — небольшой, или недосыпанный мѣшокъ.
Опана́съ — Аѳанасій.
Опері́шити — сильно ударить.
Осторо́га — предостереженіе.
Ота́борювати — укрѣпляться въ таборъ, окружать войско связанными, одинъ съ другимъ, возами.
Оте́цький — отцовскій.
Охля́пъ — (парѣчіе) — безъ сѣдла.
Па́ливо — отопленіе.
Пи́льно —внимательно.
Письма́къ — грамотѣй.
Підхопи́ти — подхватить.
Поблизу́ — неподалеку; вблизи.
Повзти — ползти.
Пода́тись — податься; отступить.
Пода́токъ — подать.
Позахо́плювати — позахватывать.
Полоте́нко — (умен). полотно.
Полохли́вий — пугливый.
Полу́драбокъ — боковая часть воза, имѣющая видъ лѣстницы (драбини), бокомъ положенной.
Полюва́ннє — охота; преслѣдованье врага на военномъ полѣ.
Поля́пати — похлопать.
Поме́рлий — умершій.
Помі́ — помои.
Помили́тись — ошибиться.

Но́мста — отмщеніе.
Потлуми́ти — подавить, стѣснить.
Потребѝзна — потребность.
Поту́ха — на потуху — на похмѣлье.
По́уаъ — подлѣ, вблизи, мимо.
Пошахрува́ти — обмануть; пустить туманъ въ глаза.
Пристроми́ти — приткнуть.
Прити́чина — необыкновенный случай; помѣха.
Причі́локъ — та наружная сторона хаты, которой соотвѣтствуетъ внутренняя стѣна съ образами.
Прѝпшта — притча.
Про́весна, провесень — начало весны.
Проклятýщий — (увел) проклятый.
Прѝдка (волосся)—пучекъ волосъ.
Прѝсти (ушима) — мотать ушами.
Псува́ти — портить.

Рабо́ваний — награбленный.й
Рабу́нокъ — награбленная добыча.
Розбиша́цтво — разбойничество.
Розру́хъ — смута; безладица.
Роспу́дити — распугать; разогнать.
Роспусти́ти патёки — (въ перен. смыслѣ, расплакаться.
Росціпити — рознять.
Росто́ржа — конецъ ярмарки; начало ярмарочнаго разъѣзда.

Свячёний —освященный.
Сёгобо́чний — находящійся на этой сторонѣ.
Скрути́тись — взбѣситься.
Сису́нъ — самый молодой жеребенокъ.
Спёка — жара.
Спотикну́тись — споткнуться; остудиться.
Стрижчя́ — годовалый жеребенокъ, съ подрѣзанной гривой.
Струїти — отравить.
Стя́жка — полоса.
Суходо́лле — материкъ.
Су́чка — сука.

Таемни́ця — тайна.
Таншъ —дешевле.
Та й годі — и только.
Теревёні (пра́вить) — лясы разводить; балясничать.
Третѝна —третья часть.
Трісь, трісь! — междометіе, выражающее трескъ.
Тридця́токъ — тридцать.
Трѝхи-мнѝхи — штуки.
Трусѝти ко́мінъ — чистить трубу.
Трюхи́кати — бѣжать трусцой.
Тулѝтись — скитаться.

Узёсенький — (умен.) — узкій.
Улу́чити — попасть; нацѣлить.
Упну́тись — упереться.
Упо́вні — полный (о лунѣ.)
Упо́рати — управиться съ дѣломъ.
Урі́вні — въ уровень.
Уривокъ — кусокъ (веревки).
Устроми́ти — воткнуть.
Учта — пиръ.
Ущу́хнути — утихнуть; успокоиться.

Харапу́дитись — принимать пугливый видъ.
Хапъ! — хватъ.
Хѝмороди — (гна́ти) — штукарить, причудничать, колдовать.

Чапке́нько — скоренько.
Чудува́тись—удивляться, дивиться.

Шия́ка — (увелич.) — шея.
Шкарлу́па — скорлупа.
Шкурато́къ—кусокъ простой кожи.
Шла́нтю — рысцой.
Шугати—летать, (собственно означаетъ производить шумъ во время полета.)

Що́-ночі — каждую ночь.